

И. Ю. Васильев
Советская и постсоветская Кубань.
Социальная история и повседневность села.

И.Ю. Васильев. Советская и постсоветская Кубань. Социальная история и повседневность села. –М.: ООО «Традиция», 2019. – 296 с.

Аннотация.

В книге сквозь призму повседневности показаны основные тенденции социальной истории Кубани в советский и постсоветский период. Это, прежде всего, уничтожение традиционной самоорганизации кубанских станичников, их коллективов выживания. Одновременно происходило огосударствление хозяйства и быта, создание крупного индустриального производства, которое достигло значительных успехов к концу третьей четверти XX века. Но, лишенный опоры на самоорганизацию, новый индустриальный уклад к концу XX века оказался в состоянии системного кризиса.

В работе нашли отражения события Гражданской войны, коллективизации, Великой Отечественной войны и пр..

Оглавление

Введение... 2

1. Коллективы выживания кубанских казаков...34

Гибель старого мира... 43

1. Гражданская война в устной истории кубанских станиц...43

2. Конец традиционного быта – коллективизация и репрессии...62

3. Голод 1933 года...74

4. Усиление влияния государства на жизнь общества...79

5. Борьба с религией и изменения в культуре...83

Синтез старого и нового...90

1. Великая Отечественная война (жизнь в тылу)...90

2. Послевоенные трудности, голод 1947 года... 101

3. Развитие инфраструктуры и производства,
дальнейшее «огосударствление» уклада жизни...105

4. Кубанский колхоз эпохи застоя:
сельская повседневность в рассказах очевидцев...117

6. Культура последней трети XX века Соотношение и взаимодействие традиционной культуры и «новых веяний»...129

Вместо созидания – усвоение...131

1. Кубань:

изменения в укладе жизни последней четверти XX века...131

2. Кубанцы: ситуация начала XXI века...142

Заключение...155

Приложения...156

Список использованных материалов...183

Введение

Накопленная источниковая база в сочетании с новыми методологическими разработками позволяет в наше время использовать всё разнообразие подходов к региональной социальной истории, истории повседневности. Пример этому – и наша работа.

Для начала рассмотрим мировоззренческие основы ее методологии.

Философско-методологической основой работы являются моноцентрический плюрализм и некоторые элементы социогнозиса (концепция коллективов выживания, циклизм, ограниченность эффективности моделей организации общества), которые были разработаны мною под псевдонимом «Семён Резниченко».

Под плюрализмом понимается разнообразие исследуемых исторической наукой объектов и явлений, разнообразие целей, которые могут стоять перед исследователем, и разнообразие путей их достижения. Также постижение любого объекта или явления истории при использовании любой методологии включает в себя как объективную, относительно достоверную, так и субъективную и (или) более или менее недостоверную составляющие. Причем соотношение этих составляющих может представляться разным, если рассматривать работу исследователя с разных точек зрения, в зависимости от целей, стоящих перед читателем. Однако при полноценном историческом познании тот или иной процент достоверности всегда присутствует.

Моноцентричность заключается в том, что исследователь или группа исследователей изучает ограниченное количество объектов и явлений, ставит при этом ограниченное количество целей (как правило, главных и второстепенных) и располагает для их достижения ограниченным количеством методик.

При этом возможности достижения полноты решения исследовательских задач, особенно масштабных, в той или иной степени ограничены, так же как и эффективность методик их достижения.

Традиционно методологический (историософский) плюрализм в исторической науке понимается как разнообразие концепций, у которых разные адепты, и которые если и сводятся в нечто единое, то лишь потомками [1].

Но плюрализм как свободное использование разных подходов и концепций в зависимости от исследовательской задачи одним и тем же исследователем все более становится нормой. Плюралистическая методология исторического знания уже достаточно подробно описана отечественными методологами. По мнению А. В. Лубского, «...в ходе исторического исследования ученый, учитывая специфику его предмета и характер познавательных задач, сознательно выбирает те способы их решения, которые должны дать необходимый научный результат. При этом в зависимости от специфики предметной области и задач исследования историк легко переходит от одного типа интерпретации к другому, меняя методологические позиции. Вместе с тем принцип плюралистической интерпретации истории содержит требование, согласно которому любая из удачных интерпретаций исторической реальности является ограниченной и поэтому не может быть экстраполирована в качестве универсальной методологии на весь процесс исторического познания [...].

Смысл методологической установки, связанной с плюралистической интерпретацией истории, состоит в том, что по отношению к предмету исторического исследования можно сформулировать множество исследовательских задач, приоритетность которых зависит от методологического сознания исследователя. Однако по отношению к

определенному классу исследовательских задач применяется, как правило, свой специфический способ их решения, давший в рамках определенной познавательной парадигмы необходимый научный результат.

Принцип плюралистической интерпретации истории имеет когнитивную сопряженность с такими концепциями онтологического содержания, как

«многослойность социальной реальности» и «многолинейность социального развития». «Многослойность» социальной реальности связана с тем, что каждое новое состояние общества сохраняет в себе так или иначе прежние свои состояния с их интересами, ценностными установками и символическими рядами. Важным следствием «многослойности» социальной реальности выступает ее многозначность [...]. Поэтому многозначность социальной реальности является следствием вычленения каждым действующим субъектом в ее составе и конструкции собственного смысла.

В исторической науке концепция «многослойности социальной реальности» трансформировалась в теорию «многомерности исторического процесса» [2]. «Многомерность, – пишет Ю. А. Поляков, – это понимание исторического процесса как комплексного, отражающего многослойность всех существующих человеческих обществ и множественность влияющих на него локальных и всеобщих, постоянных и преходящих факторов». При этом он отмечает, что «при таком многообразии русел и факторов, из которых складывается исторический процесс, легко выделить одно из русел или гипертрофировать его роль, оставляя в тени другие, умаляя их значение, замалчивая их связи и взаимодействие» [...].

Одной из особенностей сложившейся методологической ситуации в исторической науке является то, что «в современном научном мире, как подчеркивают некоторые исследователи, почти не осталось серьезных историков, которые бы с такой страстью, как еще совсем недавно, отстаивали тезис

о возможности и необходимости единого подхода к истории, отражающего одну, единственно верную историческую теорию, способную охватить и передать весь широкий спектр многообразного и многослойного мира истории с его разнообразными особенностями, сложностями и противоречиями, не поддающимися никаким, даже самым основательным и тщательно продуманным, единым схемам и моделям развития». В результате в методологическом сознании историков наметился переход от монистической интерпретации истории к плюралистической» [2].

Однако нельзя забывать и том, что, при всем плюрализме, степень близости к реальности различных точек зрения и концепций далеко не одинакова! Особенно это очевидно при решении конкретных, достаточно узких исследовательских задач. Поэтому моноцентричность в моноцентрическом плюрализме подразумевает иерархию концепций и точек зрения, по крайней мере, при решении конкретной задачи.

Почти любая теория хороша, если точно знать время, место и проблематику, к которым ее можно применить. И почти любая теория оказывается ложной, когда выходит за временные и географические рамки. Но практически любой ученый стремится генерализировать свои взгляды. Это объясняется спецификой психологии научной среды как конкурентной, а также прямой практической необходимостью (вплоть до «того самого» получения финансирования).

Также в рамках некоторых научных направлений особый упор делается на поиск недостоверности и иррациональности в историческом знании: политической, этнической,

психологической и другой ангажированности исследователя, роль интуиции в научном познании и пр.

Ангажированность присутствует в исследованиях почти всегда, так же как она почти никогда не бывает абсолютно полной, определяющей всё и вся в конкретном исследовании.

Четкие дефиниции в любом случае необходимы, поскольку существование научного знания без достаточно четких категорий может лишиться объекта приложения своих усилий как таковых.

И над всеми принципами и концепциями возвышается хорошее знание достоверных источников, необходимых для решения исследовательской задачи.

Таким образом, моноцентрический плюрализм позволяет совмещать широкие и гибкие категориальные рамки со вниманием к единичному, свободно и точно выбирать методологические принципы, необходимые для достижения поставленной исследовательской задачи. Пусть абсолютно достоверное знание существует лишь как возможность, недостижимая в реальности, поскольку рационализации и вербальному описанию вообще доступна лишь часть реальности. Но к осуществлению этой возможности, по крайней мере, надо стремиться максимально приблизиться [3].

Само историческое событие (явление) во всей его полноте непознаваемо, взгляд отдельного человека на историческое событие (явление) необъективен. Но достоверный сегмент знания все же существует, он имеет как синхронную, так и диахронную специфику.

Наиболее объективно то, что по поводу исторического события (явления) вынуждено признавать большинство историков вне зависимости от своих личных особенностей. Чем лучше изучен предмет, тем больше сегмент знания, признаваемого достоверным большинством специалистов.

Но представление о каком-либо историческом явлении может сильно меняться со временем. С этой точки зрения наиболее достоверным является наиболее стабильная, неизменная часть знания об этом явлении.

Поэтому мы можем располагать достаточно достоверной информацией о любой масштабной проблеме, если она изучалась большим числом несхожих друг с другом исследователей и в течение достаточно долгого времени. Также очень важно наличие надежно доказанных фактов, которыми оперируют практически все участники дискуссий по проблеме [4].

Необходимо также учитывать специфику объекта и предмета исследования. Советский и постсоветский периоды истории Кубани отличаются значительной внутренней изменчивостью. Мы рассматриваем отрезок истории региона, когда завершается прежний исторический период, начинается, достигая апогея, новый и успевает начаться следующий. Причем каждый новый этап во многом отрицает предыдущий. Для осознания подобных процессов необходима историософская концепция, включающая в себя представления о разнонаправленности, прерывистости и циклизме общественных процессов и тенденций. Такой концепцией является социогнозис.

Приступая к изучению столь внутренне неоднородного исторического периода, необходимо иметь в виду, что любой социальный институт или проект имеет коэффициент полезного действия. Его эффективность не может быть выше определенного уровня, он требует затрат и усилий также не меньше определенного уровня. Какой-либо институт или проект может приносить пользу лишь в ограниченной

сфере социальной жизни. Также практически ни один институт или проект не может быть эффективным бесконечно долгое время.

Однако материальные вложения почти всегда недостаточны, а требования, предъявляемые обществом к институту или проекту, почти всегда завышенные. Институт, проект и прочее нередко объявляется и воспринимается чем-то сверхценным, что позволяет привлечь в них дополнительную энергию человеческих усилий без дополнительных материальных вложений.

В течение определенного промежутка времени дополнительные усилия за счет сверхценности социального института либо проекта могут принести существенную пользу всему обществу. Однако со временем на жизнеспособности всего общества может негативно сказаться недостаток усилий и внимания в отношении других институтов или проектов. Также социальный институт или проект может оказаться чрезмерно зависимым от приписанной ему сверхценности и не сможет существовать без привлечения дополнительных усилий, если даже в данный момент их нужно прилагать в иной сфере общественной жизни.

С подобными трудностями рано или поздно сталкивается практически любое человеческое сообщество, поэтому вряд ли какое-либо из них может претендовать на бесконечное существование, как не бывает вечных вещей, приборов и физических тел.

Однако из вещества, оставшегося после исчезновения физических тел, возникают другие. Из исчезнувших человеческих сообществ традиционно возникали иные, более или менее преемственные по отношению к прежним.

Специфика полноценного традиционного общества (культуры выживания) заключается в том, что в таком обществе действует принцип относительно рационального распределения средств и усилий между институтами и проектами в зависимости от их значимости для воспроизводства сообщества, действует механизм достаточно быстрого перенесения статуса сверхзначимости с одного социального института или проекта на другой, например, с празднеств и религиозных церемоний, постов на сельскохозяйственные работы.

Такое общество не может обеспечить очень быстрый и грандиозный кратковременный результат в какой-либо сфере общественной жизни за короткое время. Однако общество культуры выживания способно к долговременному существованию, самовозрождению.

В рамках культуры достижения (например, новоевропейской) широко практикуется осознание какого-либо социального института или проекта как сверхценного на длительное время для значительной части общества, привлечение для реализации отдельного проекта максимума энергии, ресурсов и усилий. В роли сверхценного проекта могут выступать интеллектуальное развитие, потребление материальных благ, принципы либерализма или религия.

Принципы культуры достижения могут дать быстрый и грандиозный эффект, но построенное на них общество быстро изнашивается и теряет способность к воспроизводству. Какие-либо социальные проекты и институты слишком часто объявляются панацеей от всех бед и применяются совершенно не по назначению, по принципу «будем забивать гвозди микроскопом и смотреть гвоздями». Например, уровень счастья в обществе очень долго напрямую увязывался с уровнем материального благосостояния, хотя связь того и другого на практике оказалась не столь очевидной. Чрезмерные усилия, особенно на поздних этапах культуры достижения, оказываются совершенно бесплодными.

Однако и общества, основанные на принципах культуры выживания, существуют не бесконечно. Они часто гибнут из-за неспособности общества сосредоточиться на решении небольшого количества крайне важных задач. Скорее, успешно воспроизводит себя принцип культуры выживания в сообществах, сменяющих друг друга после исчезновения предыдущих.

Поэтому надо иметь в виду, что общество может находиться в гармоничном, если не в идеальном состоянии. Когда усилия, материальные ресурсы и сверхусилия верно распределены между проектами и социальными институтами, деятельность этих проектов и институтов приносит пользу обществу как единому целому. Яркие фанатики и мыслящие рационалисты не слишком мешают друг другу и сообща приносят благо обществу.

Однако описанное выше – отнюдь не константа жизни общества! Наоборот, подобные состояния имеют место не слишком долго, пока окрепшие тенденции, институты и проекты, группы людей не начинают конфликтовать друг с другом.

Состояние относительной социальной гармонии нужно воспринимать как некое окно возможностей, которое нужно использовать как можно более быстро и эффективно [5].

В целом все вышесказанное укладывается в модель исторического конуса – принципа описания истории, когда исторический процесс можно изобразить в виде вышеназванной геометрической фигуры.

Различные модели графического изображения исторического процесса существуют издавна.

Например, представление о круговом движении, «вечном возвращении» в одну точку, т. е. течение истории не приносит никаких изменений, все повторяется раз за разом, вплоть до реинкарнации людей, участвующих в событиях истории. Такая модель истории характерна для различных древних философских систем, представлена у даосов в книгах, таких как Библия и «Экклезиаст». К мифу о вечном возвращении активно обращались Фридрих Ницше и Мирча Элиаде.

Позже появилось представление о непрерывном изменении человека в истории и неповторимости содержания исторического процесса и исторических событий. Как сказал Гераклит, нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

Их этих представлений вытекла идея о линейном ходе истории, непрерывном изменении и развитии. Подобное представление переросло в идею о конкретном направлении прогресса (от простого к сложному и пр.).

Однако подобные представления очень часто совмещались с древними идеями цикличного, кругового хода истории. Прогресс и развитие нередко осмыслились как постепенное возвращение в изначальное состояние, которое

было потеряно людьми, но уже «на вечные времена», на более высоком, целенаправленном и осознанном уровне (например, христианская идея возвращения человечества в изначальное райское состояние в конце времён благодаря усилиям праведников). Марксисты осмыслили историю человечества как путь от первобытного коммунизма к коммунизму научному.

Из совмещения идей кругового и линейного развития истории родилась идея пути истории по спирали, т. е. основные моменты исторического процесса повторяются, но уже на новом уровне, в новых условиях.

Идея спирального хода истории должна совместиться с идеей периодического ускорения и замедления исторического времени, большей и меньшей интенсивности и

результативности исторических событий и процессов. Именно об этом, о неодинаковости исторического времени говорят факты. Например, прогресс науки достиг пика в XIX – первой половине XX века, после чего стал замедляться.

Отсюда возникает идея об историческом процессе как конусе. По крайней мере, это касается истории наиболее развитых обществ, долгое время существовавших и хорошо изученных культур.

В основе исторического конуса лежит медленное, почти круговое движение, вписанное во временные космические ритмы и циклы (например, годовые). Изменения накапливаются медленно.

Постепенно движение становится быстрее, стенки конуса формируются все более растягивающейся спиралью. На этом этапе истории внедряется в жизнь больше всего инноваций, происходят успешные реформы, делаются важные заимствования.

Затем конус заостряется и начинает стремиться к конечной точке. Ход истории еще более ускоряется, спираль растягивается, пространство внутри ее колец становится меньше. Инновации и заимствования стремительно сменяют друг друга, но они становятся все менее эффективными, гораздо менее полезными или затрагивающими жизнь людей.

Конечно, боковые стороны конуса редко бывают геометрически ровными, но тем не менее конус в целом верно передает «идеальный тип» исторического пути значительной и долго существующей культуры.

Также исторический путь такой культуры передается линией, которая под острым углом проходит от начальной точки на периметре круга – от основания конуса к его вершине. Чем больше градус угла, тем большие изменения произошли в ходе развития данной культуры, тем больше она породила всевозможных инноваций за конкретный отрезок времени. И чем меньше градус угла, тем меньше в истории развития культуры произошло изменений, меньше инноваций она породила также на один условный отрезок времени. Однако цивилизации с более «пологими» стенками конуса зачастую существуют дольше и могут дать больше инноваций, чем другие. Пусть и за более длительное время [6]. Вот как описывается модель развития общества, отчасти основывающаяся на построениях итальянского философа Дж. Вико:

Архаика

Характеризуется стабильностью и традиционализмом общества, медленными темпами изменений.

Длинный переходный период (модерн)

Иногда включает до трех этапов (ранний, средний и поздний). Характеризуется массовым и быстрым созданием материальных и культурных ценностей.

Кроткий переходный период (постмодерн)

Иногда может включать до двух периодов: ранний и поздний. Характеризуется разделом и усвоением накопленных ценностей.

Неофеодализм

Включат в себя переходный период и развитый неофеодализм. Наступает после уничтожения и исчезновения значительной части материальных и культурных

ценностей. Характеризуется возвращением многих элементов традиционного уклада, но уже в новом историко-культурном контексте.

«Джамбаттиста Вико считал, что все народы в последовательно проходят три стадии развития:

Божественную» эпоху (безгосударственную при господстве жречества); примерно соответствует архаике;

Героическую эпоху, отображенную в героических эпосах; примерно соответствует переходу от архаики к модерну;

Человеческую эпоху, описанную в традиции историографии; примерно соответствует зрелому и позднему модерну, постмодерну.

Достигнутое прогрессивное состояние общества, по Вико, необходимо сменяется стадией упадка к первоначальному положению. Практически полностью соответствует неофеодализму.

При этом Вико справедливо полагал, что степень разрушения предшествующего общественного организма тем значительнее, чем более высокий уровень зрелости и совершенства был им достигнут» [7].

Разумеется, у исторических конусов отсутствуют геометрически гладкие боковые поверхности. Несколько конусов могут находиться внутри одного (основание одного конуса опирается на вершину другого). Отдельные независимые конусы «складываются» в конусы истории макрорегионов и человечества в целом.

Однако подобные выводы можно делать лишь в отношении некоторых уже исчезнувших культур и цивилизаций, таких как древнеегипетская, месопотамская и античная. Для выводов о всеобщности закономерности конического развития истории человечества еще недостаточно данных исторических наблюдений, которые, вероятнее всего, могут быть накоплены лишь к XXII веку [8].

К тому же осмысление истории как описанного выше конуса подходит далеко не для всех исторических отрезков и культурных общностей.

Но в отношении социальной истории Кубани советского и постсоветского времени, раскрывающихся через процесс повседневности, мы можем говорить об изучении отрезка, включающего в себя начало быстрых изменений, рост и начало упадка. Будет ли относительная стабилизация начала XXI века отправной точкой нового этапа функционирования стабильной культуры, основанной на синтезе советских и досоветских традиций, покажет время.

Но для существования стабильного общества необходима его жизнеспособная самоорганизация, представленная коллективами выживания. Что же такое коллектив выживания? Это – минимальная группа людей, могущих совместно обеспечить своё существование, пользуясь услугами посторонних в минимальной степени. Основная цель коллектива выживания — культурное и физическое самосохранение и воспроизводство. Коллектив выживания - частный случай контактной группы. Его члены лично взаимодействуют друг с другом.

Такова характеристика коллектива выживания как идеального типа. На деле реальные коллективы выживания чаще всего активно сотрудничают друг с другом в рамках сетей

коллективов, выполняет только часть функций, необходимых для поддержки членов коллектива.

Другая важная характеристика коллектива выживания – это коллектив, посредник между семьёй (отдельным человеком) и обществом в целом (народом, государством). Коллектив выживания амортизирует давление на человека государственных и прочих структур, помогает человеку защититься от произвола сильнейших, пережить трудные времена, экономические и социальные кризисы и пр..

Коллектив выживания требует от человека соблюдения неких установленных в нём моральных норм, совместной деятельности на благо всего коллектива и других его членов.

Коллективы выживания, как правило, объединены в какие-либо более крупные структуры, например, этносы, церкви. Эти объединения строятся, помимо всего прочего, на основе солидарности, общности интересов.

Существует масса различных традиционных видов коллективов выживания. Это группы, организованные по родственному и территориальному принципам, религиозные сообщества. Известны как традиционные, так и модерные виды коллективов выживания, такие как территориальные органы самоуправления и самоорганизации. При этом коллективы выживания отличаются от других видов самоорганизации стабильностью, они чаще всего существуют на протяжении жизни нескольких поколений. Различные «краткосрочные» виды самоорганизации могут со временем превратиться в коллективы выживания, но не обязательно.

Достоинство дефиниции «коллектив выживания» - её гибкость, способность учитывать конкретную местную специфику малых коллективов, происходящие с ними изменения.

Научные исследования в рамках концепции коллективов выживания могут весьма разными. Например, направленными на выявление их локальной специфики (преобладания родственного либо территориального начала, роль конфессионального фактора, их взаимодействие; уровень разветвлённости сетей коллективов, специфика взаимодействия с государственными и потестарными структурами, другими видами самоорганизации). Очень важно установить степень автономности коллективов выживания и их сетей, набор выполняемых ими функций. Важно понять роли лидера и большинства членов коллектива выживания, а также принципы разделения – слияния коллективов, создания новых.

Коллективы выживания изучаются в рамках социологических и этнологических / антропологических исследований местных институтов семьи и устойчивых общинных структур, (например, комплекс концепций общинных исследований (community studies)), методики изучения функционирования социальных сетей с акцентом на их гибкость и изменчивость (social network), локальной и семейной истории. Немаловажен и психологический аспект.

При анализе функционирования коллективов выживания немалое значение имеет изучение конкретных проявлений реципрокации – взаимопомощи, взаимного обмена дарами, услугами, формирования соответствующих стереотипов поведения членов рода. А также редистрибуции - накопления части продукта, созданного в той или иной группе и последующего его распределения внутри той же самой группы [9].

Поэтому с помощью методологических установок моноцентрического плюрализма для описания социальной истории Кубани советского времени нами выбраны указанные выше элементы социогнозиса и представлений об историческом процессе в виде конуса

как наиболее подходящей концепции для раскрытия специфики переходного периода от традиционности к разным этапам посттрадиционности. К другим периодам и другим территориям методологические принципы пришлось бы подбирать заново.

В рамках изучения социальной истории и повседневности акцент сделан на наиболее доступных анализу элементах бытия, рассматриваются как исторические события и явления, так и отношение к ним людей.

Переходя к описанию литературы по конкретным вопросам, затронутым в работе, прежде всего, коснемся исследователей, изучавших вопросы самоорганизации. Необходимость сильных горизонтальных социальных связей, например, наличия дееспособной общины для формирования реально действующей системы ценностей и этических принципов, хорошо показана в работах П. И. Смирнова. От названных выше социальных связей во многом зависело выживание человека и сообщества как целого. Поэтому человек сознательно вырабатывал в себе качества, необходимые для сохранения сообщества и своих связей с ним [10].

Применительно к Кубани хозяйственную и этическую значимость самоорганизации и горизонтальных социальных связей подчеркивал еще великий кубанский ученый Ф. А. Щербина [11].

Особенности функционирования общин, развивающих местное производство и инфраструктуру, в современных условиях показаны в работах лауреата Нобелевской премии по экономике Э. Остром [12].

Деятельность локальной самоорганизации в условиях современной России, как в теории, так и на основе практической реализации проектов, рассмотрена в работах Г. В. Тюрина. Как и в работах Э. Остром, особое внимание в них уделяется взаимодействию самых разных групп местных жителей по территориальному принципу, а также необходимости увязывать развитие и поддержание местной инфраструктуры с развитием производства [13].

Различные коллективы выживания взаимодействуют друг с другом в рамках населенных пунктов. Проблема специфики организации общества на местном уровне во многом является проблемой специфики организации пространства населенного пункта. Еще такие корифеи антропологии и социологии, как Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Э. Дюркгейм, установили, что различные человеческие сообщества и социальные институты призваны выполнять определенный набор функций, среди которых одни из наиболее важных – обеспечение единства между людьми, обеспечение безопасности, создание условий для производственной деятельности. Для достижения этих целей сообщества должны иметь внутреннюю структуру, алгоритм взаимодействия их отдельных элементов. В течение XX столетия было доказано, что жизнь человеческих сообществ гораздо сложнее и не сводится к функциям и структурам. Однако они – наиболее рациональная и пригодная для объективного анализа их составляющая [14]. Населенный пункт – это максимально наглядная модель структуры общества и выполняемых им функций, привязанная к конкретной местности.

Пространство в народной картине мира в противоположность научному – «объективному» – его пониманию неотъемлемо от восприятия его субъектом и не абстрагировано от своего содержания. Основными, и при этом взаимообуславливающими, его характеристиками можно считать дискретность (взгляд на пространство как на набор локусов), неоднородность (представления о качественных различиях отдельных его частей) и конечность [15]. Согласно традиционному

восприятию концепта, место – это там, где человек занимается определенным видом деятельности. Специфика места определяется спецификой этой деятельности. Знать дело – значит знать место, и наоборот. Месту свойственна привязка деятельности к определенному времени (сутки, год и пр.). Месту присущ определенный набор вещей [16].

Поэтому любой населенный пункт имеет границу и внутреннее членение. Например, жилые дома по своему местоположению и функции отличны от производственных помещений, общественных зданий. Принципы поведения в этих разных локусах зачастую отличны. В рамках населенных пунктов всегда есть места общего пользования, состояние которых и поведение в них людей регулируются совместными усилиями местных жителей [17]. Потеря внутренней структуры и внешних границ населенного пункта, как и любого другого объекта, ведет: а) к прекращению выполнения своих функций; б) к прекращению существования как такового [18].

В статье А. Вахштайна «Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1.» можно ознакомиться с раскрытием идей о населенном пункте, состоящем из различных сегментов, стремящихся к максимальной автономии друг от друга. Развитие техники ведет ко все большему повышению дискретности, несвязанности друг с другом географически близких групп людей. Людей все больше связывают отношения, строящиеся вокруг техники вне зависимости от их физического местоположения [19].

В этой связи нельзя не коснуться и концептуальных статей по антропологии современности, где затронута проблематика соотношения понятий «места» и «неместа». Первое – ценностно наполненное, иерархически структурированное пространство, с которым люди находятся в прочной связи, имеющей многообразные виды и проявления.

«Неместо» имеет для людей исключительно функциональное, временное значение, оно связано с людьми малым количеством легко разрываемых связей. Люди здесь «чужие» и для «неместа», и друг для друга. Но что для одних людей «неместо», для других – полноценное «место». Например, железнодорожный состав – «неместо» для большинства пассажиров. Но одновременно он – «место» для команды машиниста, проводников. Современный населенный пункт, особенно в ситуации активного перемещения населения, для многих людей является «неместом» – территорией, нужной им для реализации определенных моментов жизненной стратегии и не более того. Но населенный пункт может существовать только благодаря тем людям, для которых он именно «место» [20].

Особого внимания заслуживают работы, посвященные антропологии инфраструктуры (коммунального хозяйства, дорожной сети и пр.) современного общества [21].

Также коллективы выживания объединяются в разного рода достаточно разветвленные сети, включающие в себя подсети, которые описываются и описывались весьма по-разному. Для советской этнологии была характерна приверженность к стабильным идеальным типам, стабильным и всеобщим (этнос, субэтнос и пр.). Часть представителей постсоветской науки осталась на тех же позициях, продолжила их разработку на конкретном материале [22]. Другая часть предпочла объявить эти идеальные типы конструктами самих ученых и идеологов, обвинив тех и других в насильственном объединении непохожего, и изучать отдельные уникальные феномены и их различные текущие состояния либо ограничиваться голым описанием, воздерживаясь от оценок и концептуализации [23].

Каждый из этих подходов имеет свои достоинства. Различные этносы и субэтносы действительно непохожи друг на друга и на самих себя в разные периоды своего существования. Однако идеальные типы удобны как точка отсчета для анализа различий и колебаний, как оценка того общего, что характеризует группу носителей того или иного этнического самосознания за достаточно обширный период времени и позволяет проследить преемственность и направление изменений, выявить внутреннее членение носителей самосознания и самоназвания, больше или меньше соответствующих идеальному типу. Также весьма любопытно проследить границы и взаимопроникновение этнического, территориального и социального [24].

Перейдём к работам, описывающим специфику социальной истории и истории повседневности.

В целом исторический континуум эпохи определяется её культурой и социальной историей, специфика которых относительно разных эпох описана во многих работах. В сборнике статей А. Л. Юрганова «Культурная история России. Век двадцатый» культура России XX столетия, в том числе и советского периода, показана как «жизненный мир» – поле для взаимодействия совершенно непохожих друг на друга людей, которые при этом совместно формируют уникальное пространство для социального взаимодействия, характерного для определённой территории в определённый период времени (хронотопа). У этого пространства – свои законы и принципы функционирования. Одни из них – неизвестные константы культуры, другие ограничены рамками именно этого хронотопа [25].

В фундаментальном труде Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века)» социальная история предстает как форма междисциплинарного обобщения знаний о разных сторонах жизни населения России в указанный период. За основу был взят анализ специфики и изменений социальных институтов разного уровня (семья, государство и пр.) и связанных с ними социальных практик [26].

В статье А.К. Соколова «Социальная история Новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения» рассматривается специфика различных подразделов социальной истории, в том числе – история повседневности. А. К. Соколов останавливается на внутреннем разнообразии социальной истории. Например, дихотомии выводов из массовых статистических данных и отдельных уникальных феноменов, которые можно изучать только на микроуровне. Автор обращает внимание, что исследователь социальной истории очень часто творчески конструирует исследовательский предмет, он задается вопросом, насколько подобное конструирование совместимо с научной объективностью [27].

Но культура и социальная история базируются на фундаменте повседневности. Повседневность – то, с чем человек сталкивается наиболее длительно и регулярно либо в течение всей жизни, либо какого-то ее отрезка.

Повседневность непрерывна, дискретна и изменчива. Все ее формы взаимосвязаны и активно перетекают друг в друга. Поэтому повседневность во всей полноте крайне трудно поддается описанию, и исследователь должен вычленять в рамках повседневности наиболее значимые формы функции и структуры. Любые попытки описания подразумевают вычленение отдельных блоков, конструирование собственной картины повседневности. Соблюсти соотношение произвольности в вычленении наиболее важного и научной объективности весьма сложно [28]. Для этого необходимо

очень точно и детально формулировать предмет и объект своего исследования. «...Д. Рэнсел упомянул в этом контексте оценку английской исследовательницы, историка и антрополога Катрионы Келли, которая определила данную тему как «методологически илистую», затягивающую, постоянно возникающую под разными методологическими наклейками-лейблами» [29].

Повседневность в рамках традиционной культуры более постоянна, ее течение отрегулировано правилами и ценностями, разрывы повседневности также по возможности являются достаточно четко отрефлексируемыми сознанием традиционного общества. Изменчивость и неконтролируемые разрывы повседневности, конечно же, есть. Но общественное сознание старается их так или иначе нивелировать, создать у членов социума ощущение непрерывной протяженности.

В посттрадиционном обществе (индустриальном, постиндустриальном) повседневность гораздо более разнообразна и изменчива как синхронно, так и диахронно. Также рефлексия по ее поводу становится более разнообразной, подчас включая в себя разнообразные взаимоисключающие версии. Разрывы, катастрофы и деконструкция жизненного уклада часто всячески подчеркиваются (роль тех же революций, политических, промышленных и пр.). Причем посттрадиционность подразумевает как разнообразие оценок и типов рефлексии этих разрывов, так и самой повседневности.

Повседневность при этом все более активно фиксируется, осмысливается как нечто неповторимое.

Исследования по истории повседневности наиболее репрезентативны на уровне микроистории.

В учебном пособии М. В. Капкан «Культура повседневности» показаны такие аспекты повседневности, как дихотомия труда и отдыха, контекстуальность повседневности, которая не всегда просто поддается рефлексии. Также автором отмечается важность усилий самого человека в формировании восприятия реальности [30].

По мнению Н. Элиаса, повседневность можно охарактеризовать как:

1. Повседневность как противоположность празднику;
2. Повседневность как рутина, в отличие от чрезвычайных, нерутинизированных сфер общества;
3. Повседневность как рабочий день – в противоположность жизненному миру буржуа, живущих в роскоши, праздности и т. п.;
4. Повседневность как жизнь народных масс – в противоположность жизни высокопоставленных и могущественных лиц (королей, принцев, президентов, членов правительства, партийных лидеров и т. д.);
5. Повседневность как сфера будничных событий – в отличие от того, что считается единственно достойным изучения в традиционной политической истории: «великих» событий, действий государства и его правителей;
6. Повседневность как частная жизнь (семья, любовь, дети) – в отличие от официальной или профессиональной жизни;
7. Повседневность как сфера естественного, спонтанного, неотрефлексированного переживания и мышления – в отличие от сферы рефлексии, искусственного и особенно научного опыта и мышления;
8. Повседневность как обыденное сознание, т. е. наивное, непродуманное, ложное мышление – в отличие от настоящего, правильного, истинного сознания» [31].

Таким образом, развитие истории повседневности стало одним из проявлений антропологизирующего подхода в гуманитарных дисциплинах, в рамках которого пытаются давать максимально полные описания «человека как целого» [32]. «Предпринимаются попытки вывода четких дефиниций, в которых кратко отражается объект и предмет исследования истории повседневности. Приведем некоторые из них. Например, история повседневности – это:

– отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира», комплексное исследование этой реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события. Возникновение истории повседневности как самостоятельной отрасли изучения прошлого – одна из составляющих «историко-антропологического поворота», начавшегося в гуманитарных науках в конце 60-х годов XX века;

– новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения;

– «форма непосредственной человеческой деятельности, представляющая собой совокупность повседневного бытия, то есть того, чем занимаются люди в своей обыденности в целях удовлетворения обычных потребностей трудовых будней и домашнего быта, и обыденного сознания, то есть того, в виде каких мыслей и эмоциональных переживаний это бытие отражается в психической деятельности людей» [33].

Существуют разные научные подходы к исследованию повседневности: «...– изучение повседневных практик в конкретных научных дисциплинах: истории (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, И. Данилевский, Г. Кнабе, Н. Костомаров, А. Ястребицкая и др.), философии (Э. Гуссерль, Г. Зиммель, Н. Новикова,

М. Хайдеггер), социологии (П. Бергер, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, Л. Ионин,

Т. Лукман, Г. Маркузе, А. Шюц), психологии (И. Гофман), семиотике (Р. Барт, Л. Баткин, Ж. Бодрийяр, С. Бойм, Ф. Бродель, П. Бурдьё, А. Гуревич,

И. Данилевский, Л. Ионин, Н. Козлова, И. Кондаков, А. Кребер, В. Паперный, И. Утехин, Й. Хейзинга);

– исследование социокультурных механизмов культуры повседневности (Н. Козлова, В. Лелеко, Ю. Лотман, Б. Успенский); – анализ проблем соотношения обыденного знания, мировоззрения и языка (Е. Золотухина-Аболина, И. Касавин, Л. Насонова, М. Хайдеггер, Н. Чулкина, С. Щавелев, А. Щюц);

– определение эстетических принципов повседневной культуры и ее взаимодействия с художественным пространством (М. Бахтин, В. Зверева, М. Козьякова, Н. Маньковская, С. Махлина, Е. Обатнина, Л. Тихвинская); выявление культурных смыслов феноменов и

элементов повседневности (С. Бойм, О. Вайнштейн, Г. Почепцов, И. Утехин, А. Ястребов)» [34].

Переходя к характеристике конкретной специфики советской социальной истории, выраженной через повседневность, необходимо отметить, что «... основной принцип тоталитарного мышления – это ощущение себя как функции, детали механизма. Человек может существовать, только исполняя строго определенную роль и выполняя узкий набор конкретных функций. Но, самое главное, человек заставляет себя мыслить строго определенным образом, приходит к заведомо определенным выводам.

При полноценном тоталитарном мышлении все это делается вполне добровольно! Помимо всего прочего, потому что механизм, в котором тоталитарно мыслящий человек работает винтиком, это сама Вселенная! Вселенная, устроенная единственно верным образом, т. е. налицо крайнее возвеличивание своих целей и ценностей. И через них – самого себя...

Рост промышленности в 1930-е годы был обеспечен как за счет административно-силового принуждения, так и за счет добровольно воспринятого тоталитарного мышления (у ряда представителей различных элитных и полуэлитных групп СССР). Тоталитарное мышление наряду с тотальным ограблением

деревни, жестким принуждением стали той силой, которая обеспечила рост промышленности и промышленно-транспортного сегмента инфраструктуры в предвоенные и военные годы, что во многом и обусловило победу в Великой Отечественной войне, последующий выход в космос и некоторые другие достижения...»

«Одна из важнейших особенностей русской культуры – акцент на разделении сакрального и профанного. В то время как самым разным западным и восточным культурам присущ акцент на единстве того и другого. По своей философской сути большевистский эксперимент был попыткой изменить акцент русской культуры с различия сакрального и профанного на их сходство.

Советский строй пытался внести в русскую жизнь внеличностные поведенческие регуляторы, чтобы человек поступал должным образом вне зависимости от внешнего воздействия или его угрозы. В данном случае имеются в виду интересы власти, которую люди должны были поддерживать по принципиальным соображениям.

Советский строй стремился к привнесению в русскую действительность рациональной стандартизации и типизации, стиранию внерационального и индивидуального, нацеленных на реализацию своих особых целей и интересов. Отсюда – воинствующий атеизм и борьба с самоорганизацией, системой горизонтальных социальных связей, а также стремление к относительному, потенциальному социальному равенству, всеобщности и единству.

Специфика советского периода заключается в том, что ценностно-психологические установки на коллективизм, взаимопомощь, трудолюбие, способность к эффективному труду и творчеству, сформировавшиеся еще до революции в условиях больших возможностей для самоорганизации, сразу никуда не исчезли. Эти установки были успешно использованы советской властью для реализации масштабных созидательных проектов, силы и способности советских людей были соединены воедино и направлены на достижение вполне конкретных целей. Многие из них были успешно достигнуты, некоторые из этих целей вряд ли могли быть достигнуты в других условиях (начало освоения космоса).

Другое дело, что в советское время постепенно исчезли условия, необходимые для выработки у людей указанных выше качеств. Поскольку они вырабатываются в среде самозанятых людей, вынужденных в своей хозяйственной и социальной жизни полагаться лишь на самих себя и своих близких. Тотальное господство наемного труда, ограниченное развитие малого бизнеса по сравнению с дореволюционным временем, переход социальных обязательств от родственных и территориальных локальных сообществ к государству привели к упадку коллективизма, ослаблению моральных устоев, распространению иждивенчества и социальной безответственности. В том числе выраженных в крайних формах сребролюбия и рвачества, т. е. советская власть и ее достижения закономерно уничтожили свою собственную социально-психологическую основу. И, в принципе, не могли не уничтожить. При другом ходе исторического развития советская власть могла просто просуществовать немного дольше» [35]...

Говоря о работах различных авторов, посвященных советской повседневности, необходимо упомянуть книгу И. Б. Орлова «Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления», где показан основной срез междисциплинарного взаимодействия при изучении повседневности (социология – история), даны специфика советской повседневности и особенности ее изучения на примере конкретных субдисциплин, инструментарий которых используется для изучения истории повседневности (например, устная история), а также в которой можно найти очерки о конкретных сферах советской повседневности, таких как семейная жизнь, туризм, сфера услуг и некоторых других [36].

В работе Н. Б. Лебиной «Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю» основное внимание уделяется непосредственному и символическому воздействию государственной политики на наиболее значимые аспекты повседневности, такие как питание, а также различным вариантам реакции людей на вторжение государственной политики в их повседневную жизнь [37].

Особо необходимо выделить работы, посвященные повседневности масштабных разрывов нормальной жизни, которые по причине значительности и длительности формировали собственную особую повседневность [38].

Некоторые работы проливают свет на причины значимых политических событий, в целом характерных для Советского Союза соответствующего периода, находящихся на стыке идеологии повседневности. Например, последующие репрессии против партийно-комсомольского актива начала 1930-х годов объясняются чрезмерно «леворадикальным» настроем сельских комсомольцев, их неготовностью всегда и во всем соглашаться с линией партии. Это показано, например, в статье В. А. Ипполитова и А. А. Слезина «Восприятие в комсомоле статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» [39].

Ликвидация досоветского уклада и формирование нового в коллективной монографии «Повседневный мир советского человека 1920-х – 1940-х годов: Жизнь в условиях социалистической трансформации». В ней были преимущественно использованы материалы юга России [40].

В связи с проблематикой региональной повседневности представляют интерес этнографические описания станичного быта советского периода. В коллективной монографии московских исследователей «Кубанские станицы. Этнокультурно-бытовые процессы на Кубани» нашли свое отражение особенности кубанской повседневности середины XX века, такие как сочетание живых элементов традиционности с утвердившимися в жизни инновациями и пр. [41].

Изменение уровня развития сельского хозяйства Кубани, перемены в специфике местной инфраструктуры, источников доходов населения нашли свое отражение в работе Ф. П. Зырянова «Станицы меняют облик» [42].

В исследованиях кубанских ученых описывается воздействие ряда значимых событий и процессов, определивших специфику советской действительности на Кубани, на повседневную жизнь и быт станичников. Например, статья известного кубанского этнографа Н. И. Бондаря о голоде 1933 года [43].

Особенностям исторического выбора кубанского православного духовенства в годы Гражданской войны посвящена статья С.Н. Гетманской «Православное духовенство Кубани (1918–1920 гг.)» [44].

Однако советская повседневность Кубани изучена еще недостаточно. В этих условиях особенно примечательна диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук Ж.О. Абреговой «Повседневная жизнь сельского населения Кубани: Конец XIX – первая треть XX вв.», позволяющая взглянуть на ситуацию неустойчивости и бытовой многоукладности, соотношения добровольных и недобровольных инноваций, которые характерны для жизни кубанской станицы в довоенный период [45].

Вызывает интерес работа К. А. Подымовой «Особенности повседневной жизни населения Кубани в 1960–1980-е годы», где сделана попытка описать связь экономических условий и повседневного быта кубанцев указанного периода. Подборка использованной в работе литературы весьма интересна и полезна для интересующихся советской повседневностью региона, но не хватает архивных и других, ранее не публиковавшихся, материалов [46].

Особенности социальной истории, выраженные в повседневном, хорошо раскрываются в рамках микроистории. Специфическими чертами микроистории является отражение масштабных исторических событий и процессов в повседневной жизни рядовых людей. Но микроисторические данные во многом уникальны и индивидуальны, происходящее на микроуровне не всегда коррелируется с более масштабными процессами. Поэтому данные микроистории очень удобны для исследования явлений и процессов, охватывающих немногих людей на ограниченной территории, на ограниченном отрезке времени. Они помогают корректировать чрезмерно обобщенные глобальные выводы, но при этом надо удерживаться от масштабирования выводов микроисторических исследований [47].

Для локально-исторических исследований, в частности, характерно изучение:

«основных характеристик экономической и демографической ситуации в целом;

структуры семьи и домохозяйства;

порядка и правил наследования собственности; систем родственных и соседских связей;

индивидуальной и групповой социальной и географической мобильности; социальных функций полов;

локальных политических структур и культурных представлений;

формальных и неформальных средств социального контроля и распределения власти и влияния внутри общины;

сравнительный сетевой анализ индивидуальных и коллективных социальных контактов.

Сочетая локально-историческое исследование с анализом более обширных территорий, исследователи нередко выделяют следующие уровни.

так называемое «ядро общины»;

общину как целое (сельскую или городскую); группу соседских общин;

более широкую область с общей социокультурной характеристикой...» [48].

Что касается регулирования повседневности на микроуровне, то попытки сконструировать полностью управляемый и регулируемый новый быт хо- рошо показаны С. Ю. Неклюдовым на примере попыток вмешательства советской власти в функционирование народного фольклора: «Начиная с 1920-х гг. обстановка в отечественной фольклористике меняется, исследователями выявляются малоизученные возможности фольклора, например, фольклор как средство пропаганды, а несколько позже – в 1930-е гг., когда у советской власти доходят руки до народной словесности, – возникает более масштабный проект, заключающийся в сознательном и активном идеологическом управлении фольклорным процессом

Примечательно, что обосновывается он не советскими чиновниками, которых можно было бы заподозрить в элементарном фольклористическом невежестве, а таким выдающимся знатоком, как академик Ю. М. Соколов, в 1931 году призывавшим к активному вмешательству в устную традицию с целью формирования «советского фольклора».

«Устное творчество масс, несмотря на острую классовую борьбу, отражаемую в нем и проводимую через него, остается в состоянии стихийности и большею частью лишено планомерного идеологического и художественного руководства, – пишет Ю. М. Соколов в 1933 году. – Необходимо <...> активно вмешаться в фольклорный процесс, заострить борьбу против всего враждебного социалистическому строительству, против кулацкого, блатного и мешанского фольклора, поддержать ростки здоровой, пролетарской и колхозной устной поэзии». Более того, по словам фольклориста А. К. Мореевой (1939 г.), творцы устной поэзии, как и писатели, сами «нуждаются в систематической политико-воспитательной работе».

Подобные призывы не остаются пустыми декларациями. К известным народным исполнителям прикомандировываются литераторы и ученые, которые вместе со сказителями, сказочниками, певцами работают над составлением новых фольклорных текстов, анализируют причины неудачных опытов, подсказывают им более уместные жанры и темы: «...сказительница Барышникова из Воронежской области терпит неудачу в своем творчестве на советскую тематику исключительно потому, что не осознала еще, какой устно-поэтический жанр ей более свойствен. <...> Мне кажется, что ей должна подойти тема: «Самураи на озере Хасан» и подобные ей».

Сами приемы работы с мастером устного слова разработаны до тонкостей: это одобрение или неодобрение первоначального замысла, ознакомление сказителя с избранной темой (используются книги, журналы, газеты, кино, музеи), обсуждение замысла и критика возможных противоречий «исторической правде», рецензирование окончательного текста, удаление «всего случайного, наносного, малоценного», даже отвержение произведения, которое почему-либо не удовлетворяет фольклориста, и побуждение к составлению нового текста.

В специальном учебном плане «Принципы художественного и идеологического отбора словесных текстов частушки» на конференции-семинаре частушечников (1935 г.) провозглашается «необходимость серьезной борьбы со всеми пережиточными формами в частушечном репертуаре» и обосновывается «противопоставление пережиточной частушке высокохудожественных образцов советского творчества», а в случае выбора «исторических» жанров рекомендуется проверять достоверность сообщаемых сведений, искажение которых может оказаться особенно чувствительным.

Н.Д. Комовская специально отмечает: «Когда записываются бывальщины, каждая запись должна быть проверена по документам района или по литературным материалам. Тем более мы должны проверять материал, записывая историко-революционные сказы. Мы должны проверять по документам ист[ории] партии, парткабинета и т. д. При записи мы должны чрезвычайно осторожно относиться к хронологическим датам, к описанию политических событий, общественных деятелей, имена которых приводятся» [49].

Одной из точек соединения специфических черт социальной истории и повседневности является система ценностей. Исторические объекты (целостности) конституируются благодаря соотнесению фактов с ценностями. Именно точка зрения ценности позволяет определять историческое как историческое (то есть существенное). «Связывание с ценностью, – пишет Риккерт, – составляет одну из самых существенных сторон исторического метода». Поскольку же ценности неотделимы от телеологического способа объяснения, постольку исторический индивидуум «может быть охарактеризован как телеологическое единство, а историческое образование понятий – как телеологическое».

Ценности одновременно сообщают смысл историческому процессу и расчленяют, структурируют его. Уничтожение связи объекта с ценностью приводит к уничтожению также исторического интереса и самой истории. Вот почему историческое сознание с самого начала есть сознание аксиологическое, ценностно-ориентированное.

Процедура отнесения к ценности, соотнесения с ценностью, таким образом, оказывается конститутивной для историописания. «История, – пишет Риккерт, – вообще может иметь смысл только для оценивающих существ». Всякая историческая целостность является результатом работы историка, в ходе которой совокупность исторических свидетельств и фактов упорядочиваются благодаря «точке зрения ценности» [50].

Особый интерес представляют социологические исследования. Например, посвященные формированию среднего класса в СССР, которое имело свои специфические особенности. Основной массой этого класса были не частные собственники, а очень пестрая и неоднородная группа людей – чиновники и служащие, студенты и разночинцы. В СССР уже к 1960-м годам сформировался довольно многочисленный слой людей со средними доходами – руководящий персонал низшего и среднего звена, представители технической и творческой интеллигенции, высококвалифицированные рабочие, колхозники богатых колхозов. По многим характеристикам (прежде всего, по уровню образования) данный слой сопоставим с западным средним классом. Специфической особенностью оставалось отсутствие у этих людей сколько-нибудь значительной частной собственности (кроме квартиры и машины). В отличие от сильно дифференцированного среднего класса на Западе, советские средние слои отличались большей степенью однородности [51].

Такие аспекты советской действительности третьей четверти XX века, как тенденция к выравниванию уровня доходов между городским и сельским населением, рост среди сельских жителей числа лиц с высшим и средним специальным образованием, нашли свое отражение в работе С. Л. Сенявского [52].

Повседневность любой эпохи хорошо прослеживается на примере календарных праздников и обрядов. Календарные праздники во все исторические периоды сохраняют некоторые функции: единение народа в целом и отдельной группы людей, отсчет нового временного периода, отдых и развлечение. Советские праздники имели и свои специфические черты, такие как светский и атеистический характер; более активное

стремление трансформировать общество посредством праздничного действия в нужном для власти направлении; относительная изменчивость советской праздничной традиции по сравнению с традиционной [53].

Размышления известного американского антрополога К. Гирца помогают изучить ситуацию, когда социальные связи по соседскому принципу вследствие резкой социальной модернизации заменяются связями по идеологическому принципу [54].

В. В. Глебкин в своей работе проводит подробный анализ концепта «ритуал», в том числе сопоставляет его с концептом «праздник». Исследователь рассматривает общую составляющую традиционного (религиозного) и современного (светского) ритуала. В. В. Глебкин употребляет понятие «экзистенциал» – это сложная система, состоящая из основных символов ритуала (праздника), его интеллектуального осмысления, эмоционального восприятия, внешнего воплощения и выражения.

Ученый рассматривает советскую культуру, составной частью которой являлись советские ритуалы (праздники), как культуру вторичную, т. е. активно и целенаправленно, а также искусственно конструируемую и одновременно использующую часто не ею созданные идеи, символы, концепты в собственном новом контексте. В. В. Глебкин указал и на некоторые конкретные универсалии советской праздничной культуры, такие как прохождение колонн демонстрантов мимо трибуны с руководителями разного уровня [55].

В фундаментальной монографии Н. И. Бондаря «Календарные праздники и обряды кубанского казачества» есть указания на элементы дореволюционной праздничной культуры, по той или иной причине прослеживаемые и после революции: военный парад, присутствие на юбилейных торжествах стариков и подростков, которому уделялось особое значение [56].

Применительно к Кубани специфика государственных праздников раннего советского периода рассматривалась в статье Э. Н. Нежигай «Советские праздники как социокультурное явление». В статье рассмотрено преимущественно празднование советских праздников в 1920-е годы в городах [57].

Существенно более фундаментальна работа С. Н. Шаповалова «Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930 гг.», где показана специфика формирования советской праздничной культуры в первой половине XX века на Кубани. В этой работе также обращается внимание на общую схему советского праздничного мероприятия – шествие перед трибуной, завершающееся митингом. В работе нашли отражение как общие тенденции, так и региональная специфика, приведена масса ценных фактов. Например, на Кубани в 1920-е годы праздничные мероприятия были более формальными – больше шествий и митингов, меньше концертов и инсценировок. Советские праздники на селе внедрялись путем присылки для их организации ответственных работников из городов и шефства городских учреждений и предприятий над сельскими поселениями [58].

В контексте повседневности важна и гендерная специфика. Образ женщины, который транслировала в массы советская пресса середины XX века, был в целом стандартным вне зависимости от региона. Женщина должна была быть ориентированной на производственный труд, а не на семью, переносить тяготы этого труда ей должна была помогать вера в лучшее будущее [59].

Не менее важна национальная специфика региональной социальной истории. Статьи видного исследователя советской национальной политики Т.П. Хлыниной дают

представления о тех общих основаниях, на которые опирался украинизаторский курс властей непосредственно на Северном Кавказе. Автор считает, что украинизация проводилась в русле политики ко- ренизации, стремлении привлечь представителей национальных меньшинств к активной работе в органах советской власти, и через это – к ее сознательной поддержке. Исследователь на конкретных примерах демонстрирует несоответствие политики украинизации реальному этническому самовосприятию населения. Статьи содержат сведения о численности украинского населения. Исследователь также уделяет немало внимания современной жизни украинских диаспор на юге России [60].

Актуальные моменты историографических дискуссий по теме этнической идентичности украинцев Кубани, этнополитологический анализ сложносоставной идентичности кубанских потомков украинцев освещаются в работах историка и политолога А.В. Баранова [61].

Основой социальной специфики любого общества является хозяйство.

В справочном пособии известного кубанского историка В. Н. Ратушняка можно найти информацию о правительственных решениях, определявших развитие хозяйства региона в советское время; даты открытия предприятий, появившихся в кубанских станицах; упомянуты документы, определявшие размер и принципы начисления материального вознаграждения трудящимся колхозов и совхозов и т.д.[62].

В учебном пособии А. Жинкина и О. Паламарчука «Кубань: история, культура, курорты и туризм» затронуты такие вопросы, как развитие экономики Кубани во второй половине XX века, предпринимательство в регионе в период НЭПа, развитие санаторно-курортной отрасли в регионе [63].

Обзор промышленного производства в Краснодарском крае в 1960-х годах приводится в статье Е. А. Шумкова [64].

В коллективной монографии «Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее» дан общий обзор положения в сельском хозяйстве региона, в том числе в советский и постсоветский периоды. Работа дает широкую и весьма четкую картину изменения хозяйственного уклада на селе, развития сельской инфраструктуры [65].

Для раскрытия темы также весьма значимы работы по экономической истории, где показаны изменения в образе жизни кубанского села в количественных показателях. В статье И.Ю. Захаровой «рассматриваются основные направления развития отраслей сельского хозяйства Краснодарского края в период с 1937 по 1940 год. Выявлены основные тенденции развития отраслей растениеводства (зерновых культур, подсолнечника, кледевины, хлопка, риса, кормовых трав, эфиромасличных) и животноводства (коневодства, овцеводства и свиноводства) Кубани в довоенный период по районам края. Выявлено количество предприятий (колхозов), имеющих определенное направление специализации (зерновое, масличное, свекловичное, плодовоощное, хлопковое, лубяное и табачное). Определены размеры отдельных отраслей сельского хозяйства по секторам (колхозы и совхозы)» [66].

Также необходимо отметить статью С. Н. Черникова «Изменения в материальном обеспечении на селе в Краснодарском крае в 1965–1980 гг.» [67].

В работе известного кубанского социолога А. А. Хагурова показано усиление роли крупных собственников в сельском хозяйстве Кубани во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов [68].

В своем интервью порталу «Русская планета» доктор сельскохозяйственных наук В. И. Комлацкий дает характеристику ситуации в сельском хозяйстве Кубани в постсоветский период [69].

Появились статьи, представляющие собой обзоры историографии развития сельского хозяйства разных отрезков XX столетия [70].

Изменения в хозяйственном укладе региона неотделимы от перемен в культуре. В книге В. И. Лях «Просвещение и культура в истории кубанской станицы» затронуты проблемы становления культуры индустриального общества в кубанских станицах, показана существенная роль государства в становлении новой культуры [71].

Цели и задачи исследования

Объектом исследования является социальная история, раскрываемая через историю повседневности жителей сельских районов Кубани в советский и постсоветский периоды.

Предмет исследования – последовательность эволюции социальной истории и повседневности жителей сельских районов Кубани в советский и постсоветский периоды.

Географические рамки работы

Они охватывают территорию основных сельскохозяйственных районов Краснодарского края, т. е. почти всю территорию региона, за исключением крупных городов и курортов Черноморского побережья. Особое внимание уделяется Кореновскому, Горячеключевскому (Горячеключевской район теперь именуется в целом «город Горячий Ключ», однако фактически большинство его населённых пунктов так и остались сельскими поселениями, поэтому мы сохранили старое название «Горячеключевской район»), Усть-Лабинскому, Темрюкскому и Отрадненскому районам в связи с тем, что материалы по ним описывают основные территории региона: Прикубанье, Закубанье, Таманский полуостров и предгорные восточные территории края. Также использовались материалы, относящиеся к Калининскому, Красноармейскому, Лабинскому, Северскому районам Краснодарского края, характеризующие специфику разных территорий Краснодарского края. В работе использовались некоторые материалы, относящиеся к сопредельным к Краснодарскому краю территориям (Республика Адыгея, Карачево-Черкесская Республика, Ставропольский край), которые в дореволюционный период также входили в Кубанскую область. Они освещают события, характерные для всей территории проживания кубанских казаков.

Хронологические рамки работы

Работа освещает период с начала Гражданской войны на Кубани (1918 года) до первого – начала второго десятилетия XXI века.

Цель и задачи исследования

Целью является изучение последовательности изменений повседневности и уклада жизни сельских районов Кубани в советский и постсоветский период.

В качестве задач, поставленных перед настоящим исследованием, можно назвать изучение факторов, способствовавших крушению традиционного уклада жизни, основанного на системе разноразрядных коллективов выживания, специфики влияния

политических перемен и военных конфликтов первой половины XX века на повседневную жизнь кубанцев, политических и социальных причин разрушения традиционной самоорганизации, сохранение некоторых элементов прежнего уклада уже в новых условиях. Важной задачей также является изучение повседневности и социального уклада кубанского села в «индустриальный» период второй половины XX века, а также его крушения на рубеже XX–XXI веков.

Методология исследования

При воплощении описанных выше концептуальных установок вполне применимы традиционные научные принципы и методы. Основные методологические принципы, которыми мы руководствовались при написании работы, – принцип объективности и принцип историзма.

Нами были использованы следующие методы: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Основная черта историко-сравнительного метода – направленность на сравнение форм исторической жизни, относящихся к разным историческим периодам. Он позволяет выделять то общее, что присуще этим явлениям. Метод помогает прояснять малоизвестные аспекты их существования на основе сравнения с наиболее изученными [72].

Назначение историко-системного метода – выявлять взаимосвязи между явлениями исторической жизни, их иерархию и функции по отношению друг к другу. Результатом историко-системного исследования является раскрытие основных особенностей какой-либо системы, образованной историческими явлениями или процессами, ее взаимосвязи с другими системами. Недостатком метода является его слабая пригодность для изучения процессов развития и эволюции системы [73].

Основой историко-генетического метода является описание какого-либо элемента исторической действительности с точки зрения динамики его развития. Поэтому этот метод может эффективно применяться только вместе с другими, которые помогают исследователю раскрыть неизменные качества процесса или явления, его суть [74].

Что касается методологии изучения повседневности, то мы, прежде всего, стремимся сосредоточиться, с одной стороны, на наиболее объективных, системообразующих ее элементах, влияющих на специфику повседневности (изменение в формах хозяйствования, развитие инфраструктуры, использование технических средств). С другой – приводим наиболее типичные образцы восприятия повседневности того или иного временного отрезка. Так как мы стремимся дать картину эволюции социальной истории в целом, то отдельные ее аспекты (например, экономическая история и история культуры) неизбежно будут раскрыты в той или иной степени фрагментарно.

Направление для применения указанных выше методов задано авторскими разработками в рамках моноцентрического плюрализма, а также элементами социогнозиса. В частности, выводы, относящиеся к Кубани, необязательно применимы к другим регионам. Советская повседневность на селе могла там быть в значительной степени иной, коллективы выживания, самоорганизация сохраняться вплоть до начала XXI века и пр.

Характеристика источников

Перейдем к характеристике источников.

Субдисциплина «Устная история», находящаяся на стыке истории, культурной антропологии и отчасти филологии и журналистики, развилась в западной науке во второй половине XX столетия. Устная история занимается сбором и анализом устных рассказов людей об исторических событиях и явлениях, повседневной жизни и быте в те или иные исторические периоды.

Толчком для ее развития послужили коренные изменения в укладе жизни, масштабные исторические события, такие как мировые войны, Великая депрессия и пр., развитие междисциплинарных исследований, необходимость осмысления масштабного идеологического воздействия на человека, его психологической адаптации к резким изменениям действительности, реакции на те или иные исторические события, государственную политику [75].

В русскоязычной историографии основание изучению устноисторической проблематики положил историк из Одессы Д. П. Урсу [76]. На Кубани начало устноисторическим исследованиям положил последователь Урсу и известный историк-казаковед О. В. Матвеев. Олег Владимирович собрал и опубликовал в многочисленных работах уникальные воспоминания последних старожилов, помнивших дореволюционное казачье прошлое, реконструировал на их основе категории воинской ментальности в рамках исторической картины мира кубанских казаков. Им также исследован ряд аспектов устной истории Великой Отечественной войны и пр. [77]. Немалый вклад в устноисторические исследования региона, особенно в изучение народной памяти о Великой Отечественной войне и об этнополитических событиях и явлениях, внесли Е. Ф. Кринко и Т. П. Хлынина [78].

К настоящему времени устная история прочно вошла в обиход российских исследователей. Устноисторические материалы использовались в крестьяноведческих работах Т. Шанина [79]. Выходили обширные многотиражные работы, такие как «Речи немых» В. А. Бердинских (посвящена устной истории русского крестьянства в XX столетии) [80].

Проблемами устной истории, как уже говорилось, занимаются не только историки. Историю советской повседневности, в том числе в контексте устной истории, рассмотрены в работах филолога и культурного антрополога О.Р. Николаева. И. А. Филиппова, также филолог, исследовала вопросы ментальности оренбургского казачества и ее общерусской составляющей, в том числе на устноисторическом и фольклорно-этнографическом материале. Исследователь также занималась анализом проблематики локальной истории малых населенных пунктов [81].

История Кубани XX столетия на редкость богата. Это и Гражданская, и Великая Отечественная война, коллективизация, крушение советской системы и многое другое. И обо всех этих событиях сохранились воспоминания старожилов.

Кубанской фольклорно-этнографической экспедицией было собрано немало устных рассказов о различных исторических событиях и явлениях, имевших место на Кубани в XX веке [82]. Организующую роль в сборе устноисторических материалов сыграли такие видные кубанские исследователи-полевики, как Н. И. Бондарь (научный руководитель и организатор Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции, в тексте – КФЭЭ) и О. В. Матвеев, а также А. И. Зудин, С. Н. Гетманская (Рыбко), И. А. Кузнецова, А. Н. Мануйлов, С. А. Жиганова, В. В. Воронин и многие другие.

Устноисторические материалы имеют ряд неоспоримых достоинств. Они могут передать восприятие того или иного исторического события или явления рядовым,

неангажированным человеком и с его точки зрения. Устно- исторические исследования незаменимы для изучения системы ценностей данного общества, его реальной исторической картины мира, выраженной в оценках событий и явлений, их описании обычными людьми.

Н.И. Бондарь указывает, что развернутый устноисторический рассказ включает в себя описание события (явления), его привязку ко времени и месту, оценочную рефлексию по его поводу, описание его последствий. Порой такой рассказ дает исследователю уникальный набор информации, которую зачастую нельзя почерпнуть из архивных источников, опубликованных мемуаров, прессы. В том числе – по некоторым малоизвестным и (или) замалчиваемым фактам и событиям. Хотя рефлексия и оценка в целом важнее.

Однако у устноисторических источников есть и свои погрешности, на которые необходимо делать поправку. Особенно в отношении конкретной фактологии и действующих лиц, порой времени и места. Нередко имеют место осознанная либо неосознанная фольклоризация или мифологизация, чрезмерное обобщение, замена второстепенных персонажей на известные, значимые («Царица Екатерина» или «Суворов» в качестве основателей населенных пунктов, появившихся в XIX веке). Наблюдается и гиперболизация как в позитивную, так и негативную сторону (преувеличение масштабов людоедства во время голода 1933 года).

К авторитету прошлого нередко обращаются для обоснования ценностей и идеалов, которые информант считает верными. И поэтому прошлое изображается как мифологическое «старое доброе время», которое подается весьма идеализированно и обобщенно. Это обычно касается человеческих отношений «в старину», жизни старших родственников, тогда как архивные материалы и периодические издания нередко чрезмерно акцентируются на негативе, например, на криминальных случаях. Иногда (хоть и далеко не всегда) ситуации и специфика отношений переносятся на более поздний или ранний исторический период.

Есть вопросы, связанные с полнотой и точностью описания конкретных исторических событий. Информант мог соприкоснуться с ними в детском возрасте либо судить на основании чужих пересказов, либо по разным причинам мог не иметь отношения ко многим важным аспектам событий или явлений. Среди информантов могут просто не оказаться представители наиболее компетентных в данном вопросе социальных или профессиональных групп. Как уже говорилось выше, более «значимое и известное» заменяет реальное. Все это может привести к искажениям, неполноте.

Например, некоторые старожилы ст. Пашковской запомнили расстрел председателя судосберегательного товарищества станицы С.Р. Сотниченко офицерами белой контрразведки как расстрел генералом Шкуро (тоже пашковчанином) станичного атамана. «Атаман» заменил председателя судосберегательного товарищества, «генерал Шкуро» – никому не известного полковника Гребенщикова и поручика Огнева [83].

К тому же с возрастом первоначальное восприятие факта или явления может подвергнуться рефлексии, переинтерпретации, влиянию различных идеологических клише, прочитанной литературы, средств массовой информации.

Одна из старожилок города Краснодара, очевидица оккупации, сообщила, что в немецкой полиции Краснодара служили в основном выходцы с Западной Украины. Факт не соответствует действительности, однако интервью было дано в конце июня 2014 года [84].

Имеет большое значение и выборочность, склонность к искажениям человеческой памяти. Некоторые события (более яркие, ценностно окрашенные) заслоняют собой другие – незначительные, не оказавшие влияния на жизнь информанта, подвергнутые психологическому или ценностному вытеснению. Имеют значение психолого-возрастные аспекты.

Поэтому современные ученые чаще всего применяют устноисторические источники вместе с другими: теми же архивными материалами, материалами прессы, опубликованными мемуарами [85].

Однако исследование устноисторических материалов как таковых может дать интересные ответы на некоторые вопросы: какие события и явления в истории были оценены людьми с тем или иным знаком; какие из них оказались значимыми, а какие – забытыми или полузабытыми, а также показать различные аспекты повседневности, не отраженные в официальной документации или прессе, замалчиваемые по идеологическим соображениям, например, в отношении Гражданской войны.

Необходимо давать слово самим участникам исторического процесса, а не только его бесчисленным интерпретаторам. Информанты данного исследования за самым редким исключением – обычные селяне, не имеющие высшего образования и не принадлежащие к политизированным субкультурам (обычным авторам мемуаров и опубликованных дневников). О наиболее ранних событиях, особенно о Гражданской войне, они нередко рассказывали со слов дедов и родителей.

Архивные материалы местных органов власти отражают государственную политику (например, текущие программы, реализуемые в сфере политики и экономики), к тому же порой и отношение к ним местных жителей. Также в них отражаются насущные проблемы, решаемые местными властями, сфера их полномочий [86].

В местной прессе наглядно отражены тенденции социально-экономического развития территории, состояние инфраструктуры, ее изменение [87].

Например, ряд публикаций описывает развитие агротуризма на Кубани во втором десятилетии XXI века [88].

В весьма многочисленной советской методической литературе о проведении праздников и обрядов, в книгах, посвященных анализу советских нововведений в сельскую традицию, показывают стремление советской власти к замене традиционной обрядности на новую, советскую, с сохранением ряда традиционных элементов, наиболее ярких, красочных и наименее связанных с религиозным смыслом и целью попыток реформирования обрядности стало стремление к замене традиционных родственных и территориальных коллективов на новые – трудовые и идеологические (пионерские, комсомольские, партийные). И в конечном итоге – стремление к замене неформальных горизонтальных социальных связей на официальные, вертикальные [89].

Большую ценность имеют мемуары и путевые дневники. Они содержат важные сведения о социально-политической ситуации и повседневной жизни станиц, деятельности местного аппарата государственной власти, столкновении традиций и современности в образе жизни станичников первой половины XX века.

Среди мемуарных источников нужно особо отметить воспоминания известного этнографа-кавказоведа Л. И. Лаврова, школьные годы которого прошли в станице Пашковской. В них описана ситуация противостояния красных и белых, отношение простых казаков к заметным фигурам, олицетворявшим политические направления [90].

В некоторых случаях специфика повседневности раскрывается через отдельные личности, например, крупных руководителей. Так, С. Ф. Медунов сыграл существенную роль в форсированном развитии рисоводства на Кубани. Здесь необходимо упомянуть и некоторые вполне конкретные решения правительственных органов, такие как решение мартовского пленума ЦК КПСС 1965 года, поставившего задачу полностью обеспечить страну рисом. Для раскрытия их роли пригодятся тексты, созданные функционерами государственного управления в регионе, и биографии руководителей [91].

Краеведческая литература, посвященная населенным пунктам Кубани, также содержит массу информации об этапах развития местной промышленности, сельского хозяйства и инфраструктуры. В ней эта информация представлена комплексно (например, в контексте преемственности разных этапов развития населенного пункта). Эта сильная сторона краеведческой литературы. При этом может отсутствовать четкая систематизация излагаемого материала, ряд приведенных фактов нуждается в дополнительной проверке [92].

В перечне источников необходимо особо отметить официальный сайт районной администрации Отрадненского района, где есть справки о каждом сельском поселении района, содержащие краткие сведения о современном их состоянии (статистические данные, производство, социальная сфера). В некоторых из них можно найти информацию о советском периоде истории населенного пункта (основные события, развитие производства, социальной сферы, упоминание выдающихся земляков) [93].

Еще одним важнейшим источником материалов по советской и постсоветской истории Отрадненского района является электронный ресурс Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца. Материалы сайта весьма разнообразны: это и записи воспоминаний о голоде, раскулачивании и репрессиях первой половины XX века, об участии жителей района в Великой Отечественной войне и оккупации территории района гитлеровцами, о развитии хозяйства во второй половине столетия и возрождении казачества в постсоветский период и пр. [94].

Особо необходимо отметить статистические данные, характеризующие разные стороны социальной жизни Кубани [95].

Таким образом, основными источниками для написания работы стали материалы устной истории, архивные материалы, публикации в прессе, источники личного происхождения, краеведческие публикации, данные органов власти и организаций, осуществляющих статистический учет.

Примечания

1. Костов С.В. Современное состояние отечественной социальной истории // Сайт С.В. Костова. URL.: <http://www.kostov.ru/Works%20on%20History%20in%20Russian/Contemporary%20State%20of%20Russian%20Social%20History.htm> (дата обращения – 20.06.2017).
2. Лубский А.В. Альтернативные модели исторических исследований // Портал Textarchive.ru URL.: <http://textarchive.ru/c-2656511.html> (дата обращения – 20.06.2017).
3. Клейн Л. С. История антропологических учений, 2014. С. 476–480.; Клейн Л. С. История антропологических учений, 2014. С. 622; Резниченко С. Русские коллективы выживания. М, 2014; Клейн Л. С. История антропологических учений, 2014. С. 606–639.

4. Васильев И. Моноцентрический плюрализм – надметодологическая оболочка в исторической науке / Васильев И. Ю. // Информационно-аналитический портал «АПН». URL.: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=37001> (дата обращения – 20.01.2019).
5. Клейн Л. С. История археологической мысли. СПб. 2011. Т. 1. С. 1050– 1160.
6. Резниченко С. Функциональность в обществе и ее ограничения // Информационно-аналитический портал «АПН». URL.: <http://www.apn.ru/index.php?newsid=36685> (дата обращения – 27.09.2017).
7. Резниченко С. Наш ответ марксистам // Блог Семена Резниченко. URL.: <http://semrez.ru/наш-ответ-марксистам> (дата обращения – 12.02.2017).
8. Васильев И. Природное и антропогенное: слияние / Васильев И. Ю. // Информационно-аналитический портал «АПН». URL.: [apn.ru/index.php?newsid=35205](http://www.apn.ru/index.php?newsid=35205) (дата обращения – 14.05.2017).
9. Коллектив выживания. // Электронная энциклопедия «Традиция». URL.: https://traditio.wiki/Коллектив_выживания (дата обращения - 2011. 2020); Community studies. Электронная энциклопедия «Википедия». // URL.: en.wikipedia.org/wiki/Community_studies (дата обращения - 2011. 2020); Социальная сеть (социология). // Электронная энциклопедия «Википедия». URL.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_сеть_\(социология\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_сеть_(социология)) (дата обращения: 11. 04. 2021); Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара. // Электронная библиотека «Киберленинка». URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevaya-vzaimopomosch-rossiyskih-domochozyaystv-teoriya-i-praktika-ekonomiki-dara> (дата обращения: 11. 04. 2021); Васильев Л. С. «Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом)» // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. 172—186; Васильев И. Переходные состояния и идеальные типы в истории / Васильев И.Ю. // Портал «Народ на земле». URL.: narodnazemle.ru/node/85 (дата обращения – 20.05.2017); Резниченко С. Русские коллективы выживания. М., 2014 С. 5.
10. Смирнов П.И. Русская сельская община: происхождение, основные функции и ценности / П. И. Смирнов // Сайт журнала Credo New. URL.: <http://credonew.ru/archives/277> (дата обращения – 16.03. 2019); Смирнов, П. И. Функционирование русской сельской общины: важнейшие следствия / П. И. Смирнов // Портал «Интелрос». URL.: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr4-2014/25723-funkcionirovanie-russkoj-selskoj-obschiny-vazhneyshie-sledstviya.html (дата обращения – 16.03.2019).
11. Щербина Ф. А. История самоуправления у кубанских казаков // Кубанский сборник, 1891. Т. 1; Очерки южнорусской артели и общинно-артельных форм. Одесса, 1881.
12. Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. М., 2011. 447 с.
13. Тюрин Г. В. Как возродить российскую деревню: уроки и перспективы / Г. В. Тюрин. – Москва: Московский Политех, 2016. – 176 с; Тюрин Г. Опыт возрождения русских деревень // Электронная библиотека «Profilib» URL.: <https://profilib.net/chtenie/104038/gleb-tyurin-opyt-vozhrozhdeniya-russkikh-dereven-22.php> (дата обращения – 19.04.2017).
14. Клейн Л. С. История антропологических учений. СПб., 2014. С. 230–239, 300–333, 526–534.

15. Степанов А. В. Сайфиев А. Ф. Леший – черт, отдай мою животину (Исследование демонологии Сямженского района Вологодской области) // Портал «Русский фольклор в современном мире». URL.: folk.ru/Research/stepanov_leshiy.php (дата обращения – 19.04.2017).
16. Степанов А. О месте. Этнофеноменологический очерк // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 200–201, 204–205, 209–210.
17. Планировочная структура и функциональная организация территории города // Электронная библиотека технического портала «Технарь». URL.: <http://tehlib.com/arhitektura/planirovochnaya-struktura-i-funktsiona/> (дата обращения – 24.04.2017).
18. Митрошников А. О. Философия: учебник. Структура, виды, формы и уровни деятельности // Электронная библиотека «Полка букиниста» URL.: http://society.polbu.ru/mitroshnikov_philosophy/ch95_all.html (дата обращения – 24.04.2017).
19. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. № 2. С. 20.
20. Кузнецов А. Г. К антропологии «близкого» в городе: места, неместа, мобильности // Этнографическое обозрение. 2017. № 6. С. 5–13; Земнухова Л. В., Сивков Д. Ю. Работать (в)месте: локализация технонауки в офисах IT- индустрии // Этнографическое обозрение. 2017. № 6. С. 44–58.
21. Карасева А. Разомкнутая модерность: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 122–146.
22. Бондарь Н. И. Кубанское казачество (этносоциальный аспект) // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М, 1995.
23. Тишков В. А. О слабости традиционного подхода // Авторский блог В. А. Тишкова. URL.: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n41_slabost.html (дата обращения – 01.07.2017).
24. Эпплби Ян (Appleby Ian). Незванные гости в коммунальной квартире: процессы нациестроительства непризнанных советских народов // Портал «Informaworld». URL.: www.informaworld.com (дата обращения – 01.07.2011).
25. Юрганов А. Л. Культурная история России. Век двадцатый. Статьи, публикации разных лет. М.; СПб. Центр гуманитарных инициатив. 2018. 384 с.
26. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В двух томах. Третье издание, исправленное и дополненное СПб., 2003.
27. Соколов А. К. Социальная история Новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения. // Портал «История повседневности» URL.: <http://www.el-history.ru/node/436> (дата обращения – 10.06.2018).
28. Лефевр А. Повседневное и повседневность // Социологическое обозрение. Том 6. № 3. 2007; Капкан М. В. Культура повседневности: [учеб. пособие] / М. В. Капкан; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 110 с; Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974. С. 53.; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. СПб., А-сад, 1994; Васильев И. Историческое знание «в цифре»: архивариус вместо письма? / И. Ю. Васильев // Информационно-аналитический портал «АПН». URL.: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=36821> (дата обращения – 13.11.2017).

29. Пушкарева Н. Повседневная жизнь в России: междисциплинарный подход 13–15 мая 2010 г., Блумингтон (Штат Индиана), США / Пушкарева Н. Л. // Антропологический форум. № 14 online. С 458.
30. Капкан М. В. Культура повседневности. Екатеринбург, 2016.
31. Цит. по.: Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) // История повседневности: сборник научных работ / Отв. ред. М. М. Кром. СПб., 2003. С. 7–14.
32. Шутова О. М. Тенденции антропологизации в современной историографии: история повседневности, устная и гендерная истории / О. М. Шутова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэдактар) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2002. С. 106–121.
33. Г.М. Ипполитов, А.И. Репницкий. История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. № 3. С. 154.
34. Ерохина Т. И. Поведение как сфера актуализации «повседневности» и «быта» // Ярославский педагогический вестник. 200. № 3. С. 158.
35. Резниченко С. Индейцы, коммунисты и либералы: опыт тоталитарного мышления // Информационно-аналитический портал АПН. URL.: apn.ru/in-dex.php?newsid=35517 (дата обращения – 02.05.2017); Резниченко С. Россия и славянство // Блог Семена Резниченко. URL.: semrez.ru/семен-резниченко-россия-и-славянство/ (дата обращения – 02.05.2017).
36. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008.
37. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.
38. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011.
39. Ипполитов В. А., Слезин А. А. Восприятие в комсомоле статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 52–60.
40. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920-х – 1940-х годов: Жизнь в условиях социалистической трансформации. Ростов н/Д, 2011.
41. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 188–319.
42. Зырянов Ф. П. Станицы меняют облик. О путях преодоления различий между городом и деревней. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1974. 240 с.
43. Бондарь Н. И. Код смерти (голод 1933) // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. // Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2009. С. 141–154.
44. Гетманская С. Н. Православное духовенство Кубани (1918–1920 гг.) // Антропология конфликта и мира. Революции и перевороты в исторической и культурной памяти народов Юга России. Краснодар, 2017. С. 49–59.
45. Абрегова Ж. О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани: Конец XIX – первая треть XX вв. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat . URL.: <http://www.dissercat.com/content/povsednevnyaya-zhizn-selskogo-naseleniya-kubani-konets-xix-pervaya-tret-xx-vv#ixzz5QP0fOCHx> (дата обращения – 07.09.2018).

46. Подымова К. А. Особенности повседневной жизни населения Кубани в 1960–1980-е годы // Педагогическое сообщество «Урок.рф». URL.: https://xnj1ahfl.xnp1ai/library/%C2%ABosobennostipovsednevnoj_zhizni_nase-leniya_kubani_163228.html (дата обращения – 07.09.2018).
47. Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 193. \$ Medick H. (Hg.). Mikro-Historie. Neue Pfade in die Sozialgeschichte. Frankfurt a. M., 1994. На русском яз. Медик Х. Микроистория // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. М., 1994. Т. II. № 4. С. 192-197. Ginzburg C. und Poni C. Was ist Mikrogeschichte? // Geschichtswerkstatt. 1985. № 6. S. 48–52.
48. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 168–169.
49. Неклюдов С. Ю. Фольклор и современность: итоги XX в. // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник материалов. – М., 2010. С. 33–35.
50. Демин И. В. Философия истории Генриха Риккерта: между метафизикой и постметафизикой // Электронный портал издательства «Notabene» URL.: http://e-notabene.ru/pr/article_22766.html (дата обращения – 19.12.2017).
51. Руткевич М. Н. Методологические проблемы изучения социальной структуры советского общества. Изд-во УрГУ. Свердловск, 1972. С. 11–12.
52. Сенявский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества (1938–1970 гг.). – М., 1973.
53. Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М, 1974. С. 206; Вереитинова Т. Ю. Галиченко А. Ю. Азарова Л. И. Праздник как историко-антропологический феномен // Электронная библиотека «Ки- берленинка» URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-kak-istoriko- antropologicheskij-fenomen> (дата обращения – 05.04.2017); Вереитинова Т. Ю. Праздник как феномен и концепт антропологии культуры // Электронная библиотека «Киберленинка» URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik- kak-fenomen-i-kontsept-antropologii-kultury> (дата обращения – 05.04.2017).
54. Гирц К. Интерпретация культур. М, 2004. С. 170–176.
55. Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М, 1998. // Электронная библиотека «lib100». URL.: lib100.com/philosophy/ritual_v_sovetskoj_kulture/pdf/ (дата обращения – 02.02.2019).
56. Бондарь Н. И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества, 2011. С. 230–234.
57. Нежигай Э. Н. Советские праздники как социокультурное явление // Нэповская Кубань: сознание и культура населения. Краснодар, 1999. С. 23– 54.
58. Шаповалов С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930 гг. Краснодар, 2012.
59. Новинская Т. Ю. Образ советской сельской женщины по материалам газеты «Сталинское знамя» 1952 г. // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г., Архангельск: В 3-х томах / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Т. И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 1. – С. 121–124.
60. Хлынина Т. П. Политика украинизации Кубани: 20–30-е годы // Дикаревские чтения (4). Белореченск. 1998; Она же: Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и

- воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко- культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1; Хлынина Т. П. Поймут ли славяне славян: о некоторых моментах изучения украинской диаспоры Кубани и Ростовской области // Проблемы новистики и исторического славяноведения (памяти Сергея Вадимовича Павловского). Краснодар, 2010; Хлынина Т. П., Курбат Т. Г. «В этой истории я чуть имею, как говорят, корни»: практика институционализации украинской диаспоры Ростовской области и ее особенности // Украинцы Юга России. Проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Ростов н/Д, 2013.
61. Баранов А. В. Демографическое эхо войн 1914–1922 годов: украинский фактор в социальном и политическом развитии Юга России первой трети XX в. // Великая Отечественная война в контексте истории XX века. Краснодар, 2005. С. 17; Баранов А. В. Особенности формирования украинской историографии нациестроительства и этнического самосознания в конце XX – начале XXI вв. // Вопросы национальной историографии и народных исторических представлений славян и их соседей. Краснодар, 2013.
62. Ратушняк В. Н. История Кубани в датах, событиях, фактах. – Краснодар, 2010. С. 294, 295, 297.
63. Жинкин А., Паламарчук О. Кубань: история, культура, курорты и туризм. Краснодар, 2003.
64. Шумков Е. А. Экономика Краснодарского края во времена СССР (1960-е гг.) // Научные труды КубГТУ. 2016 . № 13.
65. Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее / Н. А. Серогодский, В. Н. Ратушняк, А. С. Демченко, Е. А. Чайка, Д. С. Завгородний. – Краснодар: Традиция, 2017.
66. Захарова И. Ю., Меликьян К. В. Сельское хозяйство Кубани в довоенный период 1937–1940 гг.: Показатели и проблемы развития // Электронная библиотека «Киберленинка». URL.:<https://cyberleninka.ru/article/n/selskoe-hozyaystvo-kubani-v-dovoennyu-period-1937-1940-gg-pokazateli-i-problemy-razvitiya> (дата обращения – 19.03.2018).
67. Черников С. Н. Изменения в материальном обеспечении на селе в Краснодарском крае в 1965–1980 гг. // Портал журнала «История: факты и символы». URL.: <http://historic-journal.ru/2017/materialnoe-obespechenie-na-sele-v-krasnodarskom-krae-v-1965-1980/> (дата обращения – 14.03.2018).
68. Хагуров А. А. Земельная реформа на Кубани: региональный срез / А. А. Хагуров // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 92–99.
69. Кошик А. Под присмотром западного фермера (интервью с Василием Ивановичем Комлацким) // Портал «Русская планета-Краснодар». URL.:http://krasnodar.rusplt.ru/index/chto_proishodit_s_sel-skim_hozyaistvom_krasnodarskogo_kraya-8359.html (дата обращения-19.03.2018).
70. Лохова Т. В. Сельское хозяйство Краснодарского края в 1941–1945 гг. (к вопросу об историографии проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2014. № 4. С. 50–54.
71. Лях В. И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы. Краснодар, 1998.
72. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 172–176.
73. Там же. С. 183–191.
74. Там же. С. 170–172.

75. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб, 2003; Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. СПб, 2003.
76. Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории: сборник статей, 1989 г. / Академия наук СССР, Институт истории СССР; глав. ред. Кучкин В. А. М.: Наука, 1989. С. 3–32.
77. Матвеев О.В. Герои и войны в исторической памяти кубанского казачества. Краснодар, 2003; Матвеев О. В. Историческая картина мира кубанского казачества. Особенности военно-сословных представлений (конец XVIII – начало XX в.). Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь. 2009; Матвеев О. В. Партизаны Кубани в 1942–1943 гг.: героические символы и реальные люди (по материалам устной истории) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2010. № 1–2. С. 101–113.
78. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920-х – 1940-х годов: Жизнь в условиях социалистической трансформации. Ростов н/Д., 2011.
79. Шанин Т. Рефлективное крестьяноведение. М., 2002.
80. Бердинских В. А. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011.
81. Лекция Олега Николаева в музее-заповеднике «Старая Сарепта» // Официальный сайт благотворительного фонда Владимира Потанина. URL.: <http://museum.fondpotanin.ru/novosti/competition/2013-09-17/648363> (дата обращения – 05. 12. 2015); Филиппова И. А. Репрезентация русской ментальности в фольклоре оренбургских казаков. Автореферат дисс... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
82. Напр.: Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 2010 г. (далее – ПМ КФЭЭ)-2010. Аудиокассета (далее – АК) 4216. Станица (далее – ст.) Платнировская Кореновского района (далее – р- на). Информант (далее – Инф.): Мизин Г. П., 1923 г. р. Исследователь (далее – Иссл.): Васильев И. Ю.
83. Васильев И. Ю. С. Р. Сотниченко – портрет украинофила на фоне убийства // Научное наследие Федора Андреевича Щербины и современность. Краснодар, 2014. С. 195–199.
84. Васильев И. Ю. Украинский национализм на Кубани в период гитлеровской оккупации: реальность и вымысел // Значение сражений 1941–1943 гг. на Юге России в победе в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д., 2015. С. 413–417.
85. Матвеев О. В. Историческая картина мира кубанского казачества: особенности военно-сословных представлений (конец XVIII – начало XX в.). Краснодар, 2009.
86. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦД- НИКК). Ф. 1369. Оп. 1. Д. 117. Л. 1 –2; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д. 245. Л. 1а.; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 2. Д. 24. Л. 15; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 5. Д. 44. Л. 5, 8, 10.
87. Алексеев Л. Я. Современные праздники и обряды в деревне. М, 1968.; В добрый путь, молодой хлебороб! (рекомендации по проведению праздника «посвящение в хлеборобы». Краснодар, 1980.; Материалы Комиссии по советским традициям, праздникам и обрядам. Краснодар, 1980; Методические указания по проведению праздника выпускников школ. Краснодар, 1980. С. 3–27; Острожинский В. Е. Обряды в нашей жизни. М., 1980; Приглашаем на праздник. Барнаул, 1974; Совет вам да любовь! (методические рекомендации по проведению торжественного свадебного

обряда). Краснодар, 1980; Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985.

88. Карасев И. Гонки на страусах и охота на африканских сомов / И. В. Карасев // Портал «Российский туризм». URL.: http://russiantourism.ru/main/main_10840.html (дата обращения – 08.01.2018); Васильев И. Карасев И. Наши поля и огороды // Электронное издательство Ridero. URL.: https://ridero.ru/books/nashi_polya_i_ogorody/ (дата обращения – 02.02.2019).

89. Плосков Ф. Свой сахар // Сельская новь. 1968. № 3. 6 января. С. 3; Гришанов И. Коллектив работает отлично // Сельская новь. 1968. № 7. 16 января. С. 1; Лазарев И. Украсим родную станицу // Сельская новь. 1972. № 44. 11 апреля. С. 1; Проходняк М. Вступают в строй механизмы; Деревцов П. Все ра-боты – на машины // Сельская новь. 4 января. 1968; Семья Юрьевых. Где электроэнергия? // Сельская новь. 1975. № 87. 6 июня. С. 2; «Сельской нови» отвечают // Сельская новь. 1975. № 92. 19 июля. С. 1.

90. Воляняк П. Кубань – земля казачья // Родная Кубань. 2002. № 3.; Лавров Л. И. Канун революции и Гражданская война на Кубани. Биографические записки // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999.

91. Салошенко В. Н. Председатели и губернаторы: взаимосвязь времен. Краснодар, 2002. С. 404–412.

92. Напр.: Забазнов А. Н. Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794–2000 гг. Усть-Лабинск, 2010; Забазнов А. Н., Савенко М. Усть-Лабинск: историко-краеведческие очерки. Краснодар, 2015; Сылко С. В. 200 лет станице Воронежской. Хронология, факты, события, комментарии. Майкоп, 2004.

93. Сельские поселения Отрадненского района // Официальный портал администрации Отрадненского района. URL.: http://www.otradnaya.ru/?area=sel_pos (дата обращения – 11.01.2018).

94. Отрадненское районное общество историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора летописца. Документы и материалы // <http://goia.otradnaya.com/documents.php> (дата обращения – 27.01.2018).

95. Население по национальности и владению русским языком по муниципальным образованиям Краснодарского края по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. // Официальный сайт Госстата Краснодарского края URL.: <http://krsdstat.gks.ru> (дата обращения – 13.06.2017); Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов-Н/д., 1929.; Сидоренко А. Ф. Национальный состав населения Краснодарского края по данным Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. Краснодар, 1990.

Коллективы выживания кубанских казаков.

Основой полноценного культурного и социального воспроизводства, сохранения любого общества являются коллективы выживания. Рассмотрим их специфику на примере дореволюционной традиции одного из регионов – Кубани. В данном случае преимущественно будет уделено внимание традиции кубанских казаков с привлечением материалов других о жизни других восточных славян региона.

Основным коллективом выживания, обеспечивавшим физическое и культурное воспроизводство социума, у кубанцев была (и есть) семья либо группа семей. Разумеется, вступление в брак считалось обязательным. Поэтому молодые люди брачного возраста, не сделавшие этого, как и во многих других традициях, подвергались

осмеянию. На Масленицу им привязывали куски дерева – так называемые «колодки» [1]. Прежде всего, этот обычай распространялся на потенциальных женихов, которые и должны были проявить инициативу в деле создания семьи [2].

Ведь именно семейный коллектив выполнял основные хозяйственные функции: обработку земли, уход за скотом, торгово-предпринимательскую деятельность. Именно совместные усилия семьи позволяли физически выживать её членам (большую часть продуктов питания казаки, как правило, производили в собственном хозяйстве). «Сами себя кормили. В общем, имели четыре пары лошадей. Или там быков. Барашек много имели. До ста штук. А у некоторых и до двести было. Обнаковенно жили. Свою живность имели» [3].

В семье был особенно важен практический результат отношений между её членами (такой как добрые отношения и отсутствие конфликтов, успешное воспитание детей, зажиточность). Казачья семья должна была продуцировать людей, максимально соответствующих общепринятой системе ценностей, она должна была справляться с выполнением различных обязанностей (отправка мужчин на службу, исполнение станичных повинностей и пр.). Поэтому каждая семья находилась под постоянным наблюдением станичного общества.

Существует мнение, что в традиционном обществе частную жизнь семьи уважают мало [4]. Для кубанского казачьего социума это не совсем верно. Представления о замкнутости и автономии семьи были предусмотрены системой ценностей. Но чтобы быть автономной и избежать воздействия извне, семья как раз и должна была соответствовать ценностным критериям. Одним из них была безусловная верность членов семьи друг другу. Особенно это было необходимо в отношениях жены к мужу. Ведь она была ценностным знаменем семьи, символизирующим её достоинство. В то время как муж занимался обеспечением средств существования семьи, руководил её жизнью, отвечал за её место в социальной системе и единство.

Поэтому измены жен казакам, находящимся на службе, воспринимались очень остро. В таких случаях супруг бывал не только оскорблён как мужчина, но и чувствовал себя не справившимся со своими обязанностями защитника семейной независимости. Н.Н. Канивецкий описал случай, когда вернувшийся со службы вахмистр потребовал выселения любовника жены из станицы. Сход согласился с требованием [5]. В станице Темижбекской второй половины XIX в. ревность была одним из самых распространённых поводов для конфликтов [6].

Для единства и эффективного функционирования казачьей семьи важна была организованность и дисциплина. Она обеспечивалась за счёт иерархии статусов: старший по возрасту был выше младшего, мужчина – женщины. Но при этом огромное значение имели личный авторитет и организаторские способности. Семья с сильным, всеми признанным лидером обычно преуспевала. «Дедушка посажал всех. Три сына женатых, внуки и зятья жили вместе. Дедушка был хозяин, батько. «Митька, запрягай быков. Бери девчат, ту, ту, ту. Вот туда езжай. А ты лошадей запряжи. Вот туда, туда» - рассказал А.М.Писарев о такой семье [7]. В хороших семьях жены подчинялись мужьям «не за страх, а за совесть». «Он для неё (отец для матери – И.В.) воспитатель и учитель» - подчеркнула старожилка станицы Нижегородской М.Ф. Перепелица [8]. Однако в семье женщина имела достаточно большие возможности для повышения статуса. Их давали возраст, количество детей и самое главное, волевые и деловые качества [9].

Надо отметить, что на рубеже XIX – XX вв. началось размывание казачьих семейных ценностей. Наиболее ярко это выразилось в снижении авторитета высокостатусных членов семей, стремлении ставить свои интересы выше общих. В станице Темижбекской это проявилось в судебных процессах между родственниками, учащении случаев девиантного сексуального поведения [10].

В соответствии с общерусской традицией, наиболее разветвлёнными сетями коллективов выживания были сети, организованные по территориальному принципу. На Кубани также был значим локальный социум, его единство. Поэтому иногда небольшие населённые пункты могут осмысляться как единые коллективы выживания. Единство территориальных коллективов и их сетей проявлялось, например, через праздничный досуг: «Мы ходили (друг к другу) на все праздники. Вот на Новый Год — гуляют у Логача. Следующий праздник (праздновали у других). Какие праздники были при советском времени — мы все отмечали. Сёдня в этой хате, на завтра в другой хате. Друг друга приглашали». Символом единства станичного социума был и отчасти остаётся престольный праздник местной церкви: «Двадцать восьмого - Успение Пресвятой Богородицы — престольный день. У нас храм носит название такое, это престольный день. Мы тада сносим усё. И колхоз (агропромышленное предприятие), конечно, помогает, мясо выписует, масло дают, сахар дают и муку. И там прямо готовим». Различия в прочности социальных связей в различные исторические периоды и в разных населённых пунктах описывается одним из информантов так: «Тут (в селе Гусаровском) друг до друга никто ни идэ! Я казала: «Куда ты меня привиз! Якись лес!». Мы ж там гулялы, постоянно песни. ... (А здесь) каждый сам за себя» [11].

Рассказы о единстве местного социума, успешных коллективных действиях являются неотъемлемой частью корпуса устных рассказов, бытующих в кубанских станицах. Но чаще всего сохранялась память о той помощи, которое станичное общество оказывало своим членам в трудной ситуации, помощь местных жителей друг другу. Помогали как советом, так и трудом. Например, во время постройки хаты тем, кто строился, помогали их родственники, друзья, знакомые [12]. «Делали тада гуртом, почти всем хутором. Я если строюсь — сходятся все хуторяне. Вилами ж кидают с ямы этот замес. На бричке конями возять сюда, где ложить. ... Тада тоже собиралися с села все» [13]. Считалось, что не надо ждать просьбы о помощи, надо идти помогать самому: «Кого звали. А в кого (у кого - И.В.) совесть, придэ, поможе» [14]. Но если кого-то не приглашали помогать в трудоёмких работах, это могло быть поводом для обиды: «Не дай Бог кто-то кого не приглОсе лепить эти кизеки!» [15]. Помощников благодарили угощением: «В труде помогали! Советом! Когда человек недопонимайт, он спросит, ему растолкують. Как раз и приходили, трудом помогали» [16]. Была развита повседневная трудовая помощь между родственниками, соседями: «На неделю, бывало в поле выезжали, с палаткой, там еду готовили. Домой ночевать ездили. А то бабушка ходила, на два двора смотрела. ... это отцова мать была. Ходить. Туда — сюда. Корову свою подоить, идёть тут подоить. Рано встанет, скажет: «Соседки, выгоняйте! Я пойду туды доить». Придёт тут подоить, выгонит в стадо» [17]. «Тада люди очень хорошо жили промеж собой! Бабушка Корнеенчиха сбоку жила. А я ж небольшая была. Она свою коровку подое, прибежит и мою подое. ... Она подое, прибере, подскаже мне» [18].

Местная территориальная самоорганизация в виде станичного / хуторского общества бала и полномочным органом власти. Поэтому для отдельного человека очень важным

было умение так вести себя и разговаривать со станичным сходом, чтобы он чувствовал, что человек признаёт его главенство [19].

Одним из мест средоточия единства общины был станичный зерновой фонд (называвшийся также «магАзин»). В нём местные казаки, пострадавшие от стихийных бедствий и других неурядиц, могли получить зерно для собственных нужд. Пострадавшим также помогали родственники, соседи. «Был фонд заложен. Станичный фонд. Магазин был, магАзин! В этом фонде находилось у нас зерно. И стихия когда постигает, люди туда обращаются, кому необходимо — давали. ... От народа (формировался фонд). Закладали в фонд. Облагали или просто душевно человек отвозил — этого я не скажу. А фонд был, я даже примерно могу сказать, где он находился. Примерно где колхозная заправочная. А то курган сюды (информант показывает). Это там хранилище былО. Это если стихия, чи град, чи что, или если человек просто нуждается. Все ему помогали в этом случАе». «А хлеб уберуть, помолотять, в амбары ссыпать. У человека несчастье, пожар там. Тада ж под соломой хаты были. Или град выбьет. Идёшь до атамана, он пишет бумажку. И дают тебе хлеб — без платы, без ничего. И налог не платили — только за трубы 25 копеек. Это штраф, если труба (дымоход) разваленная» [20].

В 1911 г. жителям ст. Гиагинской, пострадавшим от пожара, было выдано по 50 рублей из станичных сумм [21]. К рубежу XIX – XX в. сходы начали заботиться о местном здравоохранении. «Видны заботы и в организации медицинской части. Приемный покой и при нём аптека вполне удовлетворяют своему назначению» - писал в 1896 г. наказной атаман после осмотра станицы Абинской [22].

Общество станицы Царской вызывало в свою больницу хирурга из Майкопа для проведения сложных операций [23]. При этом, органы казачьего самоуправления помогали налаживать жителям, страдавшим от недугов, необходимое для них общение за пределами общины. В 1873 г. правление станицы Азовской вызвало лабинских казаков С. Мордвинцева и Е. Косова к их тяжело больному родственнику [24].

Во второй половине XIX в. кубанцы начинают активно развивать народное образование. Ведь только получение знаний давало возможность приспособиться к условиям начавшихся быстрых перемен. Например, образованность во многом определяло карьерный рост казака в условиях мирного времени, давало возможность меньше служить и овладеть прибыльной профессией. Это обстоятельство способствовало преодолению недоверия к образованию как к новшеству. К тому же, каждый отдельный станичник всё больше втягивался во всевозможные виды экономических и юридических отношений, для участия в которых грамотность была необходима. Очевидцы постоянно отмечали относительно высокий уровень казачьих станичных школ. Система образования в Кубанской области быстро развивалась. В 1896 г. появилось 14 училищ, подотчётных директору народных училищ [25]. В 1905 – 25 [26]. К числу школ, подведомственных управлению епархиальных училищ, в 1896 г. прибавилось ещё 27 [27]. В 1898 – 78. Всего в этом году появилось 96 новых школ [28]. В 1903 г. четверть кубанских казаков была грамотной [29]. В 1909 – около трети [30].

Исследователю А.Н. Забазнову удалось обнаружить интересный документ. Это записка инспектора народных училищ второго района Кубанской области Е. Григорьева. В ней он ёмко характеризует школьное образование на Кубани. «Кубанская дирекция народных училищ по размаху организации всего школьного дела и должной постановке учебно-

воспитательной части занимает одно из первых почётных мест в Российской империи» - писал инспектор [31].

Таких результатов нельзя было бы добиться без помощи крепкой общинной организации. Заслуги станичных обществ в деле просвещения отражают следующие цифры: в 1905 г. они потратили на нужды народных училищ 653057 руб. [32], в 1909 – 995 573 руб. [33].

Станичные общества по-разному способствовали развитию системы образования. Они возводили здания школ, оказывали им материальную поддержку, всячески стремились к повышению их статуса. В 1909 г. в станице Пашковской одноклассное мужское училище было преобразовано в трёхклассное, а женское одноклассное - в двухклассное. Училища были отремонтированы и расширены [34]. Значительный опыт в деле просвещения, наличие образованных кадров и энтузиазм жителей позволили в разгар гражданской войны (1919 г.) открыть в станице Полтавской учительскую семинарию [35].

Община должна была покровительствовать все принадлежащим к ней вдовам и сиротам, детям служащих казаков и происходящих из неблагополучных семей [36]. Над имуществом сирот немедленно учреждалась опека. Это делалось на сходе. Имущество описывалось в присутствии 3 свидетелей и передавалось избранному на сходе опекуну. Опекун регулярно отчитывался об управлении имуществом [37]. Таким образом, станичное общество отвечало за имущество сирот. Утраченное восполнялось из общественных сумм. Община за свой счёт снаряжала сирот на службу. Опекун был обязан заботиться о приращении имущества сирот. Он отвечал перед обществом за его сохранность. Так, казак станицы Старовеличковской Макар Мижирич давал сиротские деньги в рост. Должник И.А. Зоря оказался несостоятельным. Его имущества не хватило для покрытия долга. Мижирич был вынужден возместить убытки из собственных средств [38].

Члены общины заботились о людях, нужных станице. Казак Переясловского куреня Андрей Щербина, отец выдающего учёного Ф.А. Щербины, был слишком слаб для военной службы и земледельческого труда. Зато он был умен и выделялся хорошим голосом. По решению схода Андрей Щербина был направлен в Екатерино-Лебяжский монастырь для обучения и подготовки к церковной службе. Впоследствии о. Андрей сделал успешную карьеру священника [39]. Это было в первой половине XIX в. Позднее добрая традиция не была забыта. Станицы направляли на обучение будущих писарей [40]. В начале XX в. братья Д. и Р. Хохлины освоили профессию ветеринарного фельдшера на средства общества станицы Ладожской. Впоследствии они были весьма уважаемыми в общине людьми [41].

Атаман станицы Абхазской защищал своего станичника Т. Онищенко от кредитора [42]. Правление станицы Попутной в 1863 г. поддержало казака Буланкина, который был незаконно оштрафован на 8 руб. за порубку леса в юрте станицы Передовой [43]. Расшеватский станичный сбор вступился за чабана Е. Горлова, который избил земельного поверенного станицы Темижбекской С. Щеглова, когда последний застал его на пастбище своей станицы. Сбору удалось доказать, что Щеглов неоднократно вымогал у расшеватских пастухов деньги и нарушил обычай, согласно которому казаки соседних общин свободно пасли скот на землях друг друга. Щеглов был посрамлён и, опасаясь судебного преследования, поспешил замять дело [44]. Казаки поддерживали и тех чужаков, которые оказывали услуги общине. Сбор станицы Абинской постановил

снизить налогообложение для темрюкского мещанина Борзика на 243 руб. 20 коп. за его неоднократную помощь станице «как деньгами, так и делами» [45].

Станичные суды, когда разбирали личные ссоры, старались не столько наказывать виновных, сколько добиваться их примирения [46].

В целом ценностные представления, определявшие функционирование семьи и общины, были тесно связаны. Эти морально обусловленные действия имели большое практическое значение. Они укрепляли единство общины, улучшали отношения между её членами, и тем самым поддерживали её автономию от внешнего мира. «Помогали друг другу. Если делать дом, глину месить – приходили все – знакомые, незнакомые. Не приглашали - все приходили» - рассказал старожил станицы Тбилисской Б.Н.Попов [47]. В середине XIX в. сотник Бирюков, будучи начальником станицы Попутной, снарядил на службу в долг нескольких казаков. Он не пытался вернуть долги в течении всей своей жизни [48]. В состоятельных кубанских семьях было принято держать много работников, что не всегда было необходимо [49]. Это делалось для того, чтобы бедные люди имели возможность прокормиться. В 1866 г. сход станицы Прочноокопской добился права выплачивать казаку Г. Гейкину пособие по причине его старости и слепоты в размере 15 руб. серебром в год [50]. «Взяток не брав, сырит та вдов защищав» - говорил о своих лучших качествах атаман станицы Каневской сотник И.И. Недбаевский [51].

Из приведённых выше примеров видно, что основой общинного порядка, прежде всего, были межличностные отношения. Поэтому общество достаточно эффективно добивалось от своих членов нужного поведения, высказывая ему своё мнение о нём. В его арсенале были и улыбки, похвала, приглашения в гости; и насмешки, обидные прозвища [52]. Об эффективности общинного контроля над нравственностью и поведением косвенно свидетельствует мемуарист С.И. Эрастов. Он отмечал слабое распространение среди казаков второй половины XIX в. матерной брани [53].

Как и у всех восточных славян, место кубанского казака в обществе определялось его личной репутацией [54]. Тесное взаимодействие в повседневном общении, практическая взаимозависимость, теснейшая связь самооценки с внешней оценкой заставляли казака дорожить репутацией [55]. Часто именно ею, а не какими – либо объективными показателями оценивались достижения казака в профессиональной и общественной деятельности. Так, в 1864 г. решено было наградить похвальным листом церковного старосту станицы Отрадной казака Щербакова. Предварительно на это было получено разрешение станичного общества [56]. Дурная репутация могла серьёзно повредить. Вдове Александре Ермоленко было отказано в опекуновстве над дочерью, так как её второй муж не вызывал доверья общества и мог оказать на падчерицу дурное влияние [57].

Огромное значение репутация имела при расследовании преступлений. Когда казаки-черноморцы Левинецкий и Гладкий были заподозрены в краже денег, следователи сразу же решили узнать какого мнения о них однополчане и станичники [58]. Новомышастовские казаки заметили своего одностаничника Н. Евтушенко, который в ночное время гнал куда-то быка. Евтушенко был известен как вор и был сразу же задержан. Бык действительно оказался ворованным [59]. Используя уважение казачьих властей к станичной репутации, община старалась помочь своим членам, подвергнувшимся необоснованным судебным преследованиям [60]. При этом уличённых в преступлениях старались опозорить на всю станицу. Например, их заставляли ходить по улицам с украденной вещью и кричать «Я вор, я вор!» [61].

Для поддержания достойной репутации необходимо было быть честным человеком, т. е. неукоснительно соблюдать определённые правила (не воровать, держать слово, возвращать долги). По воспоминаниям С.И. Эрастова, большим позором для черноморца было прощение ему долга как не способному вернуть. Это показывало неспособность человека отвечать за свои поступки и содержать себя, т. е. исключало его из числа людей, которые сами могут оказывать серьёзные услуги [62]. «Долг надо отдать обязательно» - говорил уже упомянутый П.Я. Романенко [63].

Однако в целом станичный сход был достаточно снисходительным и ценил любого своего члена [64].

В свою очередь станица стремилась не мстить своим недостойным жителям. В казачьей общине официальное право применялось редко. Оно использовалось при взаимоотношениях с представителями других общин, государством и в случаях трудноразрешимых внутренних конфликтов. В соответствии с казачьими традициями поход к каждому отдельному событию был по возможности индивидуальным [65].

Уже наказанных за недостойное поведение членов общества охотно прощало в случае их просьб. Особенно снисходительны были к тем, кто совершал значимые проступки всего один раз. В 1876 г. казак станицы Канеловской был лишен прав состояния за истязание казачки. Вскоре он был восстановлен в правах, так как у него была семья, которую надо было содержать, и он не был ранее судим. Высылка из станицы обычно применялась к преступникам-рецидивистам, чьё поведение доказало нелояльность к обществу [66].

В целом система коллективов выживания кубанских казаков основывалась на объединении семейных коллективов выживания и их сетей в разветвлённые территориальные сети в рамках населённого пункта. Семейные коллективы выживания обеспечивали физическое воспроизводство, социализацию членов общества. Совместные усилия их членов давали материальные ресурсы для выживания каждого члена семьи.

Объединение жителей населённого пункта (территориальная сеть коллективов выживания / территориальный коллектив выживания) обеспечивал взаимодействие между членами различных семей и малых территориальных групп, различные формы взаимопомощи, скоординированные совместные действия. Территориальная сеть / коллектив обеспечивала защиту своих членов от неблагоприятных социальных и природных факторов, стремилась не допускать конфликтов между ними, обеспечивала реализацию значимых для всех социальных проектов. Поэтому она обладала определёнными властными полномочиями. Которые могли эффективно осуществляться только в условиях следования большинством сообщества определённым принципам и социальным нормам.

Примечания.

1. Креминская В.Ю. Живая старина станицы Бесленевской // Кубанский краевед. Краснодар, 1990. С.186.

2. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции. 2002 год (далее - ПМ КФЭЭ). Аудиокассета (далее - а/к.) 2742. Станица (далее - ст.) Воровсколеская, Информанты (далее - Инф.) Головки Н.Г., 1939 года рождения (далее - г.р.); Передрий Т.Ф., 1938 г.р. исследователь (далее - Иссл.) – Рыбко С.Н.

3. ПМ КФЭЭ-2008. а/к 3959. ст. Суздальская. Инф.: Белобородов Г. В., 1929 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.

4. Кон И.С. Сексуальная культура в России. М. 2005. С. 21.

5. Канивецкий Н.Н. По станичному приговору // Канивецкий Н.Н. На вершок от счастья. Краснодар, 1993. С. 10.
6. Передельский Е.. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней // СМОМПК. Тифлис, 1883. Вып. 3. С. 20 – 21.
7. ПМ КФЭЭ - 1998. а/к 1533. ст. Сторожевая. Инф.: Писарев А.М., 1918 г.р. Иссл.: Рыбко С.Н.
8. ПМ КФЭЭ - 2003. а/к. 2950. Ст. Нижегородская. Инф.: Перепелица М.Ф., 1924 г.р. Иссл.: Рыбко С.Н.
9. Мануйлов А.Н. Статус женщины в обычномправовой системе казачьей семьи и станичного общества на Кубани (вторая половина XIX- 20-е годы XX века). Армавир - Краснодар, 1998. С. 44 – 46.
10. Передельский Е. Указ. соч. С. 20 – 21.
11. ПМ КФЭЭ-2018. Аудиотрек (далее - а/т) Гус2. с. Гусаровское. Инф.: Логач Е.А., 1946 г.р., уроженка х. Стуканов. Иссл.: Матвеев О.В.
12. ПМ КФЭЭ-1996. а/к 1113. ст. Удобная. Инф.: Кирильчук В.М., 1898 г.р. Иссл.: Бондарь Н.И.
13. ПМ КФЭЭ-2018. а/т СС1. ст. Спокойная Синюха. Инф.: Романчук И.Н., 1935 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.
14. ПМ КФЭЭ-2018. а/т СС3. ст. Спокойная Синюха. Инф.: Благодарова В.Г., 1938 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.
15. ПМ КФЭЭ-2018. а/т Гус2. с. Гусаровское. Инф.: Логач Е.А., 1946 г.р., и, урож. х. Стуканов. Иссл.: Матвеев О.В.
16. ПМ КФЭЭ-1996. а/к 1112. ст. Удобная. Инф.: Кислицына В. М., 1902 г.р., м.и. Иссл.: Бондарь Н.И.
17. ПМ КФЭЭ-1996. а/к 1080. ст. Удобная. Инф.: А.С. Федоренко, 1913 г.р. Иссл.: Богатырь Н.В., Чубова Е.И.
18. ПМ КФЭЭ-1996. а/к 1112. ст. Удобная. Инф.: Кислицына В. М., 1902 г.р., м.и. Иссл.: Бондарь Н.И.
19. Щербина Ф.А. Моя Деревянковка // Родная Кубань. Краснодар, 2003. №2. С. 126.
20. ПМ КФЭЭ-1996. а/к 1094. ст. Удобная. Инф.: Кущенко А.Г., 1908 г.р. Иссл.: Капышкина С. Ю., Самарская А.
21. Чижик – Пыжик. Гиагинская // Майкопская газета. 1911. №210. С. 3.
22. Цит. по: Басханов А.К. Линейцы / А.К. Басханов, М.К. Басханов, Н.Д. Егоров. Никосия, 1996. С. 129.
23. ПМ КФЭЭ – 1993. а/к 448. Инф.: Романенко П.Я., 1923 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.
24. Государственный архив Краснодарского края (далее –ГАКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.
25. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1896 год. Екатеринодар, 1897. С. 41.
26. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1905 год. Екатеринодар, 1906. С. 55.
27. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1896 год. Екатеринодар, 1897. С. 41.
28. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год. Екатеринодар, 1899. С. 48.
29. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1903 год. Екатеринодар, 1904. С. 72.

30. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1909 год. Екатеринодар, 1910. С. 75.
31. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1450а. Л. 2.
32. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1905 год. Екатеринодар, 1906. С. 58.
33. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1909 год. Екатеринодар, 1910. С. 70.
34. Станица Пашковская // Новая заря. 1909. №693. С.3.
35. ГАКК. Ф.1. Оп. 1. Д. 546. Л. 1.
36. Ивченко И.В. Попечительское дело в общине кубанских казаков // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994. С. 155.
37. Там же. С. 155 – 156.
38. Там же. С. 159 – 161.
39. Щербина Ф.А. Моя Деревянковка // Родная Кубань. Краснодар, 2003. №2. С. 126.
40. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.
41. Дергунов Ф.С. История станицы Ладожской. Краснодар, 2000. С. 138.
42. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 31.
43. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 23. Л. 1 – 3об.
44. ГАКК. Ф. 358. Оп. 1. Д. 43. Л. 1 – 32.
45. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 – 2об.
46. Ивченко И.В. Эволюция казачьего самоуправления на Кубани (по материалам законодательства) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 25.
47. ПМ КФЭЭ – 1999. а/к 1735. ст. Тбилисская. Инф.: Попов Б.Н. Иссл.: Рыбко С.Н.
48. ГАКК. Ф. 358. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
49. Эрастов С.И. Воспоминания старого екатеринодарца // Родная Кубань. Краснодар, 1998. №2. С. 122.
50. ГАКК. Ф. 354. Оп. 1. Д. 60. Л. 1, 2, 5.
51. Недбаевский М.И. Поведаю вам о старовине... // Родная Кубань. Краснодар, 1998. №3. С. 87.
52. Очерки истории органов внутренних дел Кубани. 1793 – 1917. Краснодар, 2002. С. 198.
53. Эрастов С.И. Указ. соч. С. 114.
54. Громько М.М. Традиционные нормы поведения и нормы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 106.
55. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков. Екатеринодар, 1891, С. 60.
56. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.
57. Цит. по: Ивченко И.В. Попечительское дело в общине кубанских казаков // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994. С. 158.
58. ГАКК. Ф. 285. Оп. 1. Д. 72. Л. 19.
59. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 460. Л. 1об – 2.
60. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 440. Л. 32.
61. ПМ КФЭЭ – 2002. а/к. 2742. ст. Воровсколеская. Инф.: Головкин Н.Г., 1939 г.р. Передрий Т.Ф., 1938 г.р. Иссл.: Рыбко С.Н.
62. Эрастов С.И. Указ. соч. С. 126.
63. ПМ КФЭЭ – 1993. а/к 448. Ст. Новосвободная. Инф.: Романенко П.Я., 1923 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.

64. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 17 – 17об.

65. Щербина Ф.А. Моя Деревянковка // Родная Кубань. Краснодар, 2003. №2. С. 126.

66. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 499. Л. 4об.

Гибель старого мира

1. Гражданская война в устной истории кубанских станиц

Кубанская область в предреволюционный период была одним из наиболее динамично развивавшихся регионов Российской империи. Быстрый рост промышленности накладывался на высокий уровень товарности сельского хозяйства и высокий уровень развития сельских населённых пунктов региона. Стремительно развивалась транспортная сеть (железнодорожное, речное и морское сообщение).

Одновременно как города, так и станицы области испытывали серьёзную миграционную нагрузку – приток населения самого разного социального статуса и образовательного уровня. Это, с одной стороны, способствовало ускорению развития региона, а с другой – усугубляло социальное расслоение, способствовало обострению разного рода противоречий.

В условиях длительного участия России в Первой Мировой войне сказывался большой процент ее участников, особенно среди казаков, близость к закавказскому театру военных действий.

Если горожане и иногородние были носителями инноваций, то основой стабильности, преемственности развития в регионе было кубанское казачество.

Среди казаков постепенно нарастало имущественное, профессиональное и идеологическое расслоение. В целом казаки, как и представители других категорий населения Российской империи, все больше стремились самостоятельно выбирать свою жизненную стратегию.

Но при всем при этом казачья идентичность, войсковая структура и самоорганизация (например, коллективы выживания, их сети) обладали значительным запасом прочности, который помог кубанским казакам в условиях начавшегося гражданского противостояния достаточно долго оказывать сопротивление своим противникам, что провоцировало их ответную жестокость, стремление полностью переформатировать уклад жизни в регионе [1].

В свое время Кубань стала одной из важнейших арен развернувшейся в России в 1918–1922 годах Гражданской войны. На Кубани боевые действия имели место в 1918–1920 годах. До 1924-го на Кубани продолжалась партизанская война против большевиков.

Такие важные исторические события не могли не отразиться в народной памяти. Недаром рассказы о Гражданской войне достаточно сильно эмоционально окрашены и распространены среди старожиллов кубанских станиц, родившихся в первое двадцатилетие XX века [2].

Практически всегда исследователи сталкивались с рассказами не самих участников событий, а их детей и внуков. Когда происходили сами события, они либо были детьми, либо узнали о них от старших родственников.

Исключением является рассказ старожилла станицы Кардоникской М. Я. Могильного, боевого казака, непосредственного участника событий. Рассказ его поистине уникален: «Четвертый год война идет. Солдаты забунтовали. Казаки до последнего бились. Солдаты бунтовали: «Что мы в окопах? Война и война. На черта она здалось нам?».

Николай-царь приехал на фронт. Собрание проводили. Говорил: «Дети мои, потерпите еще! Войну закончим!». Конец приближался. Уже мы захватывали скрозь у Турции. Царь говорил: «Потерпите, закончим. И тогда и дети ваши не будут воевать, и никто не будет. Уже будет Белый Царь, и на нас никто не будет воевать». Солдаты бунтуют. Немного пособилося. А потом опять. Заварушка там идет, на фронте. Вот уже доносится в селы, что свергнули царя. Казаки обидились. Мол, в чем дело. Население. Сняли. А брата поставили. Управляющим. Управлять. Война идет. Больше на войну обращали внимание. Приезжал тоже. Тоже, мол, дюже не теряйтесь. Наладится дело. Шо оно будет. «Не волнуйтесь. Воевать не бросайте. Надо закончить войну». Не помогло. Там еще начали бросать фронт. Объявили: «Войне конец. Не убивайте друг друга». И начальники объявляют. Еще не было Ленина. Да, было слово «большевики». Последний раз выезжал брат: «Войну надо закончить. А потом дело уладиться». Не улаживается. Солдаты бунтуют. В войсках объявили, что это, мол, «господин полковник» титулуют. А «товарыщ». Командир «товарыщ» и все. Это уже все в села доносится. Власть переминалася. А потом уже доносится слух с хронта, что, мол, хронт вакуируется. Никакой службы. Добровольны наемники. Будут нанимать. И будут обслуживать. Нанимають, платили хорошо. Так оно и получилося. Всех пустили с войны. Повыходили. Правда, немац еще не послушался этого. В висимнадцатом году воевали еще. Черти сколько их шло на Россию. Все равно отбивались. «Еще будем воевать». А уже две партии. Большевики назвались большевики. Ленин тут стал немного скандалить. Что их два: Зачем им два руководителя? Ленин и Троцкий. Два руководило. Не пойму я и сейчас, к чему два руководителя? Напоминали. Троцкий и Ленин. А где они? Что они делают? Их, большевиков возглавляют. Они большевиками владають. Большевики – командиры. Те ж войска. Те солдаты, те казаки. Не господин, а товарыщ. А потом отпустили, значить уходить домой. Пошли все домой. Ну, приходють домой. Охфицеры еще оставались. Мой дядя. Не один. Материны братья. Приходють. Говорять: «Война – то так. А вы, хоть и товарыщи и война кончилась, а война не кончилась. Вы придете и вас заберуть на фронт». И задумались: «Как же так? Война кончилась, а заберуть и будете воевать?». А так правильно. Начали шайки набираться. Казаки не хотели советскую власть. Начали сбигать. Придумывают. Атамана не надо. Ревкомы. А не хотели: «На черта вы здались? Атаманами буду, а так не хочу». Пришлось опять Атамана становить. Выкидають атамана, и все. Та власть приходит – никаких атаманов. То мы в станице сбором: «Такого-такого». А то присылають черти откель: «Вот вам председатель». А что он понимает. Как землю поделить, как что – у нас свои порядки. «На черта он нам сдался?» Выгоняли, правда. Выгонялы то выгонялы, а власть свое берет. Присылають, и они порядок устанавливають. Бросають, не участвуют. В митингах. На митинх не йдут. В Кордонику так было. А там только про советскую власть. «Вотак, вотак будеть», – рассказывает. – «Вотак-вотак». Не хотять. Эти ж приходять. Да и свои, у кого мало хозяйства, нанимають. А без совета ты не наймешь. То пришел, договорюся. Работаить, за чо мы договорылися. А то уже ни, в совет записывают. Регистрируют, что такой вот такой, цену.

Плохо казаки относились к Ленину и Троцкому. Мол, они власть коверкають, и по ихнему не будеть, что они затевают. Это гиблое дело. Уже какие руководители, кого они там назначуть, этого не будеть. Гиблое дело. Мы уже невольники будем. Шайки начали набираться. Что он против казачества, это говорили. Что притесняют опять, насилие. Ихняя власть. А царь хорошо руководил. А эта власть меняется. Все возьмут в

руки. На Ленина недовольствие было. И про этого говорили, что не наши люди, и про того.

«Они нам не нужны», – говорили. Притесняют, тут это работников нанимать. А через год, через два – раскулачивать. А тут и вовсе недовольствие на Ленина стало» [3].

«Я левофланговый был. Наша сила – наступаемо. Они нагонят силу – наступаемо. Попал на мост. А там топко, черти что. Идет черти куда. Туда не переедешь – мост. А моста нету. За мной товарищ ехал с Кардоникской, Нестеренко. Отбились. Бежали-бежали по-над этим ериком. Давай через речушку эту. Примерзло где. Но топко. С коня уздечку все сняли, на его привязали – двигаемся... За уздечку я перешел: «А ты подмогай». Потянулись. Уздечку сняли. Перетянули. А они уже тут, красные. «Здавайтесь» – нагоняют. – «Не ровный фронт. Мы тоже кубанцы». Мы выскочили. А у нас парень был больной. Он раньше в обозе был. А потом с обоза выгнали. Иди куда хочешь. И ко мне командир придирался. Да я приноровился. Наступать хорошо было. А отступать – обрезало. Закричал: «Поворотити коня!». Повернулся, а его уже убило. Стреляют. Спрашиваю одного: «Помоги». Он мне помог убитого на коня. Они с седел все бьют. Но уже мимо. Так мы и ушли. Дальше. Отступление идет. А теперь как старший за тем убитым. Уже и Дон захватило. Теперь уже на подводе отступаем. На третий день часть догнал. Половину потеряли. Я мог остаться. А домой надо убитого. Никак не вырвишься. Так, дезертир. А с убитым домой – можно. Убитого привез домой. Похранили. Атаман наш последний. Повестка: «По коням». Уходи, казак, на фронт. А я: «Иди к черту». С убитым приехал – надо дольше побыть. – «Завтра – день дома. Помойся, побройся. А после завтра уезжай». А я дома. Дальше. Нейдю. Опять повестка. А уже уполномоченных назначили. Приходят. Дома. Военнообязанный. «В совет». Иду в совет. Говорю: «Я только от тех». Говорят: «Если не пойдешь, повешаем». Наказывают. Надо воевать. Я еще ничего не боялся. А потом забоялся. Опять идет. Из назначенцев. Приходят третий раз: «Чего не уезжаешь? Когда ж ты выйдешь? Сегодня дома побыть, а завтра выезжаешь. Перед атаманом отчитаюсь, что отбыл на фронт». А я не хочу. И дезертиром быть страшно. А ему тоже жалко. Пойду. А ночью прибегают двое с фронта. Мои знакомые. Один такой, как я годом. Другой – старше. Мать вышла ночью. Вот так и так. «Да его дома немає». Мать входит, говорит. Я говорю:

«Выйду, это мои товарищи». Выйшов я до них. «Вы как?» – «В горы». Приходят красные Дома не спасешься, опять же туды. – «Ну что я вам посоветую? На время в лес. А ночью и домой можно. Или дома скрывайтесь. Скрывайтесь!». А они тоже воевать не хотят. Ну и больше их не видал. Поехали. А я натягую, натягую. Потом этот старик перестал до меня ходить. Слухаю. Красные вот уже идут, идут. Ну и так пришли красные. В двадцатом году. И приходит советска власть. Мобилизуют. Уже никто не идет. Кто в лес схоронился. Кто дома. Что делать? «Ну, давайте встречу сделаем красным». А никто не хочет. Убьют да и все. Казаков не убивали. На дурака наскочешь при любой власти. Может, и билий... Один отчаялся: «Я поеду! Я поеду на встречу». – «Ну, езжай!». Ждем. Ничего нема. Ни войска, ни че. Приезжает он оттель. Сказал: «Миримся». – «Миритесь? Оружие, какое есть, сложить. По станице. Лошадей – следить». Лошадь моя – никаких-то чужих. Краснормейцы никто никуда. Дома сидеть – и все. Кто сидеть дома. А кто – в лес убегать, хорониться. Приходят они рано утром. А тут Еремин фамилья. Еремин Иван. В лес сбежал. А они за станицей до й поймали его. Да в совет. Не в совет, где армия. Туда затурили. Их командир. Посадили его, сидеть. Сидеть. К обеду колокол звонить. Идем. Я вышел. Люди в совет. Белого поймали одного.

Убивать будут. Покричал, покричал. Сходка, люди. Мы не расходимся. Он красноремейцев убил – его вот поймали. Это наш круг, рада. Стоять. Си- дять два человека. Подогналы. Выказался начальник. Как он его назвал, чи пленный, чи белый. «Направо. Шагом арш!». Шагает. И пошел домой. Отпустили. Казаков не расстреливали. На виду я не видал. «Товарищи! Вот это власть идет. Вот это люди идут! Своим рукам свою власть. А эти вот помещики обманули вас. Заставляют. Моблизовали. За что человека расстреливать? Он невинный». А еще много в лесе. «Кто в лесе, кто за лесом – идите и живите. Работайте. Никто вас не тронит. Если будете скрываться – облаву сделаем. Пощады не будет! Будем там стрелять». На другой день какие там в лесе поприходьли. И ничего. Живем. А сколько потом началось выборов. Голосов лишать. Лишить голоса. Понемножку, понемножку. Но все равно восстанавливались. Пока до колхозов. Офицеров потом выселяли. Погоны вырезали на плечах, если с погоном поймают. Сволочи. Офицера красные, кустарные. Не у нас в станице. Под Белгородом пленник пригнали. Один раз пригоняем. Ребята хорошие. Сотни четыре так. Порядочно. Мы заставили песню. Догоняемо до штаба. Там Шкура. Не хо- тять воевать – там повыбирают. Какие, может, нужны. Они как загра- ли: «Из-за лесу выходили... Калина красна э-э-э-х / Дома коли попади». А в штабе не знают, что пленник. Пригнали, а никого нема. Пришел потом один. Ну и Шкура тоже обосрался. Испугался, ну выходить. Поругал: «Что вы делаете? Рази можно это делать!» Пленник заставлял. А он думал, что красные наступают. Красные идут. А их там куческа. Поругал. Ничего, что у нас шесть человек. Два впереди, два по бокам. Белые пели казачьи песни: «Ты, Кубань, ты наша Родина...», «В горах скалистых...». «Едут, едут в край зеленый у станицу / Обогреться, обсушиться, каши наварыть/ Каши мы наварим, мягких хлебов напекем,/ Сложимся по деняжке – за водочкой пошлем/ Выпьем мы по рюмке – позавтракаем/ выпьем по другой – разговор поведем/ Выпьем и по третьей – у поход пойдём...». У хопров была. Бой кончиться – поиграем. Утром построимся – и опять у бой. Это мы с песнями. Еще такой случай был. Пленник выстроили, красноармейцев. И гнать. Тоже я попадаю. У конвой. Считает. Такой немудрячий, что оно за зараза. Но погон белый. Идет и плеткой шлеп. Опеть шлеп. Офицер. Я хоть молодой, а порядок знал: «Сволочь!» «Тебе что, большевиков жалко? – «Иди на фронт, там бей!» А конвою разрешалось. Часовой – неприкосновенное лицо. Так называлось. А имел право, я их охраняю. Офицер ты, не офицер. Так и у красных были сволочи. И Шкура тоже. Чи по власти, чи как. Такого он не делал. Плохого не делал. За власть воевал, старый порядок. Восстанавлил, и все. А эти – новый порядок. Красные пришли – атамана убрали. Чем ни бедней, чем ни хуже – его вверх пихают. Даже лозунг был такой: «Кто был ничем, тот станет всем». Негодный он, а его ставлють» [4]. Однако почти во всех других случаях рассказы почти всегда ведутся не с точки зрения комбатантов и политических активистов, а мирных жителей. В рассказах четко прослеживается ощущение ненормальности, бессмысленности Гражданской войны, преступности обеих враждующих сторон. Весьма характерно такое высказывание. «Приходить – кажут, били. Через несколько дней идут красни. У лошади хвосты обрезаны. А там сы- нии, голуби были. Едут, а на шапках лента. Били – значить били. Тоди всех боялись. Забиралы все. И билых выгнали. Красни. Сегодня зваходять, сры- вають двери. А завтра-послезавтра били это творят.

Мой дид воювал. А потом такой Адрий был. И вашим и нашим. Как зайдуть, ленту натянет на сэбэ. Братья у билых были. А потом конэй побросалы и что-то началось такэ. И дома были. А потом опять забрали у Красну армию» [5].

«Красни були, бели. Менялися. Чуешь, уже красные. Зэлэни були. Николенко в них бул. Все наши, гривенски. Хавались тута. Боролися черти за че» [6].

«В революцию. Бежать, кричать. Ловлять их, убывают. Скот ревэ, кричить. По улицах бродэ. Кто хочет – пиймал, риже, в бочку засолие. Кошмар был» [7].

«Сегодня пришли красные – бьют. Зашли били – опьять бьют. И все равно бьют. Шо ж робыть. У страха глаза вэлики. И давай тоди драпать» [8].

«Воевали. Сколько раз занималась станица. То красные, то белые. А кто переносили? Переносили не вояки. Мирное население» [9].

«Перекоп брать всех мужиков гнали. У кого одна лошадь, у кого две. Озеро это соленое – ноги поразьедало солью» [10].

На восприятие информантов в ряде случаев повлияло детское ощущение страха и незащитности перед насилием. Еще большее значение имела последующая рефлексия старших – участников событий [11].

Возможно, во время самой войны они также стояли на нейтралистско-паци-фистских позициях. Но очень часто они все же активно поддерживали одну из противоборствующих сил. Связывали с победой «своих» лучшее будущее. Но впоследствии пришли к выводу, что война была бессмысленным братоубийственным насилием. Особенно в этой связи большое значение приобретает последовавшие за войной рассказывание, коллективизация и репрессии. Огромное место в воспоминаниях о Гражданской войне занимает тема репрессий, тех расправ, которые производили над своими противниками красные и белые. Для многих порки, виселицы и расстрелы стали основным содержанием воспоминаний о Гражданской войне. Они буквально затмили для многих старожиллов все остальное. Стали символом времени, резко негативно окрашенным.

Можно особенно выделить запомнившиеся старожилам способы расправы: у белых – порка и виселицы; у красных – расстрелы. Особо выделяется террор во время боевых действий и «зачистка» красными Кубани уже после окончания непосредственно самой войны.

«В восемнадцатом году пишол не туда воевать. Чи шо делал. – Несколько плетей. Сказалы, сколько плетей. Там была Казаматка. Там пороли. Отпо-ролы и пустилы» [12].

«Забиглы красни, кажэ, а, ты кажэ, сукын сын, красним стирала, варыла, были плеткамы. Черыз 5-10 мынуть красних нагналы, билы забиглы, а ты красним... Были и расстрелы, свои своих» [13].

«В восемнадцатом году была большая порка. Пороли чуть не каждого. Пороли и мужиков, пороли и женщин. Что-нибудь лягнула неправильно – попала под порку. В совете, в коридоре пороли. Ложись – она ложиться. Два стоят палача» [14].

«В восемнадцатом вешали людей. Белые. У совета там белолистики. Они начали вешать. На скамеечку становили. Партизанов красных. Соседей – Безуглова, Радькинова. По соседству. Мой отец с ними работал. Корчували в лесе. Ему жалко, что они висят. Снимали. Он как увидал – и упал. Как пришел домой, так и кончился. Удвенадцать часов вечера. Мы, дети, станимо у порожику, а он все. А тада он только жинке признался, показал, что такое дело. Белые были станичники. Белые со станицы были. Был из них такой Максимов Иван. Он в колхозе кладовщиком стал. А я кухаркой. А голод был. Я

говору: «Ты нашего отца убил, а теперь корми!». Он такую бучу поднял. А я свое. «Что ты сделал, то и тебе будет!». А тут начали раскулачивать. И его первого цап. И забрали черти куды» [15].

«В революцию занялы Кореновку, день был воскресенье. Два батюшки. Оба правые. Одного вывели в ограде расстрелялы. А другой остался.

Во время революции преходыли войска. Березанка преходыла в день три-четыре из рук в руки. Приезжают до забора. Три всадника-кавалериста. Большевики. Позвали старика и старуху. «Где ваш сын?» – «Да кто надьсь знае? Чи в кадетив, чи в большевикив». Один только раз. Дида зарубал. И у пекарни родыч. Не знаю – ти или други. Тоже у забора порубалы. Стали после балакать: «Провокация мол. Красные это не делали» [16].

«Тута стена стояла, в Гражданскую расстреливали. Около церкви, у ограды. У мамы отца расстрелялы, дядю. Камень аж кровью напитался. Сломали, увезли в Новосвободную, что-то там построили с этого ка мя» [17].

«Там маленькая тюрьма была. Биля той тюрьмы большая росла акация. Как глянула: белые повесили человека. Потом белые отступыли» [18].

«Жгли дома. Атаманов дом сожгли. Потом-таки крестьянские. Эти были гвардейские. Кто в гвардии служил при царю – ихние дома пожгли много. Еременко, Кузякин. Еременко где-то забрали. Еременко еще жил, и при советской власти. Это может лет 9–10, как не стало его. Маво дядю расстрелялы. Стехфан Нестерович. Он был офицер. Его расстрелялы. Яры-гинова Петра расстрелялы. Сын атамана. В Зеленчукской станице. Они туда ушли. А там эти такие были, нагородние вообще. Их там заметили. И поймали их там. И они их покололи штыками. Одинцов колол. Из красных солдат никто не хотел. А эти согласились. «Мы их поколем Мы как мужики, мол». Расстреливали многие. Я овец пас как раз. У нас эта, раздача овец. К седьмому числу раздаем. Маслов был ярый, как бандит. Он людей расстреливал. Овечек забрал – погнал. Не успел до двора. До двора догнать – его забрали. Бочаров был Петр. Его тоже забрали. Много, даже вот за нашим огородом расстреливали. Бочарова расстрелялы, Терзеева расстрелялы. Тут вот за огородом расстреливалы Акимова, Шабалинова» [19].

Кубанской фольклорно-этнографической экспедицией было записано несколько рассказов о расправе красных над казаками станицы Удобной: «В 18-м большевики наступали. К нам ишли. Потеснили казаков. Вошли в нашу

станцию. И давай репрессировать всех казаков. Вывели на Мокрянку попа, казаков всех, которы зажиточны, и расстреливали. На горе Бикет расстреливали. Но Мокрянке примерно человек 20. Под Бикетом – 7 человек. Они пострелялы – и все. После них брали и на кладбище носили». Тут, где у нас больница находится, там было гектара два саду, мельница своя. Там тогда барыня, богато она жила. Ее и богатых штук шесть женщин взяли и посадили у школе. В часа четыре или пять полковник назначил вывести и расстрелять. Вся станица: «хамы, большевики!». А они шашками гонють, расстреливать. А те целуются с родными, прощаются» [20].

Местный старожил В. М. Горедееенко рассказал, как в ходе этой расправы погибла его мать: «... С пулеметов вдарили, а мы кричим, нас детей малых девять душ осталось. Тут же недалеко наш двор. Это под Бикетом двадцать четыре человека, шесть женщин». – «А расстрелялы зажиточных?» – «Зажиточные больше, хозяйева. Отходить он, отходить. Как махнул шапкой, пулемет застрочил. Мимо моей матери пуля пролетела, а она жива осталася. ... Большевики не дюже далеко отъехали верхами, а она схватылася, а мы кричим. Она: «Мои деточки, я жива осталася!». А они верхами сюды, и шашкой

докололи. А есть такие, что притаились». – «Это на ваших глазах?» – «На наших глазах. Есть такие, кого не убили, он упал и кровью намазался. И остались живые. А мать моя не сумела так сделать. Упала бы – в живых осталась бы. А она стала кричать...» – «А как ее звали?» – «Евгения Ивановна. Вот это расстреляли. А потом выкопали яму под Бикетом, выгнали все село. В яме позакидывали» [21]. По рассказам некоторых очевидцев под станицей удобной расправились с крестным ходом в честь молебна о прекращении засухи... «Расскажу за Мокрянку. В церкву ходили. Батюшка как кончить служить, проповедь говорить. Дождя не было. «Давайте пойдем с водосвятием!» А мы уже были большими. Назначают день, покупают быка, берут святость. Обходили поле, и возле Крестового родника обед отдавали. Это как на Японский ехать, на горэ. Там часто воду святили. Обошли и пришли до этого родника. А святость какая была! По два человека носили или по три! И ото постановили в козлы, сели, пообедали. И тада пошли прямо через балку. Там еще маслозавод стоял, Белый Ерик называется. И только на вулицу зашли – а у тут Кияшко! Он был и за советску власть и туда. Вот его пока не посадили, он это все одобрял. Он был на открытой машине на вулице. Он дал команду святость передать женщинам. Передали. А мужчин поставили в строй и поа вместе с ними. И на Мокрянку. Ниже полудня солнце было, когда их порастреливали. И тада расстреляли, барыню, что жила, где больница щас. Много виновных понаходили» [22]. По словам некоторых информантов, тела погибших не давали хоронить: «Не давали хоронить, не давали! Это потому нагородних подводу нашли (отвезли, похоронили – И. В.)» [23]. Старожилы рассказывали, что красные прежде всего расправлялись с зажиточными казаками: «...Под Бакетом. Сорок человек вывели. И расстреляли. Ситника, Ворону, Череду. Над кручей вывели и расстреляли. У Ситника была мельница. У Вороны была мельница и две паровых машины. Вывели и расстреляли. Самих таких сначала. Зажиточных» [24].

Взаимная жестокость воюющих сторон проявлялась и в отношении мирных жителей, и бойцов противника. «Когда Терновскую белые брали – он был на тачанке там с отрядом со своим. С ним был морячок один. Выпили там, пьяные были. Отряд ушел – они задержались. Выехали из Терновки – их белые прихватили. Сбили с тачанки и гнали до трех курганов, что находятся здесь за сахарным заводом. Но на одном из курганов привязали за шею вожжами. Сами зашли на курган и стали гонять вокруг кургана. Пока силы не иссякли, а потом пристрелили. Этого родственники забрали, похоронили на кладбище. Моряка этого на кургане и прикопали. Было много случаев, что расстреливали. Был тут у нас настолько безалаберный казак, что не считался ни с кем. Когда в июле пришли сюда казаки, ехал работник с подводой в поле на мажаре. Подъехал – его зарубил. Решил захватить ценности. В конце станицы на лугу раньше работали болгары. Имели огород. Казаки раньше огородов почти не имели. Болгары выращивали помидоры, огурцы, капусту. Он пришел, набрал команду, порезал всех, все ценности забрал. Пороли, очень много людей били, особенно женщин. Особенно женщин пороли за то, что их мужья находились в рядах Красной армии» [25].

«Вечером, в это время белые занимали. Ведут за станицу, Сапатый курган называется. Людей убивали там. Сами копали могилы. Их вечером ведут, а тут речка была. Расстреливали красных» [26]. «Деникинцы забрали подводу, лошадей. Отступали на Тихорецк. Брат испугался: «Я никуда не поеду, езжайте сами». Бросил лошадей, вожжи. Они его нагнали, возле креста привязали, расстреливать начали. На него повлияло, так и получилось, что ума лишен был» [27].

Основными жертвами красного террора нередко становились священники [28]. «Тут и рассреливали, тут и вишали. Красные рассреливают, белые вишают. Священников порасстреливали» [29] «Полковницкая балка. В 1918 году там полковника убили. Есть место – «на попа» называется. На этом месте попа убили. Или в 1918-м, или в 1920-м» [30]. Но при этом красные командиры порой принуждали священнослужителей отпевать погибших красноармейцев. Иногда они настаивали, чтобы красноармейцев хоронили в церковной ограде. При этом отношение священства к событиям Гражданской войны, смене власти было неоднозначным и во многом зависело от личного выбора. Весьма характерной была позиция христианского гуманизма, стремление «оставаться над схваткой» [31].

Но тех, кто хотел остановить кровопролитие, также нередко уничтожали: «В период революции был здесь атаманом Будаев Степан. Это был такой прогрессивный атаман. Жил там, где сейчас построена церковь. Погрессив- ный, дальновидный. Когда красных отсюда выгнали, тут были такие офицеры белой армии. Павлов, Фролов. Казачьи офицеры. И вот они учинили над ними расправу. Кто поклонялся красным. Построили виселицу, где щас баня. Вторую виселицу – где сейчас склады. Зерносклад. А атаман Будаев приказал срубить эти виселицы. «Кто с большевиками, тот ушел с большевиками. А своих я не позволю стрелять, вешать и так далее. Напротив правления колхоза, там сейчас сохранилось маленькое здание. Там жила Малютина вдова. Они устраивают там гулянку, приглашают атамана. Сажают его спиной напротив окна. Один дал пистолет этой Малютиной. Она в спину убила этого атамана Будаева. За то, что он не позволил сделать расправу среди казаков станичных» [32].

Хотя нередко миротворческая деятельность на местном уровне проходила более гладко. Например, в станице Сергиевской и казачья, и красная местные власти старались не допустить ведения на территории станиц военных действий, в случае чего вели переговоры, подносили подарки [33]. Ведь станичные горизонтальные социальные связи были прочными, основанными на решении насущных, жизненных, а не политических вопросов. «А хлеб убе- руть, помолотять, в амбары ссыпать. Хлеб у человека несчастье, пожар там. Тада ж под соломой хаты были. Или град выбьет. Идешь до атамана, он пишет бумажку. И дают тебе хлеб – без платы, без ничего» [34]. В этом отношении показательны различия между станицами Закубанья. Они делились на горные и плоскостные. В горах больше внимания уделяли месту жительства, чем сословной принадлежности и политическим взглядам [35].

Но все же чаще получали известность и полномочия сторонники жестоких расправ над несогласными.

«В восемнадцатом году атаман был Кирюха. Вин людэй расстреливал. Городовиков. Вони советску власть поддэржали. И козаки ей служили тоже. Ленин говорил: «Земля – крэстьянам. А заводы, хвабрыки – рабочим». Отец служил в Таманской дивизии. По ранению пришел в станицу – и його расстрэляв Кирюха» [36].

«Тот Фирс Миронович подписал постановление повесить моего деда. За то, что сыны были в Красной армии. Сидор Тимофеевич и Захар Тимофеевич» [37].

«Самое страшное, когда приходили красные. Красные туточки порубалы призывников, приписали Рябоконю. Белые согнали с хуторов молодежь. А красные рядом, в Полтавской, что ли, стояли. Без оружия пацаны эти были. Эскадрон прискакал и порубалы. Рябоконь не виноват. Красные забирали все. От них лошадей прятали. В

плавню гнали. Женщина гнала беременная. А красная сволочь на всем скаку догоняет – перерубил пополам. Рябоконт ничего не делал. Приезжал он, снабжали его. Продуктами. Манчин, двадцатипяти тысячник, поймать его собирался. А он приехал домой до Манчина. А он на совещании был. Сара, жена Манчина, сказала, что на совещании. Рябоконт его на кладочке подстерег, остановил. Саблей над голову махнул. Срубил папаху. Сказал: «Второй раз, если ловить не прекратишь, немного ниже сабля пойдет» [38].

«У нас расстреливали. Вот, через гору тут хферма. И на могилу прямо туда выгоняли людей. Батюшек расстреливали. Начальников больших, богатых людей. Ну, умных людей расстреливали. На Уваровой речке. С гор течет. Километра два-три от нас, где расстреливали» [39].

Среди других персонажей времен Гражданской войны необходимо отметить военных лидеров. В воспоминаниях старожилов есть рассказы о военных предводителях, преимущественно белогвардейских. О лидерах Белого движения, таких как Деникин, Корнилов и Врангель сведения отрывочны и носят достаточно общий характер. Они воспринимались как персонификации своей армии. «Заезжал один генерал. С войском. Вот как бы ни Деникин» [40]. «Не дай Бог! Не дай Бог! В восемнадцатом году отступал Деникин. Памятник стоит. В Краснодаре. В станице Елизаветовской» [41]. «В двадцатом году. Мы тико поженылыся. Врангель через станицю шел. За море» [42]. «В основном там Корнилов был. Деникин выехал с семьею в Англию. Из Англии приехал в Венгрию. Из Венгрии – в Бельгию. Из Бельгии – во Францию. Тоди война ж» [43]. «Я летом родился, в июле. Как раз Деникин отступал на Краснодар. На курганах они становили батареи. А их выкурили с манычских степей» [44].

Гораздо больше внимания народная память уделила знаменитым командирам отдельных белых соединений, таким как А. Г. Шкуро и М. А. Фостиков. Казаки служили непосредственно под их началом. Эти военачальники были известны, популярны, с ними связывались определенные ожидания. Они относительно часто непосредственно сталкивались со станичниками.

А. Г. Шкуро был командиром партизанского отряда, отличался удачливостью, лихостью, независимостью. Умел произвести впечатление на простого казака. Многие делали напоказ. М. А. Фостиков был также известным и удачливым партизанским командиром. Он дважды успешно выступал в этой роли: при зарождении Белого движения в 1918 году и после ухода основных белых частей с Кубани в 1920-м. Большое значение имело и то, что эти командиры были своими, кубанскими казаками [45].

«Был генерал Шкуро. Шкуро он, это, значить, воювал, и с красными. Ленин тут был. Эта Шкура, ани вначале воевали в Черкесске. За Черкесском Воросколесская есть станица. Большевики были в Воросколесской, а Шкура – в Черкесске. А там называется гора Сычовая. Песню грали: «Балхон с своим отрядом под Сычовой, под горой / А Шкура с своим отрядом – на Сычовой, на горе» [46]. «Шкуро у нас был, в наших местах. Думали, порядок наведеть. Хозяйнувать, пахать, сеять. И против власти шли. Шайки сбегались. Из шаек – полки. Бель» [47].

«Как увидали первую машину. Шли войска. Шкура ехал. На машину глядеть – вся станица, вся улица. Шкура. С казачей стороны генерал. Генерал. Небольшого роста такой мужчина. Уся станица ишла смотреть. Приехал Шкура на машине, не видали машины. Как тронулась машина ета, и поехала с двора. А вся станица – следом. Не видали, как она котится. Не быки, не кони. То ж везуть. Живое. А то неживое» [48].

«Служить служили у Шкуро. Один был музыкантом у Шкуро, другой просто служил. Когда пошла коллективизация, эти партизаны красные им проходу не давали. Так и называли, Шкуро. Его не называли по фамилье Овсяник, а Шкуро. Шкуро идет» [49].

Особенно сильно было белопартизанское движение в Баталпашинском отделе, на крайнем востоке Кубани. Там необходимость помогать друг другу после нередких стихийных бедствий, отстаивать земельные права станиц сделала казаков весьма сплочёнными. Способствовал деятельности партизан и горнлесной рельеф.

«Хвостик генерал был. На нашу станицу восемь раз наступали большевики. А он же охранял, этот Хвостик. Казаки у его служили. Наши ж казаки. У его штаб был за станицею. Называется Широкая Балка. Там штаб был. У степи. Не в городе. Когда милиция сюда появилась, мы быков пасли. А там называется у нас Балка Чирезова, аж там. Тогда это... На другой раз уже с палиметами пришли большевики. А там унас курган. Мы там в Черезке аж встали. Человек десять-пятнадцать. Станем в наряд и слушаем. А мы тогда падаем. Один бежить верхом: «Дураки, когда слух дойдет, вас уже не бу- деть». Разогнали нас. У кого хрощий конь – позабрали. Четвертым разом уже пушку притянули. Горняшку. Большевики. Они ж с Красногорки. Отель наступали. Притянули горняшку. И там у нас бугор есть большой. Из-под того бугра и сюда били. В станицу. А Хвостик со своими казаками прямо на Кизил Октябрь (Кизил Октябрь тогда не было), и через Кубань по мосту. И в Красногорку. Их и забрали. Красных разбил. И орудию забрали. На пятый, на шестой опять они притянули уже гаубицу. И туда, по той же линии. У нас был тут наводчик тоже. С горняшки. И прям по орудию. Один бег верхом. На белом коне. В него попал. Мы ж там на бугру тоже. Восьмой раз если б Хвостик не ушел отсюда, еще б не пустили в станицу. А то ушел. Ему тут не сила была. А у Беломечетки обоз стоял большевицкий. Красных. А он за ночь верхами аж туда, в Беломечетку. И там забрали обоз. А им весть пришла, что обоз забрали. Триста шестдесят дворов спалили! В станице. Было им задание, солдатам: «Вот две коробочки спичек. И сжечь, и золу перевеять». Они-два часа побыли, не больше. У нас кухня, амбар, сарай – погорели. Дом осталси. Они по-над улицей, где солома была. Она же лехка. Под- див и пошел. Люди поуходили. Мы как раз уехали, пшеницу жали. Там, за речкой, у нас была пшеница посеяна. Так мы отель ушли. Шаха назывался. Там, на горе. Так мы видали, как наше поместье горыт. Через сколько время еще казаки с Зеленчука наступали. Пошли на Кубань через нашу станицу на Кубань, по Осетиновке и по Карачаю пошли. Один карачай говорил: «Наперед не лезь, сзади не оставайся и по сторонам не мешайся». Там узкая дорожка. Там же в скалах сидять. Он дошел до Беломечетки, забрал обоз, через Кубань и пошел» [50].

Особенно яркую народную память оставил после себя такой белопартизанский командир, как В. Ф. Рябоконе. «Никто из исторических персонажей того времени такого народного внимания не был удостоен, как бы они ни выставлялись пропагандистскими средствами «легендарными». Ни в красном стане, ни в белом», – писал о нем известный писатель П. И. Ткаченко [51]. Это, прежде всего, касается западнокубанских черноморских станиц бывшего Таманского отдела, в районе которых он вел боевые действия, таких как Гривенская, Приморско-Ахтарская, Ольгинская, Роговская, Степная, Новониколаевская, Староджерелиевская, Полтавская и Тимашевская. Жители этих станиц и сами сражались в отряде Рябоконе, часто с ним сталкивались. Сам он был уроженцем хутора Лебеди, расположенного в этом районе. Однако рассказы о В. Ф. Рябоконе встречаются и в центральных кубанских станицах, таких как Северская.

Образ лихого партизанского командира оказывал большое воздействие на народное воображение. В. Ф. Рябоконт был чрезвычайно популярен среди казаков. Он сумел продержаться в плавнях до 1924 года. Рябоконт находил выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций. Местная советская власть панически боялась Рябоконта. Он даже облагал ее налогами. А сам он фактически стал на определенной территории параллельной властью, при этом он отстаивал устои казачьей жизни, православную веру и пр. [52]. Рябоконт вошел и в песенный фольклор приазовских станиц. «Ой, яблочко – половиночка! / Едет пан Рябоконт как картиночка». «Нэма батьки Рябоконт / Нэма правды и закона». «Плачь, Кубаню, край наш ридный! / Лэжить убытый сын твий бидный./ Тым, Кубаню, ты нэ мыла, / Шо Рябоконт ты сгубыла. / Пишлы тугы скрыз полямы / Льюты слезы скрыз ричкамы. / Нэ зна в свити шо сказаты / Кубань ридна наша маты» [53].

О нем сохранились большие, подробные рассказы. Отчасти они сохранили реальные сведения, но отчасти являются плодом народного мифологизаторства (например, рассказ о приезде Рябоконт в родную станицу в послевоенное время.). Приведенные ниже рассказы из распространенной серии «Как брали Рябоконт» [54].

«Рябоконт был организатор: «Оставайтесь и пидэм мы в плавню». Тоди через усю улицу не пэрейдэш. В отом дворе ще робиться, не видно. Потому что плавня. Шо в тий плавне там есть. Ты ж то не пробьешь глазом. А з верха – самолетив не було. Вот вин остався и пошла тоди. Начали их... А он отбыл в Крыму. Саваши там. Як вернулись – собирають. «Почему ты стоишь?». Дали на пять человек винтовку. Одну. Пятьдесят человек там – десять винтовок. Идите наступайте. Если кого убьют – бери его винтовку. И все равно иди. Людэй уничтожили. Просто уничтожили. Не нужно было. Вот так тоди те зэлэни. Им питаться чем-нибудь нужно. Заскакують. Они ж вооруженные. А люди жили. Там амбары, пшеница. Есть и кони. Тягають. Заставляють хазяина, грузять. Подводу – дви, и пошла. А туточки и по ричке водным транспортом можно. И по лиманах. Тут лиманив цела куча. До Ахтарив одни лиманы. И тоди они и розвозять. И скрыз так. По кустиках, по плавнях. Что туда трудно проходить. Вот они, значить... Ни як проихать, кроме как плавучим путем. И вот тут они держались аж до 24 года. Под станицей. И у Чебурголя. И на Джереулиевку. Он сам лебединский. Вин спиймал. Вин приходит прямо до дому. Был у його пидручник его, заместитель. Загубив батьку. И стреляли они. Сразу побачив глазом. И винтовкой его. Точно попадали. Лишь бы тильки побачив. А 3 километра. Вин може убить. И з pistolетив. У його два pistolета было. Шо с левой, шо с правой стрелял. И Згубив батько тоже. Объявились. С двадцатого года. Сколько ж можно! Если что надо – одевает красноармейскую форму, на коней – и поехали через станицу. Загубивбатько, решил выйти. Вышел вин. Ему сказали: «Амнистия полностью. Мы тоби прощаем». Вин теперь требе тачанку. Вин вообще на тачанке: «И давайте мне людей. Не знаю стика, 10 чи 15. – «Если ты его убьешь – голову его принесешь». А их один куст, не знаю якый. До курка, до pistolета привязана нитка. И где кто торкнул – раз. А те уже на чеку вси. И это их дуэль получается Слэдят друг за другом. Загубив батько, знав, что сторожа у их. Значить взял и ведра. Развиднятыся. Из куша летить. Проезжать они не будут. Он сразу в совет. И пошла. 7 человек. Точно. Где вин, якие там сторожа. У каждого ножницы, у каждого человека. Ну, винтовка там. Солнце поднялось. Днем уже. Где та камышинка лежит. И не займають, не встають на ней. Рижуть, рижуть. Они их бачили: «Не стрелять. Тико я первый выстрелю, тоди стрелять. А так ни в коем случае». Лэжить, читает газету. Обоима руками. Якие нужно нервы! Руки не дрожат, ничего. И нужно им прэкинуться с

винтовки. Обои руки ему раз... Выстрелил и обои руки поперебывал. А они кто на мисти остались, кто побиг. А руки-то телепаются. А цэ ж уже бачит что готовый. «Ну Цыпко, иды. Петр Юхимович, иды добывай». Он при- ходэ: «Я добивать нэ буду. Человек наш, скажи». – «Нэ вздумайте сопротивляться. Нас пятьсот человек». Окружони кругом. 500 человек. Беруть его и пошла. Посадыли 30 человек. В Славянскую его повезли. Руки телепаются. Сыны его тут (Рябоконея). В Лэбедах были. Два пацанка. Мама умэрла. У зэлэных батько, а хлопцы в Лебедах. Но зараз их яко бы нема в Лебедах. Одын умер. А одын живой. Загубивбатько помилование полное и награду надо дать. Там и наши, гривенские були. Дают им по тыще рублей. А они говорят: «Дайте нам порыбалыть на устье реки Протоки. Дайте нам порыбалыть аж на пэрвом номере. Через километр вверх по течению номера. А дайте нам аж впэрэди всих брыгад порыбалыть. Год. И не надо нам ничего». Им и дали. Они там озолотылись. Пишол в школу. Дви нэдели ходыв. Пацаны плачуть, девчонки плачуть: «Нэ будем заниматься!». – «А що такое?» – «Наших расстрелялы!». 49 человек. В уту нич расстрелялы. Уже наши, красные. Це после Врангеля» [55].

«Там возле правления памятник стоит. И учительнице, значить какой. Ря- боконева работа. Потом, значить, вони забралы батька його. Казаки при- ежали, солдаты начали. И убили батька и маты. А вин начав мстыть нагло. Потом його начали ловыть. У його была правая рука – Дудка был фамилия. Уже издали указ, если кто добровольно выйдець с плавне – нэ судить. Нэ судыть, нэ че нэ будэ. А кто нэ выйдэ, значить... Сначала дэвизия була – людэй очень богато було. Их розбыли. А чо вин остался... Или вахмистр называли, или капитан. Или генерал вин был. Он был командующий. У його армия была, две пушки были. Деникин его оставил туточки, щоб вин, значить, поддэрживал ... Чи войско набыруть, чи щось таке... А потомчи вы- грузяться, чи чорти че. Вин должен пидойти до моря и його, значить, тоже забирають на пароход. А вин не успив. По болотам, по плавням прошов – а пароход отходыть. Он приказав стрэлять пушкой по пароходу, потопыть па- роход. Но уже пушкой нэ достал. И вин слонялся по плавням, пока его нэ вы- ловили. А пиймалы його под Красным хуторком там. Там хуторок бул, його щас немае, у Джерелиевки. Лиман где Палватый. Воды было ой-ой-ой. Я пацаном ездив – до дна нэ доставав. А потом сам похав його трактором. Дудка его. Его правая рука. Стрелял на шелесток. Так стрелял и попал. Що Рябоконея стрелял, що вин – одинаково. Когда вин выйшов, взяв от його, Дудка, не схотив з ним быть. И выследил. Значить, козаки чи солдаты пишли зним. А Дудка знав, где в этот день вин должен быть. И здав его. И Загубив батько – його был командир. А продав Дудка його. Вин, когда они подийшли до куреня, вин читав газэту. Они тихо подийшли. Далеко вин стоял, с винтовкамы. Веревочка и вынтовка стоить. Заденешь – токо бах! А вин точно показав, где. Дудка и Рябоконея там. Ну, Рябоконея читав газэту. Они у одной тетке взяли корову. Зарэзать. Корову разделявают. Тот там ла- тае что, тот пыше. Свободные кто. А он кажет им: «Быйте кого хочте, а я бью Дудку». И взяв стрэльнул. И руки ему прострэлив. Он схватыв, а руки- то нэ действе. Вин упав в камыш. Всех убыли. «Омельянке, ты?» – каже Рябоконея. – «Я». – «Ну тады беры». – «А ты в менэ не будешь стрелять?» – «А у меня руки не действуют». Забралы его.

В 1953 году у совети був. Людэ ходыли до його, люди на него дывились. Был на Урале начальник лагеря. А в 1953 году появился тут. Но його мало кто бачил. Нодо поихать там до Обуденной. Она на работе була вин пийшов к ней. Если то правда. Одна рука его висела так, другая действовала. Или нэ було в районе батька, а была невестка. Такие

слухи ходять. Казала: «Приезжал какой-то дедушка и подарки привез». А маты спрашивает: «А кто такой был?». – «А вон фотография його. Он сказав, цэ дедушка». Вона говорит: «Цэ Рябоконь». Аким Федорович Рябоконь. Не було його. Потом слухи були, що был в Крымской, жил тамо. Там сын жил, Иван. Его уже нэма, убыло машиной. Один жеж бул у Власова. Алешка» [56].

Рябоконь не был единственным популярным партизанским командиром. Белый партизан, есаул Н. А. Козлов скрывался в лесу в окрестностях родной станицы Бесскорбной вплоть до 1930 года. Уже при жизни он был фигурой легендарной [57].

В меньшей степени представлены рассказы о красных командирах. Станичники-казаки по большей части служили в Белой армии. В основном речь идет опять же о военачальниках, под непосредственным началом которых станичники служили, либо которые имели непосредственное отношение к станице.

«Тут у нас, значит, офицер Одарюк. Набрал полк казаков. И ездит по станице. Уже тут фронт. Какая-то Маруся воевала, Марусин отряд был. А потом приехали в нашу станицу, тут три дня были. А потом поехали в Фастовецкую станицу. Там уже приехали из штаба. Кони, в черкесках, красные повязки. А у нас был станичник, тоже офицер, тоже в этой партии. Это Одарюк был. Без погон. Даже погонов не было. Приехали и спрашивали:

«Кто у вас командир?». А они говорят: У нас командира нету». Выстроились там: «Дайте нам две сотни казаков». Они кажут: «Две сотни не дадим. Берите всех». Они всех бояться брать. Бились, бились, и так ничего и не получилось [58].

«Казаки были и за красных, и за белых. Отец был у Жлобы. Советской закалки, против царизма. Жлоба был хороший командир. Отец на Кубани воевал. Буденновские войска проходили. В буденновских шапках. Сам Буденный не проходил» [59].

«Большевики тут стоялы. Высылыли нас з хаты. Возле речки стоялы. Кочубей был начальником» [60].

«Буденный всю казачью армию перечислил в большевики. У него было три креста при царе. Он перешел и стал с красными овладевать» [61].

Были и местные красные лидеры, о которых сохранилась народная память. В станице Удобной первым коммунистом стал заметный человек, офицер военного времени подхорунжий Е. И. Кияшко [62]. В среде местных казаков он при этом оценивался весьма негативно, его называли организатором описанных выше расправ над казаками, происходивших в станице. «...У казаках он был командиром. А потом советская власть стала, таких тогда гоняли, а он как-то вылез! И как начал одобряться! Вот эти все расстрелы – все его было!»[63].

Значительное место в воспоминаниях о Гражданской войне и непосредственно последовавшем за ней периоде занимают так называемые «банды». (Банда – официальный советский термин, применявшийся к белым партизанским соединениям.) Это партизанские отряды различной политической ориентации, деятельности которых отчасти была присуща криминальная составляющая.

«Банды» всегда создавались и базировались неподалеку от станиц, из которых они черпали материальные и людские ресурсы. Станичники были активными участниками банд. Они же и страдали от их грабежей и насилия. Банды, как и репрессии, зачастую были самым ярким и знаковым проявлением Гражданской войны для станичников. Преобладающее отношение к этому явлению – нейтральное с налетом осуждения.

«Советская власть пришла. Началася банда. Их выселили из Кумской. Они там банду кормили. Была победа советской власти. Над казаками. А они не хотели советской

власти. Из Ставропольского края сюда пришли. Восстание делать. Они все казаки. В горах были. Они все были казаки, ученые были, все атаманы, секретари» [64].

«Бунтовали ночью. И банды були. Гора там, Барануха. Долго выбывалы банду там. Туды много людэй. Там такая дырка. А там барашков отары заго- няють. Та, значить, бандиты жылы. Там пушки их стояли. Поубывали их скрозь. Порядошно была. В восемнадцатом, двадцатом» [65].

«Те вот большие таки были банды. Подростки. Работать не хочим – в банду. Были офицеры, скрывалыся. Тико то хлиба достануть на питанье и все. Старинные офицеры» [66].

«Самусь такой был. Он имел триста преданных всадников. Шесть пулеметов станковых. А дед его к Самусю отправляет. Чтоб не пойти революцию защищать. Самусь на Глубоком Ерике в глухом лесу стоял. Ему ты ничего не сделаешь. Охрана такая и пулеметы – основное оружие. Они преданы. Они не сдаются. Отец пришел с этой бумажечкой туда. Набралось их шесть человек. Он брал токо тех, кого рекомандуют. За отца дед бумажку писал. Самусь дает задание – в Бакинской тех, тех и тех уничтожить. Они приезжают – здесь Колючий Ерик называется. Шесть новых, и старее, преданные эти. Головорезы. Тут, у ерика они спешились. Отец тогда посмотрел. Бандитов повесять. Повесять всех. Он говорит: «Я не пойду. Я все жизнь добро делал. А это ни к чему». А старший говорит: «Этого расстреляют». – «Ты только выстрели. Тут же кругом оцепление. Каждую станицу охраняет». – «Там приедешь – Самусь повесит». Лошадь не отдали. Через лес. Приходит ночью домой. А дед же тот недовольный» [67].

«Были красные, белые и зеленые. [...] Разные были банды. Зеленых после Гражданской войны не было. Они больше в камышах держалысь. Сами себе спасалы» [68].

«У нас был Трикоз Микита, его сын пошел в бандиты. Трикоз Микита пришел при немцах за мать отомстить. А мать его была гуляща. Ото бандиты. Вона исты им варить, носэ. Зэлени – бандиты. Данильченко, Трикоз Хведя. Скотину украдут, телят, поросят. Зарижут и едят. Бандиты людей грабыли, убивалы» [69].

В «банды» уходили люди, неоднократно менявшие свои политические пристрастия. «Тут был Шершнеф фамилья. Был коммунистом. А потом что сделал? Потом перевелся и стал бить. Убивал наших ребят. У станицы памятник. Он ребят побил. Коммунист этот. Побили семь человек. Казаков. Вон был коммунист. Перевернула, не стал быть коммунистом. Бандит такой стал. Побил людей. У моей тещи сына убили. Партизан. Белые, черные называли их. Были. В Петропавловской восемнадцать человек у нас побили на Лабе. А за что? Они были вроде в большевиках. Их, значит, забрали. И гнали. Куда их гнали, не знаю. Побили туда. Один уплыл. «Ты плыви себе. Руки развяжу». Он уплыл. Мы пойдем купаться. Там тиховодье. Нырнем. Вот они же! Вытаскивали этих битых. Ни поймешь, что творилось! Русские ж били, русские!» [70].

Есть интересное и комическое описание станичника, который пытался быть близким для всех режимов и ловить рыбку в мутной воде.

«У нас тут был Максим Абрамович Панюта. Как белые идут, как в кино «Свадьба в Малиновке». Власть переменялась – ховае. Политикан якысь был нэ за тех, нэ за тех. За всех. Як кадеты пришли – он туды-сюды расха- живае. Где у кого овечки, где у кого шо. Где можно украсть. Били ушли, красни пришли. Он шапку другую одевает. Красни пришли – он кубанку оде- вае. Бели пришли – шлем одевает. Он церковь сжег. Вдвоем. Магарыч по- ставыли им. Ему перебили череп. Он боявся, больше не ходыв» [71].

Еще одним запоминающимся для станичников трагическим следствием Гражданской войны стало разделение на белых и красных внутри семей и групп родственников. Это воспринималось как трагическое искажение нормального уклада жизни, как одно из важнейших проявлений вредоносности и неестественности Гражданской войны.

«Было, что отец у белых, сын у красных. Те пришли – того мобилизовали, те пришли – того мобилизовали. Братья могли попасть и туда, и туда» [72].

«Было, что брат на брата, отец на сына. В Красной армии брат, а я – в Белой. И в нашей станице были. И говорили: «Брат на брата идуть!» Расстреливали ужасно! И белые, и красные. Кого признают каким виновником» [73].

«Было тут у нас. Шамарыгин был у белых. Брат его был у красных. Этот, шо у белых, хотел уничтожить его» [74].

«Гражданская война начинается. Домик новый у отца. Сарай шестьдесят метров. Четыре коровы дойных. Конь военный. Сундук приготовленный. Парадные костюмы. А дядя Федя нет. И он идет добровольно в Красную армию. Была встреча с отцом. Приехал в военной форме, на коню. Говорит отцу: «Ну, ты поедешь?». А отец говорит: «Возвернись во двор, отпусти

коня. Нужен будешь – тебя попросят». Так я услышал «Ну, в Бога мать! Не попадайся!». И так кулаком. И помчался. И начинается Гражданская война. В Губской встречаются. На улице на какой-то. Меньший брат навстречу ему. Шашку наголо! А отец кричит: «Федор, зарубаю». Он обучен, а тот не обучен» [75].

Старожилам вспоминались и тяготы повседневной жизни в условиях разрушенного войной хозяйства. «Деньги совсем обесценились. Например, мне купили в подарок кофточку за два миллиона рублей. Кто имел деньги – носил их в мешках. Девушки шили себе юбки из мешковины, предварительно выкрасив ее в отваре ореховой скорлупы. Получался приятный коричневый цвет... Обуви не было. Некоторые мои коллеги, учителя, научились ее изготавливать. Например, делали деревянные «цоки», т. е. к доске крепятся каблук и ремешок», – писала в своих мемуарах В. Коржевская [76]. Не удивительно, что посевные площади Кубано-Черноморской области с 3, 6 миллиона десятин в 1913 году сократились до 1, 8 миллиона десятин в 1920-м [77].

Люди старались адаптироваться к трудностям. Например, развивались различные виды самоснабжения, например, огородничество. «Кубанцы уважают овощи, которые, как мне говорили, годны только на корм свиньям, однако я в жизни не ел ничего вкуснее здешней маринованной капусты», – сообщал К. Э. Бекхофер, посетивший Екатеринодар во время Гражданской войны [78].

«В целом материальная культура изменялась интенсивнее, чем духовная, и гораздо быстрее, чем семейный быт. Материальные ценности заменялись новыми. Медленнее всего заметны перемены традиционных установок, тесно связанных с повседневной жизнью. В наибольшей степени влияние данных процессов проявилось в экономической стратегии семьи, направленной на удовлетворение скромных по своему составу потребностей, повышении степени самоэксплуатации сельских семей, сокращении пространства так называемой этики праздности», – пишет Ж.О. Абрегова [79].

На этом фоне после победы красных нарастают принудительные реквизиции продовольствия. В 1921 году в станице Ахтанизовской происходит изъятие «излишков» продовольствия у местных жителей. Например, у граждан Стефановича и Котлярова изъяли 2,5 пуда фасоли, 2,5 пуда гороха и одиннадцать пустых мешков [80]. При этом резко возросла значимость рыболовного промысла в этой станице. Даже в

1920–1921 годах около полутора сотен ах-танисовских рыбаков не подлежало мобилизации в Красную армию [81]. В сознание населения внедряется идея коллективного хозяйства. Уже в 1921 году руководство станиц Вышестеблиевской и Старо-Титаровской выступало за объединение земледельцев в артели путем агитации [82].

Такое масштабное событие, как Гражданская война, не могло не оставить следов в фольклоре. В редких случаях информанты вспоминали что-нибудь из специфического фольклора времен Гражданской войны, например воинские песни. «Пушки, пушки рокоталы, / Трещал наш палимет. / Кадеты заступают / - Товарищи, вперед...» [83]. А также иронические частушки, описывающие бытовые трудности: «Сидит Ленин на лугу, / Грызет конскую ногу. / - Очередь создалась / – Хоть бы ко-сточка досталась». «Молточком тук-тук-тук / - Нету хлеба – ешьте лук. / Лука нету – пейте воду/- Мы дождался свободы» [84].

Во время Гражданской войны распространялись переделки старинных, хорошо известных песен. Например, красные переделали известную, по крайней мере со времен Кавказской войны XIX века, песню «Вдоль по линии Кавказа», которая стала начинаться с куплета: «Вдоль по линии Кавказа / Мо- лодой орел летал, / Он летал перед войсками, / Наш народный комиссар» [85].

Таким образом, Гражданская война в воспоминаниях старожилов кубанских станиц оставила достаточно значительный след. Война в народном восприятии оказалась неполитизированной, крайне далекой от официальных точек зрения какой-либо из противоборствующих сторон. Можно выделить такие основные явления Гражданской войны, которые отразились в народной памяти: террор воюющих сторон, военачальники, партизанская война, противоборство в семьях. Среди военачальников лучше всего запомнились близкие к казакам партизанские командиры. В целом война как таковая оценивается негативно. Информанты не являются сторонниками красных или белых, для них Гражданская война – трагедия. Она деформирует и разрушает основы мирной, нормальной, устоявшейся жизни. Это разрушение и хаос, не несущий в себе смысла и созидательного начала.

В ходе Гражданской войны была разрушена организационная вертикаль Кубанского казачьего войска, были серьезно ослаблены местные сети коллективов выживания, которые, однако, еще продолжали функционировать. Также оказались расколотыми либо существенно ослабленными множество родственных коллективов выживания.

Примечания

1. Васильев И. Ю. Государство и общество в системе ценностей кубанского казачества: (конец XVIII – начало XX вв.) // Электронная библиотека «Киберленинка». URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-obshchestvo-v-sisteme-tsennostey-kubanskih-kazakov-konets-xviii-nachalo-xx-v> (дата обращения 24. 02. 2019); Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996.
2. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб(б), 2003. С. 37, 39.
3. ПМ КФЭЭ – 1998. АК 1663. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-на КЧР (Карачаево-Черкесской Республики). Инф.: Могильный М. Я., 1898 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
4. ПМ КФЭЭ – 1998. АК 1662. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-на. Инф.: Могильный М. Я. 1898 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.

5. ПМ КФЭЭ – 1989. АК 108. Инф.: Трегуб В. Т., 1908 г. р.; Трегуб О. И. 1911 г.р. Иссл.: Ермоленко И. Н., Широин С. В.
6. ПМ КФЭЭ – 1994. АК 686. Ст. Гривенская Калининского р-на. Инф.: Чернявская К. Н., 1905 г. р. Иссл.: Мануйлов А. Н.
7. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 813. Ст. Калужская Северского р-на. Инф.: Колесник Н. Ф., 1908 г.р. Иссл.: Самовтор С. В.
8. ПМ КФЭЭ – 1995. Х. Лебеди Калининского р-на. Инф.: Митин А. Ф., 1912 г.р. Иссл.: Фролков В. Д.
9. ПМ КФЭЭ – 1997. АК 1292. Ст. Константиновская Курганинского р- на. Инф.: Мушников И. И., 1907 г. р.; Мушникова Р. Г., 1900 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
10. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 872. пос. Ильский Северского р-на. Инф.: Кадухина А. С., 1932 г.р. Иссл.: Пьянкова Н. А., Бахмет Ю. Н.
11. Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. СПб. 2003. С. 330– 335.
12. ПМ КФЭЭ – 1991. АК 172. Ст. Баракаевская Мостовского р-на. Инф.: Брынза З. С., 1906 г. р. Иссл.: Сук А. В.
13. ПМ КФЭЭ-2004. АК 3138. Ст. Ахтанизовская. Темрюкского р-на. Ин-т: Чуб С. И., 1928 г. р.
14. ПМ КФЭЭ – 1991. АК 173. Ст. Баракаевская Мостовского р-на. Инф.: Рабалко В. В., 1910 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
15. ПМ КФЭЭ – 1991. АК 148. Ст. Махошевская Мостовского р-на. Инф.: Журавлева Н. Г., 1912 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
16. ПМ КФЭЭ – 1992. АК 244. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Ст. Березанская. Инф.: Куценко П. Г., 1906 г. р.; Шевченко И. И. 1910 г. р. Иссл.: Горбань А. Е.
17. ПМ КФЭЭ – 1993. АК 461. Ст. Севастопольская Майкопского р-на Респ. Адыгея. Инф.: Зайко В. В. 1925 г. р.: Синко В. Н., 1927 г. р.; Головкина Т. Н., 1931 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
18. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 764. Ст. Петровская Славянского р-на. Инф.: Заяц А. К. Иссл.: М. Кочетов.
19. ПМ КФЭЭ – 1996. А/К 1202. Ст. Передовая Отрадненского р-на. Инф.: Красиков И. Г. 1910 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
20. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1071. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: В.М. Гордеенко, 1913 г. р., 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
21. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1071. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: В. М. Гордеенко, 1913 г. р., 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
22. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1071. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: С. В. Гряда, 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
23. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1071. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: С. В. Гряда., 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
24. ПМ КФЭЭ – 1996. АК 1184. Ст. Надежная Отрадненского р-на. Инф.: Петренко В. П., 1918 г. р. Иссл.: Воронин В. В.; Богатырь Н. В.
25. ПМ КФЭЭ – 1996. АК 1045. Ст. Архангельская Тихорецкого р-на. Инф.: Пелипенко В. Ф. Иссл.: Матвеев О. В.
26. ПМ КФЭЭ – 1996. АК 1044. Ст. Архангельская Тихорецкого р-на. Инф.: Мешков Г. А., Пелипенко В. Ф. Иссл.: Матвеев О. В.

27. ПМ КФЭЭ – 1996. АК 985. Ст. Фастовецкая Тихорецкого р-на. Инф.: Базгин И. И., 1923 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
28. Гетманская С. Н. Православное духовенство Кубани (1918–1920 гг.) // Антропология конфликта и мира. Революции и перевороты в исторической и культурной памяти народов Юга России. Краснодар, 2017. С. 55-56.
29. ПМ КФЭЭ – 1996. АК 929. Ст. Фастовецкая Тихорецкого р-на. Инф.: Резников П. И., 1918 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
30. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 687. Ст. Гривенская Калининского района. Инф.: Калугин С. И., 1907 г. р. Иссл.: Самовтор С. В.
31. Гетманская С. Н. Православное духовенство Кубани (1918–1920 гг.) // Антропология конфликта и мира. Революции и перевороты в исторической и культурной памяти народов Юга России. Краснодар, 2017. С. 49–52.
32. Тимченко М. О лихом герое, об Андрее Рое... // Родная Кубань. 2006. № 1. С. 86.
33. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1094. ст. Удобная. Инф.: Федорченко Т. М., 1910 г. р., Кушеникина А. Г., 1908 г.р. Иссл.: Капышкина С. Ю., Самарская А.
34. ГАКК. Ф.Р. – 382. Оп. 1. Д. 112. Л. 112; ГАКК. Ф. Р – 101. Оп. 2. Д. 5. Л. 3, 6; ГАКК. Ф. Р – 101. Оп. 2. Д. 3. Л. 5, 6, 23.
35. ПМ КФЭЭ – 1998. АК 1666. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-на. Инф.: Бутов И. И., 1928 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
36. ПМ КФЭЭ – 2001. АК 2328. Ст. Челбасская Каневского р-на. Инф.: Кабан Н. Е., 1925 г. р.; Кабан Т. Н., 1921 г. р.; Шинкаренко Г. Ф., 1913 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
37. ПМ КФЭЭ – 2004. АК 3052. Ст. Староджерелиевская Каневского р- на. Инф.: Задорожний П. В. 1938 г. р. Иссл.: Рыбко С. Н., Кузнецова И. А.
38. ПМ КФЭЭ – 2004. АК 3052. Ст. Староджерелиевская Каневского р- на. Инф.: Задорожний П. В. 1938 г.р. Иссл.: Рыбко С. Н., Кузнецова И. А.
39. ПМ КФЭЭ – 1997. АК 1244. Ст. Темиргоевская Курганинского р-на. Инф.: Кролев П. Е., 1904 г.р. Иссл.: Матвеев О. В.; Мартынюк Л. С.
40. ПМ КФЭЭ – 1997. АК 1292. Ст. Константиновская Курганинского р- на. Инф.: Мушников И. И., 1907 г. р.; Мушникова Р. Г., 1900 г.р. Иссл.: Матвеев О. В.
41. ПМ КФЭЭ – 1997. АК 244. Ст. Темиргоевская Курганинского р-на. Инф.: Кролев П. Е., 1904 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.; Мартынюк Л. С.
42. ПМ КФЭЭ – 1991. АК 172. Ст. Баракаевская Мостовского р-на. Инф.: Брынза З. С., 1906 г. р. Иссл.: Сук А. В.
43. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 812. Ст. Калужская Северского р-на. Инф.: Павленко И. С., 1907 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
44. ПМ КФЭЭ – 1996. АК 929. Ст. Фастовецкая Тихорецкого р-на. Инф.: Резников П. И., 1918 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
45. Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997. С. 500.
46. ПМ КФЭЭ – 1998. АК 1664. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-на. Инф.: Могильный М. Я., 1898 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
47. ПМ КФЭЭ – 98. АК 1662. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-на. Инф.: Могильный М. Я., 1898 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
48. ПМ КФЭЭ – 1998. АК 1665. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-на. Инф.: Плотникова М. Я., 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
49. ПМ КФЭЭ – 1996. АК 1158. х. Кисловодский Отрадненского р-на. Инф.: Колесников П. Г., 1924 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.,

50. ПМ КФЭЭ – 1998. АК 1664. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-на. Инф.: Могильный М. Я, 1898 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
51. Ткаченко П. И. Этот таинственный Рябокоть // Соленая подкова. Авторский литературно-публицистический альманах Петра Ткаченко. М., 2006. Вып. 1. С. 241.
52. Он же. Встретимся на том свете или возвращение Рябокотья // Соленая подкова. Авторский литературно-публицистический альманах Петра Ткаченко. М., 2007. Вып. 2. С. 59–250.
53. Там же. С. 34–35, 161.
54. Цит. по: Там же. С. 250.
55. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 673. Ст. Гривенская Калининского р-на. Инф.: Плаксий Е. Я., 1932 г.р.; Плаксий З. А., 1991 г. р. Иссл.: Румянцева Г. В.; Бахмет Ю. Н.
56. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 699. Х. Лебеди Калининского р-на. Инф.: Головченко Б. С., 1928 г. р. Иссл.: В. Д. Фролков.
57. Волошин В. А. Кучеров Н. А. Есаул Козлов // Официальный сайт Отрадненского отделения Российского общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца. URL.:http://goia.otradnaya.com/files/VoloshinVA_KucheroVNA_Esaul_Kozlov.pdf (дата обращения – 16.02.2018).
58. ПМ КФЭЭ – 1996. АК 937. Ст. Новорождественская Тихорецкого р-на. Инф.: Сивцов И. С., 1903 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.,
59. ПМ КФЭЭ – 2005. АК 3215. Ст. Новоивановская Новопокровского р-на. Инф.: Когадий И. П., 1914 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
60. ПМ КФЭЭ – 1992. АК 211. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Кирьянова Д. Г., 1906 г. р. Иссл.: Горбань А. Е.
61. ПМ КФЭЭ – 1996. АК 1045. Ст. Архангельская. Инф.: Курский П. М., 1903 г.р. Иссл.: Матвеев О. В.
62. Сельские поселения Отрадненского района // Информационный портал муниципального образования «Отрадненский район». URL.:http://www.otradnaya.ru/?area=sel_pos (дата обращения – 11.01.2018).
63. ПМ КФЭЭ-1996. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: С. В. Грядя, 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
64. ПМ КФЭЭ – 1991. АК 148. ст. Баговская Мостовского р-на. Инф.: Попов К. С., 1907 г. р. Иссл.: Мануйлов А. Н.
65. ПМ КФЭЭ – 1998. АК 1601. Ст. Сторожевая Зеленчукского р-на КЧР. Инф.: Бережной В. В. Иссл.: Матвеев О. В.
66. ПМ КФЭЭ – 1998. АК 1662. Ст. Исправная Зеленчукского р-на. Инф.: Могильный М. Я., 1898 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
67. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 3912. Ст. Бакинская Горячеключевского р-на. Инф.: Китюх Г. И., 1927 г. р. Иссл.: Зудин А. И.
68. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 759. Ст. Черноерковская Славянского р-на. Инф.: Шапарь П. Ф., 1912 г. р. Иссл.: Самовтор С. В.
69. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 885. Пос. Львовский Северского р-на. Инф.: Кадухина А. С., 1932 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
70. ПМ КФЭЭ – 1997. АК 1244. Ст. Темиргоевская Курганинского р-на. Инф.: Кролев П. Е., 1904 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.

71. ПМ КФЭЭ – 1998. АК 1662. Ст. Исправная Зеленчукского р-на. Инф.: Могильный М. Я., 1898 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
72. ПМ КФЭЭ – 1998. АК 1662. Ст. Исправная Зеленчукского р-на. Инф.: Могильный М. Я., 1998 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
73. ПМ КФЭЭ – 1999. АК 1830. Ст. Расшеватская Новоалександровского р-на Ставропольского к-я. Инф.: Маковкин И. И., 1913 г. р.; Павлов П. И., 1909 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
74. ПМ КФЭЭ – 1997. АК 1292. Ст. Константиновская Курганинского р-на. Инф.: Мушников И. И., 1907 г. р.; Мушникова Р. Г., 1900 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
75. ПМ КФЭЭ – 1991. АК 173. Ст. Баракаевская Мостовского р-на. Инф.: Рыбалко В. В., 1910 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
76. Коржевская В. И. Вместе с веком // Родная Кубань. 2005. № 2. С. 112–138.
77. Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее / Н. А. Серогодский, В. Н. Ратушняк, А. С. Демченко, Е. А. Чайка, Д. С. Завгородний. – Краснодар: Традиция, 2017. С. 56.
78. Бекхофер К. Э. В деникинской России и на Кавказе // Родная Кубань. 2017. № 4. С. 96.
79. Абрегова Ж. О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани: Конец XIX – первая треть XX вв. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat . URLю: <http://www.dissercat.com/content/povsednevnaia-zhizn-selskogo-naseleniya-kubani-konets-xix-pervaya-tret-xx-vv#ixzz5QP0fOCHx> (дата обращения – 07.09.2018).
80. ГАКК. Ф. Р – 611. Оп. 1. Д. 4. Л. 45.
81. ГАКК. Ф. Р – 611. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 – 5.
82. ГАКК. Ф. Р – 102. Оп. 1. Д. 406. Л. 2.
83. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 885. пос. Львовский Северского р-на. Инф.: Кадухина А. С., 1932 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
84. ПМ КФЭЭ – 1998. АК 1662. Ст. Исправная Зеленчукского р-на. Инф.: Могильный М. Я., 1898 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
85. Засухин. Р. В. Отражение фольклорных традиций кубанского казачества в песнях периода Гражданской войны на Северном Кавказе (1918–1920 гг.) // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Выпуск I. Армавир – Отрадная, 2013. С. 53–55.

2. Конец традиционного быта – коллективизация и репрессии

Послереволюционная жизнь до коллективизации обычно называлась на Кубани «жизнь при единоличном хозяйстве». К 1923–1924 годам уровень жизни значительной части кубанских крестьян, ремесленников и интеллигентов значительно вырос. Оживилась хозяйственная деятельность. В 1920-х – начале 1930-х годов распространённой профессией в крупных станицах были портные, шившие одежду на заказ. В 1920-е годы в станице Отрадной был свой пивзавод, владелец которого владел личным автомобилем [1]. Населённые пункты имели ещё вполне дореволюционный облик: «Тада ж были тротуары деревянные по всей станице. Там тоже пройти ж нельзя, грязь. Ни асфальта, ни гравия тада не было. Тротуары были деревянные... И заборы тада у каждого двора не были такие, як сейчас. Тада столбы так ставили. С обох сторон вырывались канавы. И сюда закладали ци доски» [2]. В тот период, например, бытовал дореволюционный тип женской одежды: «Одевались. Кто богаче, той и красивЕе

одеваясь. А кто победнее, той и... Но чистенькие, все. Ну, большинство простой». – «А что носили раньше?» – «Парочки назывались. Юбка и кохта. Платьев мало носили. Больше юбка – кохта, юбка – кохта» [3].

В то время старый, традиционный уклад сохранялся на уровне семьи, её хозяйства, тогда как социально-политическая надстройка уже была разрушена. Традиционные отношения на уровне «горизонтальных социальных связей» еще боролись с подчинением бюрократическому аппарату (борьба вокруг выборов в советы, саботаж и пр.). Сами информанты составляющую этой борьбы не застали или не могли осознать по причине малого возраста. Их рассказы относятся именно к семейному и хозяйственному быту. «У отца что было? Дом. Он тогда получил землю. А кто-то ж ему выдавал. Получил этот кусок земли. Посадил сад. У каждого хозяина было. Раскорчевывал землю. Оно ж, по-видимому, лес был. Землю раскорчевывал. И сажал табак. И весь вопрос тут был. Чем он хозяином был. Не нравилось. Кому-то они не нравились, хозяева, нанимают людей работать» [4].

«У моего отца, у бабушки здесь земля есть. Это курган. Радченкин курган. У них двенадцать десятин» [5].

«Рассказывали, как раньше пахали, как вот сейчас «Вечный зов» показывают... А раньше ж тоже ж землей занимались. Только пахали лошадами, меняли лошадей. У меня лошадка, а у тебя тоже лошадка. Мы с тобой спряглись. И пашем твою землю, мою землю. Так он рассказывал» [6].

Традиционно при единоличном хозяйстве станичник (станичница) получал воспитание в ходе напряжённой работы и заботы о младших: «Мене с пяти лет давали ребенка нянчить, с шести лет на коня посадили. Погоняла, когда пахали. ...Кони вперед, быки следом. Была я погонуш» [7].

Жизнь «при единоличном хозяйстве» настолько не соответствовала последующим реалиям, была чем-то промежуточным и зыбким, что даже ближайшими потомками, жившими ею, воспринималась как нечто нереальное, мифическое...

«Да, рассказывали в нашей семье... Сразу был колхоз. Когда начиналась советская власть, организовала колхоз. А потом после колхоза в пиесят седьмом году стал совхоз. И так он до сих пор совхоз» [8].

Тем более что в конце 1920-х годов специфика малых крестьянских хозяйств, которых стало гораздо больше и которые стали менее хозяйственно эффективны, перестала устраивать советскую власть, которой нужны были быстрые сверхприбыли для осуществления амбициозных проектов. Между тем в 1927 году валовое производство зерна составило 95 % от уровня 1913 года, а его товарность – лишь 13,3 % [9].

Судьба «единоличного хозяйства» была предreshена, поэтому было решено было насильственно заменить мелкое семейное производство на крупные товарные хозяйства. Коллективизация, сопровождавшаяся раскулачиванием и высылкой, запомнилась станичным старожилам как одна из самых темных страниц их жизни, жизни родителей. Создание коллективных (фактически государственных) хозяйств сопровождалось изъятием у населения имущества, арестом и высылкой многих из них (раскулачиванием). Информанты называли разных людей, кого раскулачивали как по имущественному и социальному составу, так и по личным качествам, общественной позиции. Среди них называли богатых казаков, уважаемых, трудолюбивых людей, не хотевших вступать в колхоз, а также просто тех, «кто попал под горячую руку». Раскулаченные нередко

выселялись в отдаленные регионы, многие не возвращались. Их имуществом активно пользовались вновь созданные колхозы, а иногда пользуются и по сей день...

«Самых богатых (раскулачивали – И. В.). У кого работники. Жил один на нашей улице. Это казаки были. Кто имел рабочую силу. Отца хотели раскулачить. Как начнет молотить – вон сколько подвод зерна у него было. Нанимал? Нет. Он молотит. Я к нему еду, помогаю. Две подводы отвезу. Им. И они мне две. А сосед завидовал, писал. А он ниче не хотел делать» [10].

«Да пораскулачивали, з хат повыгонялы, и по миру пустылы и все, от это всэ казачество и есть. Ну хто мог защитить? Ны казак, ныхто. А щас это казаки? У нас було тры конякы и раскулачили всих» [11].

«Кулачили. И забрали у их. Желтик. Его родители были. Это не человек, а золото. Это не знаю, какой был бригадир. И родители у него... Мама Конда-кова была. Такой дом был, все забрали. Ничего, все забрали, но мы жили» [12].

«Много раскулачено было. Как взяли их, угнали и по сегодняшний день никто не знает.... Никто не возвратился, и никто не знает, куда они делись, эти люди. Ну, а потом так продолжалось... Многих здесь порасстреливали. Многих угнали и порасстреливали. Увозили их куда-то, и с концами. Никто не знал. Если взять примерно 36-е годы, то так. Строили клуб вот у нас, старый клуб, Дом культуры, против школы... здание старенькое стоит. Это строили его в 30-х годах. В 36-м году его не закончили немножко. Еще недоконченный был. Не закончили, их ночью забрали, этих шесть человек строителей, и увезли, по сегодняшний день неизвестно. Перышко – строитель, Желтиков, семья его и сейчас остались.... А виновными их признавали за то, что он не идет в колхоз. Единоличное хозяйство. Так вот тогда были выселены Головиновы, я знаю хорошо. Семь душ детей было у него, все девчата. И вот их привезли подводу, вот сюда, в сельский совет. Во двор сельского совета. Подушки, перины. И стали разгружать, а мы, молодежь, заглядываем через забор туда. Люди ходят там, выбирают, кому что надо купить. Пользуются тем, что у кого отобрали, у семи детей, в семье, а эти тут пользуются.... И распродавали. А их забрали и увезли. ...С семьей. Забрали. Вещи ихние распродали. Распродали здесь во дворе сельском совете. А семью эту вывезли куда-то, и неизвестно тоже по сегодняшний день, куда они ее увезли. Со своего родного дома. Дом остался ихний тут, а семья была вывезена. Из-за того, что она не шла в колхоз. Эта семья... Даже не считались с этим. Не считались (бедностью раскулачиваемых – И. В.). Ну, так многих, кто не шел в колхоз, как единоличное хозяйство, оно мешало здесь строительству новой жизни в колхозе. Их ликвидировали всех. Усылали, рассылали. Одних мужей забирали. Другие прямо с семьями забирали. А все оставалось. Многие побросали сами, которые зажиточно жили чуть-чуть семьи. Зажиточность какую-то имели. Но не нанимали, батраков не имели у себя, работников... Сами трудились, своей семьей.... Чувствовал он (хозяин – И. В.) уже, что и он попадет под эту статью, бросает все это дело и уходит... Много времени не поддерживали из Мартанской (контакт – И. В.). Те, которые побегали отсюда... Чтобы не знал никто. Но уже в послевоенные годы начали потихоньку-потихоньку. Там Салегонов объявился. А Салегоновы семья – это зажиточники жили. Ихний дом вот оставался здесь. Детский сад все время в нем был, в этом доме. А его, этого хозяина, сын жив был. Вот он, примерно, лет пять назад приезжал даже в Мартанскую. Это тоже табачники. Они табаком занимались. Сахновы здесь занимались табаком. Этих пока никого, неизвестно ничего.

Дома ихние еще стоят. Середа был плантатор тоже. Табаком занимался. Это 4 километра отсюда. Плантация его была. Дом его здесь стоит – это отделение Суздальского совхоза, контора отделения станицы Мартанской. Это здание... Его дом. Сейчас он стоит. Хороший еще. Для жилья свободно можно. ...Старые дома остались у нас только те, которые хорошо были построены. Хорошее качество... Старый дом у нас есть – Семен Петрович Бражников. ...Потом давно построенный тоже, добротный построенный. Ну, как давно? Будем считать, что он где-то в 20-х годах строился. Это будем считать, что уже давношний. А те дореволюционные дома, они уже поприходили тоже (в негодность – И. В.).

...Есть еще у нас Бабичев дом, который строился давно. Два Бабичевых. Я думаю, что это были оба брата. Они зажиточные были казаки. Один вот по Красной улице на углу стоит, если пойти по Красной, то через два квартала он на углу стоит. Уже старенький он, присевший фундамент под ним. Живет одна учительница в этом доме. Надо вот что сказать. Те старые дома, которые принадлежали зажиточным казакам, может даже, не казакам, они все были брошены или изъяты у них. А потом переданы сельскому совету, колхозу» [13]. Например, жителей станицы Уманской массово выселили в Казахстан, на Урал, в Калужскую область. В суровых условиях Казахстана многие уманцы умирали. Высылали не только казаков, но и иногородних, занимавшихся, например, предпринимательством. Власти не приветствовали возвращение высланных станичников на Кубань [14].

Сохранились и рассказы тех, кто обеспечивал высылку раскулаченных: «Вот было нас четыре брата, мне хочется служить итить, а меня не берут через этих кулаков. За брата двоюродного не берут. Тут у нас Готкин был, возил. Я просюся, а меня не берут. Он встает: «Товарищи! Давайте его в переменный состав запишем! Человек служить желает!». И служил. Я близко тут живу, а переменный состав тут был. Вот в совете решают, кого раскулачивать. Дают повестку, и с ней скачу. Потом смотрю, везут уже, связанные руки. И веришь, шиесят подвод! Кого на высылку. И переменный состав, и милиция охраняет. Стоишь, чтоб с квартиры никто не дел ниче. А утром подводы забирают, а мы правили. Человек на двор хочет, останавливать, а от брочки не отходь. Садисты!» [15].

Казаков нередко просто унижали «по сословному признаку». «Партизаны были, был у нас тут. ...А чистокровный казак, Олейник, был завхозом... Стоим мы, и этот же завхоз стоит. И человек подходит, глядеть на него гадко. «А, блядский кулак!» и начинает его по щекам. И ничего не сделаешь, хоть и выбился, терпи!» [16]

Но при этом даже коммунисты и активисты сами не хотели идти в колхоз. Для давления на них отдельно применялись так называемые «партийные чистки», проверки благонадежности, осуществлявшиеся «проверками» [17].

Коллективизация и раскулачивание вызвали открытое недовольство, которое подавлялось карательными органами: «К началу 1930 года более половины середняцких и большинство бедняцких хозяйств вступило в колхоз. Обобществили тягловую силу, сельхозинвентарь, посева. Колхоз назвали

«Красный партизан». Правление колхоза разместилось в здании раскулаченного торговца Малько. Оставшиеся хозяйства в колхоз идти не собирались. Из районного центра поступали директивы: к началу весеннего сева добиться сплошной коллективизации. Местный актив станицы стал более решительно наступать на нежелающих вступать в колхоз. Среди этой части населения началось недоброе

брожение. А в это время в печати появилась статья Сталина «Головокружение от успехов», где говорилось о строгом соблюдении добровольности при проведении коллективизации.

С разъяснением статьи в станицу приехала товарищ Диденко, первый секретарь райкома партии. Общее собрание состоялось во дворе сельсовета, куда собралось все население станицы. В самом начале доклада из гущи посыпались вопросы и выкрики. Человеку буквально не давали говорить. Особенно свирепствовала кулацкая прослойка и контрреволюционная часть из присутствующих. У собравшихся появились колья. На актив товарищей, пытающихся восстановить порядок, посыпались удары. Осатаневшая группа бунтовщиков стала пробиваться к президиуму собрания. Видя такую обстановку, председательствующий объявил перерыв. Продолжать собрание решили в здании школы. Туда и перешел президиум. Толпа бегом повалила в школу, заполнив зал и все классы. Здание школы не вместило и половины собравшихся. Народ все добавлялся, многие с кольями. Особенно свирепствовали женщины. В здание лезли через окна, собрание затянулось. Президиум не в состоянии был навести порядок. Внутри здания не только шла перепалка, но и лезли на трибуну, не прося разрешения. Враждебно настроенные требовали распустить колхоз. В зале кричали: «Долой колхозы! Будем жить как жили». Наступил момент, когда бунтовщики могли чинить беспорядки. Тогда товарищ Диденко объявила: «С сегодняшнего дня колхоза нет!» Это было равносильно разорвавшейся бомбе. Люди, толкая и давя друг друга, повалили к выходу. Многие выпрыгивали в окна. Неустойчивая часть жителей, вступивших ранее в колхоз, бегом направилась к общественным конюшням и сараям. Стали забирать своих лошадей, коров, инвентарь, растаскивать по домам. В течение нескольких часов треть хозяйств выбыло из колхоза. Сразу же после этого собрания ночью был созван советско-партийный актив. И под руководством ГПУ проведена операция. Всех неблагонадежных изъяли и к утру отправили в Краснодар» [18].

В колхоз также принуждали идти, осуществляя налоговые поборы и психологическое давление, «сочетанием нескольких методов» принуждения. «[...] Как-то никто не хотел в колхоз идти. Саботаж называли. А они уходили. Забирали нас в лес. В лесу жили. А то дом. Мы все там родились, крестились все. А дом он тогда начал строить. А он говорит матери: «Надо итить в колхоз. У нас дом недостроенный. Шо будем блукать. Я – казак». И, значить, пошел вин в колхоз. В колхоз начальником стройки. В строительную бригаду пошел. И так этот дом и строили. Война началась – его забрали. А мамка у нас неродная. Девчата были. Четверо девчат. Пошли в колхоз работать. Они тогда табаком занимались. Пошли в колхоз. А я до войны ходил. В четвертый класс перешел. И война началась. То шо неграмотный, больше самоучкой.

...Нет, боялись итить у колхоз. Боялись у колхоз. У кого бычки, кони – надо было сдать. Все надо было в колхоз. И все не хотели итить. Тикали. Уходили. Из станицы. Скрывались. И потом их прижимали. И все равно шли в колхоз. Забирали, сдавали. И плуг имел каждый. Плуг имел, молотилку там маленькую. Косилку. Все сдавали. Быков. Все в колхоз сдавали. В то время. А люди боялись сдавать. Свое собственное и отдать кому-то. В колхоз. Такой колхоз. Никто ж не знал, что за колхоз» [19].

«Не хотел (отец идти в колхоз – И. В.). Они все не хотели. А потом по одному, по одному. Я ж говорю ж. Забрали и в лесу жили. Там занимались табаком. Один год побули там. А он говорит матери: «Шо ж дом недостроенный. Я казак и скрываюсь!».

Пришел и говорит: «Я иду в колхоз». Плотником в колхоз. В колхозе плотником доделал дом» [20].

«Вин (отец – И. В.): «Нет, я ны пиду у колхоз!». А када отдилялы Совет дал 2 гектара на овощи и 4 гектара на пшынью, на Сорокиной, як на Краснодар йидишь Сорокина, там у нас була пшынця, 4 гектара. Вот это отдилялы. Тада пры царизме мама казалы, шо на каждого сына давалы. И вин ны пишов. Ны пишов и чириз 3 мисяца умэр. Мама осталася з намы, 5 душ и беременна шистым. Ну, как же, хлопцы-то здорови вже, воны помогалы все. Ну, мама кажэ: «Ну, шо ж диты, я пиду у колхоз, а шо ж делать». Тот, шо 11-го году, 19 лет ему было, вин сразу найшов соби организацию, тут булы американски геологи в Горячем, взяли його на работу, и то вин нас дэржал, американску муку прыносыл, помню як щас, 10 килограмм мешок. Давалы всэ американцы. Вин там мало поработав. А той шо 14-го года, той тут був. То скотыну пасэ» [21].

«Не пошел (отец информанта – И. В.). От это ж я говорю. Сдали – и налог, и налог. Приходят: идите в колхоз. Кампания. А хто в ней был, тот так сделал: попродав все, что дома, и уехал в другую станицу. И никто не знает ниче. А то не шли в колхоз. Ото раз придуть – нечем платить. Конэй забра- лы, корову забралы и в хате шо было забралы. И занавески снимали. И пшынью забралы. «Идите в колхоз!» – «Нэ пиду в колхоз!» Все забралы, и батько забралы. И мы осталысь у матэри. Забралы батько в Краснодар, в тюрьму. Сыдил там. Так вин там месяца три чи шо сыдел. Ну, ото ж, кто диды там, кто прыносять йисты, шоб туды маты уже носыла. Йиздыть нычим было, ходылы в Краснодар на пеши. Так вин прышел, как с хрэста снятый за три месяца» [22].

Объектами психологической обработки становились коллективы вновь создаваемых колхозов. Например, в начале 1934 года в станице Запорожской отстающим колхозам и колхозным бригадам вручали рогожное знамя [23].

Также велась пропаганда путём создания привилегированных (элементарно сытых) условий жизни для особо преданных советской власти людей и их объединений – коммун. «[...] У нас тут так, я токо пришел, жинился, а потом тры года пожилы, коммуна образовалась. И мы сразу в коммуну, и мы голода ны ощущалы». – «А почему, коммуна хорошо работала, паек был?»

– «Хорошо работала. Она була така примерна, чуть ны на весь край. И вси съижалысь с остальных станыц делегация, смотрели, как мы работаем. Так вот я расскажу. У нас тут станиця Линейная есть, недалеко от нас. Линейная. Приезжает тры женщины и два мущины – делегация. Ну, походы- лы перед вечером скрость, а потом пырыночувалы. Утром тоже. Уси пишлы на роботу. Оны походылы, походылы. Их приглосьлы на завтрик. А потом:

«А почему вы не кушайте, мы же всем насыпали, понаготовылы, кушайтэ». – «Вы мэни прынэсите от такого сала». – «От такого – в ладонь?» – «Ага». – «А куда там?» Она считала, шо такого сала в этой коммуне не должно быть. Прыносят с кладовой сала, такого сала. А она тада подвинула то сало, покушала с тарелки, шо было, и выйшла, и сели, и поихалы» [24].

Но чаще станичникам во время коллективизации и раскулачивания приходилось выживать самостоятельно. Нередко кубанские станичники спасались от коллективизации в неславянских регионах и на Украине. «И ево (дядю информанта – И. В.) предупредили, што мы тебя будем кулачить. Хорошие ребята ему сказали, шо тикай. И он тада смылси у Грузию туды. И там он и жил в Грузии. Два дядька у меня там, у Грузии, жили. Обои старше мамы были. Там они жили. А потом, уже када восстановилась. Это уже

восстановилась, када советская власть, они приехали. Тут они жили. Уже поумирали они» [25].

«Уезжали. И в Грузию, и в Среднюю Азию, и на Украину уезжали. Куда кто думал, туда и уезжал. И поприживались люди. Прожили вот века. Теперь умирают. Только сейчас мы знаем, что умер такой-то: говорят, умер такой-то» [26]. Еще до начала коллективизации и раскулачивания значительная часть наиболее богатых и предусмотрительных жителей станицы Отрадной ликвидировали свое дело и уехали на окраины СССР [27].

Некоторые даже весьма зажиточные люди смогли выжить и даже отчасти преуспеть, сразу и без нажима подчинившись «новому порядку», отказавшись от прав собственников и активно включившись в деятельность колхоза. «Это в 29-м уже коллективизация пошла. Лошадей тада позвозили, все подывали свое. Коллективное хозяйство начали. Як був мельником, так и был (мельник Нестеренко – И. В.). Пасечником был тоже. Пасека большая была. Социализма коммуна была до войны була» [28].

«У нас получилась такая, по рассказам моей матери. Когда началась коллективизация, колхозы, мой покойный дед, я его нэ знаю, не помню. Так он собрал всю семью. У нас была семья небедная. Земля своя была, все свое: паро- выкы, сеялки, молотилки. И тут начала коллективизация отбирать. И дед собрал семью, сказал: «Если хотите, чтоб жить здесь, дома, на Кубани...». А было нас у батька три сына, четыре сына и дочка. Кроме нас еще потом. Казали что: все отдайте безоговорочно у колхозы и сами оставайтесь работать, и мы будем спокойно жить. И так уто сделали. Все отдали, и нас никто не трогал. Мы так и жили» [29].

В какой-то степени пострадавшим оказывалась и традиционная станичная взаимопомощь. «Когда детей в конце концов возвратили в свою хату, у них ничего не было для прожития. Люди помогли. Той там картошечки дав, той того, там чувальчик якый дав. Ны спать, ны лыжать ничего» Затем стали работать, в колхоз приняли». Но в целом население кормилось с мизерных пайков, которые выдавались в колхозе за работу. Для их получения требовалось выработать норму – определенное количество трудодней. С середины 1930-х годов колхозники несколько подняли свое приусадебное хозяйство и стали кормиться и с него. С конца десятилетия приусадебное хозяйство получало поддержку в виде «заработанного на трудодни» зерна и иногда приплодом скота. В 1933 году в колхозе на один трудодень могли выдавать 200 граммов кукурузы в початках, в 1935-м – 250 граммов, в 1936-м – два килограмма пшеницы и кукурузных початков [30].

«Робыли за палочку. Прошел год, расписались. Хочь не хочь, а идти надо на работу, бо исты нечего. Там хоть яку-нибудь бурдыжу зварять. Днем табак ломаемо. Ночью снопы вяжемо. Утром рано копыщы кладэм. А тоди опять табак полоть, рвать, жать. Такэ наша жизнь. Була. Есть ниче було тоди. То груши. Хорошо, у нас лис. То дичка груши были. Богато! То мы хоть наих жили» [31].

«Родители работали «за палочку, трудодни булы. Диньгамы вообще ны пла- тылы». Зерном заплатят, картошку свою вырастят, в Краснодар отвезут, продадут» [32].

При этом для единоличников, зажиточных людей с середины 1930-х годов стали создавать искусственные препятствия для вступления в колхоз. «В колхоз надо было всем обязательно вступать?» – «Ну что ты! Сразу не принимали таких (зажиточных – И. В.)!» [33].

«Это с тридцать шестого года начали уже. Держать свои собственные. Колхоз имел. Управленцы колхоза не хотели, чтобы индивидуальные коровы были. За счет коровы тогда живет, в колхоз не хочет. Так что там были какие-то штрафы, не разрешали коров держать. Держать из-за того, что трудодни не вырабатывали. А они ж пустые были. На них ничего не получаешь». – «Это до тридцать шестого года?» – «Да, до тридцать шестого. С тридцать седьмого года как бы подняли уже сельское хозяйство. И уже стали люди работать. Тада уже был трудодень непустой. На трудодень, что выращивали в колхозе, допустим, там яблоки, груши, картошку– мартошку, – все, все, все давали на трудодень. Пшеницу, овес, семечко. Ну, что выращивали». – «А что такое пустой трудодень?» – «Был пустой до тридцать шестого – тридцать седьмого». – «А что люди ели со своего огорода?» – «Картошечку, буряк там. Кто не ленился. День и ночь работал сам для себя. И ничего не было. Ни продать, ни денег не было». – «А пустой трудодень вырабатывали лишь бы не штрафовали, лишь бы не забирали?» – «Смотри, шестьсот трудодней, триста. Шоб не меньше триста пятьдесят трудодней. [...] А то тада вызывают на правление. Начинают писать. Продай корову, все сдай колхозу. А сам чтоб вырабатывал эти трудодни. А все знали, что они пустые. А уже с тридцать седьмого начали. Просто так организовали. Такое было время. Откуда оно все» [34].

Существование такой жестокой и несправедливой системы поддерживалось террором. «Берут ночью человека – и с концами. А отца все время спрашивали: «Получишь ты за зерно?» – «Ну, если дадите! Не откажусь». А у него Петро был председатель ревизионной комиссии. Друг. И он: «Не вздумай сказать, что ты получишь!». И он это все повторял: «Как хотите!» И вот этим только и спасся» [35].

«А людей из станицы забирали после коллективизации, в 35–36-м годах?» – «Забырала». – «А их за что?» – «А хто зна за шо. От у маей соседки ночью прыйшли, два брата взяли и увелы». – Исс-ль: «Это в каком году?» – «Эта после кулаченья. После голодовки вже». – Исс-ль: «Кзаков забирали?» – «Кзаков». – Исс-ль: «А не было таких, что забрали, а потом они вернулись?» – «Не, попагиблы воны, ны вырнулысь» [36]. Незадолго до войны были арестованы и уморены в тюрьме большинство казаков станицы Абхазской, в том числе – вернувшиеся после высылки. Эта маленькая станица находилась в труднодоступной горной местности, а ее жители считались очень дружными [37]... «За Ленина не хочу балакать! Вин тюрьмы понабыл людьми ни за шо! [38]», – оценивает раннесоветский период старожилка станицы Имеретинской, причем фигура Ленина явно сливается для нее с фигурой Сталина.

При этом строители колхозно-совхозной системы сами нередко становились жертвами репрессий. Террор против партийно-комсомольского актива начался с 1930-х годов и объясняется чрезмерно «леворадикальным» настроем сельских комсомольцев, их неготовностью всегда и во всем соглашаться с линией партии. Что показано, например, в статье В. А. Ипполитова и А. А. Слезина «Восприятие в комсомоле статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов»» [39]. Поэтому, например, во второй половине 1930-х годов была репрессирована значительная часть руководства Отрадненского района, многие организаторы первых колхозов [40].

Поэтому среди разнообразных отзывов об И. В. Сталине встречаются и такие: «Он (Сталин – И. В.) сильно много погубил людей. Как относились... Но молчали. Хоть партийные были, хоть непартийные. Хоть слово кто скажет против Сталина – «черный ворон» и в Сибирь. Люди после этой революции были такие замкнутые! Нельзя было ни против Сталина, ни Ворошилова, ни Кагановича. Обязательно доносили!». – «Года ж

врэмя такое було, лышнего нызя сказать ничего, опасно, все молчали [...]». «В довоенное врэмя, кода ще Гитлер ны напав на Советский Союз, так тоды были язычныкы, стукачи. От я ны вынுவатый, а он на мэнэ настучал, мэнэ ночью прышлы забрали, и як забрали и поныне. И отаких много[...]. У моей супруги дядька отак арестовалы, я жив за станыцей, помню, Скрыпника забрали, дядько був хороший, хозяин. Тоже ночью прыихалы, забрали и поныне ны вэрнувся» [41].

Серьезную трансформацию претерпевала жизнь представителей самых разных народов региона.

В целом ранний колхозный период запомнился старожилам как время каторжного полуголодного труда, когда не было ни нормального досуга, ни возможности развивать свои таланты и склонности. Однако еще сохранялись элементы традиционной культуры: праздновались стариками церковные праздники, маленькие колхозы по составу работников и территории соответствовали краям (районам) станицы.

«Да нигде мы не собирались! Не гуляли! Работали! Я как пошла с двенадцати лет. И нанимали. [...] Работали, да и все. От темного до темного, от рана и допоздна». – «А выходные хоть были какие?» – «Воскресение...» [42].

«Было мне восемнадцать лет. Еще восемнадцати не было, лет шестнадцать. Уже ходили мы на работу. Звено у нас было, чи десять человек. Пололи. Взрослым по десять рядков, а нам по пять! И работали мы в бригаде «Третий коминтерн». Колхоз «Коминтерн» был» [43].

«Тряпок вообще не было. Голые были. Я школу кончила, хорошо училась. Отличница была. Могла б куда поступить. Прислали две простыни, шоб было. Постельная принадлежность. А у нас ни одной нету! И тряпочки в доме нету. И взять иде за что купить – нету. Иди работай на табак – ничего. Никаких учений» [44]. «Вечером занимали очередь. Кто день простоят, кто до ночи там дежурил, чтоб несчастные штаны купить. Разов пять ходил, но все равно не достается. А спрос на полсотни и больше. Очень тяжело, это нечеловеческая жизнь была. Тогда думали только о том, чтобы покушать. Воровать не умели мы. И на огороде выращивали все» [45].

«Был колхоз «Заря» и «Май». На ту сторону станицы, на север – это была «Заря». А сюда к нам – «Май». Станица делилась пополам». – «А где граница проходила? Где центр?» – «Да, вот где центр и магазин. Вот как раз во тут вот была граница. Центр – там стояла большая церковь. И два колхоза было. Колхоз «Заря» и колхоз «Май» [45].

Во время голода 1933 года, высылки и репрессий было легче выжить тем станичникам, у кого были тесные родственные связи на уровне родных и двоюродных братьев (сестер). Институт семьи среди кубанцев демонстрировал устойчивость и жизнеспособность. Но из-за материальных трудностей середины XX века семьи создавались нередко без длительного ухаживания, сватовства, нередко не было свадеб как таковых [47].

Организация колхозов отмечена началом массового использования сельскохозяйственной техники на двигателях внутреннего сгорания. Первоначально это были почти исключительно трактора, их было недостаточно много, и они были низкого качества «В 1931 году была организована МТС с центром в станице Суздальской. В первые годы это была маломощная организация с небольшим количеством «Универсалов» и «Фордзонов». Трактора использовались только на пахоте, посевах и бороновании. Имеющаяся техника не могла обрабатывать и половины угодий колхоза. Поэтому основная часть работы пока ложилась на лошадей и волов» [48].

«[...] Были плохие трактора. На железных колесах такие-то. Щас их нету». – «Это случайно не «Фордзон?» – «Нет. «Натики» трактора были. Да и «Фордзон» был. А то «Челябинец» трактора называются. «Челябинец» он назывался» [49].

«[...] В основном тягло было техника – это лошади. Тракторов мало» [50]. К началу 1940-х годов в 234 колхозах Краснодарского края было объединено 396 141 крестьянское хозяйство с населением 1 492 904 человека [51].

Также после реализации программы коллективизации на Кубани активнее стали выращивать технические культуры: хлопок в Темрюкском районе, а также клещевину, арахис, сою и пр. [52].

Некоторые улучшения в быте колхозников наступили в самом конце 1930-х годов, однако они были половинчатыми и оказались прерванными войной. «38–39-й год. Тада уже пошли урожаи. Хорошие. Давали на трудодни хлеб, все давали. А тут война, 41-й год. И так не пришлось пожить хорошо. Бедно жили. Колхозы создавались же. А техники никакой не было. Бедновато жили. Быками пахали, конями пахали. Больше конями и быками пахали. На степе в колхозе пахали и сеяли. И все» [53]. Распространенной на Кубани пищей в середине XX века были кукурузные лепешки. Символом достатка для молодежи того времени, нередко труднодостижимым, были наручные часы [54]. В 2007 году для постановки, посвященной Дню Победы, танцевальный ансамбль «Серпантин» разыскивал старую одежду из крепдешина, шифона, панбархата. Эти ткани особенно ценили в середине XX века [55].

Примечательно, что после коллективизации неоднократно происходила смена населения станиц: «Ставропольцев сюда присылали, наших куда-то в другое место. В Дядьковскую много переслали ставропольцев. («Батуры, по- моему, с Ставрополя. Харьковские, Батуры... Харьковских-то нету сейчас»)» [56].

Описанные выше трагические события по-своему затронули и сферу национальной политики. В сфере национальной политики 1920-е – начало 1930-х годов характеризовались целенаправленной поддержкой неславянских этносов, в которых еще относительно слабая советская власть видела своих союзников. Активно создавались национальные школы, были организованы Армянский и Греческий национальные районы. По форме близкая коренизации политика украинизации на Кубани не отражала национальных чаяний ни одного из народов. Она была направлена на подрыв мировоззрения казачества, включавшего в себя сочетание казачьей и общерусской идентичности.

С конца 1930-х – начала 1940-х годов окрепшая власть перешла в наступление теперь уже и на национальные меньшинства. Прежде всего, пострадали представители народов, большая часть которых проживала за рубежом, они были связаны с обществами, подконтрольными противникам СССР (поляки, немцы, греки, ассирийцы) [57].

В период коллективизации произошел коренной слом уклада жизни казачьей станицы, восточнославянского населения в целом, его разрушение как целостной системы. Прежде всего, были разрушены общестаничные сети коллективов выживания. В течение XX столетия от них сохранялось немало отдельных элементов, но они все больше менялись и затухали. Seriously пострадали и представители многих других народов региона.

Примечания

1. Смирнов С. П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отраденцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная. 2018. С. 52, 63, 93.

2. ПМ КФЭЭ-2010. А/К 4263. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Инф.: Гапченко И. К. 1926 г. р., Гапченко В. А., 1930 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
3. ПМ КФЭЭ-2010. А/К 4226. ст. Мартанская Горячеключевского р- на. Инф.: Жолтик А. Н., 1935 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
4. ПМ КФЭЭ-2010. А/К № 4259. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Инф.: Мирошниченко Е. Е., 1919 г. р. Иссл.: Рыбко С. Н.
5. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4229. Ст. Мартанская Горячеключевского р- на. Инф.: Носатов М. Г., 1946 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
6. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4237. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Радченко И. М., 1938 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
7. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1080. Ст. Удобная. Инф.: А. С. Федоренко, 1913 г. р. Иссл.: Богатырь Н. В., Чубова Е. И.
8. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3092. Ст. Бакинская Горячеключевского р- на. Инф.: Згура Н. Н., 1926 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
9. Жинкин А., Паламарчук О. Кубань: история, культура, курорты и туризм. Краснодар, 2003. С. 356.
10. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4216. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Мизин Г. П., 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
11. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3700. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Кукоба Л. В., 1926 г. р. Иссл.: Воронин В. В.
12. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4219. Ст. Мартанская Горячеключевского р- на. Инф.: Прима Н. А., 1927 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
13. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4216. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Мизин Г. П., 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
14. Тер В. Подвиг выживания // Родная Кубань. 2013. № 4. С. 58–70, 75.
15. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1072. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: С. В. Грядя, 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
16. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1072. ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: С. В. Грядя, 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
17. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3901. Ст. Бакинская Горячеключевского р- на. Инф.: История Бакинской школы и станицы (чтение рукописи). Иссл.: Матвеев О. В.
18. ГАКК. Ф. Р – 586. Оп. 1. Д. 290. Л. 5.
19. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4237. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
20. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1071. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: С. В. Грядя, 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
21. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3980. Ст. Саратовская Горячеключевского р- на. Инф.: Кислова М. А. 1927 г.р. Иссл.: Воронин В. В.
22. ПМ КФЭЭ-2006. АК 3677. Ст. Саратовская Горячеключевского р- на. Инф.: Василенко М. П., 1916. г. р. Иссл.: Зудин А. И.
23. ГАКК. Ф. Р – 586. Оп. 1. Д. 657. Л. 3, 6.
24. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4222. Ст. Мартанская Горячеключевского р- на. Инф.: Мажневская В. Г., 1937 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
25. ПМ КФЭЭ-1992. АК 312. ст. Мартанская Горячеключевского р- на. Инф.: Карпенко М. Т. Иссл.: Раевская.

26. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4177. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Фоменко А. П., 1930 г. р. Иссл.: Зудин А. И.
27. Смирнов С.П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отрадненцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная. 2018. С. 57.
28. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4253. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Инф.: Терентьев Н. Г., 1928 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
29. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3976. Ст. Саратовская Горячеключевского р- на. Инф.: Вереса Е. К., 1918 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
30. Тер В. Подвиг выживания // Родная Кубань. 2013. № 4. С. 88.
31. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3923. ст. Бакинская Горячеключевского р- на. Инф.: Калько М. И., 1929 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
32. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3940. Ст. Бакинская Горячеключевского р- на. Инф.: Лазаренко В. Н., 1939 г. р. Иссл.: Жиганова С. А.
33. Удоб1072 (1). ПМ КФЭЭ-1996. АК 1072. Ст. Удобная Отрад- ненского р-на. Инф.: С. В. Гряда, 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
34. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3959. Ст. Суздальская Горячеключевского р- на. Инф.: Белобородова В. П., 1933 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
35. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4216. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Мизин Г. П., 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
36. ПМ КФЭЭ-1992. АК 355. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Инф.: Шаповал Л. Н.
37. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4257. Ст. Имеретинская Горячеключев- ского р-на. Инф.: Андреева В. Н., 1921 г. р. Иссл.: Рыбко С. Н.
38. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4249. Ст. Имеретинская Горячеключев- ского р-на. Инф.: Ектова П. С., 1927 г. р. Иссл.: Воронин В. В.
39. Ипполитов В. А., Слезин А. А. Восприятие в комсомоле статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 52–60.
40. Смирнов С. П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отрадненцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная. 2018. С. 22.
41. ПМ КФЭЭ-1992. АК 312. Ст. Мартанская Горячеключевского р- на. Инф.: Карпенко М. Т. Иссл.: Раевская.
42. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4072. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Инф.: И. И. Бунин, 1928 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев.; ПМ КФЭЭ-2004. АК 3123. Ст. Вышестеблиевская Темрюкского р-на, Инф.: Кривонос Я. А., 1922 г. р., Якименко А. С., 1916 г. р., Якименко Я. С., 1923 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
43. ПМ КФЭЭ-1992. АК 316. Ст. Мартанская Горячеключевского р- на. Инф.: Сидоренко М. Г., 1906 г. р. Иссл.: Митина.
44. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4090. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Инф.-т.: Бондарев Н. П. 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
45. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4239. ст. Мартанская Горячеключевского р- на. Инф.: Кацеба Е. Г., 1926 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
46. ПМ КФЭЭ– 2008. АК 4059. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Кравченко М. А., 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
47. Тер В. Подвиг выживания // Родная Кубань. 2013. № 4. С. 58–60, 74.
48. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4226. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Жолтик А. Н., 1935 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.

49. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3901. Ст. Бакинская Горячеключевского р- на. Инф-т: История Бакинской школы и станицы (чтение рукописи). Иссл.: Матвеев О. В.

50. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3923. ст. Бакинская Горячеключевского р- на. Инф.: Василенко И. А., 1930 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

51. Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее / Н. А. Серогодский, В. Н. Ратушняк, А. С. Демченко, Е. А. Чайка, Д. С. Завгородний. – Краснодар: Традиция, 2017. С. 102.

52. Захарова И. Ю., Меликьян К. В. Сельское хозяйство Кубани в довоенный период 1937–1940-х гг.: показатели и проблемы развития // Электронная библиотека «Киберленинка». URL.:<https://cyberleninka.ru/article/n/selskoe-hozyaystvo-kubani-v-dovoennyy-period-1937-1940-gg-pokazateli-i-problemy-razvitiya> (дата обращения – 19. 03. 2018).

53. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3962. Ст. Суздальская Горячеключевского р-на. Инф.: Бабинян М. Б., 1928 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

54. Котенко Е. Наша Нонна // Родная Кубань. 2016. № 2. С. 107, 108.

55. Шведова Н., Шагинян О. Прабабушкино платье // Сельская жизнь. 2007. № 42. 10 апреля. С. 2.

56. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3695. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Лютый В. Н., 1938 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.

57. Васильев И. Ю. Специфика восточнославянской этничности на примере украинцев Кубани // Украинский кризис: истоки тенденции и уроки. Материалы круглого стола. Изд-во ЮНЦ РАН. Ростов-н/Д., 2015. С. 61–79; Васильев И. Ю. «Книга памяти жертв политических репрессий» как источник по этнической истории Кубани // Научное наследие Ф. А. Щербины: казачество и история Кавказа. Сборник материалов XVII международной научно- практической конференции. Краснодар.: ИМСИТ. 2017. С. 16–20.

3. Голод 1933 года

Ещё одним трагическим событием, тесно связанным с жестокими методами коллективизации, стал голод 1933 года, который был следствием прямого изъятия продуктов представителями власти, стремившейся подавить всякое сопротивление людей насильственному изменению уклада жизни. Голод стал для станичников ещё одним кошмаром.

Старожилы чаще характеризовали голод 1933 года как геноцид казачества, переросший в уничтожение местного восточнославянского населения как такового. «Тридцать третий год, это очень страшный голод был. [...] Да почти все казаки умерли с голоду! Я остался, но мало нас осталось, жителей старых. Вот это тридцать третий год, двадцать первый год. Это было специально сделано уничтожить казачество. [...] Они боялись, что могут поднять (восстание – И. В.). Тогда угробили всех, безразлично, казак, мужик» [1].

При этом некоторые информанты называли официальную советскую версию голода как следствие происков кулаков. «Голод был, потому что прятали, большие семьи были, пять-шесть человек детей. Зажитошно жили – прятали все. Хоть проси, хоть не проси. В тридцать третьем был голод не такой, в 1921 году был сильный!» [2]. В музее станицы Воронежской сохранился рассказ идейного комсодовца Ф. И. Смирнова. «Ходили мы по дворам кулаков и искали спрятанных хлеб. В руках у нас были железные штыри, которыми мы прощупывали скирды и огороды. Если что находили, то заставляли

хозяина в течении суток погрузить найденное в мешки и отвезти на колхозный склад. Тех, кто сопротивлялся, вместе с семьей, в сопровождении местных милиционеров, отправляли в Краснодар, оттуда их в товарных вагонах отправляли на Север» [3]. Иногда официальная и советская точки зрения причудливо совмещались друг с другом: «[...] Я считаю, что специально враг какой-то тут был, [...] делал голод. Это враги специально – но чтобы люди шли против советской власти, вот они и творили. И кто же? Сам начальство, я же то ны прыкажу вам» [4]. Но все же в сознании местных жителей возобладала народная точка зрения. «В голод 1933 году полстаницы вымерло. Вот мы и часовню поставили. В память жертвам голодомора. Казаки поставили. Там и камень будем закладывать» [5].

Чтобы выжить во время голода, станичники ели травы и корни, другие съедобные дикорастущие растения. «Отец у меня в лес ходил, корешки копал. И вот мы их чистили, сушили. Потом толкли у ступке. Потом давали с колхоза муки, добавляли туда. И ели» [6].

Основными источниками питания во время голода были колхозные пайки, коровье молоко, дикие фрукты, съедобные травы и листья, водная и мелкая наземная живность. «[...] Макуху с маслостеблей брали. Колхоз давал. Работали же, макуху завозили. Дождались весны – акация. У кого коровка была. Акацию варили. [...] Репу копали и ели. Ежиков ели. Кто занимался – и рыбку, и ракушки. [...] И терн рвали, и кислицу, и грушу. [...]» [7]. Этот фактор, наряду в целом с большим доверием советской власти к жителям Закубанья, трудностью контроля над мелкими селениями в горнолесной местности, привел к тому, что последствия голода на территории Горячключевского района не были столь масштабны, как на правобережной Кубани. О размахе голода в Прикубанье ходили слухи: «У нас не было такого. Это там, под Черноморией было. Говорят, что там было еще страшней, чем у нас. У нас тут все равно работали. [...] Но что голодовали, то голодовали. А там еще хуже было. За Краснодаром, под Черноморией, так там еще хуже было! Как человек попался, так человека съели» [8]. В Прикубанье голод подчас приводил к случаям людоедства и трупоедства. «Одна женщина так съела дочку. Девочка умерла, а она вот этот труп» [9].

Иногда выжить можно было и за счет меновой торговли, бегства на Черноморское побережье и в Закавказье: «Там этого не было (голода в Адыгее – И. В.). Отец выделывал шкуры и носил к адыгейцам. Менял там на хлеб. А то не пропускали людей, чтобы дошли тут». «Дядя Сема Игнатенко, тот выехал за Кавказ. А другие не смогли, поумерли здесь» [10].

Иногда с большим риском удавалось добыть продовольствие, похитив его с колхозных складов: «Этот старик на мамашу говорит: «Наташ, как ты тут. Ты хоть пришла старшего сына». А он был амбарщик. Там было зерно у них. «Старшего сына. Пусть полезет там под амбар, и я буду ждать. Там дырка будет». Люди выживали, в общем. Ну, он поехал, мать ему сшила на куфайку карман. И пошел под этот амбар. Сыпал он, он оттуда был, а этот сверху. «Ну что, может еще?» «Хватит!» – говорит. Приходит с этой кукурузой – начали варить. Растопили печку – наварили кукурузы. Напарыли. И наелись сильно» [11]. Это было бы невозможно без поддержки ответственных работников колхозов, которые рисковали еще больше: «Отец такой был жалостливый, что ли. И он детишкам что-либо да даст. [...] На него внезапно ревизия. И конец. У него после ревизии не хватило семь килограмм дегтярного мыла. Дают десять лет! Тюрьмы!» [12].

В целом сравнительно благополучно складывалась ситуация и у тех, кто занимал какие-либо должности в колхозе или в советском аппарате станицы, работников бригад и МТС (машинно-тракторных станций — И.В.). Им и их семьям полагался фиксированный паёк, достаточный для пропитания. Легче было и тем, кому удавалось сохранить в своем приусадебном хозяйстве корову. Они могли регулярно употреблять в пищу молочные продукты. Особенно это было важно для семей с детьми. Последние иногда получали в школах и детских приютах паёк [13].

Изъятие продуктов осуществляли комсоды (комитеты содействия). Они полностью забирали не только запасы продуктов, но даже уже приготовленную еду, пытали станичников и издевались над ними. «Даже приготовленный борщ, и это заберут! Комсод ходил и забирал». «А потом начали ее пытаться. Это был Косогоровой тетки Лушки дядя. Дядя Митя. В бутылку насыпал песку. И бил ее бутылкой. Пока забил. «Признавайся, где ты унесла, закопала!» [14].

Иногда готовность жертв к отчаянному сопротивлению могла заставить комсодовцев отступить: «И вот тебе и идет комсод. Мать вышла – знала, что будет комсод и все – все – все! А у нас ни хрена ниче ж не было. Мать зашла ж в хату, топор взяла. Говорить: «Вот переступите хоть один – я рубать буду. Мне все равно гибнуть с шестью детьми». А один зашел в сени, говорит: «О тут кукурузой пахнет! Значить, живут они!» А там четвертый говорит: «У ней же шесть душ! Не на что будет жить, если мы там чего-то найдем. Пойдем...». И ушли» [15]. Случалось, когда жертвам комсодов не на что уже было надеяться, приходило чудесное спасение: «В 1933 году человек пятнадцать-шестнадцать ходили, хлеб искали. Сперва были «красные обозы», зерна было много. Подъезжают – берите. Они все чисто позабрали. Но кое-что в ямы позакапывали, а они ходили, искали... А потом приходять до нас, уже все забрали. Даже кукурузу. На потолку была фасольки баночка литровая, полезли – забрали. А потом снова! По двадцать раз приходять! Потом я уже туточки жил, заходят. Был коммуниста, командир их. Приходят освидетельствовать. Говорят: «Вы знаете, кто к вам зашел!» До моей жены. Она спугалась: «Да бачу, люди зашли». А в углу стояла икона венчальная, небольшая. Может по-Господнему, или бечевочка перепрела, тока он сказал: «До вас советская власть пришла!» – эта икона как летит, и командиру на голову как дрибнется, как разобьется! Они как спужались и тикать, ниче не сделали, утекли. А один с двустволкой был, она была заряжена, на боевом взводе. Вышли напашу, на профиль. Пошли дальше шукать, як до нас. А там собака здорова, кинулася на його. А он ее ложе в рот. А собака дернула и за курок, так блиснуло, и упал вин. Застрелила его собака. Те испужались, там икона, там собака. Бросили это дело – надо хоронить» [16].

В деятельности комсодов в основном участвовали низкостатусные члены станичного социума, маргиналы: беднота, некоторые женщины, молодые люди. «Комсомольцы, доносчики, вся беднота в комсодах этих была. Всю бедноту собрали да самых алчных людей, кто не хотел ничего делать. А хорошо жить, хорошо кушать» [17]. «Белов Петр. Звали его Пепой Белым. Карканова была потом такая фамилия. Торопец был Владимир. Тут была Чабанова. Ну, дурковатая она...» [18]. А также некоторые идейные сторонники большевизма, люди, стремящиеся во что бы то ни стало показать свою лояльность власти. «А был комсод, который ходил, все забирал?» – «Это комсод был, как кулачили. Это хотели перевести народ. Сперва оставляли мешок. А потом и все забирали. Иван Титович Соленов был тоже казак, но после революции он стал коммунистом. И им больше оставляли. А потом и к ним приходят, забирают. Комсод приходит, описывает, а

не сдаешь – на ссылку. И все равно заберут!» – «А у Ивана Титовича тоже забирали?» – «Сначала чувал возьмуть, чувал оставлять, а потом и последнее заберут. Все забрали, до последнего, несмотря что он был коммунистом. [...] Комсод создавали с комсомольцев, с коммунистов. Кто из казаков, тоже были» [19].

Кстати, участие в комсоде партийно-советской карьере не слишком способствовало. «После они в поле работали вместе с нашими. И неудобно им было: «Ну что ж, надо было выживать! Но я и поступила туда!» [20]. Старожилы рассказывали и о Божьем наказании комсодовцам: «Из тех, кто отбирал, все от рака поумирали! Их позаразили всех, ни один своей смертью не умер. Сколько были – все от рака поумирали». Станичники иногда сопоставляли их с пособниками гитлеровцев – полициями. «Эти полиция были в войну. А это жуткое дело! И комсода были! Свои же знакомые, но такие были жестокие!» [21].

Результатом деятельности комсодов и стоящих над ними органов власти стали огромные братские могилы. «Да почти все казаки умерли с голоду! Я остался, но мало нас осталось, жителей старых. А то шел, траву ел, умер и все. Хоронить даже некому было. Глухонемой, у него были, возил и собирал. Один казак был ишо живой. «Там дойдеть!» – повезли в общую могилу. Завалили. Были склепы большие, раскапывали и туда» [22]. «Много умирали. Вот кладбище у нас. Там была общая могила. Как умирали люди, их прям увозили и в общую могилу закапывали. Это я помню. Я как чуть подросла, эту могилу еще видала» [23]. Иногда не хватало сил хоронить даже в них, и людей хоронили за огородами. Станицы пережили колоссальный демографический спад. «И станица развалилась, здесь осталось человек пятьсот из десяти тысяч. Было в станице десять тысяч до тридцать третьего года» [24].

Обезлюдившие станицы стали организованно заселяться переселенцами из других регионов. Так, в 1934 году плановые переселенцы прибыли в станицу Воронежскую, всего 37 семей [25]. Переселенцам обещали на Кубани золотые горы, но им пришлось столкнуться с серьезными трудностями, например, с такой болезнью, как малярия, ранее им незнакомой [26]. «(Н. П.). А потом начали сюда переселенцев гнать. Одну группу за другой. Они приехали весной, бурьян два метра, лебеда. Они соскакивают с подвод и в бурьяны лезут. Думал, оправится или че-то. А они лезют, яйца ищут. «А нам наговорили, что тут яйца валяются, коровы ходят недоенные!» А как весна началась, малярия свирепствовала. Страшно, а местные жители уже акклиматизированная были. А их процентов шестьдесят умерло. Многие уехали, а тут дворов пять или шесть осталОсь... Вторую партию пригнали – то же самое! А третью уже с другого места. Три партии пригоняли сюда перселенцев. А вся станица была пустая, пятьсот человек было на всю станицу. С десяти тысяч». – «(Д. А.) С Орловской, с Белгородской области» [27]. «Потом приезжие приехали. Переселенцы, или еще как-то их называли. Полины Вороновой отец приехал. Детей семь душ, приехал из Воронежа. Говорили, что в станице Некрасовской яиц полно, коровы не доены. Бурьяны с головой по улице пройти...» [28].

Голод 1933 года стал очередной вехой в разрушении традиционных горизонтальных связей в кубанской станице, территориальной самоорганизации во многом путем физического уничтожения носителей соответствующего уклада жизни. Однако минимальные коллективы выживания ещё продолжали функционировать, что помогло выжить многим станичникам.

Примечания

1. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4090. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Инф.: Бондарев Н. П., 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
2. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1073. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: Стасенко С. А., 1916 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
3. Цит. по.: Сылко С. В. 200 лет станице Воронежской. Хронология, факты, события, комментарии. Майкоп. 2004. С. 63.
4. ПМ КФЭЭ-2004. АК 3107. Ст. Вышестеблиевская Темрюкского р-на. Инф.: Филипенко Н. В., 1929 г. р.
5. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4073. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Инф.: Кузнецов А. Н., атаман станичного казачьего общества. Иссл.: Матвеев О. В.
6. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4093. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Калугин В. А., 1914 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
7. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4238. Ст. Мартанская Горячеключевского р- на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
8. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4252. Ст. Имеретинская. Инф.: Ткачев П. М., 1913 г. р. Шеремет А. П., 1947 г.р.; Иссл.: Матвеев О. В.
9. ПМ. КФЭЭ-2008. АК 4026. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Руденко М.Т. 1923 г.р., Иссл.: Васильев И.Ю.
10. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4059. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Кравченко М. А., 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
11. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4059. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Инф.: Протасова Р. С., 1936 г. р. И. Ю. Васильев.
12. ПМ. КФЭЭ-2008. АК 4026. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Руденко М. Т. 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
13. Васильев И. Ю., Зудин А. И. Голод на Кубани 1933 г. в воспоминаниях очевидцев: обзорный очерк // Памяти XX в. Устная история кубанских станиц. Москва, 2016. С. 68.
14. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4059. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Инф.: Протасова Р.С., 1936 г. р. И. Ю. Васильев.
15. ПМ КФЭЭ-2004. АК 3123. Ст. Вышестеблиевская Темрюкского р-на. Инф.: Кривонос Я. А., 1922 г.р., Якименко А. С., 1916 г. р., Якименко Я. С., 1923 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
16. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1071. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: В. М. Гордеенко, 1913 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
17. ПМ. КФЭЭ-2008. АК 4026. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Руденко М. Т. 1923 г. р., Иссл.: Васильев И. Ю.
18. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4090. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на, Инф.: Бондарев Н. П., 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
19. ПМ. КФЭЭ-2008. АК 4026. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Руденко М. Т. 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
20. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4093. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Калугин В. А., 1914 г.р. м. к. Иссл.: Васильев И. Ю.
21. ПМ КФЭЭ-2088. АК 4057. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р- на. Краснодарского края, Инф.: Сопелкина М. П., Иссл.: Васильев И. Ю.
22. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4093. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на, Калугин В. А., 1914 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

23. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4059. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Инф.: Протасова Р. С., 1936 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.

24. ПМ КФЭЭ– 2008. АК 4059. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Кравченко М. А., 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

25. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4090. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Инф.: Бондарев Н. П., 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

26. Сылко С. В. 200 лет станице Воронежской. Хронология, факты, события, комментарии. Майкоп, 2004. С. 157.

27. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4090. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на, Инф.: Бондарев Н. П., 1924 г. р., Бондарева Д. А., 1929 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

28. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4059. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Инф.: Протасова Р. С., 1936 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.

4. Усиление влияния государства на жизнь общества

Советская власть начала гораздо более активно вмешиваться в хозяйственную и повседневную жизнь, чем царская (белогвардейская). В 1924 году местные партийные органы добивались проведения в жизнь льгот беднякам, например, при землеустройстве и налогообложении.

Но в первой половине 1920-х годов идеологические принципы использовались в отношении хозяйственных вопросов осторожно. Большевики последовательно создавали базу своих сторонников. В станицах проводилась программа привлечения бедняков в партию, агитации среди середняков. К 1925 году появилась сеть первых комсомольских ячеек. Больше всего их было на важных железнодорожных станциях. Например, на станции Тихорецкой в начале 1930-х годов уже было 57 членов и кандидатов в члены ВКП(б), около двухсот комсомольцев. В 1930-е годы пионеры и комсомольцы станицы Отрадной занимались обустройством на бывшей территории церковного двора парка и стадиона.

Целенаправленная работа проводилась и с женщинами: власть полагалась, прежде всего, на так называемых активисток. Целью работы с женщинами было их вовлечение в производство и политику. Женщин власть стремилась вырвать из круга семейных традиций, и активистки должны были влиять на остальных женщин.

«Женское движение» часто вызывало бурный протест у членов семей активисток. В 1927 году в городе Темрюке муж и свекровь не давали невестке (и жене) идти на городское женское собрание. Они закрыли ее в доме. Но женщина с маленьким ребенком выпрыгнула в окно и пошла на собрание. По воспоминаниям Е. А. Дворниковой, женщины-активистки: «Почти ежедневные совещания, конференции, на которые нередко врывались мужья и с кулаками бросались на жен». Женщины-активистки, члены женсоветов, делегатки в значительной степени занимались помощью коммунистам и комсомольцам – мужчинам (например, в организации буфетов во время агитационных мероприятий и пр.).

Типичной женщиной-активисткой была мать известной артистки Нонны Мордюковой Ирина Заиковская, дочь иногороднего бедняка, начавшая карьеру бойкой предводительницей комсомольской ячейки с преимущественно девичьим составом в станице Старощербиновской. Там она проявила лидерские качества. После ее постоянно назначали председателем различных отстающих колхозов в период колхозного

строительства в 1930-е годы. Ирина Петровна была главой семьи уже при живом муже, с которым она позже расстались, свою жизнь на селе обустроивала по городским канонам. При этом в целом круг «советских феминисток» был весьма узок.

Партийные органы уделяли внимание и развитию местной инфраструктуры. В 1926 году в станице Некрасовской состоялось открытие агропункта, развитие особого хозяйства сельсовета, общества Красного Креста [1].

Постепенно росло влияние партийных органов. В 1926 году в ст. Воронежской было 8 членов партии, 18 кандидатов в члены, в том числе 2 женщины. Одновременно с ростом влияния в станице партийных органов нарастала вражда «кулацкого актива» и коммунистов. «Кулаки» активно влияли и на бедняков. Основная борьба была за влияние на середняков [2].

В ходе создания базы сторонников в 1920-х – начале 1930-х годов советская власть предоставила некоторые привилегии представителям неславянских народов. Например, в ходе коренизации (предоставление дополнительных возможностей для осуществления самоуправления, карьерного роста и получения образования для представителей невесточнославянских народов в 1920-х – начале 1930-х годов) на территории Усть-Лабинского и Кропоткинского районов был создан немецкий национальный район с центром в селе Ванновское (Ванновка). Немцы составляли 44,56 % населения района, когда как восточные славяне – 53,8 %. К середине 1930 годов коренизация была свернута [3].

Изменения в общественно-политической жизни серьезно сказались на специфике хозяйствования. Как уже упоминалось, после окончания Гражданской войны специфика землепользования менялась быстро и неоднократно. С начала 1920-х годов землю для индивидуальных крестьянских хозяйств стали делить на представителей всех сословий и независимо от пола членов семьи, «по едокам». «...Три сестры, мать – четверо. И их двое. Шесть человек семья была. И было двенадцать гектар. По два гектара давали на человека. Пять или шесть лет попользовались, уже стали хорошо жить» [4].

Одновременно в начале 1920-х годов создавались сильно идеологизированные коммуны (в станице Воронежской Усть-Лабинского района – им. Д. Бедного, им. 3-го Интернационала). На хуторе 3-я Речка Кочеты (Усть-Лабинский район) в начале 1920-х годов работала коммуна им. С. М. Буденного. В середине и в конце 1920-х годов стали создаваться объединения хлеборобов, более ориентированные на производство ТОСов (Товарищества по совместной обработке земли) и артели (в ст. Воронежской – «Наш путь», «Красный треугольник»). Колхоз «Большевик» в 1929 году объединял в этой станице 350 семей (пятую часть населения). Развивалась и потребительская кооперация. В 1924–1925 годах в станице Усть-Лабинской действовало общество потребителей «Самопомощь». Оно занималось закупкой для населения продуктов народного потребления, в особенности – продовольствия. В основном землепашцы в окрестностях станицы Усть-Лабинской выращивали озимую пшеницу (98,5 % от площади посевов). Средний урожай насчитывал 70 пудов с десятины. В 1920-х годах пшеницы для местных нужд не хватало, приходилось закупать, что во многом было связано с налоговой политикой властей. Именно поэтому в 1920-е годы начинает распространяться выращивание картофеля [5].

В 1929 году, одновременно с разоблачением так называемой «правой оппозиции», усилилось партийное руководство станичными советами. Дело в том, что зажиточные

станичники в условиях давления и низких закупочных цен отказывались в условиях давления сеять хлеб [6].

С конца 1920-х годов советская власть уже стремилась к коренному изменению уклада жизни. В этот период государство сделало упор на привлечение в партийные ряды сельской бедноты. Это делалось для обеспечения поддержки масштабных преобразований и коллективизации [6]. Первоначально упор делался на регулирование хозяйственной жизни путем кредитования. В сведениях о кредитовании сельхозпроизводителей станицы Некрасовской за 1928– 1929 годы указано, что коллективным хозяйствам была оказана помощь на сумму 51 835 рублей, а единоличным – на 28 176, в станице Усть-Лабинской коллективным хозяйствам оказана помощь на 130 723 рублей, а единоличным – на 57 160. Кулаков в Усть-Лабинском районе в 1927 году было 1650 человек, в 1928-м – 1072; середняков в 1927 году было 9638 человек, в 1928-м – 9208; бедняков в 1927 году было 6548 человек; в 1928-м – 8336 [7]. Начиная с 1930 года упор был сделан на коллективизацию с централизацией и концентрацией рабочих рук и посадочного материала, семенного фонда. В Горячеключевском районе эти процессы сопровождалось усилением внимания к табаководству, раскорчевкой новых угодий [8]. Однако коллективизация поначалу столкнулась с сопротивлением местных жителей. Иногда (как это было в Горячеключевском районе) участники Гражданской войны в лице как красных, так и белых партизан нередко совместно действовали против мероприятий по коллективизации. Иногда она напрямую воздействовала на решения местных властей. Например, политическое состояние района в 1930 году было неблагоприятное [9].

Поэтому начиная с 1934 года выдвигались требования к повышению бдительности местных партийных организаций. В 1935 году некоторых распоясавшихся во время коллективизации и голода партийцев одергивали, пресекали их чрезмерную самостоятельность [10].

После завершения коллективизации имела место организация пионерских отрядов и более быстрый рост комсомола. Группа пионеров из станицы Ладожской даже выступила на 12-й районной партконференции. Хотя наблюдалась и нелюбовь ряда местных партийных и хозяйственных руководителей к комсомолу и пионерии. Например, в колхозах «Свободный труд» и «Красный форштадт». Одновременно власти занялись механизацией хозяйства, инфраструктуры района. В распоряжении РИКА (Районного исполнительного комитета – И. В.) и Усть-Лабинской МТС (Машинно-тракторной станции) имелась автоколонна грузовиков, появлялись и комбайны. Партячейка Некрасовской МТС участвовала в организации ремонта техники и обучении трактористов.

Имело место усиление военной составляющей деятельности местных партийных организаций. Это и подготовка допризывников, и мобилизация лошадей, и постройка аэроклуба. Рабочие и служащие Усть-Лабинской железной дороги им. К. Е. Ворошилова праздновали 25-ю годовщину создания РККА вместе с кавалеристами N-ской части. А в станице Запорожской стансовет занимался ликвидацией неграмотности призывников 1912 года рождения. При МТС вводилась должность специального работника по мобилизации, создавались мобилизационные запасы продуктов. Комсомольцы с энтузиазмом занимались военной подготовкой: С. П. Смирнов, например, вспоминал, что мог провести целый рабочий день, не снимая противогаза.

Особый упор делался на самокритику, выявление в партийных рядах врагов и вредителей. В этом партийные организации даже соревновались. Основным поводом

было критическое постановление ЦК ВКП(б) (Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)) по партийному руководству Азово-Черноморского края, «допустившего создание троцкистско-зиновьевского гнезда». Так, некто Шагинян разоблачил другого партийца, Варганыяна, якобы участвовавшего в расстреле 26 бакинских комиссаров. Сохранились воспоминания старожилов о доносительстве и нередких арестах во второй половине 1930-х годов [11].

Во второй половине 1930-х годов казачество начало активно интегрироваться в советское общество. Например, немало казаков предвоенного времени были рады попасть на службу в милиционные кавалерийские части Красной армии. При том что, например, приходилось ездить на бывших своих, а теперь «обобществленных» колхозных лошадях: «Каждый год три раза в лагерь ходили для учений. На учебные сборы. Там бойцы сменялись, переменный состав. Тогда Тимошенко был министром вооруженных сил. В Невинномысске наш полк стоял. Туда приходим – свою одежду скидаем. У старшины была она на складе. Три месяца отбудем в Моздоке. Там учимся три месяца. На железную дорогу погружаемся и едем на Невинку. Форму скидаем, свою одежду получаем и едем домой. На лошадях, но лошади были коллективные, общие наши лошади были. Не то что мои личные. Наши лошади, но их отобрали у нас!» Особенно активно участвовала в этих процессах часть казачьей молодежи, стремящейся к социализации и личной самореализации [12].

В 1920-х – начале 1930-х годов коммунистическая власть в кубанских станицах и на прилегающих к ним территориях целенаправленно формировала для себя разнообразную базу сторонников из числа бедных слоев станичного населения, приезжих, национальных меньшинств, женщин и пр. А в середине и во второй половине 1930-х годов власть переходит к жесткому централизованному руководству всеми сферами общества, причем, как было сказано выше, лояльные люди и целые категории населения также нередко подвергались жестким репрессиям.

В целом разрушение сетей местной самоорганизации привело во много раз к более сильному воздействию государства на отдельные коллективы выживания, а также, едва ли не впервые в истории, на отдельного человека. Особен - но – на молодежь.

Примечания

1. ЦДНИКК. 1471. Оп. 1. Д. 141. Л. 1; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 110. Л. 3; Котенко Е. Наша Нонна // Родная Кубань. 2016. № 2. С. 104–105; ГАКК. Ф. Р – 411. Оп. 2. Д. 439. Л. 31, 45; Смирнов С. П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отраденцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная. 2018. С. 57; Котенко Е. Наша Нонна // Родная Кубань. 2016. № 2. С. 107; Смирнов С. П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отраденцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная, 2018. С. 92.
2. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 155. Л. 1, 2; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 138. Л. 21, 25, 26; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 161. Л. 3; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 134. Л. 3.
3. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 251. Л. 6; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 184. Л. 6; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 184. Л. 8; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 184. Л. 1, 2; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 200. Л. 1, 1 об, 2.
4. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4091, ст. Некрасовская. Инф.: Бондарев Н. П., 1924 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
5. Буденновцы // Сельская новь. 1964. № 133. 7 ноября. С. 3–4; Сыл-ко С. В. 200 лет станице Воронежской. Хронология, факты, события, комментарии. Майкоп. 2004. С. 157;

ГАКК. Ф. Р – 245. Оп. 1. Д. 3 Л. 1–22; Забазнов А. Н., Савенко М. Усть-Лабинск: историко-краеведческие очерки. Краснодар, 2015. С. 85, 87.

6. Забазнов А. Н. Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794–2000 гг. Усть-Лабинск, 2010. С. 96; Сылко С. В. 200 лет станице Воронежской. Хронология, факты, события, комментарии. Майкоп. 2004. С. 158; Приходько Е. И. История создания и развития районной газеты «Красный табаквод» (Горячеключевской район, Краснодарский край) // Электронная библиотека «Киберленинка». URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sozdaniya-i-razvitiya-rayonnoy-gazety-krasnuu-tabakovod-goryacheklyuchevskoy-rayon-krasnodarskiy-kray> (дата обращения – 02.02.2019).

7. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 110. Л. 3.

8. Приходько Е. И. История создания и развития районной газеты «Красный табаквод» (Горячеключевской район, Краснодарский край) // Электронная библиотека «Киберленинка». URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sozdaniya-i-razvitiya-rayonnoy-gazety-krasnuu-tabakovod-goryacheklyuchevskoy-rayon-krasnodarskiy-kray> (дата обращения – 02.02.2019).

9. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 155. Л. 1, 2; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 138. Л. 21, 25, 26; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 161. Л. 3; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 134. Л. 3.

10. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 251. Л. 6; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 184. Л. 6.; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 184. Л. 8; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 184. Л. 1,2; ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 200. Л. 1, 1 об, 2.

11. ГАКК. Ф. Р – 586. Оп. 1. Д. 657. Л. 3, 6; ГАКК. Ф. Р – 586. Оп. 1. Д. 654. Л. 15 – 16; Смирнов С. П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отрадненцах 1920-х – 1930-х годов. Отрадная, 2018. С. 25.

12. ПМ КФЭЭ-1996. А/К 1073. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: Онищенко Г. Т., 1909 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.; Казанков В. И. «Привет из Ломжы». История одной старой открытки // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Армавир – Отрадная, 2017. Вып. V. С. 123 – 125; 133– 134 – с. 1.

5. Борьба с религией и изменения в культуре

История православия на Кубани в послереволюционный период представляет собой череду гонений: в период Гражданской войны, коллективизации, в 1930-е годы; потом военно-послевоенная оттепель, новые гонения в начале 1960-х годов и возрождение в эпоху перестройки. Говоря об антицерковной политике властей, станичники, прежде всего, подчёркивают значимость храма в жизни семьи, населённого пункта. Старожилы рассказывали о социальных функциях церкви, которые она выполняла в станице. При церкви усваивались многие основы традиционной культуры и культуры вообще.

«Белый был (дед – И. В.). Просто ходил на крылос, спивал. Потом вперед всех в церкви выходил, Евангелъе читал. Пол в церкви был такой. Негдэ ни царापинки. Мрамор был. И на царских вратах скризь мраморно было. [...] «Пресвятая Богородица, спаси нас!» – учили, я и чичас помню. Мама учила. Проказывала мени. Я стою, молюся. Христюся. А они проказывают. Нравилося. И доси. Не помолюся, мени як-то муторочно. Утром молюся, и вэчером молюся. Лягаю спать, похрестую мисто. И викна похрестую. Так мени мама учила. И двери хрестыла. «Творящее хреста, твори ото всякого зла. Перепни, Господи, десятима замкамы. Одвэрни врагов от нас». Вот это похрестую. Осталася у меня мама вдовой. И в стэпу ж робыла. И Богу молилася. И во цэ ж такочки. И «Отче наш», и

«Верую», «Помилуй мя, Боже». Это я не знаю. В церкви почула, тепер перехвачиваю. [...]» [1].

Церковь воспринималась как основа важных представлений традиционной культуры, таких как, например, благотворительность.

«Вот это могу рассказать! Особенно к убогим и нищим (трепетно относились – И.В.). Они всегда были в церкви на паперти. И стоялы. Если кто шел в церкву, обязательно не только несли в церкву подать, во там положить. Но и им подавалы. И если, допустим, у кого-то какая-то гулянка. Старалы- ся прыгласыть усих нищих на улыще накормить. Старалыся, да. Усых нищих накормить. Кто б ни прыйшев. Нищих всегда старалысь накормить. Это бабушка говорила». – «Считались Божьи люди?» – «Да, да!» [2].

Церковь осознавалась и как эстетический центр станицы, прекрасной своей архитектурой и музыкой. «Я не знаю, когда была построена церковь. Но ограда была очень красивая, чугунная. Выделка была красива на ней. Я помню». «Сейчас это здание переоборудовали церкви под клуб. Здание само по себе крестом. Они построены и так спрятаны. Она реставрирована. Примерно в шестидесятых годах. В шестидесятом году добавили кинобудку. А эти фойе еще были построены до войны. Библиотеку поместили там» [3].

«Очень красивая (церковь – И. В.). Всякие иконы были. Многие иконы были. Божией матери. Тамочки продавали свечи». – «А хор какой был?» – «Як и здесь хор. Как здесь, так и тада. Там молоденький был хор. А здесь были мужчины. Был батюшка, дьякон. Псаломщик. Отец Николай был. Отец Павел был. И отец Николай был там. У нас была церковь Петро и Павла. А то Троецька была церковь. Эту ж разорили в 33-м году. Нет, в 36-м. Ломали, доски таскали. [...] Очень хорошо. Ходили они с молитвами по дворах. В большой пост перед Паской. Подвода была. Кто муки даст, кто что. И на поле идет. Ходили святили пшеницу. С образами и с певчими. Много народу. Потом обед там. Батюшкам и певчим – тем отдельно. [...] Учили, и в церк- ву ходили. Как уже лет восемь-семь. У девять лет причащаются, исповедаются. И собираются на сентябрь месяц у школу. Один класс идут в пятницу вечером и в субботу утром. А другой класс на другой тыждень. В церковь идут. А тепер не то» [4].

Некоторые информанты даже переносили восприятие церкви как культурного центра станицы на последующий за ней клуб. «И школа была двухэтажная. И в церкву ходили. А после церкви там же в клуб. Телевизор поставили, ходили туда смотреть. В общем, она гремела, Абхазская» [5].

Особенно активно антирелигиозная борьба развернулась в 1930-х годах. Например, в Северском районе закрытие церквей, аресты священников резко активизировались в голодный, 1933 год. Например, священник из станицы Ильской о. Сергей Максименко был осуждён на три года лагерей. В 1937 году вышел на свободу, а вскоре был вновь осуждён и расстрелян [6].

Иногда возникали гораздо более сложные и неоднозначные коллизии. Служивший в отраденской церкви ещё во время Первой мировой войны священник Бессарабов в годы Гражданской войны был пулемётчиком в красном партизанском отряде. После демобилизации он вернулся к священническому служению. Несмотря на то что человеком он был очень достойным и обаятельным, священник Бессарабов подвергался притеснениям со стороны священноначалия как сторонник советской власти, а со стороны советской власти – как священник. Финал его жизни был трагичным [7].

Некоторые станичники вспомнили ещё первые факты антицерковного террора времён Гражданской войны. «В революцию заняли Кореновку, день был воскресенье. Два батюшки. Оба правые. Одного вывели в ограде, расстреляли. А другой остался» [8].

Гораздо больше люди старшего поколения вспоминали о разорении церквей в 1930-е годы. Рассказывают о спасении местными жителями церковной утвари: «А в церковь ходили куда?» – «В Платнировку и в Сергиевку. В Платнировке было две церкви. А в Сергиевке – одна. Деревянная. А в Платнировке была кирпичная. Разорили же ее, нема. И в Сергиевке разорили». – «А иконы у вас откуда?» – «Ще я шла замиж – благословили. А те так и остались в тем доме. Разобрали» [9].

Иногда необходимость уничтожения храма местные власти пытались мотивировать «хозяйственными нуждами»: «Собрали сход станичников. Мол, кирпич пойдет в народное хозяйство, ферму надо строить» [10].

Иногда церковь уничтожали из-под тишка, под видом стихийных бедствий и пр.: «У нас не закрыли здесь. У нас церковь сгорела». – «Это когда? До войны еще?» – «До войны, конечно. ...До войны, до войны. В тридцатых годах». – «А что случилось?» – «Не знаю. Щас многие говорят, что подожгли. Тада ж советская власть начиналась». – «С религией борьба была?» – «Да. Кто говорит – поджог. А дед там сторожем был. Дед говорит – нет. Просто дед дежурил в церкви там. Ночевал. А ее перед Троицей выкрасили. И полы, и все. Ну, перед праздником. И свечка упала на пол. И пошел пожар. Вот это такие данные. От деда я слышал. От Климента. Не от своего деда. Это по матери дед Климент» [11].

«Спалили. Говорят, гроза (усмехается – И. В.). А там... А надо было школу строить. Она мешала. Место мало. Никто ж это точно не знает. Знаю, шо спалили, а то вообще писали, что гроза. Постановили» [12].

Есть немало рассказов о «нецелевом» использовании здания церкви как склада или клуба: «Скажите, церковь в каком году разорили?» – «Еще я в школу ходила, так она была. Туда кукурузу завозили». – «Сначала склад был?» – «Правильно, склад. Она была кругом в полыни. Кумполы сымали». – «А когда сняли?» – «Это или тридцать четвертый, или третий год. Я была мала. А жили мы в совете. Папа работал в совете ездовым [...] А потом разломали, клуб построили [...]. Она и при немцах была, при немцах она стояла. Стояла полна церковь кизяком. И все боялись, как бы не подпалили немцы». – «Немцы церковь не открывали?» – «Не, нет» [13].

Участие в уничтожении церкви воспринималось как страшное преступление. Существует немало рассказов о Божьей каре его участникам или даже наказании от советской власти: «[...] Ломал враг народа, его застрелили. Он был бешеный, дурной такой. Его арестовали и посадили. А там голе место было. Щас построил новую» [14].

«А церковь закрыли при советской власти?» – «Конечно, закрыли. Две церкви было. Одно здание сохранилось. Одна деревянная была – в тридцать седьмом году сломалы. Председателя станицы я хорошо помню. Кривенко. Ему за эту церкву, шо он сломал, двадцать пять лет строгаца дали. Шо вин поломал» [15].

«Это ж такие ж и ломали, шо занимали. Я не знаю, був такой разговор, шо вот такие, которые ломались, два убилося. [...] Да, якобы Бог их наказал. С колокольни ли там куда упали. В общем, такой разговор. Я это чуть-чуть помню. Это ж тридцать шестой год, тридцать седьмой!» – «А местные ломали?» – «Нет, нанятые были» [16].

«[...] Я не знаю, был разговор, шо вот такие, которые ломались, два убилося». – «Убилося? Это кто церковь ломал?» – Да, якобы Бог их наказал. С колокольни ли там куда упали. В общем, такой разговор. Я это чуть-чуть помню. Это ж тридцать шестой

год, тридцать седьмой». – «А местные ломали?» – «Нет, нанятые были». – «Из Горячего Ключа?» – «Нет. А кто знает, кто вони, откуда? Неместные. Это я точно знаю, что неместные. Местные никогда не будут ломать, потому что тут люди набожные. И так они в Бога верили! Запросто могли и убить! Могли шо хочешь!» [17].

Хотя сохранились некоторые воспоминания участников уничтожения церкви ещё в детском возрасте. «Одну разломали (церковь – И. В.), одна осталась. У сквери была деревянна. Разломали. В 37-м ломали. Даже я ломал. Зацепили лебедкой. Она крутится, а не пада. А мы вышли на перемену. И як прыщыпылися на трос! Несколько учеников. А был председателем Дмитриенко. Так ему за эту церковь сразу двадцать пять лет жах! И посадыли. И у него был сын Мишка. И у его случилось че. Затыкал вин пальцем и балакал. Пудовою гирей колокол были на куски. А посла возили камень с фундамента. И выжигалы известь. Побелкой занимались в колхозе». «Даже я тянул за трос, шоб верх зломать. Я ходыл в четвертый класс. Нас привозылы» [18].

Некоторые церкви были уничтожены гитлеровскими оккупантами: «А была у вас там колокольня?» – «При мне ее, при немцах сожгли. Ее же и переделали тогда. Я даже не знаю. По-моему, колокольни были. Тогда уже звон же. Там красивая была церква. [...] Ее, видите, переделали. Это я еще была девчонкой, ее переделали. И там и табак вязали ото. Колхоз. Потом немцы пришли, там был госпиталь. При немцах. И когда немцы отступали, этот клуб и эту церкву они сожгли» [19].

В период оживления церковной жизни середины – второй половины 1940-х годов верующим было непросто получить в своё распоряжение прежние храмы. Особенно, если они были заняты под клубы и другие «советские учреждения». В 1934 году собрание колхозников решило превратить церковь хутора Свободный в клуб, ликвидировать церковную общину. В 1944 году община вновь действует в помещении церкви, бывшего клуба. И по этой причине власти сразу же пытаются её закрыть. Позже общине разрешили пользоваться зданием бывшего колхозного радиоузла – полуразвалившейся хатой, которая не подходила для проведения богослужений. После этого общину окончательно сняли с регистрации [20].

Антирелигиозная пропаганда оказала крайне малое влияние на восприятие станичниками разрушения храмов. Тема церкви в XX столетии ассоциируется с разрушением, святотатством, уничтожением высокого и красивого, уходом из станицы местного средоточия святости, высоты и красоты.

Одновременно с борьбой против прежнего уклада жизни советская власть начала формировать собственную культуру.

Первоначально, в 1920-е годы, советская власть стремилась использовать в своих целях уже сложившиеся популярные жанры, такие как частушка, в целях пропаганды своих идей. В популярные тексты или музыкальные мотивы подставлялись «нужные» слова. Характерный пример – использование белогвардейского «Марша дроздовцев» в качестве красной военной песни «По долинам и по взгорьям». Были широко задействованы наработки местных пропагандистов, комсомольских активистов, «синезлужников» (творческое движение коммунистической молодежи, напоминающее КВН более позднего времени). Например, комсомольцы и профсоюзные активисты из станицы Отрадной активно участвовали в этом движении [21].

К рубежу 1920-х – 1930-х годов в сельских населённых пунктах стали появляться радиоточки, начали действовать «кинопередвижки» (группы пропагандистов, которые располагали оборудованием и транспортом для показа кинофильмов во время поездок по

разным населённым пунктам). И по радио, и кино звучали уже новые, популярные советские песни. Они стали завоевывать популярность среди молодёжи. Радиопередачи были не только средством пропаганды, но и источником знаний [22].

С середины 1930-х годов растёт участие школы в воспитании детей и юношества. С 1930/1931 учебного года вводилось обязательное начальное образование. Его престиж и значимость для населения продолжает быстро расти. На селе распространяются комсомольские и пионерские организации. Через школу, пионерскую организацию и комсомол распространяется советская музыкальная культура, причём более официальный, торжественный её сегмент, чем через кинематограф, в котором были активно представлены любовная лирика и юмор [23]

В этот период советская власть взяла курс на замену традиционного песенного репертуара новым, целенаправленно сформированным столичными поэтами и композиторами. Такая музыка, с одной стороны, должна была пропагандировать коммунистическую идеологию, вождей СССР, романтизировать различные программы, реализация которых «спускалась сверху». С другой – советская песня в целом развивалась в русле музыкальной культуры массового индустриального общества, общемировых тенденций. Для такой музыки характерна сильная развлекательная составляющая. Именно в 30-е годы расцвело такое песенное творчество, одновременно пропагандистское и развлекательное. В ней признанными корифеями были талантливые композиторы – И. Дунаевский, Б. Мокроусов и др. Их произведения оказывали огромное воздействие на современников, формируя их сознание в духе официальной идеологии. Лёгкие, просто запоминающиеся мелодии этих авторов были у всех на слуху: они звучали дома, на улице, лились из репродукторов и с экранов кинотеатров. Вместе с бодрыми аккордами звучали незамысловатые стихи, прославлявшие Родину, труд, партию, Сталина [24].

Одновременно росло давление властей на традиционную песенную культуру, за исполнение казачьих, монархических песен можно было подвергнуться репрессиям. Группы мужчин, которые традиционно собирались и пели песни, представители власти могли рассматривать как маскирующихся заговорщиков. Мужской сегмент фольклора как таковой начинает распадаться.

Но традиционный песенный фольклор продолжал сохраняться в семейном кругу, молодые люди пели старинные песни во время традиционных встреч «на улице» за пределами школы или клуба. Традиционный фольклор исполнялся в небольших довоенных колхозах, нередко сформированных с учетом традиционного внутреннего деления населённых пунктов. Так, Г. Д. Филобок знакомился с песенной традицией в колхозной бригаде [24]. «Вот этот ж они на Троицу и воробья пели. На улице гремит станица, везде карагоды поют – это Троица. Не потому что пьяные, а потому что это такой обычай на Троицу. Обязательно «Воробья» поют» [25].

На селе массово появлялись клубы, в которых пропагандировалась современная авторская музыка, в том числе и через популярные кинофильмы. Так, в 1937 году на Кубани действовало 800 киноустановок. Смысл деятельности массово создаваемых сельских клубов заключался в пропаганде на селе советской городской культуры, отрыве молодёжи от таких традиционных институтов, как семья и церковь. Например, еще со второй половины 1920-х годов в противовес церковным создаются так называемые «светские хоры».

При этом усиливается интерес к городской книжной культуре, спорту. Так, в 1930-е годы в станице Отраденской были футбольная команда, секция легкой атлетики, вольной и французской борьбы. В станичном клубе в феврале 1937 года прошел вечер памяти А. С. Пушкина [26].

Во второй половине 1930-х годов в сфере культуры и образования вновь начинают усиливаться патриотические тенденции, что, в частности, выразилось в более уважительном отношении к традиционному фольклору, стремлении интегрировать его в систему советской культуры для укрепления ее патриотической составляющей [27].

В этой связи характерно воссоздание в 1936 году Кубанского казачьего хора под руководством Г. М. Концевича. Коллектив тогда назывался Государственным ансамблем песни и пляски кубанских казаков. В 1937 году ансамбль уже гастролировал в Москве. В том же, 1937-м Г. М. Концевич был репрессирован. Но интерес властей к казачьей музыкальной культуре продолжался. Так, в 1939 году в проведении Международного юношеского дня (МЮД) участие принимал казачий хор из станицы Старомышастовской [28].

Курс на вытеснение народного фольклора сменился стремлением на его интеграцию в систему советской культуры наряду с другими ее элементами. Поэтому вновь стали входить в обиход элементы казачьей культуры. «Осенью 34–35 годов за церковной оградой в сторону улицы Кирова проводились казачьи джигитовки на колхозных конях – рубка лозы в новой форме: укорочены черкески, приплющены папахи», – вспоминает Л. Строкун [29].

Таким образом, прежняя культурная парадигма целенаправленно разрушалась, и из ее останков вместе с элементами нового конструировалась новая культура.

К началу 1940-х годов традиционный станичный уклад жизни как единое целое был разрушен. Во время Гражданской войны были разрушены традиционные для Кубанского казачьего войска вертикальные социальные связи. В 1930-е годы были разрушены горизонтальные социальные связи станичного социума, мощный удар был нанесён их мировоззренческой основе – православию. Родственные коллективы выживания ещё сохранялись, но существенно ослабли территориальные. Таким образом, произошла во многом насильственная деконструкция традиционного уклада жизни. Она сопровождалась военными действиями, террором, голодом, частичной сменой населения. При этом продолжали сохраняться многие традиционные элементы прежнего уклада: патриотизм, отношения к семье и пр. Элементы прежнего уклада уже не могли действовать как самостоятельное целое, но активно участвовали в формировании нового, индустриального уклада, основанного на крупном товарном производстве. В рамках нового уклада стала развиваться система образования, государственный контроль над эстетической и досуговой составляющими повседневной жизни, основанной на управляемом синтезе старого и нового. Начался процесс технизации материальной сферы повседневности.

Примечания

1. ПМ КФЭЭ – 1992. АК 230. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Лысак Ф. К., 1907. Иссл.: Шептун С. В.
2. ПМ КФЭЭЭ – 2008. АК 3987. Ст. Саратовская Горячеключевского р-на. Инф.: Андриянова А. Я., 1935 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.

3. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4263. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на Инф.: Гапченко И. К., 1926 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
4. ПМ КФЭЭ – 1992. АК 231. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Садиловская Е. М., 1909 г. р. Иссл.: Шептун С. В.
5. ПМ КФЭЭ-2015. Аудиотрек (далее–АТ) Черн16. Ст. Черноморская Горячеключевского р-на. Инф.: Варавва Н. А., 1933 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
6. Кияшко Н. История Свято-Никольского храма пос. Ильского // Родная Кубань. 2015. № 1. С. 11.
7. Смирнов С. П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отраденцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная, 2018. С. 16–17.
8. ПМ КФЭЭ – 1992. АК 244. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Куценко П. Г., 1906 г. р. Иссл.: Горбань А. Е., Зуб Е. В.
9. ПМ КФЭЭ-1992-1. АК 217. Х. Левченко Кореновского р-на. Инф.: Самохвалова Ф. Ф. Иссл.: Чмырева И. Ю.
10. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4073. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Кузнецов А. Н, атаман станичного казачьего общества. Иссл.: Матвеев О.В.
11. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 3089. Ст. Саратовская Горячеключевского р-на. Инф.: Хорольская В. Ю., 1914 г.р. Иссл.: Матвеев О. В.
12. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4229. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Носатова В. М., 1949 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
13. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 3961. Ст. Суздальская Горячеключевского р-на. Инф.: Ждан Н. Е., 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
14. ПМ КФЭЭ 2009. АК 4168. Ст. Владимирская Лабинского р-на. Инф.: Гречко И. С., 1927 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
15. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4209. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Гришко С. П., 1927 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
16. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3959. Ст. Суздальская Горячеключевского р-на. Инф.: Белобородова В. П., 1933 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
17. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3959. Ст. Суздальская Горячеключевского р-на. Инф.: Белобородова В. П., 1933 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
18. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4217. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Гришко С. П., 1927 г.р. Иссл.: Васильев И. Ю.
19. ПМ КФЭЭ-1992. АК 343. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Ткаченко К. Е., 1921 г. р. Иссл.: Чмырева И. Ю.
20. Громов В. Страницы истории хутора Свободного и его православной общины // Родная Кубань. 2013. № 4. С. 4–7.
21. Волыняк П. Кубань – земля казачья // Вольная Кубань. 2002. № 3. С. 78; Смирнов С. П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отраденцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная. 2018. С. 14.
22. Развитие образования и культуры в 1920-1930-е гг. // Портал «Кубань – ты наша Родина». URL.: <http://kuban.hut4.ru/culture2.htm> (дата обращения – 07.07.2017); Смирнов С. П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отраденцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная, 2018. С. 104.
23. Смирнов С. П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отраденцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная, 2018. С. 106.
24. Тер В. Подвиг выживания // Родная Кубань. 2013. № 4. С. 57.

25. ПМ КФЭЭ– 2008. АК 4089. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Протасова Р. С., 1936 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
26. Смирнов С. П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отраденцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная, 2018. С. 11, 111.
27. Культура в СССР в 1920-е –1930-е гг. // Портал МегаОбучалка. URL.: <https://megaobuchalka.ru/4/36251.html> (дата обращения – 07.07.2017).
28. Шаповалов С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930 гг. Краснодар, 2012; Концевич, Григорий Митрофанович // Электронная энциклопедия «Википедия». URL.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Концевич,_Григорий_Митрофанович (дата обращения – 07.07.2017).
29. Строкун Л. Мои воспоминания // Родная Кубань. 2010. № 4. С. 131.

Синтез старого и нового

1. Великая Отечественная война (жизнь в тылу)

Сегодня всё большее значение приобретает изучение поведенческих стратегий и специфики восприятия реальности советскими людьми, пережившими немецко-фашистскую оккупацию. Особую значимость имеют эмоционально окрашенные оценки действительности [1]. Их воспоминания очень глубоки. Они отражают самые яркие и зачастую болезненные воспоминания, которые породили сильный страх, подавленность, гнев [2]. Они не стираются у очевидцев даже спустя многие десятилетия. Свидетелям оккупации, время которой зачастую пришлось на их детство и юность, запоминалось отнюдь не всё подряд в равной степени. Можно выделить наиболее значимые моменты. Также очень важны ценностные установки, определявшие базовую основу восприятия реальности.

После войны нередко говорили, что кровавые события предвещались сверхъестественными знаменьями, что говорит о живости в народном сознании уже во второй половине XX века традиционных представлений, известных с доиндустриального периода. «Ни, просто вот тут месяц и тут солдат и тут солдат (с двух сторон). Просто настоящи, выдно, руже так, мужики. А с мэнэ смююца: «Шо ты выдумала?». Прышла старуха одна: «Да, правда, шото такэ буде». А молодижь наша: «О-о, всяки тыньки-миньки придумывают». Она: «Ну ниче, бисовы неверы, побачитэ» [3]. «Перед 1941 годом небо красное было сильно, молнии махали» [4].

Само известие о начале войны стало для станичников одним из самых запоминающихся, знаковых событий: «Я к пристани пошел купаться, а там пароход был. Говорят, важное правительственное сообщение будет. Радио тада в каждом доме не было. В центре станицы большая труба была. Мы собралися, и Молотов выступает, что началась война. Мы, дети, сразу повзрослели, притихли. Мы с девушками вэчером собралися в кучу, там лужок у нас был. И разговор был за нимцов» [5].

Ещё до оккупации военные тяготы давали знать о себе. Женщинам пришлось очень много работать. Они и подростки заменили ушедших на войну колхозников. Добавился и резкий рост налогов, трудности со снабжением. Всё это сопровождалось маскулинизацией девушек, ускоренным взрослением подростков [6].

«Я цэ хорошо помню, шо утром встал, и объявляют. Тогда были ти, радио. И вот объявляют: война. Я в правление пришел, в колхоз. Меня на коня поставили. Сил и ездил по бригадам объявлял всэм, шо началась война. Сзывают домой всех людэй с работы. Сошлись сюда. Был председатель колхоза. Сказал, что началась мобилизация. И начали

мужикив брать на фронт. В общем, остались одни женщины. И мы, пацаны-подростки» [7].

«В военные годы посылки собирала, перчатки вязала «з двумя пальцами». Задание – вывязать 5-6 рукавичок», чтобы посылку собрать на фронт. В те годы, детьми, возили зерно на быках. Жили в Копанской, а элеватор был в Новоминской, и 40 километров ехали на чувалах – почему это не учитывается? Это ж наш истинный труд. Ну, когда война началась, мы еще как-то ходили. А когда стали накладывать большие налоги по мясу, молоку... Нам все это пришлось как бы в налоговую отнести. Пришли, описали. Открыли старый сундук, а там еще кое-что лежит... Ну, естественно, роптать поздно. Надо было – значит надо. Была война. Значит надо. Прости Господи» [8]. «А сердце износилось – то в войну в окопах сколько земли перекидали!» [9].

Вступление оккупантов в станицу производило жуткое впечатление. Его ждали с ужасом. В формировании заранее негативного образа немца сыграли свою роль и официальная пропаганда, и рассказы отступавших советских солдат, и письма с фронта. Особое психологическое воздействие оказывало обилие военной техники, которая издавала громкие и резкие звуки, пугала станичников. Особенно запомнились передовые мотоциклетные разьезды. Всё это расчеловечивало немцев, придавало им черты опасных машин, а не людей [10].

«Ехали на танках, мотоциклах. Гнали они румынов и над ними издевались. Грязь была страшная, а они им приказывали: «Лечь, встать, лечь, встать», в эту грязь» [11].

«Пришли немцы – мне было двенадцать лет. Я хорошо запомнил. Пришли в июле месяце, уборка была как раз, пыляка. Они прьехали на мотоциклах сюда. А пацаны ж. На встречу смотрели на их. Як на чертей. Они грубые были. В оккупации прожил 3 июля месяца по февраль месяц, сорок трэтий год. В сорок втором году зашли немцы» [12].

Под воздействием длительных непосредственных контактов с оккупантами клишированное восприятие их несколько смазывалось. Становились видны их человеческие качества, индивидуальные особенности. Чрезмерный страх, которым сопровождался приход оккупантов, потом работал в сторону их относительно «позитивного» восприятия. Солдаты и офицеры гитлеровских гарнизонов (не относившиеся к специальным зондеркомандам) при повседневном общении не всегда оправдывали некоторые чрезмерные страхи. Это, прежде всего, касается тех, кто сам не пострадал во время оккупации [13].

«А в доме у вас не жили немцы?» – «Жил. Жил немец». – «Не трогал?» – «Нет. Это немец был высокий чин. У него автомобиль. Охранники стояли на каждом углу. Офицер был. Он чисто немец. Аккуратный был. Я бы даже сказал, что действительно немцы не все плохие. Это был человечный человек. У нас корова была, сено свое. А румыны уо пришли сено забирать лошадям. Им запрэтили сено забирать. Не обижали. А мэнэ за ухо пиймае ночью, привэдэ до бабки. Баб, ну партизаном будэ, – каже». – «Подкармливал он вашу семью?» – «Да, давал мне и сахар, и хлеб, мыло давал». – «А румыны себя по-другому вели?» – «Да. Так вот характерно, шо он сказал: «Вы не бойтесь, каже, немца. Немец, каже, умный и грамотный. А бойтесь...». И пэрэчитывает: «...румынов, поляков, чехословаков, венгров, своих полицаив – изменников Родины. А немцев вы не бойтесь» [14].

«Немцы местное население не обижали?» – «Не слыхал, шоб там. У нас был один. Корова была. Молочка придэ, попье. На губной гармошке пограе нам. Хороший был, любыл молочко» [15].

«Летом пришли (немцы – И. В.). В августе. В Платнировке больших нэ было зверств. Тока понапывались. Возле базара я тада жила. А его мать жила здесь же. Немец пьяный приходыл. Направлялы до их это. Старуху убыл. Корову убыл. Но его забралы, увелы. Наказалы. Када отступалы немцы, занялы у нас комнаты. Все. У нас русская печка, а у меня был сынишка. Сорокового году. Я с сынишком на печке. И отец в этой комнате. А во второй – они. Они включили радио. И я слышу Москву. И они закрыли двери. Были немцы обходительные, понимали это. Когда немцы заняли, перед отступлением, была зима. А они ж в платках были. Холодно. Один устал утром и пошел в туалет. И на бурьянынку повесил платок. А потом приходэ и ищет. Показуе, рассказуе. Вроде укралы платок. Отец тоже пошел в туалет. Приносит: «Пан, это?» – «А-а-а!»» [16].

Рассказы о немецких репрессиях периода оккупации относительно коротки и схематичны. Во многом это объясняется относительно «проказачьей» политикой оккупантов на Кубани [17], которые поэтому не слишком усердствовали в терроре. (Имеется в виду поведение захватчиков в казачьих станицах. В городах, в неказачьих поселениях имел место «традиционный» массовый террор. Взять хотя бы применение в Краснодаре душегубок.) Своё значение имели и низкая продолжительность оккупации, отсутствие активных ан-типартизанских действий. В станицах же террор гитлеровцев несколько теряется на фоне зверств Гражданской войны, коллективизации и раскулачивания. Особенно это характерно для восприятия тех, чьи родные и близкие от него непосредственно не пострадали.

«А кого они повесили?» – «Наверно ж, коммунистов». – «А кого еще, может, расстреляли?» – «Нашу ж Лымареву расстреляли немцы. Стреляли и попали в нее» [18]. «А у вас немцы не обижали народ?» – «Обижали, назначили старосты». – «Никого не расстреляли?» – «Расстреляли. На могилках трех-четырех. Там ямку прокопали на могилках. Там за станицей сразу трех или четырех туда вывели. А то коло хутора, по-за хутором расстреляли в трех местах. Порасстреляли. Кого ж там отмечали» [19]. «У нас, например, двух наших партизан, председателей колхозов, Матвиенко и Коноповченко, а так больше никого не убыли. Я не знаю. Тада ж выгоняли всех на показное повешение. Это устрашающая акция. Немцы сделали такие гадости, что надо было не мириться. Сколько положили людей. Каких людей уничтожили! Рабочую силу» [20].

Но нельзя забывать, что имели место и акты массового террора против мирных жителей [21]. При этом в дольше всего оккупированном Темрюкском районе взаимоотношения местных жителей с гитлеровцами складывались наиболее тягостно и трагично. «Брат был двадцать четвертого года рождения, вышел сюда, чтоб проведать соседа, а тут уже снаряды рвутся, все. ...А тут трое немцев, с повязками. Офицер какой-то. Это полевая жандармерия. И в него шесть раз с пистолета. Как вроде он партизан. Двадцать четвертого года, уже взрослый был. Расстреляли... Но в основном бэндэровцы здесь были, бэндэровцы. С Западной Украины. Я был седьмой в семье, и как я родился, матери, как матери-героине, дали пособие. И построили в тридцать восьмом году этот старый дом. Была у меня сестра Маруся, семнадцатый год ей шел. Ее у бабы Марфы забрали и десять человек изнасиловали хором. Десять человек бэндэровцев. Она пришла и напилась медного купоросу. Мы ее похоронили. В сорок втором году, в сентябре месяце» [22].

«Мама абрикосы сушила, а немец очень любил абрикосы. Он брал ее абрикосы и посылал посылки в Германию. Вот это он брал. А так, чтобы детей стреляли, били – не было такого...» [23]. Гитлеровцы пытались организовать эксплуатацию местных

природных богатств, например, в Темрюкском районе – рыбных. «По-моему, у нас одна бригада была из стариков. Их немного было, но рыбачили. Это было, где рыбцех и пляж. От пляжа немного на восток рыбцех был. Они вышку поставили якобы в рыбцехе. Два ставничка стояло. Если есть красная рыба – то ее сразу в цех. Тико если не в цех, а в брыгаду идут, с вышки сразу пулеметчик стрелял» [24].

Особое место в памяти станичников нашлось и для союзников немцев, например, румынов, словаков. Их считали более развязными, вороватыми, склонными к мародёрству, но в то же время менее страшными. В большей степени это относилось именно к румынам [25].

«Румыны были, венгры?» – «Были. Они боялись. Они такие квелые были. Пораспускают, понавешают соплей и ходят. Холодно было, январь. А когда пришли немцы, там много украинцев было. наших с ими. Где им понравиться, там они выбирают квартиры и спать. У нас ночь переночували. Ушли от нас. Мы бедненько жили. Мама одна, нас трое. Пошикарнее где дома. Тогда дома были старинни.

Там церкву открыли на нашем краю. У доме. Украинцы говорят: «Ну, потерпите, дитки! Вот скоро война кончится, будити жить! И будет хорошо тогда. И платьев будет много, одежи. Будете жить тогда хорошо». Они по-украински говорят. Кое-что поймешь. А люди наши детей несли крестить».

«Полицаи больше делали шкгоды, чем немцы. Закрывали, приставали. Даже до нашей мамы один приставал. Украинец. Мы их положили на кроватях спать. Сами легли на земле. Мама легла в середке, а мы – в краях. Встал украинец. И лазе, шукае. До мамы. А мама была молодая, красивая. Она девятьсот пятого года. Пелагея Ефимовна. Тогда девчата постарше попод- хватывались. И я встала. А он лазил, лазил. Видит, что мы повставали. Мы тада: «Мама, пойдете на двор». Постелились, сели, сидели до утра» [26].

«С хаты выгнали, румыны поселились. И немцы, и румыны были. Курям головы поодризалы (румыны – И. В.), кабанчику одризалы голову. Тэ всё поийлы. А нас выгнали с хаты... Улий був у нас. Воны пчел вытрусилы, мэд забралы, поийлы. По соседству стояли немцы [...] Ны ругалыся (румыны – И. В.), ны былыся, мамку воны ны трогалы. Конив у зал завылы. У зал, спальню, а сами в других комнатах» [27]. «А к девушкам не приставали?» – «Почему? Постарше приставалы. Девчата ж пряталысь где кто, сидэли. Приставалы. Все было. Девчата стоят. Прибигалы. Не знаю, как. ... Досталося» [28].

«Немцы в станице были?» – «Немцы были».– «А словаки были?» «– Чехословакия стояла. Чехи ж были. Сразу немцы, потом румыны, а потом чехи. И стали. В амбаре завели пекарню. Хлеб пекли и на фронт отправляли. Работали кое-кто тут в амбарах у них. А так работ не было никаких. В амбарах пекарня была. Там при немцах подворье было. Чехословакии на квартире стояли. Хлеб просили. Принесут мешок. Свиной понатыгали. В сарай. Шесть штук. Принесут мешок хлеба и высыплють: «Мамка, водичка нальешь». И нам хлеб давали. И свиной кормить. Резали этих свиной, забивали. Приезжала машина. Режут и забирают на фронт». – «Чехословаки не безобразничали, хорошо себя вели?» – «Чехословакии – они хорошие люди. Хорошие. А первые немцы! Те топтали заборы. Пришли пополомали. Хатенки какие поразрушили. Потом пришли после немцев румыны. А потом чехи пришли. Уже порядок стал. Тишина, хорошо было». – «А румыны что делали?» – «Румыны ничего не делали. Готовили они продукцию. Хлеб пекли, мясо» [29].

«А у нас не немцы говорили, шо словаки. И венгерские люди. И словаки. Были, были. В станице были». – «А словаки население не обижали?» – «Обижали. Забирали. Телочку выкормил – придут заберут. Телка забирают». «Че там не обижали? Обижали! Идет словак. Кричит: «Мамко! Давай яйца, курки, молоко!» И што где подгрребло! И молоко увидал – забрал. Мы сидим – он поросенка поймал и потянул. Мама отговаривала, отговаривала. А словак по-соседски у нас жил. Женился на соседке. Пристал до ней и жил. Миша его называли. А как там его звать? Он нам сказал: «Миша меня называйте!» Поросенка забрали. Он побег, штось с ними переговорил – они пустили. Нашего поросенка. Один раз отговорили. А один раз забрали. И поросенка забрали. И телочку забрали. Телочку тоже у нас забрали словаки. Забрали, зарезали! У йих в амбарах хлеб йих пекли. Резали, пируют, едят. Пришли поймали, забрали и потянули. Во так» [30]. Как видно, в глазах очевидцев сложился образ словаков как своеобразных «солдат Швейков». Неагрессивных и даже дружелюбных, но не упускающих возможности «урвать» мирских благ.

Так называемых полицаев, полицейских из местных жителей при немецкой оккупационной администрации старожилы кубанских станиц вспоминают в целом со страхом и омерзением. Они постоянно повторяют, что от полицаев было больше вреда мирным жителям, чем от самих немцев. Именно с ними происходили основные конфликты периода оккупации. В народном сознании полицаи стали воплощением всего того зла, что принесла оккупация. «А вообще они местных обижали сильно?» – «Обижалы. А как же». – «Ну как? Расстреливали?» – «Представь, шо немец сам, немец, он не трогал. Он настраивал против нас полицаев. У него полицаи...» – «Местные?» – «Местные, да.» – «А как так? Вроде живете в одной станице?» – «А вот так. А сколько раз меня били». – «За что?» – «За то, шо ны подчинявся полицаям. Ну, вот так идешь на речку, а вони едут. Так представь. Едет на коню в казацкой форме. Остановил: «Дай закурыть». – «Я не курю, нету». – «Ах, ты не куришь!» – плеткою. А другой: «Дай закурыть». Ты даешь. «Ах, ты курышь!» – тоже плеткой. Не курю – жиг, куришь – жиг. Вобщем такое дело». – «А полицаев не было человечесных?» – Ни одного не было. Я скико вот помню, Барылки, Гайтына, Петрыи. Ни одного не было. Все они были... Что это их же пришла развозная жизнь. Свободно жили. Пьянка ночами». – «Это они, наверное, мстили комсомольцам, партактиву?» – «Да. Ну, их же настраивали. Они – подданные, предатели». – «А расстрелы были в станице?» – «У нас не было. Может, увозили куда, но у нас в станице я не помню, шоб стреляли. Бить били. Тут по нашей улице был совет на углу. Вото положуть – он порет плетками. И женщин, и мужчин». – «А за что?» – «Ну, за неподчинение. А неподчинение шо. Не хотят на работу» [31].

«А полицаи в станице были?» – Полицаи были в войну. Обязательно. Я ж дежурил у этих у полицаев. Ну, и постреляли. Красные пришли – постреляли». – «А фамилии какие у них были?» – «Чухлеб, в совете их было трое. Так их трое и постреляли. Саша Вальков был. Молодой пацан, забрали они его. И старший был полицаи. Девчата его еще жили тут, дети. Жинка умерла. Одна дочка жила. Трое и постреляли их тут на могилках. Наши, када с гор вернулись. Их поцопали, пособирали. Саша Вальков хороший хлопец был. А те, Чухлеб и еще один, те были такие, активисты были. Он как выскочит, с плеткой. А я отбегу и кричу: «Смотри, ночью дрючка получишь!» А он и так сердитый. Так еще сердитей становится. Были полицаи» [32].

Иногда старожилы говорят о причинах, которые толкнули полицаев на предательство. Это преследования советской власти, бедность, социальная и физическая ущербность.

Оккупанты проводили особую работу по привлечению к сотрудничеству «антисоветского элемента» [33].

«Казаков много было. Но их раскулачивали, и они все отсюда по- уезжали. Когда война была, они позаписались в полицаи. Плетками нас тут лупили. Немцы не так издевались, как наши». – «Немцев никто не встречал хлебом-солью?» – «Были. Это богатые были. Встречали хлебом-солью. Это бабка такая была Шаталова Кулина. Они казаки были. Но тут казаки были разные. Какие богатые были казаки, тех раскулачили. Уехали. А какие победней – тут жили. А полицаи наши тут действовали. Немцов Митя был. С плеткой ходил. Пошел до нас. Он ушел с немцами. А детей никого тут нема. А жена умерла. У меня сестры постарше. Ходил с плеткою. Одних тут бил. Тайку Разину бил, Соньку Евфросинову. Окопы рыть не шли. И плеткой наворачивал так! Бить не бил. К сестрам моим. А я была маненька, меня трогал» [34].

«А при немцах полицаи были?» – «Полицаи были у нас. Двох полицаив посадили. Мни пришлось столкнуться так. Немцы зашли. Рядом с нами жила семья. Его ж посадили. Он был калека. Горбатый. Его в армию нашу не брали. Када немцы зашли, брат был еще малолетка. Он записал брата и себя к немцам. А мы рядом жили, у нас была корова. Папа кузнец у меня был. А они жили бедненько так. Мы все их жалели. Дитей много у них. А када немцы зашли, сестра его сказала: «А тепэр мы поживем!». Пришли к ним немцы. Посмотрели друг на друга, засмеялись и ушли. А я пришла домой, до того плакала: «Шо будет з нами?». Яйко у нас и молоко забирают. И курэй. А папа тада нигде не работал. А то на почте работал. А когда отступалы немцы, папаша пришел и попросил, шоб его заховалы. Мы были такие люди, в подвал посадили.

Этот дом мы купили в 39-м году. Дом был продан. А она приходила отбирать у нас. А у нас были документы, шо она его продала за триста рублей. Меня в совет призывалы. Немцы сказали, какая власть не была – документ есть документ» [35]. Стать полицаем местный житель мог и по принуждению оккупационных властей: В оккупацию в станице были полицаи – «были добровольные и были по принуждению в основном [...]. Така була власть, хочишь не хочишь, а иды в полицаи [...], иначе пулю в лоб – и все [...]]» [36].

Не всегда очевидцы подчёркивали грозность и жестокость полицаев, опасность, исходившую от них. Иногда рассказчики делают акцент как раз на социальной ущербности, возрастной незрелости и пр. Полицаи маркируются как «несчастные люди». Тем более что молодёжь и подростки были одними из главных объектов всевозможных гитлеровских «мобилизаций» и агитационной обработки [37].

«А как себя вели полицаи?» – «Чтоб очень сурово, я бы не сказала. Один даже прощения просил, скрывался у нас. Инвалид у нас. А брат так и ушел за немцами. Молодой» [38]. «Саша Вальков был. Молодой пацан, забрали они его. Саша Вальков хороший хлопец был» [39].

Образ старосты, «главы местного самоуправления» при оккупантах, имеет гораздо более позитивный эмоциональный фон. О старосте вспоминают как о защитнике местных жителей, человеке положительном, хозяйственном. Он в целом относится к более старшей и статусной возрастной группе, чем полицаи. «А староста в станице был или атаман?» – «Был. [...] Он хороший был. Защищал девчат. За это и еще его любили». – «У нас говорили, шо Нещадим был атаман. Но он за своих людей стоял. Не выдавал там, ниче. Захар» [40].

«А немцы атамана назначали?» – «У нас был атаман». – «Или его выбирали?» – Назначили. Таран Егор Никитович. Он у нас был атаманом станицы. Это дед действительно был дед. Это защита наша была ужасная. Вин защищал людэй. Очень защищал. Зима была. Тута комендантский час, нельзя выходить. Как только пять часов – все, движение запрещается. А мы ж на льду. А он там жил. Прыйдэ на лед, сгукает, сзовэ нас: «Хлопцы, сыночки, та идить же до дому. Да вас же ж пострэляють». – «Он старенький был?» – «Старый, старый. И после войны он жил долго. Шорныком шил уздэчки, хомуты. Мужик был хороший. Пришли, освободылы станицу, полицаив побралы, его ны тронулы. Он был человечный» [41].

«А расстреливали?» – «У нас до такого не дойшло. Но у нас тоже спыски готовыли, всэ. Наших выстрелять за станицей. Это атаман сказал. У станице». – «А его люди выбрали?» – «Да, сами выбрали. [...] Марко Степанович. Потом его в тюрьму забрали. Посадили» [42].

В чём же причина нередко столь полярных оценок представителей немецкой оккупационной администрации «из местных»? Полицаи были средством запугивания и разобщения местных жителей. Поэтому те и должны были бояться и ненавидеть полицаев. Последние должны были держать население в страхе и выгодно оттенять представителей немецкой армии и администрации. Как людей высокостатусных – «благородных», «господ», которые должны были казаться единственной защитой от произвола полицаев [43]. Поэтому для службы в полиции и отбирали соответствующих людей – не слишком достойных, жестоких, жаждущих самоутверждения, в той или иной степени «оторванных» от местного социума.

Староста должен был решать вопросы хозяйственной мобилизации, предотвращать окончательный развал местной социальной системы, например, организацию полноценных сельскохозяйственных работ, заготовку продовольствия и ремонт дорог [44]. А также выполнение других хозяйственных распоряжений немецких властей. Они нередко превалировали над другими функциями, такими как поиск советских военнослужащих и организация вспомогательной полиции [45].

Поэтому он должен был обладать реальными деловыми качествами и авторитетом у населения. Оккупационным властям нужен был человек, который своим авторитетом и репутацией «освещал» их распоряжения. В лице уважаемого старосты воплощались «права и свободы», которые якобы нёс кубанцам «новый порядок».

Тем более что староста назначался или выбирался не по собственному желанию, а по решению местных жителей и (или) оккупационных властей. Исполнение должности старосты осталось в народной памяти как жертва, приносимая во имя общины [46].

Очевидцы отмечают, что перед отступлением немцы и их союзники были уже совсем другими. Они поняли, что на Кубани им не удалось закрепиться. Поэтому стали гораздо более жестокими и развязными. Оккупанты целенаправленно уничтожали ценное имущество и постройки, что- бы они не достались наступающей Красной армии. Если освобождение станицы сопровождалось боями, то они очень часто приводили к пожарам и разрушениям.

«Как пришли булы немцы добры. А как уходить – ой-ой» [47]. «Яйца, молоко просили. Как пришли, просили. А как уходили, они сами тянули и свиней у людей, и коров. У нас корову зарубали, теленка зарезали. В тех хатках, что на краю пооставалися, они жили. Они ушли подальше от мин» [48].

«И там наше подворье сгорело. В сорок третьем году. Весь наш порядок сгорел. Нас выгнали в речку камыш бить. Дело было в феврале. А через греблю, через километр – красные. Неделю хронт тут стоял. Или две недели. Против нашего двора заложили мины. Там, на Советской. Тут красные, тут немцы. Мы в окопах сидим. Когда хаты наши погорели, нас немцы погнали на Платнировку. Там нас в конце Раздольной остановили. Кумовья, мамины подруги: «Куда вы идете? Идите до нас в окопы». Мы позалазили в окопы и сидели две недели. Сестра старша подбегает с подругой. Пышек спекуть. В хату бегали. Тока не в свою, в крайнюю. А тут немцы были. Рубали они курей, свиней. Ели. Жарили – недожаривали, кругом хату пообдывали. А мы сидим в окопах. Они принесут нам по кусочку пышки, и опять в окопы. Бух, бух, коло окопов. А нас пять дворов. Пять семей гнали туды на Платнировку. А мы сбежали. Повылазили, а у нас воши лазят. Мне лет двенадцать, наверное, было. Хаты на краю остались. А мы идем домой. Мама и нас трое детей. Нина – 1923-го и Надя – 1925 года. Мамына сестра там жила, где красные были. За греблей. Где там белая школа. Она идет. Ей там сказали, что сестру ее и девчат спалили. Она думала, что мы сгорели. Идет нас шукать. Она идет по минах. Там разорвалися и лошади. С людьми, и машины. Вытащили, когда красные пришли. Диван наш был на огород закинутый, утюх – на огород. Гитару – в колодец. Все повыбрасывали немцы. А хату спалили. Полностью сгорела. Турлучная была. Сестра забрала мамына, тетя наша. А тогда немцы нас пригнали до рэчки пять семей. Стали на лед итить – а он валится. Погнали на полкилометра по-над речкой. Никак не могут найтить. На плану был дом. Нас туда хотели загнать и подорвать» [49].

Немцы в зимнее время выпроваживали хозяев домов в сараи и времянки из тёплых помещений, чтобы расположиться там самим. Гитлеровцы организовали в храме станицы Воронежской концлагерь для советских военнопленных. Часть молодёжи этой станицы была угнана из станицы, вплоть до Таманского полуострова и Крыма [50].

«Отступая, немцы перепилили все шпалы, взорвали все телеграфные столбы... Никаких эксцессов не было (когда немцы заняли станцию Гирей – И. В.). Отступая, немцы все подожгли», – записала в своем дневнике Маргарита Стребеико [51].

Несмотря на тяжёлые условия, встречи мирных жителей с наступающими красноармейцами очень часто были очень трогательными. Военные и гражданские были искренне рады друг другу, помогали чем могли. Информаторы всячески подчёркивали, что пришедшие бойцы были свои. «Разведчики наши были грязны. До того два дня не ели. Мама им кашу вынесла скорее. Кускамы. И по кружке молока. Они были рады. «Спасибо, мамаша», – говорят. – «А кладбище где ваше?» И на кладбище, наверное, там кто-то тоже был» [52].

Война оставила в регионе страшные следы. Например, станица Старотитаровская была оккупирована с 3 сентября 1942 года по 3 октября 1943 года. 44 местных жителя из числа станичников было убито: из них 29 мужчин, 14 женщин и 1 ребенок младше 14 лет. Было убито и замучено на территории станицы 58 военнопленных, всего убито и замучено 102 человека. Из станицы было угнано 1708 человек; из них 902 мужчины и 806 женщин. Вообще за время оккупации в Темрюкском районе было уничтожено более 2000 мирных жителей, разрушено и сожжено 4380 домов. На южной окраине поселка Октябрьского (Темрюкский район) установлен памятный знак жителям, погибшим в Великой Отечественной войне. Также здесь расположена «Вербная аллея памяти» (на этом месте были расстреляны советские военнопленные) [53].

Но, несмотря на все тяготы, кубанцы помогали и эвакуированным из других регионов СССР. Например, в станицах Отрадненского района жили дети, эвакуированные из блокадного Ленинграда. Некоторые до сих пор поддерживают связь со станицей Надёжной [54].

При оценке экономических итогов оккупации Краснодарской краевой комиссией было представлено 43 692 акта об ущербе на сумму 11 млн 473 тыс. 561 руб. В их числе было 2 085 актов по колхозам на сумму 7 млн 324 тыс. 135 руб., а также 2 298 актов от учреждений культуры, искусства и здравоохранения на сумму 494 тыс. руб. и 1 429 актов от государственных предприятий и учреждений на общую сумму без малого два миллиона руб. Также было представлено 37 880 актов об ущербе, причинённом гражданам. Сумма ущерба составила 2 миллиона 653 тысячи 429 руб.

К началу Великой Отечественной войны в Краснодарском крае проживало 3 302 000 человек, а к концу войны население региона составляло 2 823 000 человек, оно сократилось на 479 тыс. человек. Особенно резко сократилась доля трудоспособного мужского населения. Такие демографические потери стали следствием не только боевых действий, но и общего ухудшения условий жизни, эпидемиологической обстановки и пр. [55].

Великая Отечественная война и оккупация маркируются в сознании старожилов кубанских станиц как тяжёлое испытание, опасность для существования общества в целом. Поэтому начало войны предвосхищается страшными сверхъестественными событиями. Начало войны – это уход мужчин на фронт, плохое снабжение, тяжёлая работа девушек и подростков. Немецкие оккупанты сначала страшны, их воспринимают как нелюдей. Потом с ними налаживаются какие-то отношения. Их уход опять описывается в чёрных тонах (издевательства над жителями, уничтожение ценного имущества, боевые действия). Их союзники (румыны, словаки) воспринимались как нестрашные «мелкие безобразники». Особенно на фоне немцев. Красная армия описывается положительно, её бойцы – как свои, долгожданные освободители: во многом сказались традиционные патриотические ценности населения региона, которые стали сохраняться преимущественно на семейном уровне после революции и вновь «активироваться» властями начиная со второй половины 1930-х годов. В выживании кубанцев, противостоянии оккупантам значительную роль сыграла традиционная взаимопомощь.

Великая Отечественная война стала временем, когда сформировалась основа идентичности современных кубанцев, узловой точкой отсчета последующей истории.

Примечания

1. Матвеев О. В. Станичный атаман на оккупированной Кубани (по материалам Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) // Проблемы национальной безопасности в России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности. Краснодар, 2010. С. 306.

2. Рожков А. Ю. «Вместо сияющего будущего – участь рабыни»: репрезентация переживаний в период оккупации в нарративах краснодарских школьников // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». Краснодар, 2010. С. 299–300.

3. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3715. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Дубинина Т. Н., 1919 г. р.; Заколюжный И. И., 1941 г. р. Иссл.: Кузнецова И. А.

4. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3724. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Минцова Е. П., 1918 г.р. Иссл.: Дианова Н. Ф.

5. ПМ КФЭЭ-2017. АТ Стар9. Ст. Старотитаровская Темрюкского рай- она. Инф-т.: Арищенко С. Ф., 1925 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев.
6. Стрекалова Е. Н. Лакуны исторической памяти: детство военного времени 1941–1945 годов по устным воспоминаниям // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». Краснодар, 2010. С. 354.
7. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3693. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Гасан В. Л., 1928 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
8. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3693. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Гасан В. Л., 1928 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
9. ПМ КФЭЭ-2004. АК. 3174. Ст. Запорожская Темрюкского р-на. Инф- т.: Г. С. Харченко, 1928 г. р. Иссл.: Г. В. Холстинина.
10. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века. М., 2006. С. 105.
11. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3724. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Минцова Е. П., 1918 г. р. Иссл.: Дианова Н. Ф.
12. ПМ КФЭЭ-2010. А/К 4177. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Фоменко А. П., 1930 г. р. Иссл.: Зудин А. И.
13. Стрекалова Е. Н. Лакуны исторической памяти: детство военного времени 1941–1945 годов по устным воспоминаниям // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». Краснодар, 2010. С. 354.
14. ПМ КФЭЭ-2010. А/К 4177. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Фоменко А. П., 1930 г. р. Иссл.: Зудин А. И.
15. ПМ КФЭЭ-2010 АК 4182. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Проценко Н. Г., 1936 г. р.; Проценко Н. В., 1939 г. р.
16. ПМ КФЭЭ-1992. АК 244. Ст. Платнировская Кореновского р-на, Инф.: Куценко П. Г., Иссл.: Горбань А. Е., Зуб Е. В.
17. Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 2011. С. 283.
18. ПМ КФЭЭ-2001. АК 3754. Ст. Раздольная Кореновского р-на. Инф.: Левченко Н. Я., 1927 г. р. Иссл.: Н. Ф. Дианова.
19. ПМ КФЭЭ-2001. АК 3754. Ст. Раздольная Кореновского р-на. Инф.: Левченко Н. Я., 1927 г. р. Иссл.: Н. Ф. Дианова.
20. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4239. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Кацеба Е. Г., 1926 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
21. Алексеева Н. М. Марьянская: история, события, судьбы. Краснодар, 2012. С. 40; Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920-х – 1940-х годов: Жизнь в условиях социалистической трансформации. Ростов н/Д, 2011. С. 125.
22. ПМ КФЭЭ-2017. АТ Курч15. Ст. Курчанская Темрюкского р-на. Инф.: А. В. Жигайло, 1938 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев.
23. ПМ КФЭЭ-2017. АТ Стар20-21. ст. Старотитаровская Темрюкского р-на. Инф.: Н. В. Варнавская (1950 г.р.). Иссл.: О. В. Матвеев.
24. ПМ КФЭЭ-2004. АК 3174. Ст. Запорожская Темрюкского р-на. Инф-т.: Слепуха Д. Ф., 1925 г.р. Иссл.: Матвеев О. В.
25. ПМ КФЭЭ-2017. АТ Стар20-21. Ст. Старотитаровская Темрюкского р-на. Инф.: Н. В. Варнавская, (1950 г.р.). Иссл.: О. В. Матвеев.

26. ПМ КФЭЭ-2010 АК 4165. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Ткаченко Н. Г., 1936 г. р.
27. ПМ КФЭЭ-2001. АК 3754. Ст. Раздольная Кореновского р-на. Инф.: Левченко Н. Я., 1927 г. р. Иссл.: Н. Ф. Дианова.
28. ПМ КФЭЭ-2017. АТ Гол2. Ст. Голубицкая Темрюкского р-на. Инф- т.: В. Ф. Штеба, 1933 г.р. Иссл.: О. В. Матвеев.
29. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4264. Ст. Имеретинская Горячеключевского р- на. Инф.: Твердохлебова А. Ф., 1935 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
30. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4238. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
31. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4177. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Ст. А: Инф.: Фоменко А. П., 1930 г. р.; Приймак Л. И, 1938 г. р. Иссл.: Зудин А. И.
32. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4239. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Кацеба Е. Г., 1926 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
33. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. С. 16.
34. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4238. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
35. ПМ КФЭЭ-2001. АК 3754. Ст. Раздольная Кореновского р-на. Инф.: Левченко Н. Я.; 1927 г. р. Иссл.: Н. Ф. Дианова.
36. ПМ КФЭЭ-1992. АК 244. Ст. Платнировская Кореновского р-на, ст. Березанская. Инф.: Куценко П. Г., Шевченко И. И., 1910 г. р. Иссл.: Горбань А. Е., Зуб Е. В.
37. ПМ КФЭЭ-2004. А/К 3138. Ст. Ахтанизовская Темрюкского р-на. Инф.: Чуб С.И., 1928 г.р.; Ковалев Б. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации, М., 2011. С. 31, 103, 121.
38. ПМ КФЭЭ-1992. АК 244. Ст. Платнировская Кореновского р-на, ст. Березанская. Инф.: Куценко П. Г., 1906 г. р., Шевченко И. И.. 1910 г. р. Иссл.: Горбань А. Е., Зуб Е. В.
39. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4238. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
40. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4238. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
41. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4177. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Фоменко А. П., 1930 г. р.; Приймак Л. И, 1938 г. р. Иссл.: Зудин А. И.
42. ПМ КФЭЭ-2001. АК 3708. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Логвин М. Г., 1929 г. р.; Логвин М. Е., 1928 г. р. Иссл.: А. И. Зудин.
43. Ковалев Б. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. С. 174.
44. Тем же. С. 39–41.
45. Матвеев О. В. Станичный атаман на оккупированной Кубани (по материалам Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) // Проблемы национальной безопасности в России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности. Краснодар, 2010. С. 306–307.
46. Матвеев О. В. Станичный атаман на оккупированной Кубани (по материалам Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) // Проблемы национальной безопасности в России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности.

Краснодар, 2010. С. 306–307; Ковалев Б. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. С. 8.

47. ПМ КФЭЭ-2001. АК 3754. Ст. Раздольная Кореновского р-на. Инф.: Левченко Н. Я., 1927 г. р. Иссл.: Н. Ф. Дианова.

48. ПМ КФЭЭ-2001. АК 3754. Ст. Раздольная Кореновского р-на. Инф.: Левченко Н. Я., 1927 г. р. Иссл.: Н. Ф. Дианова.

49. ПМ КФЭЭ-2001. АК 3754. Ст. Раздольная Кореновского р-на. Инф.: Левченко Н. Я., 1927 г. р. Иссл.: Н. Ф. Дианова.

50. Сылко С. В. 200 лет станице Воронежской. Хронология, факты, события, комментарии. Майкоп, 2004. С. 71.

51. Самусь Т. История одной жизни (военный дневник Маргариты Стребейко) // Родная Кубань. 2005. № 1. С. 48.

52. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3722. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Лысенко Т. С., 1927 г. р. Иссл.: Дианова Н. Ф.

53. Сороковые – роковые // Официальный сайт Темрюкского историко-археологического музея. URL.: <http://tiam-museum.ru/?p=515> © tiam-museum.ru. (дата обращения – 27.06.2018); Темрюкский десант // Электронная энциклопедия «Википедия». URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D0%BC%D1%80%D1%8E%D0%BA%D1%81%D0%BA82> (дата обращения – 27.06.2018); ГАКК. Ф. Р – 897. Оп. 1. Д. 11. Л. 139. ГАКК.Ф. Р – 897. Оп. 1. Д. 11. Л. 139; Октябрьский // Портал «Дома на Юге» URL.: <http://www.domnatamani.ru/temryukskij-rajon/oktyabrskij/> (дата обращения – 14.05.2016).

54. Сельские поселения Отрадненского района // Информационный портал муниципального образования «Отрадненский район». URL.: http://www.otradnaya.ru/?area=sel_pos (дата обращения – 11.01.2018).

55. Кириченко Е. Как освобождали Кубань: фотолетопись Отрадненского района. URL.: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2018/02/07/kak-osvobozhdali-kuban-fotoletopis-otradnenskogo-rayona/> (дата обращения: 18. 04. 2020); Киселёв И.В. Испытание войной. Краснодарский край в 1941 – 1945 гг. // Наследие веков. 2017. №4. С. 47.

2. Послевоенные трудности, голод 1947 года

Послевоенные годы во многом стали для жителей кубанских станиц продолжением сурового военного времени. Не хватало рабочих рук, других видов ресурсов, вплоть до пищи. За 3 года, 1943–1945 годы, Кубанью из государственного бюджета на восстановление хозяйства было получено 110 млн рублей. Однако средства в основном пошли на восстановление тяжёлой промышленности [1].

Старожилы кубанских станиц нередко рассказывали о послевоенных трудностях. В особенности – о голоде 1947 года и о ставших его причиной грабительских налогах. Этот голод был слабее голода 1933 года, но также наблюдалось отсутствие нормальной пищи, нарушение здоровья у людей. «Голод был страшный. Вот у кого были семьи, у Ляшенкиных, одна мама и трое деток. А тут одна я, и мы хоть какого-никакого поросеночка зарежем. У нас коровка, а у них ниче! Ни картошины, ни горошины! А почему – не знаю. Так же она работала в поле. Иду, вот такие ноги все. От этой лебеды. Лебеду ели, а от нее еще хуже было. Лучше была щерица, суп варили как крапивный. Это такая же как лебеда трава, но она сильная. Арбузы привезли нам, а капуста нет. А нам говорят: «Есть замена щерица». Молоко было соевое» [2].

«В 47-м году. Цэ був 47-й год. [...] В нашей станице ны було покойних. В тридцать трэтьем году станиця пошти вся вымэрла от голода. Тогда во- обще ныгдэ нычого. А в 47-м году хто дэржал там козочку, коровка у кого была. Вот у нас лично была коровка, мама дэржала. Мы голодували, у нас хлэба ны було. Мы цэ крапывы нарвэм, а тада ей мама накрыше, кипятком наливае, а потом цю воду зэлену зывала, оцю так выкручивала и дэлала таки лэпешкы, и то мы молоко чи кысло молоко и с тий лэпешкой мы його йилы». – «Так эти лепешки еще и обжаривали?» – «Та на чем його жарыть було! Ны було ныгде нычого. Ны масла, ныгде ныче. А потом еще вот, щас мы його называлы глет. Мы глет называем. А щас вин боярышник. Знаешь дэрэвцо боярышник? А мы называлы глет. Як токо вэсной глет цэй лыстыя распустыл, лысточкы, мы ходылы обрывалы цэй лысточкы, тоже так же ж кипятком наывалы и його пыклы. Прямо лысточкы» [3]. «А эти лепешки как-то назывались?» – «Чурэки. Цэ у нас булы воны чурэки. Цэ сы- час оладьи, чи блынчыкы. А мы його называлы чурэки. А потом уже, в 47-м году, когда уже жито, мы сиялы дома. И когда жито начало поспевать, колосочки, вот в руке помнем колосочек, жито тэ пожуюем. А потом уже як його убиралы, тогда уже мама, там у нас драчка такая була...» – «Драчка – это жернова?» – «Да, да. Така на доске, така драчка була. И мы на ту драчку мололы це жито. Мололы жито. Цэ ж насыпэм. А вона така доска, а туточка ж така втулочка, а на втулке ручка. И то туда мы сыпалы у тую втулочку. Дэрэвянна. Не, втулка была железная, а на доске на дэрэвян- ной прыкручена. И туда-то мы драли и пэклы чурэки. Водычки наьем, вона закыпыть, тада туды жмэньку ций крупы усыпымо, покыпыть, ото мы так йилы, так мы повыживалы. Но мы пухлы нэ булы. У нас коровка була. А соседи наци так воны булы пухлы. Цэ було так: идэ мальчик, а сюды так прии- шел и мокре мисто. Так вслед на ным идэ вода, стекло з ножек. И то воны дуже булы пухлы. Но вси выжили. Дождалыся, уже зиму пэрэжили, дожда- лыся цего жита и...» [4].

«Это в 33-м такое было и в 47-м. В 47-м я уже была барышня. А муж мой, который покойный, в армии был. И как раз эта весна, лето это, осень. Его взяли в 42-м году, а демобилизовался он 7 апреля. Как раз Благовещенье было. [...] В 47-м году. У его отец и мать жили в Рязанской станице, а мы тут жили. А до этого они тут жили. И мы так познакомились. Сколько он служил, сколько переписывались. Пришел он седьмого туда на Благовещенье. И потом через три дня приехал сюда. Это год как раз послеголодный. Посеяли жито в огороде, где картошку всегда садим. Жито. Собрали то жито. Уже мы намолотили. Опять же на драчку драли на свою. Его там немножко. А после жита садили картошку. Уже поздновать было, но все равно. Поливали, поливали и вырастала». – «Хлеба не было?» – Л. П.: «Не было. И вот он приехал в апреле месяце и... сюда к нам. Отец был председателем у колхоза тут. И говорит: «Так и так, отец, мы будем жениться». А он: «Нет, сынок, жениться вы не будете. Щас голодный год». Шо можно приготовить? Абсолютно ниче. Говорит: «Посеяли жито – уберем. Посадим картошку. Уже на осень. Осенью работы все подберутся». Так и договорились: на десятое октября свадьба была. Уже мы из ржаного хлеба напекли. Какой ни есть, а хлеб» [5]. «Н. Г.: Все считалы. Яблони все пересчиталы. За все брали. [...] Да. По- вырезалы. Были сады хорошие по станице. Шоб налог не заплатить за их. Потому шо налог был. Батя платив тыщу з лишним тада. А где брать? Так повырубалы. Улик есть – платы за улик. Картошка – за сотку платы. Помидоры – сдай. Замирялы, сколько тоби два кг, три кг. Сдай. Картошки у тебя сколько-то, заготовителю отдай. Там записуют сколько. Все сдавалы. А в 47-м году, после голодовки и на осень была отмененна карточна система и

снижение цен на все промышленные и продовольственные товары. Началось снижение. И тада каждый год, 48-й, 49-й, 50-й, 52-й, 53-й, было снижение два раза. Малинков давал. А то все каждый год два раза снижение. После войны страна подымалася с трущоб. Снижение ишло. А шас каждый месяц повышение. Каждую неделю повышение. Пришев три дня назад – пришев, а уже на десять больше» [6].

В таких условиях также имели место случаи смерти от последствий голода: «Голод был тоже большой. Может, по станице человек десять и умерло. С голоду как умерли? Уже стали давать в бригадах, варить голушки эти там. Хлеба не было, галушки варили. Дадут поить, а он сразу нахватался. А кишки отощали, полопались. Но таких немного было» [7].

Спецификой послевоенного времени было сохранение некоторых проявлений нелегального и полунелегального частного предпринимательства, на которое власти так или иначе закрывали глаза. Однако жёсткая налоговая политика приводила к судебным процессам, в том числе в отношении членов партии. В 1950 году было привлечено к суду 40 хозяйств Горячеключевского района, в том числе колхоз «Большевик», с которого было взыскано 70 тыс. рублей [8]. Особенно сильно тяжесть налогообложения ложилась на личные приусадебные хозяйства. Надо было сдавать шкуры животных, не менее 4,5 килограмма свинины. С каждой сотки сдавали часть картошки. Все фруктовые деревья, даже кусты смородины, обложили налогом. Люди даже были вынуждены уничтожать фруктовые деревья и ягодные кусты [9].

В условиях жёсткого налогообложения приусадебных хозяйств станичникам нередко оставалось надеяться только на государственный паек. «А так – яичко сдай. Если корову доешь – молоко сдай. Груша если яблоня – опысывали». – «А это долго продолжалось?» – «Долго. Годив, наверное, двадцать. Было и за каждый корень. А потом отменилось это все дело. [...] Отошли все потом. А папка уже был здоровый. Уже зарабатывал. А дятка, ненька маненьки были. А у нас мамка умерла, а тетка нас возростала. Трое умерло, а двое осталось. Папке давали мисочку кукурузяной каши. Кукурузя- ну кашу килограмм. Говорят: «Сенька, гляди, не давай им богато. Они ж истощенные. Давай по-трошечки». А Гришка плаче: «Мне мамка борща давала бильше!» [10].

Но роль приусадебного хозяйства, дополнявшего питание «за счет государства», по-прежнему оставалась высокой и значительной: «... А у меня у отца была корова. Я кислое молоко ел, сметану кушал. А у прицепщиков не было ничего. Привезли молока и по четверти дают. Мне и напарнику – трактористу. Мы взяли и отдали этим прицепщикам» [11].

Имело место сочетание «нелегального» использования в пищу колхозных продуктов с потреблением «законного пайка»: «А бочку молока собрали, как подоили, мы давай камышинку и туда, хоть сливок напьемся! И заедем на пасеку. В маленьких колхозах были свои пасеки, давали на трудодень этот медок» [12].

При этом уже стало заметно, как в послевоенный период усилилась зависимость от государственной пропаганды. Например, в объяснении причин голода. «Тоже голод был в 47-м?» – «Ну а як же. Так цэ война, тут любый и каждый. А то, наверно, врэдительство було. Дэсь булы, а тоди сразу тут на Кубань и началы. Шо вот показывалы по телевизору, шо их заслалы, ни топов, ни чого, вывезли куды-то. Кулаки, потому шо люди робылы» [13].

После войны сельскохозяйственные работы велись в условиях недостатка рабочих рук и сельскохозяйственной техники, в то время ещё весьма несовершенной: «У нас трактора

были. Мой муж работал тракторыстом. И сеяли, и пахали, и убирали. Сейчас клещевины нету, а тогда была клещевина. Тогда мужчин мало было, на войне погибли. А мы клещевину срезали. Клещевина – такая вроде дерэвцо. А там растёт, и там зерно. И зерно на масло на какое, что ли. Ребят мало было, а лошади. Так я ездовой была! На лошадях ездила, клещевину возила! (смеется – И. В.). А потом мой пришел с войны. Мы с ним подружились и поженились. И сорок семь лет прожили вместе». «Тогда поля были сильно зарощены ежевикой. Где ягоды. Оно знаете, как расплзается! Проедешь плугом, туда-сюда зашкарябаешь – плуг забился... Три сэтэза и один универсал, бригада была тракторная. Пахать было не дай Бог! День и ночь возились с этими тракторами! Перетяжка была, бабе- том (?) была залито. Бабет подольють, он туда-сюда постукал, сел. Надо картер снять, картера чугунные были. Надо насос снять. И перетяжку ему делай. Сутки отработал. И к ночи приходит бригадир: «Открывай люк!». Открыл. Сливай масло, сымай масляный насос. Делаешь перетяжку и обратно это все. А ветер же, дождь» [14].

Но и в таких условиях кубанцы порой добивались в труде значительных успехов. Так, в 1945 году бригадиры тракторных бригад Курчанской МТС М. Гаргуля и И. Стратиенко были награждены значком «Отличный бригадир тракторной бригады МТС» [15]. При этом из-за убыли населения в результате войны, задействованности мужчин на армейской службе тяготы восстановления послевоенного сельского хозяйства легли на женские плечи: «Когда отогнали немцев, в сорок четвертом году – тогда уже девочки были, по семнадцать, шестнадцать лет девчата. Некоторые двадцать девятого года рождения работали» [16].

Послевоенные трудности, налоговый гнёт и голод стали своеобразным завершением периода масштабных социальных и политических потрясений, в которых погиб традиционный уклад жизни и начал формироваться «сельский модерн», сохранявший некоторые остатки прежнего...

Например, произошло стирание традиционных сословных различий. Неформально, но в сознании людей. «А как вас, казачку, отец отдал за иногороднего?» – «Легко, это ж уже после войны. За кого пошел – значит пошел». – «А в колхозе не было этого, ты мужик или казак. Не было этой вражды. И работали дружно. Давали заработок зерном» [17].

Таким образом, в период послевоенного восстановления кубанского села продолжала создаваться основа для последующего индустриального рывка в сочетании со значительным повышением роли государства.

Примечания

1. Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее / Н. А. Серогодский, В. Н. Ратушняк, А. С. Демченко, Е. А. Чайка, Д. С. Завгородний. – Краснодар: Традиция, 2017. С. 115.

2. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4089. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Инф.: Протасова Р. С., 1936 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

3. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3950. Ст. Суздальская Горячеключевского р- на. Инф.: Сандальчиди Н. М., 1940 г. р. Иссл.: Зудин А. И.

4. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4093. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Калугин В. А., 1914 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

5. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3994. Ст. Саратовская Горячеключевского р- на. Инф.: Касаева Л. П., 1926 г. р. Иссл.: Кузнецова И. А.

6. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4243. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Инф.: Тереньтьев Н. Г., 1928 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.

7. ПМ. КФЭЭ-2008. АК 4026. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Руденко М. Т. 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

8. ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1091. Л. 3об – 4; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1221. Л. 2 – 3; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1221. Л. 2 – 3; Забазнов А. Н. Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794-2000 гг. Усть-Лабинск, 2010. С. 101.

9. Сылко С. В. 200 лет станице Воронежской. Хронология, факты, события, комментарии. Майкоп, 2004. С 157 – 159; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 365. Л. 7 – 7 об.

10. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3708. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Логвин М. Г., 1929 г. р. Иссл.: А. И. Зудин.

11. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4072. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на Краснодарского края. Инф.: И. И. Бунин, 1928 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев.

12. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3700. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Кукоба Л. В., 1926 г. р. Иссл.: Воронин В. В.

13. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4072. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на Краснодарского края. Инф.: И. И. Бунин, 1928 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев; ПМ КФЭЭ–2008. А/К 4059. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Кравченко М. А., 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

14. ПМ КФЭЭ-2008. АК. 4089. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на Краснодарско к-я. Инф.: Протасова Р. С., 1936 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

15. Комоедов В. И. Сельская молодежь Дона, Кубани и Ставрополя в борьбе за хлеб // Из истории трудового подвига народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 1985. С. 94.

16. ПМ КФЭЭ-2017. АТ Гол2. Ст. Голубицкая Темрюкского р-на. Инф.: В. Ф. Штеба (1933 г.р.). Иссл.: О. В. Матвеев.

17. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1075. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: Портянка К. Е., 1921 г. р. Иссл.: Богатырь Н. В.; ПМ КФЭЭ-2008. АК 4093. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Калугин В. А., 1914 г.р. Иссл.: Васильев И. Ю.

3. Развитие инфраструктуры и производства, дальнейшее «огосударствление» уклада жизни

Традиционная периодизация послевоенной советской истории с пресловутым делением на «поздний сталинизм», «хрущёвскую оттепель», «эпоху застоя» и «перестройку» давно уже вызывает сомнения. Подобное деление истории «по царям» отражает преимущественно изменения в жизни советских «придворных кругов» и родилось именно в этой среде, в среде столичных управленцев и интеллигенции. Смена партийного руководства действительно могла существенно повлиять на жизнь этих людей.

Однако для провинции, например, для сельских территорий Кубани, несомненно, более значимо социально-экономическое измерение истории, которое даёт во многом совершенно иную периодизацию. Примечательны, например, в этом отношении разработки известного экономиста академика РАН Л. И. Абалкина, который, например, отделял последние несколько лет правления Л. И. Брежнева от предыдущего периода. Подобное дробное деление поздней советской истории без прямой увязки со сроками

правления генеральных секретарей вообще достаточно распространено среди историков экономики [1].

Послевоенная история Кубани начинается с периода восстановления. Это время было материально очень тяжелым даже для весьма экономически развитого Усть-Лабинского района. Например, весенний сев в колхозах «Красный партизан» и «Заря коммунизма» в апреле 1943 года был практически сорван. В том числе и потому, что после освобождения наблюдалась катастрофическая нехватка техники и запчастей на мирные нужды. Но восстановление инфраструктуры началось практически сразу после освобождения. Особое внимание уделялось восстановлению системы школьного образования [2].

Но постепенно ситуация улучшалась. На место быков и коров, на которых пахали сразу после войны, стала поступать техника, причём более совершенная, чем прежние модели. Особенно помогли колхозникам гусеничные трактора. Особенно это стало заметно с конца 1940-х годов. В 1954 году проводились в Усть-Лабинском районе эксперименты с выращиванием ранее неизвестных на Кубани культур: клещевины, арахиса, суданской травы и кунжу- та. Происходит объединение колхозов и мелких административных единиц. Так, в 1950 году малые колхозы ст. Воронежской слили в колхоз имени Жданова. Укрупнились и административно-территориальные единицы: 22 августа 1953 года Ладожский район был упразднен. Его территория в полном составе была передана в Усть-Лабинский район. (Укрупнение хозяйств первоначально не всегда давало эффект из-за недостатка техники и рабочих рук) [3].

Сельскохозяйственное производство становилось всё более комплексным и разнообразным. В плане для сельского хозяйства Горячключевского района предусматривается выращивание пшеницы, овса, кукурузы, подсолнечника, табака, картофеля, бахчевых, огурцов, свёклы, моркови, лука и чеснока, помидоров и винограда, использование ягодников. В районе разводился мясной и молочный рогатый скот, существовало развитое коневодство, выращивались овцы и козы, куры в инкубаторах [4]. Главными сельхозкульту- рами были пшеница и табак. Для защиты табака от вымокания начали сооружать ирригационные каналы, вносили новые удобрения [5].

Укреплялись и сами сельхозпроизводители. На 1951 год пришлось укрупнение колхозов. А в 1953-м в составе колхозов уже были тракторные бригады [6]. 3 тыс. гектаров сельскохозяйственных угодий с дореволюционного периода в Горячключевском районе стояли заросшими лесом и кустарником. Планировалось их расчищать под выращивание табака, садов [7]. К концу 1960 года было посажено 49 гектаров садов, 23,5 гектаров виноградников, окультурено 110 га дикоплодовых. В том же 1960 году урожайность табака достигла 12 центнеров с гектара [8]. Именно для послевоенного советского периода для Горячключевского района характерны максимально комплексное хозяйство и максимальная площадь посевов зерновых.

В этот период продолжала активно развиваться местная инфраструктура. В 1955 году в станице Усть-Лабинской уже действовал водопровод. Однако утечка из него составляла 28 % в год. Развивалась и школьная система. В 1955 году в Усть-Лабинском районе было 14 начальных школ. Из них 3 – в станице Усть-Лабинской. По одной в станице Воронежской, на хуторе 1-я Речка Кочеты, в станицах Кирпильской, Некрасовской, Новолабинской, Генгинской, Ладожской и Восточной, на хуторах Александровском и Болговском. Однако за обучение детей в школах продолжали брать плату. Значительную часть социальной работы (в том числе выплату некоторых видов пенсий, опеку над

сиротами) ещё осуществляли местные советы, а не централизованные государственные структуры [9].

Вскоре после окончания Великой Отечественной начался и быстрый рост промышленности, инфраструктуры, курортного дела. Например, в Горячеключевском районе были построены Гликское и Шапсугское водохранилища. С 1952 года здесь активно развивались нефтепромыслы, на них было занято 134 человека. В 1957 году план по нефтедобыче был выполнен на 100,6 %. Сверх плана было добыто 5938 тонн нефти. Действовали крупные леспромхозы: «Краснодардревлес», леспромхоз «Крайтопуправления». Активно развивалось и другое производство, связанное с лесной промышленностью, – завод дубильных экстрактов [10].

Но особенно быстро в районе развивалось курортное дело. В 1949 году гидроминеральное хозяйство могло обслужить до 1500 человек в день. В 1963 году в санатории им. Островского по путёвкам (направлениям на лечение с проживанием и питанием в санатории – И. В.) профсоюза лечились почти 4000 человек, а в курортной поликлинике по курсовкам (направлениям на лечение без проживания и питания – И. В.) – 6418 человек. Во всех санаторно-курортных учреждениях города в том же году лечились более 15 тыс. человек. В Горячем Ключе стали успешно лечить заболевания желудка, кишечника, печени, поджелудочной железы, обмена веществ (6 видов минеральной воды из 17 скважин). Это направление быстро стало более приоритетным, чем прежде – лечение заболеваний опорно-двигательного аппарата. В 1960-е и 1980-е годы Горячий Ключ стал не только бальнеологическим, но и одним из лучших в СССР питьевым курортом [11].

В МТС (машинно-тракторная станция) станицы Саратовской в 1954 году планировалось построить магазин, учебный зал и столовую. С середины 1950-х годов активно развивалась инфраструктура тогда ещё поселка Горячий Ключ. Строились водопровод, школы, развивались электросети. С начала 1960-х годов происходило развитие сети автобаз [12]. В целом большинство населённых пунктов района было существенно благоустроено. Например, в станице Имеретинской в 1960-е годы имелись три школы, три клуба, библиотека, три фельдшерских пункта, четыре магазина, парикмахерская, а также школа, почтовое отделение связи, лесничество, два магазина, детский сад, ФАП (фельдшерско-акушерский пункт), Дом культуры, библиотека, кирпичный завод и дорога с асфальтовым покрытием [13].

В течение 1957–1962 годов в станице Отрадной было возведено более тысячи жилых домов. В это же время в станице начали асфальтировать улицы. В 1961 году был построен кинотеатр на 600 мест. В 1962 году в станице использовалось около 50 телевизоров. В районе развивалась и своя индустрия отдыха – в 1968 году в окрестностях станицы Подгорной Отрадненского района действовал детский лагерь «Кавказ» [14]. В 1963 году в станице Отрадной было развернуто акушерское отделение больницы на 15 коек, гинекологическое отделение на столько же коек [15]. Тогда же в Отрадненской районной больнице уже действовала детская консультация. Там работало 3 врача-педиатра, 4 патронажных медсестры [16]. При этом значительная часть первичной медицинской помощи в станицах и на хуторах района основывалась на работе местных фельдшерско-акушерских пунктов, для функционирования которых всегда не хватало средств, медикаментов и сотрудников [17].

Овладение новой техникой стало в то время серьёзным подспорьем в повышении социального статуса сельчанина, улучшения условий его жизни: «...Послали на курсы

комбайнеров, и как раз новые комбайны стали поступать. Самоходные стали, а то были прицепные. Первые СК-3 комбайны были. Не, СК-4. Первый самоходчик в Некрасовке я, в пятидесятом году... Были мы первые механики самоходных комбайнов... Я комбайнером работал, у нас был недостаток. Мы считались самые высокопоставленные в сельской местности по зарплате. Комбайнеры и трактористы. Жена-агроном получала восемьдесят рублей. А я получал сто двадцать, сто тридцать. С выработки до двухсот догонял» [18]. Опытные усть-лабинские трактористы принимали участие в освоении целинных земель в Казахстане и на юге Сибири [19].

Однако за обучение детей в школах продолжали брать плату. Значительную часть социальной работы (в том числе выплату некоторых видов пенсий, опеку над сиротами) ещё осуществляли местные советы, а не централизованные государственные структуры. Однако именно в этот период в районе многие отрасли уже передавались в ведение крупных региональных и государственных организаций. Так, высоковольтные линии передавались в ведение треста «Сельэнерго» [20].

Огосударствление, централизация, дальнейшая «советизация» осуществлялись и принудительными методами. Колхозников насильственно заставляли сдавать в колхоз собственных коров. Однако разведение коров на частных подворьях вскоре возобновилось. В течение 1950-х – 1960 годов безвозвратно исчезли частные артели, быстрее всего – шорные, поскольку гужевой транспорт вытеснял автомобиль [21]. Например, кузнецы, специалисты по ковке лошадей в конце 1960-х годов зачастую уже не могли жить своим ремеслом [22]. В период «хрущёвской оттепели» развернулись новые гонения на православную церковь. Если на 1 апреля 1961 года в Усть-Лабинском районе насчитывалось шесть храмов и молельных домов, то к 1 января 1965 года – всего четыре [23]. Принудительные меры и волонтаризм, имевший место в хозяйственной сфере, вызывали у людей неприятие. Это, наряду с ослаблением репрессивной политики, приводило, например, к появлению ехидных анекдотов о Н. С. Хрущёве [24].

Но одновременно за пределами «старых» городских центров обзаводится собственной промышленностью. Усть-Лабинск становится городом в 1958 году после введения в эксплуатацию сахарного завода. В 1963 году на заводе работал 881 человек, появился заводской посёлок на крайнем северо-западе города. При заводе для обслуживания оборудования был создан «Опытный ремонтно-механический завод». Увеличились посевы сахарной свёклы.

В 1967 году на Усть-Лабинском сахарном заводе внедрялась научная организация труда, производственные процессы автоматизировались. На заводе проводились испытания автоматического оборудования: по контролю цветности сока, сиропа. Механизация способствовала снижению количества подсобных рабочих, было организовано фотографирование простоев рабочего времени. На заводе имелись свои ремонтные и даже железнодорожные цеха. В первом полугодии 1966 года сахарный завод работал 18 дней. Из 370 818 ц свеклы выработано 37 712 ц. белого сахара. Выход сахара составил 9,19 при плане 9,0 %, содержание его в патоке – 3,46 % при плане 3,40 %, потери 1.05 при плане 1.15. К 31 декабря 1968 года сахарный завод г. Усть-Лабинска выдал 28 400 ц сверхплановой продукции.

В Усть-Лабинске успешно работали и другие промышленные предприятия: эфиромасличный комбинат, сахарный завод, «Сельхозтехника», «Сельхозхимия», мясокомбинат, молокозавод, пищекомбинат, кукурузно-калибровочный завод, слитый с пищекомбинатом дрожжеваренный завод. Инженер Введенский разработал для

эфиромасличного завода экстрактор непрерывного погружения, превосходивший иностранные образцы. Он применялся для получения кориандрового масла. Также он разработал технологию получения горного воска из угля. Промышленность развивалась не только в городе Усть-Лабинске, но и в станицах района. Ударно отработал в 1969 году коллектив ладожского пищекомбината. Колбасный цех выполнил план на 10 дней раньше срока [25]. В Усть-Лабинске продолжал действовать и местный колхоз «Кубань» [26].

В начале 1966 года на Темрюкском маслозаводе начинается монтаж поточных линий розлива молочной продукции. Проектная мощность нового цеха составляла 3200 тонн. Ранее молоко, сметану, творог завозили в Темрюк из Анапы. Во второй половине 1960-х годов активно действовал в сфере дорожного строительства Вышестеблиевский асфальтобетонный завод [27].

Сельскохозяйственное производство качественно изменяется на основе массового применения техники. [28].

В 1959 году половина угодий колхоза «Кубань» в Усть-Лабинском районе была под зерновыми, в основном занята озимой пшеницей и кукурузой, росли посадки подсолнечника и сахарной свеклы, в 1960 году они составляли 1500 га. К 1960 году почти в три раза увеличилось поголовье свиней, в 1,7 раза – поголовье птицы. В 1960-м на 1 января в колхозе «Кубань» работало 2622 человека, из них 37 специалистов с высшим и средним специальным образованием, в основном в 6 садово-производственных и садоводческих бригадах, на виноградниках. На весь Советский Союз прославился бригадир 4-й бригады колхоза «Кубань» М. И. Клепиков, дважды Герой Социалистического Труда. Он вместе с агрономом Тищенко и механиком Вихровым добивался рекордных урожаев зерновых – сахарной свёклы собирали 488 центнеров с гектара. В 1963 году колхозы и совхозы Усть-Лабинского района выступили одними из инициаторов социалистического соревнования работников сельского хозяйства. В 1963-м ими была получена урожайность 36,6 ц. зерновых с гектара. Они продали государству зерна более чем 20 млн пудов.

В колхозах активно внедрялась механизация и научные методы ведения хозяйства при непосредственной поддержке краснодарских и московских ученых. Например, зимой 1968 года проводилась механизация 2-й фермы колхоза им. Крупской Усть-Лабинского района, был автоматизирован процесс подачи корма скоту.

На селе действовали различные курсы повышения квалификации и повышения технической грамотности. В колхозе «Победа» в 1973 году появился и кружок для повышения экономических знаний рабочих. В совхоз «Ладожский» из других хозяйств приезжали учиться мастерству машинного доения. В целом к 1973 году новые для того времени агротехнические и животноводческие методики уже в полной мере усвоены колхозниками Кубани [29]. В 1967 году в станице Отрадной действовал Университет сельскохозяйственных знаний. В расходных статьях деятельности рисосовхозов Темрюкского района была предусмотрена статья о повышении квалификации кадров и ведении научной работы [30].

Кроме сельского активно развивалось и промысловое хозяйство. В 1965 году в Темрюкском районе было пять рыболовецких совхозов и один рыбоконсервный завод. В Азовском море вылавливались осетровые, рыбец, тарань, судак. В Черном море вылавливали кефаль, ставриду, хамсу, барабулю, камбалу и пр. В 1964 году рыбколхозами Темрюкского района было выловлено 120 тыс. тонн рыбы. Бригада

совхоза «Труженик моря» под руководством В. А. Синько, вступая в 10-ю пятилетку, обязалась сдать государству рыбы на 535 центнеров сверх плана. Одновременно площадь виноградников в этом районе составляла 19 тыс. гектаров. Мощности предприятий по переработке винограда достигали 4000 тонн в сутки. Приоритетными направлениями развития хозяйства на этой территории Госплан считал, прежде всего, виноградарство и виноделие, затем рыболовецкую отрасль и переработку рыбы, орошаемое овощеводство на западных территориях района, а также развитие санаторно-курортной сферы. Для нужд виноделия предполагалось расширение деревянной и стеклянной тары. Особое внимание планировалось уделить развитию инфраструктуры транспорта и водоснабжения: строительству водоводов, шоссежных дорог и аэродрома [31].

В середине 1960-х годов на Кубани насчитывалось 312 колхозов, большинство из которых находилось на денежной оплате труда (246 колхозов), а в остальных хозяйствах оплата осуществлялась по трудодням. В 226 колхозах с денежной оплатой труда в 1965 году оценка одного человеко-дня составляла более 3 рублей, а в 20 колхозах – от 2 руб. 16 коп. до 3 рублей. Самая низкая оценка одного человеко-дня была в колхозах «Восход» Кущевского района (2 руб. 16 коп.), им. Мичурина Отрадненского района (2 руб. 21 коп.), им. Энгельса Майкопского района (2 руб. 35 коп.), им. Фрунзе Крымского района (2 руб. 46 коп.) [32].

Серьёзные улучшения быта в колхозах и совхозах происходят уже задолго после войны, когда начали платить зарплату. «Уже мы на деньги стали ро- быть после пятьдесят шестого в совхозе. Уже норма, сколько соток выполоть. Заработаешь. Сколько, двенадцать соток прополешь. Значит, норма стоила. Лук семьдесят (стоил – И. В.)» [33]. «Это уже в 1930-е – 1940 –е гг. стали в совхозе сажать виноград, оттуда приносили. С работы обязательно ведро винограда разрешалось приносить. А то мы беседки делали, обязательно была беседка изабеллы (сорт винограда – И. В.)» [34].

«[...] В пятьдесят восьмом году начался совхоз. Уже пошла жисть. Люди стали и культурно ходить, чисто ходить. За деньги ж стали работать. А в колхозе ты работаешь, ни рубля не получаешь. Вот год проработал в колхозе – ни рубля не получил. Шо питался на хферме в утой бригаде – вычли. В конце года поросенка, хочешь барашек бери. Хочешь, коровы выпиши. Шо ты работал на эти трудодни, подсчитают, шо у тебя получится. На шо у тебя вытянет. На два поросенка, чи на два барашка, чи на корову. Бесплатно в колхозе работали. В каждой бригаде вычисляли питание. Работаешь, обедаешь тут. Там давали. А завтрак нужен дома. Какая она хорошая? За трудодни работали. А в совхозе! Уже пошла жизнь! За деньги стали работать» [35].

При этом необходимо иметь в виду, что ещё в хрущёвские времена бытовали элементы вполне досоветского уклада! Например, местное станичное самоуправление и самоорганизация выполняли реальные функции, имели реальные полномочия. Значительную часть социальной работы (в том числе выплату некоторых видов социальных пособий, опеку над сиротами) ещё осуществляли местные советы, а не централизованные государственные структуры. Собравшись, станичники, как встарь, своими силами выполняли многие общественные работы, например, по ремонту общественных зданий. Многие виды работ выполнялись за свой счёт колхозами, другими объединениями местных жителей. Например, в 1955 году в станице Марьянской действовала касса взаимопомощи пенсионеров [36].

Однако именно в этот период, например, в Усть-Лабинском районе, многие отрасли уже передавались в ведение крупных региональных и государственных организаций. Так,

высоковольтные линии передавались в ведение треста «Сельэнерго». Во многом это было обусловлено масштабностью и трудоёмкостью работ в сфере развития инфраструктуры. К тому же завершился этап послевоенного восстановления, и огосударствление, централизация вновь резко активизировались. Колхозников насильственно заставляли сдавать в колхоз собственных коров. Однако разведение коров на частных подворьях вскоре возобновилось. Но в течение 1950-х – 1960 годов безвозвратно исчезли частные артели, быстрее всего – шорные, поскольку гужевой транспорт вытеснял автомобиль.

Политика гонений на церковь укладывалась в тенденцию подрыва автономности местных сообществ. Ведь традиционно станичный храм был одной из основ единства и самоорганизации жителей населённого пункта, горизонтальных социальных связей [37].

В целом в течение 1960-х годов социальные и хозяйственные функции, традиционно находившиеся в ведении местного самоуправления и групп местных жителей, перешли в ведение централизованных государственных структур.

В целом в 1950-м – начале 1960-х годов в быту наблюдалось сосуществование старого и нового: традиционные молодёжные посиделки и отдых в клубе; родственные коллективы выживания с присущим им традиционным укладом, продолжавшим воздействовать на молодёжь и частично заменять отсутствие территориальных коллективов, сочетались с крупным индустриальным производством, имевшим всё больше значения для семейного бюджета. «У хатках собиримося. У другой собиримося. У клуб ходыли. Там же ж был патехфон. У одной подруги включалы. И мы танцуем»[38]. «Раньше ж работать заставлялы. После школы. Я, например, уехала. После шестнадцати из станицы уехала. А так вообще то, ну вечером. В кино возили раз в неделю. Повезуть – идем в кино. Кино смотреть какое-то. Перед Пасхой привезут в пятницу. Родители не пустят. Нет, страстная пятница. Не пускают. А мы все равно в клуб идем. И по-за клубом. Так же ж и гуляли, ходили. Конечно, так как щас не было. А в клубе. С клуба идешь – провожае домой. До двора идет. Раньше парами в клуб не заходили. Як щас. Сидит. Тока можно за руку взять. А потом уже идуть спокойно домой. Но всяко. И в молодости кому пришлось. Как всегда. Кого обдуруют. И рожают девчата. И все. А щас же сплошь. Тока замуж выходят – она уже все. Беременная».– «Редко внебрачных детей рожали?» – «Да редко рожали. ...В каждой же семье по-разному. Семья чужая – потемки. Не так было, как сейчас. Сейчас свадьбу сгулялы, месяц пожилы. Они такие, хотя дружили и все» [39].

«Такое было у народа душевное взаимопонимание. Простота. Бедно же страшно было, особенно после войны. В сорок седьмом голод был – дак так, хаты не замыкались! Крикнули соседке: «Тетья Агаша!» и пошли пешком в Усть-Лабинск. Так крючочек накинули. Никто не трогал, хотя и трогать было нечего! Но соседи все приглядывали! Вечерами сидять на улице, песни поють. А жизнь тяжелая же ж! А щас нигде ни песни!» [40]. Усвоение молодёжью новых для нее песен посредством радиопередач, концертов в клубах сочеталось с интресом к тому, что поют люди более старшего возраста: «Пели. У нас компания была очень хорошая. «Каким ты был...». «Ландыши». «Кто-то с горочки спустился». «Рябина кудрявая». Популярные были. Шестидесятые годы были». – «Казачьих песен тогда уже не пели?» – «Пели. Старики учили:«Казак скакал через долину... / Казак свернул коня на право / И в чисто поле поскакал...». «Туман яром» пели. «За туманом ничего не видно...» [41].

Элементы традиционной территориальной и других видов низовой самоорганизации, более широкой, чем родственная, сохранялись в виде взаимопомощи при постройке

саманного дома, в кулачных боях молодёжи разных частей станицы: «А были драки колхоз на колхоз?» – «Там пятый квартал за речкой. Пятый с Горой не мирились. Гора была. Билися. Потом колхоз стал один... Саман делали. Летом прохладно, зимой тепло. Это у меня дом шестьдесят второго года. Сорок восемь лет. Хорошие были хаты из самана. Глины, соломы навезут. На завтра собираешь знакомых. Человек двадцать и больше. Гуртом. Потом до стола» [42].

В этот период в одежде уже была широко распространена городская мода, продукты массового производства: «На пуговицах уже были (брюки – И. В.)! Ходили в обтяжку, дудочки назывались! У кого ноги красивы – хорошо, а то так! [...] Мода была на плащи болоньевые. Хорошие были, модные. Были китайские рубашки. Красивые такие рубашки, с черными воротниками! Тада ж дружили с Китаем» [43].

В 1960-х – начале 1970-х годов быстро растёт уровень жизни, степень комфорта быта станичников. В жизни колхозников всё большее значение приобретает денежная плата на труд, что сопровождалось быстрыми структурными изменениями в бюджете колхозной семьи. Денежные доходы колхозников от общественного хозяйства выросли во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов более чем на 40 %. Так, в 1968 году в Усть-Лабинском районе было 29 889 человек трудоспособного населения. Из них 23 523 было занято в общественном производстве. Рабочих и служащих – 76 56 человек, колхозников – 15 867 человек. Пусть и далеко не все числившиеся колхозниками реально работали в колхозах [44].

Тогда же окончательно оформились многие элементы культуры, отчасти бытующие и по сей день, к примеру, стилистика советского праздника. Праздники День международной солидарности трудящихся 1 Мая и очередная годовщина Октябрьской революции праздновались по сходному сценарию. Вначале перед трибунами с руководством проходили колонны демонстрантов, затем открывался праздничный митинг. Впереди колонны обычно шли ветераны, потом – школьники, особенно часто – юные спортсмены, следом – колонны промышленных предприятий, потом – сельскохозяйственных, за ними – колонны учреждений инфраструктуры и сферы услуг.

«Первомай» был несколько более неформален, чем «7 Ноября». На первомайской демонстрации допускались элементы костюмированного шествия и пр. На 9 Мая ветераны и трудовые коллективы направлялись к Вечному огню от памятника Ленину, где проходил митинг. Иногда торжественный митинг проходил на стадионе. Позже на стадионе проходило костюмированное представление. Перед этим на предприятиях прошли торжественные собрания [45].

В первой половине 1960-х годов праздничные дни ещё официально позиционировались как продолжение будней, когда надо не отдыхать, а, наоборот, ставить трудовые рекорды, приближающие наступление коммунизма [46]. Новая политика в отношении праздничного календаря выразилась и в том, что любимые в народе праздники – Международный женский день (8 Марта) и День Победы (9 Мая) стали в 1965 году официальными выходными днями [47]. С начала 1970-х годов они уже осмыслились в официальной прессе как дни отдыха и веселья, что характерно и для традиционного, и для современного восприятия праздников [48].

Во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов научно-техническое развитие хозяйства шло ещё достаточно быстрыми темпами. Тогда же окончательно оформились современные системы всеобщего пенсионного обеспечения, государственной

социальной защиты, образование стало бесплатным. Ни о каком застое ещё не было речи [49].

В 1977 году в колхозе имени Ленина станицы Ленинградской урожайность хлебов составляла 45 центнера с гектара, подсолнечника – 29, сахарной свеклы – до 500 центнеров на круг. В том же году в колхозе трудились 123 специалиста с высшим и средним образованием, 92 обучались заочно в вузах и техникумах. 200 работников хозяйства были награждены орденами и медалями за трудовые успехи, среди них было 2 Героя Социалистического Труда [50].

Кроме традиционного зернового хозяйства и животноводства стали быстро развиваться отрасли хозяйства, для Кубани ранее нехарактерные. Быстро росло рисоводство, его развитие с середины 1960-х по начало 1980-х сопровождалось масштабными мелиоративными работами, расчисткой и окультуриванием плавней. Бурное развитие рисоводства стало одной из немногих сфер хозяйственной жизни региона, по времени совпадающей с официально признанной «эпохой застоя», причём до 1980-х годов никакого застоя в отрасли не наблюдалось. В первый год рисосеяния посевные площади составляли 604 га. В 1978 году под рис было освоено 1881 гектар.

В Темрюкском районе развивалось орошаемое земледелие. В совхозе «Октябрь» орошалось 93 гектара люцерны. А в совхозе им. Ильича оросительные установки использовали не полностью. На насосной станции даже не было технического транспорта [51].

Всё это способствовало очередному витку роста инфраструктуры. Так, с 1967 по 1970 год в крае было построено 42 комбината бытового обслуживания, 51 павильон, 38 цехов-мастерских, 37 специализированных предприятий по ремонту радиотелевизионной аппаратуры, 20 парикмахерских, 393 киоска и приёмных пункта. К 1970 году было газифицировано хуторов и станиц – 41, поселков городского типа – 19 [52].

Жизнь курортов Черноморского побережья Северного Кавказа, важнейшей составляющей инфраструктуры и хозяйства региона, тесно связана с положением и структурой среднего класса в поздней Российской империи, СССР и РФ. В советское время осознание принадлежности к среднему классу активно формировалось через различные виды административного поощрения, как символического, так и материального. Направление на курорт было весьма важно, так как являлось одновременно и тем и другим.

Одновременно Сочи целенаправленно развивался и как элитный курорт – аналог и замена зарубежного элитного отдыха. Одновременно Сочи должен был символизировать существенно большее социальное равенство в СССР по сравнению с капиталистическими странами. Так как отдых, позиционировавшийся как элитный, был тоже более доступен для среднего класса.

Жизнь колхозников-станичников была связана с курортами региона через не слишком частые поездки на курорт. Ведь курортный сезон – самая горячая рабочая пора для крестьянина. «А колхоз путевки на курорт давал?» – «Давал. Я три раза ездил. И она ездила раз. А мне как участнику войны. В Анапе был два раза. А один раз в Горячем Ключе. И она в Горячем Ключе. И на Лабу ездили. Щас уже даже туда не попадешь». «А из совхоза на отдых посылали?» – «В колхозе такое было, но редко было. Кто первое место держал в колхозе. Или звеньевой, или хороший рабочий. Просился, писал заявление, его отправляли. Был в санатории. Через два года опять называли – не поехал. Нельзя было уехать, бабка больная. Нельзя было бросать. Тада у каждого деньги были.

Много их у нас было. В Горячем санатории. И в Геленджик ездили. Посылали людей. Хорошо было, когда совхоз» [53].

Некоторые станичники также торговали на прибрежных курортах овощами. Но таких было сравнительно немного. В том числе и потому, что устройство частных теплиц преследовалось властями. «И тут парник. Штук триста помидор высадил. Мы ж помидорами обеспечивали и Туапсе, и Джубгу, и Апшеронку. Куда ни поедем, одни мартанцы с помидорами. Они тада и стоили дешево. Но все равно! У нас не давали заниматься... Самозахват тада сделали. Всем отрубывали, самозахват. Бахшу вырастил. В Армавир возил, в Горячий, в Туапсе» [54].

В целом снабжение населения и отдыхающих в Сочи централизованно регулировалось распоряжениями Совета Министров СССР и РСФСР и осуществлялось крупными производственными и торговыми структурами, в том числе поставлявшими свою продукцию на курорт из более северных районов Краснодарского края. При этом непосредственно отдельные кубанские колхозники в этом взаимодействии не участвовали [55].

В целом 1950-е – 1980-е годы отличались небывалым за всю историю ростом как сельского хозяйства и инфраструктуры, так и промышленности. Достижения оказались весьма значительными в масштабах всего СССР, чем мог похвастаться далеко не каждый регион страны. Жизнь стала достаточно обеспеченной. Однако коренным образом изменился её уклад, даже в сельской местности он приобрёл отчётливо индустриальные черты (преобладание крупного производства, основной вид занятости – наёмный труд). Элементы традиционного уклада, ещё сохранявшиеся в тот период, либо оказались в ситуации пассивного бытования, либо функционировали в ином социальном контексте.

Примечания

1. Абалкин Л. И. Экономическая история СССР. М., 2007.; Абалкин Л. И., Иванов Е. А. Судьбы, противоречия и периодизация развития советской экономики // Портал «Studfile» URL.: <https://studfiles.net/preview/5754354/> (дата обращения – 11.01.2017); Шевчук Д. А. История экономики: учебное пособие // Онлайн-библиотека.plam.ru. URL.: http://www.plam.ru/nauchlit/istorija_yekonomiki_uchebnoe_posobie/index.php (дата обращения – 11.01.2017).

2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 34. Л. 28, 32.; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 68. Л. 1 – 2.

3. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1369. Оп. 1. Д. 381. Л. 2об; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д.

479. Л. 2; Бойко И. К. Родная Плоская – России уголок. Краснодар, 2016. С. 9.

4. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д. 293. Л. 1 – 3.

5. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д. 536. Л. 2, 9 об.

6. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д. 479. Л. 1; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 2. Д. 22. Л. 10.

7. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 3. Д. 20. Л. 1.

8. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 7. Д. 34. Л. 12; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 7. Д. 9. Л. 18.

9. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д. 117. Л. 1 – 2; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д. 245. Л. 1а; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 2. Д. 24. Л. 15; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 5. Д. 44. Л. 5, 8, 10.

10. История города Горячий Ключ // Форум Горячего Ключа. URL.: http://psekups.ru/articles/01_history.html (дата обращения – 06.05. 2015).

11. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 3. Д. 20. Л. 1.; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 4. Д. 14. Л. 3.; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 7. Д. 34. Л. 11.

12. ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 4. Д. 128. Л. 32.
13. ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 4. Д. 220. Л. 45-46.
14. Камаев И. Меняя облик станицы // Советская Кубань. 1962. № 209. 5 сентября. С. 3; Карандашов В. В. В лагере «Кавказ» // Сельская жизнь. 1968. № 82. С 4.
15. ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 4. Д. 282. Л. 102–105.
16. Кочериди Ю. Д. Греки в истории Кубани. Краснодар, 2011. С. 405.
17. История города Горячий Ключ// Форум Горячего Ключа. URL.: http://psekups.ru/articles/01_history.html (дата обращения – 06.05.2015).
18. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4090. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Инф.: Бондарев Н. П., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И. Ю.
19. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 4072. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. ИнФ.: И. И. Бунин, 1928 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев; ПМ КФЭЭ – 2008. АК 4091. Ст. Некрасовская. Инф.: Бондарев Н. П., 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
20. Хрестоматия по истории Кубани: документы и материалы. Краснодар, 1982. Ч. 2.; Забазнов А. Н. Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794–2000 гг. Усть-Лабинск, 2010. С. 93, 100, 113; Плосков Ф. Свой сахар // Сельская новь. 1968. № 3. 6 января. С. 3; Гришаков И. Коллектив работает отлично // Сельская новь. 1968. № 7. 16 января. С. 1; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 229. Л. 78; Лазарев И. Украсим родную станицу // Сельская новь. 1972. № 44. 11 апреля. С. 1; Проходняк М. Вступают в строй механизмы; Деревцов П. Все работы – на машины // Сельская новь. 4 января. 1968.
21. Сылко С. В. 200 лет станице Воронежской. Хронология, факты, события, комментарии. Майкоп, 2004. С. 96–100.
22. Параконный В. Золотой зуб ... за трешку // Сельская жизнь. 1970. № 14. 31 января. С. 4.
23. ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 33 06. Л. 16.
24. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 4055. Ст. Новолабинская. Инф.: Самородова Р. Д., 1922 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
25. ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1091. Л. 30б – 4; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1221. Л. 2 – 3; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1092. Л. 2; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1221. Л. 2 –3; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 1819. Л. 405, 81 об.; Забазнов А. Н. Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794-2000 гг. Усть-Лабинск, 2010. С. 101.; Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар, 2009. С. 166–167.
26. Забазнов А. Н. Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794–2000 гг. Усть-Лабинск, 2010. С. 99.; ГАКК. Ф. Р – 1622. Оп. 1. Д. 318. Л. 1, 6.; ГАКК. Ф. Р – 1176. Оп. 1. Д.1. Л. 136, 142, 143.;ГАКК. Ф. Р – 1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.; ГАКК. Ф. Р– 1622. Оп. 1. Д. 313. Л. 5.; Борисович А. Это – успех // Сельская новь. 1970. № 1. 1 января. С. 1; Забазнов А. Н. Социально– экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794–2000 гг. Усть-Лабинск, 2010. С. 115.; Миролевич Б. И опять – по-боевому! // Сельская новь. 1970. № 2. 6 января. С. 1.
27. Добрые вести // Таманец. 1966. № 2. 4 января. С 1; Яковенко И. Подарок // Таманец. 1966. № 2. 4 января. С. 1.
28. С первых дней Нового года – высокие темпы // Сельская новь. 1963. № 2. 3 января С. 1.; Ударным трудом отметим Первомай! // Сельская новь. 1963. № 55. 1 мая. С. 1.

29. Турчанинова В. Атмосфера большого праздника // Сельская новь. 1971. № 134. 6 ноября. С. 4; Рапортуем Первомаю; Весенние радости // Сельская новь 1971. № 54.; Рукотворная сила гектара // Сельская новь. 1971. № 1. С. 2; Максимов В. Октябрины в «России» // Сельская новь. 1971. № 134. 6 ноября. С. 4.
30. Цифры и факты // Таманец. 1979. № 10. 23 января. С. 3.; Грачев М. Второе занятие университета // Сельская жизнь. 1967. № 2. 3 января. С. 1; ГАКК. Ф. Р – 1825. Оп. 1. Д. 101. Л. 135.
31. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 1330 а. Л. 337 – 347; Рецка А. На их календаре – 1986 г. // Таманец. 1979. № 81. 6 июля. С. 3.
32. Черников С. Н. Изменения в материальном обеспечении на селе в Краснодарском крае в 1965–1980 гг. // Портал журнала «История: факты и символы». URL.: <http://historic-journal.ru/2017/materialnoe-obespechenie-na-sele-v-krasnodarskom-krae-v-1965-1980/> (дата обращения – 14.03.2018).
33. ПМ КФЭЭ-2010-2. А/К № 4239; ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф-т: Кацеба Е. Г., 1926 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
34. ПМ КФЭЭ-2017. А/Т Стар9. Ст. Старотитаровская Темрюкского р-на Краснодарского края-я. Инф.: Арищенко С. Ф., 1925 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
35. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3962. Ст. Суздальская Горячеключевского р-на. Инф.: Семенова А. И., 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
36. Алексеева Н. М. Марьянская: история, события, судьбы. Краснодар, 2012. С. 62.
37. ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1091. Л. 3об – 4.; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1221. Л. 2 –3; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1092. Л. 2; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1221. Л. 2 –3; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 1819. Л. 81 об., 405; Забазнов А. Н. Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794–2000 гг. Усть-Лабинск, 2010. С. 101; Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар, 2009. С. 166–167.
38. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4182. Ст. Дядьковская Кореновского района. Инф.: Проценко Н. В. 1939 г. р. Иссл. Васильев И. Ю.
39. ПМ КФЭЭ-2010-2. АК 4264. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Инф.: Твердохлебова А. Ф., 1935 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
40. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4088. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Протасова Р. С., 1936 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
41. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4183. Ст. Дядьковская Кореновского района. Инф.: Шестуха А.И., 1936 г. р. Иссл. Васильев И. Ю.
42. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4182. Ст. Дядьковская Кореновского района. Инф.: Проценко Н. Г. 1936 г. р. Иссл. Васильев И. Ю.
43. ПМ КФЭЭ-2017. АТ Курч15. Ст. Курчанская Темрюкского района. Инф.: Жигайло А. В., 1936. г. р. Иссл. Васильев И. Ю.
44. Забазнов А. Н. Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794–2000 гг. Усть-Лабинск, 2010. С. 99; ГАКК. Ф. Р – 1622. Оп. 1. Д. 318. Л. 1, 6; ГАКК. Ф. Р – 1176. Оп. 1. Д. 1. Л. 136, 142, 143; ГАКК. Ф. Р – 1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 14; ГАКК. Ф. Р– 1622. Оп. 1. Д. 313. Л. 5.
45. Савина В. На знаменах наших: мир, труд, май // Сельская новь. 1985. № 54. 5 мая, С. 1–2; Под знаменами Великого Октября // Сельская новь. 1975. № 140. С. 1; Старостин В. Славься в веках подвиг народа-победителя // Сельская новь. 1975. № 57. 13. Мая. С. 1.

46. С первых дней Нового года – высокие темпы // Сельская новь. 1963. № 2. 3 января С. 1; Ударным трудом отметим Первомай! // Сельская новь. 1963. № 55. 1 мая. С. 1.
47. Васькин А. А. Повседневная жизнь советской столицы при Хрущеве и Брежнев. М., 2017. С. 460.
48. Турчанинова В. Атмосфера большого праздника // Сельская новь. 1971. № 134. 6 ноября. С. 4; Рапортуем Первомаю; Весенние радости // Сельская новь 1971. № 54. 1 мая. С. 2–3.
49. Борисович А. Это – успех // Сельская новь. 1970. № 1. 1 января. С. 1; Забазнов А. Н. Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794–2000 гг. Усть-Лабинск, 2010. С. 115.; Миролевич Б. И опять – по-боевому! // Сельская новь. 1970. № 2. 6 января. С. 1.
50. Черников С. Н. Изменения в материальном обеспечении на селе в Краснодарском крае в 1965–1980 гг. // Портал журнала «История: факты и символы». URL.: <http://historic-journal.ru/2017/materialnoe-obespechenie-na-sele-v-krasnodarskom-krae-v-1965-1980/> (дата обращения – 14.03.2018).
51. Салошенко В. Н. Председатели и губернаторы: взаимосвязь времен. Краснодар, 2002. С. 404–412; Зубарева В. Больше внимания орошению // Таманец. 1979. № 82. 16 июля. С. 3.
52. Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее / Н. А. Се-рогодский, В. Н. Ратушняк, А. С. Демченко, Е. А. Чайка, Д. С. Завгородний. – Краснодар: Традиция, 2017. С. 151, 157–158, 164, 166.
53. ПМ КФЭЭ-2009. АК 4109. Ст. Чамлыкская Лабинского р-на. Ленцов В. И., 1926 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.; ПМ КФЭЭ-2010. АК 4237. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
54. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4236. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Мошнагорский В. А., 1940 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
55. Ермачков И. А. Город-курорт Сочи в период перестройки (1985–1991): социально-экономический аспект. Сочи, 2016. С. 77–87.

4. Кубанский колхоз эпохи застоя: сельская повседневность в рассказах очевидцев

В настоящее время уже немало написано о специфике колхозного строя в СССР. В основном рассматривался период его становления: коллективизация, раскулачивание, их последствия и пр. [1]. Появляются и хрестоматии устноисторических источников, затрагивающих данную тему [2]. Работ, затрагивающих специфику позднесоветской сельской жизни и современной сельской повседневности, сравнительно мало. В основном они выполнены в рамках описательной социологии [3].

Капиталовложения в техническое оснащение, различные формы стимулирования лучших работников способствовали росту производительности труда колхозников. Единой системы оплаты труда не было... Например, комбайнёрам при начислении заработной платы учитывалась не площадь обкоса, а количество намолота на наименьшей площади, это подстёгивало работников, им был выгоден минимальный уровень потерь.

Как это отражалось в жизни станичников? Мы предприняли попытку рассмотреть советский колхоз эпохи застоя на Кубани и сельскую современность на основе устноисторических источников – рассказов очевидцев.

Оценки информантов «позднеколхозного строя» тесно увязывают его положительную оценку с общей социально-экономической ситуацией в СССР того времени. Годы застоя

представляются тем более привлекательными, что их сменила совершенно другая эпоха (с начала 1990-х годов), оцениваемая с совершенно противоположным знаком. Настолько, что даже некоторые её достижения приписываются предыдущей. «А в какое время было более-менее хорошо жить?» – При Брежнев. После его смерти года два или три. Як кажут застой. Это была жизнь». «Все было дешево. Сколько хочешь. А деньги яки были хорошие. Дорогие! И получали мы 60–80 рублив. Девяносто – ой-ой-ой была зарплата. Я 120 рублив получал. Работал зав. машинным двором. И на книжку отделял, и такочки хватало. И пропало все» [4]. «Жизнь началась с пиесят четвертого, с шиесятых годов. А то все время было сорок лет так, все время так (плохо – И. В.)» [5]. «Богато (жили в колхозе – И. В.). Хозрасчет был тада. Жилы – ни в чем не нуждалися. Касса взаимопомощи была. Все было в достатке. Помощь оказывали. Был бесплатный дом отдыха. Четыре свинофермы было. Комплекс молочный был. А щас одна ферма осталась. И то девяносто голов. И свеклу сеяли, и кукурузу. И огороды были» [6]. «Хорошо было при советских. И церква була, и качели булы, всэ було. А все равно было все бесплатно. И учились бесплатно, и лечилы бесплатно. Мне делалы три раза руки опэрацию. Тры раза. И ныче нэ получилось. А щас?» [7].

Очевидцы также чётко отделяют эпоху колхозного изобилия от предыдущей эпохи, завершившейся в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Основная маркер отличия – появление стабильного дохода в виде зарплаты. «За палочки работали где-то до 57-го года, трудодни были». В бригаде есть давали. В уборку кормили хорошо. После (19)50-го года уже начали подниматься станицы. В 47-м еще голод был. И в 49-м. А после 50-го уже стали подниматься. В 57-м уже стали переходить на рубли. Зерно получали целыми машинами. Засыпали полностью одну комнату». С тех пор пошло на улучшение. В 50-х урожаи были хорошие. Кукуруза даже по дорогам валялась, никто не подбирали. Люди ж таких хозяйств, как сейчас, не держали. Там по десятку курэй было» [8].

«А в совхозе была хорошая жизнь?» – «В совхозе да. В пятьдесят восьмом году начался совхоз. Уже пошла жисть. Люди стали и культурно ходить, чисто ходить. За деньги ж стали работать. А в колхозе ты работаешь, ни рубля не получаешь. Вот год проработал в колхозе – ни рубля не получил. Шо питался на хферме в угой бригаде – вычили. В конце года поросенка, хочешь барашек бери. Хочешь, коровы выпиши. Шо ты работал на эти трудодни, подсчитают, шо у тебя получится. На шо утебя вытянет. На два поросенка, чи на два барашка, чи на корову. Бесплатно в колхозе работали. В каждой бригаде вычисляли питание. Работаешь, обедаешь тут. Там давали. А завтрак нужен дома. Какая она хорошая? За трудодни работали. [9].

«Сколько у кого трудодней, так и получают. Бывало, совсем мало выходило на трудодень. Давали зерна. Еще там денег. Выучился на тракториста в Платнировке. Уже не по трудодням работал. С конца пятидесятых зарплату стали платить» [10].

Очень часто старожилы кубанских станиц подчёркивают, что колхозы были процветающими сельхозпредприятиями. Их деятельности сопутствовали успех и изобилие. «А колхоз у вас до перестройки богатый был?» – «Богатый. Дорогу построили, мельница своя. Маслозавод свой. Парк культуры сделали. Школу начали вот эту ж строить. Построили. Химсклад большущий построили. Все при Убийко. Был богатый колхоз». – «Много (сеяли зерновых в советское время – И. В.)! У нас было 13 тысяч в колхозе земли всей. А 9 тысяч было одна зерновая. И кукуруза. 9 тысяч гектаров. Пшеница, ячмень. Редко када овес сеяли. Даже коноферма своя была. Было много лошадей. Сеяли для них овес. И горох сеяли. Молотили его. У нас безработных не было

тада. У советской власти гулящих тада за задницу: «Почему не работаешь! Иди работай на пользу государства!». Яблоки свои были, сад свой был. И виноград. И жерделы. А потом хозяина хорошего не было. Заболело и пропадало. И огород у нас был. Моя супруга работала на огороде. И дыни были, и арбузы были. Огурцы, помидоры. Капусты скока было. С арбузов даже мед варили! Продавали, дешево он стоил. А сейчас в нашем хозяйстве ничего нету. Ни огорода, ни бахчевых. Как хорошо все люди работали, так все хорошо развивалось! Почему у нас страна распалась? Почему не хватало мяса, хлеба и всего? В институте учили политэкономии. За рубежом один фермер кормит десять человек. А у нас два колхозника кормят одного человека. А куда все девали?! Мы ж скоко вывозили! В мусор что ли, скидывали?!

У нас даже был семеноводческий отдел. Нам бесплатно давали арбузы. А мы должны были сдать семена. И каждый год 700 или 800 грамм. Едим, семена моем, высушиваем и сдаем. Если не сдашь – заплотишь. А сейчас не найдешь этих арбузов! Продают поштучно! А тогда не могли накормить страну? Как это получается!? И вернулись к тому, от чего пришли. При царе такая ж была система. Те ж самые были помещики. А щас роздали арендаторам. Землю им отдали в аренду. Для людей зерно дают. Муку дают, масло, два мешка сахара дали, два мешка, 40 килограмм масла и полторы тонны в прошлом году дали зерна. Так мы, пенсионеры, выкручиваемся. Нормально. Зерна полно было раньше вообще. Не гноили, крытый ток был. А сейчас хозяйство загнали вообще в тупик. Не берут. Обещал Ткачев ниже пяти рублей не продавать. А никто больше трех не дает. А ГСМ (горючесмазочные материалы — И.В.) все выше и выше, выше и выше. Ребята, вас кормит земля, а вы ее уничтожаете! При советской власти керосин стоил семь копеек. Сейчас керосин дороже, чем бензин. Пол-литра – тридцать пять рублей. Марка девяносто пятый – стоит 25 рублей. Литра! А керосин литр получается 70 рублей. Саляра была три копейки» [11].

«Раньше ж и свинофермы. И птичник был наш. Две с половиной тысячи только в колхозе. И консервный у нас был. Был колхозный. Человек триста работало. И техники было в колхозе страшно сколько. Трактористы, комбайнеры работали. И в животноводстве нужны были свинарки, доярки, скотники. Много народу надо было. Раньше наш колхоз ежедневно сдавал тридцать тонн молока. 22 тысячи тонн пшеницы. 1800 тонн семечек. 70 тысяч тонн свеклы. Много сдавали» [12].

«И животноводство было, свиноводство. Три СТФ (свиноферма- И.В.) было. Четыре фермы дойных. Там же и молодняк выращивали. Щас по- выкупляли арендаторы. И овец разводили. И щас они есть. Раньше было ОТФ (овцеводческая товарная ферма — И.В.). Стригли шерсть, мясо. ОТФ забросили. Где третья ферма – там овцы есть. [...] Пшеницу, ячмень, кукурузу, свеклу, подсолнух сеяли». – «А огородные бригады были?» – «Были две. Выращивали помидоры, капусту, огурцы, гарбузы, дыни». – «А подсолнечник выращивали?» – «Обязательно, для масла». – «А сады были?» – «Был на огороде на первом. Там яблоко, сливы. Шо токо не было!» [13].

«Был маслоцех. Перерабатывал подсолнух. Был горчичный цех. Гречку даже выращивал. Чистил там, соорудил одно приспособление. Щоб очистить. Но в то время нужно было. Самое главное, мы подсолнечник перерабатывали, масло людям отдавали. В счет зарплаты. Денег не было. Тока натурой давать, пшеницей. Молоко, коровы доились. Масло давали. Один, два, три у нас пруда было в совхозе. Рыбой давали все. А зерна много было» [14].

«А что в колхозе выращивали?» – «Почти все. Пшеницу, ячмень, кукурузу. Свекла, гречка, конопля. Тада не знали ничего этого. Придем на молотилку. И сметаем мусор. Пыльцу. А щас бегают по конопле, шоб собрать эту пыльцу. А тада было пыльцы этой! И не знал никто. [...] Свиньи, куры, утки, коровы, гуси, овцы. Все – все-все было! По бригадам были лошади. Большие фермы были. У нас на ферме было двадцать пять тысяч голов свиней с молодняком. В каждой бригаде коровы были. Вот тут у нас голов на триста коров было. Дойных. Овечек три тыщи было голов, которые давали приплод. А Сливин был человек! Последний раз его сын повез. Повез его по бригадах, кругом. Он и вовсе расстроился и заболел» [15].

Как видим, очевидцы особо подчёркивают разнообразие производственной деятельности и её плодов, отсутствие монокультурности, наличие собственных перерабатывающих мощностей. Существует представление об эпохе застоя как о периоде здоровых человеческих отношений, дружелюбия, радости, праздника: «Да очень дружно жили! Я ночь-полночь встал и пошел. А щас я на двор боюсь выйти! Бывало, на степь едем, пар восемь-девять. Песни! И туда с песнями, и оттым. Весело было. И у нас в бригаде много людей было. Дружно жили, весело жили! А щас или богаче стали, или что. Но один одного ненавидит» [16]. «Дружно, конечно, жили. Работа заставляла нас дружить. Работали» [17].

«Было правление колхоза «Красный боец», колхоза «Парижской коммуны», потом в правлении сделали клубы. Правление колхоза «Ударник», потом клуб. И везде люди. Сейчас куда люди подевались? Особенно эти последние пять лет. С кем я в командировках был, ни одного не осталось. Уехали, по- умирали. В клубах духовой оркестр грав. Танци грав. И спивалы. Идут на танци чи в кино с песнямы. Щас ны модно. Тоди ж токо песни. Ну, потому ж шо не было ны тиливизорив, ны магнитофонив, ничего. А щас заспивай. Так скажут: а шо ж оно, чи пьяни, чи понапивалысь. От така жысть» [18].

Колхозники весьма ценят и помнят то, что сохранялось в колхозном быте от дореволюционной старины. «Были (джигитовки – И. В.). Это у нас в колхозе были джигитовки. Была конеферма, хорошие лошади были. Все было у нас хорошо до пэрэстройки. Скачки были». [...] У нас это все время было. И развивалось у нас постоянно. А начала пэрэстройка вот эта и... Даже ипподром был свой. И когда пэрэстройка начала, Комаров Алексэй Пэтрович погрузил в рефрижератор лошадей всех и на мясокомбинат сдал все. И козачьих, всех подряд, до единого пустил. Как праздник Первого Мая, День Победы, у нас эти скачки были. Щас опять возрождается. Щас конеферма уже заявила, начинается. Хороших лошадей заявили. Видел? Говорят, хорошие. Ну, конкурсы какие были. На пэрвенство. И даже в районе нашем Дядьковская брала первое место по скачкам, по джигитовкам, по рубке лоз, по обучению лошадей. Вот бежить, хорошо помню, Сашка этот Шуть. Бежить на всем скаку лошадь – тыць, остановылась, лег – и легла. И он ложится коло нее. И голову положил и лежить. Постучал – встала, и опять побежал» [19].

Причины таких оценок многообразны. Это и идеализированность воспоминаний о молодости, и тогдашняя официальная пропаганда. Но не только. Большую роль сыграли успешный коллективный труд и достаточно хорошо организованный коллективный досуг. Немалую положительную роль играли и ещё живые остатки дореволюционного станичного быта: совместное пение, джигитовки, элементы взаимопомощи, ещё достаточно чёткие правила поведения. Членство в колхозе осознавалось как источник

социального престижа и роста. Считалось, что на поддержку колхоза реально можно было положиться. И не только колхозникам, но и другим категориям станичных жителей. Такое ощущение возникало вследствие разнообразных реальных и символических поощрений. «Мне дали ветерана труда. И ей дали бумажки такие. Ветеран труда и медаль одну. Я проработал с пиясытого, как пришел. И до конца, покуда на пенсию ушел. В колхозе, никуда. И она также. И ордена давали. Савину давали. Он на овечках работал. И ему давали за шерсть. Он настригал с каждой овцы. Он на баранах был. Бараны большие были и валуха. Он настригал по восемь килограмм с барана. Вот ему дали за это орден Красного Знамени. Вообще, колхоз относился хорошо. И награждали, и премии давали. Праздник какой – всегда отмечали. Все было хорошо» [20].

«И решили послать за отличный труд. Трофим Кириллович, председатель колхоза, нас отвозил туда. А с Краснодара уже нас отправили на поезде. Двое суток везли нас. Поселили в гостиницу. И жили там. И возили нас по всем павильонам. Передовикам на День урожая давали электробритву, часы. Первый раз часы дали, когда пацаном еще был. В кино придешь и поднимаешь руку. Чтоб все видели, что ты с часами. От кинопроектора идет же луч. Всем колхоз помогал. При колхозе касса взаимопомощи была. Он заявление писал – и ему дом строили. И старому, и молодому. Специальная организация этим делом занималась. Надо деньги – пишешь заявление. На заседании правления его разбирали. Характеристику надо было взять с места работы. Если в пределах разумного просил – давали. Давали деньги. И ты их постепенно отработывал. Бывало, что колхоз строил бесплатно. Отработал, и жилье в твое пользование оставалось. Студентов учиться колхоз направлял. В высшие учебные заведения бесплатно. За счет колхоза обучали. А потом они домой возвращались. И работали специалистами: инженеры, агрономы. И педагоги, и врачи. Все.

И колхозу все в сезон помогали. Школы, больницы. И везли в поле помогать колхозу. Овощи собирать, кукурузу чистить. Все ехали молча. Потом их и в театр повезет колхоз. И куда угодно. И учеников бесплатно возил. У меня меньшая дочка в «Орленок» была премирована. За хорошую учебу и труд. И поездки всякие, в Сталинград. А сейчас с родителей на ремонт школы собирают. Колхоз организовывал бесплатное питание детей. И путевки в санатории выделяли. В Новомихайловке у колхоза свой пионерлагерь был. Там ежегодно отдыхали дети. И на выходные возили. Никаких денег не брали. Все бесплатно. Колхоз продукты завозил. Все расходы – колхоз. Профком этим делом занимался. А колхозники и зимой отдыхали. Круглогодично. Загружены были все шесть корпусов. Был «Зори Кубани». Хозяева меняются, но пока за колхозом числятся» [21].
Особым символом процветания ушедшей эпохи стали организованные туристические поездки колхозников.

«А колхоз путевки на курорт давал?» – «Давал. Я три раза ездил. И она ездила раз. А мне как участнику войны. В Анапе был два раза. А один раз в Горячем Ключе. И она в Горячем Ключе. И на Лабу ездили. Щас уже даже туда не попадешь» [22].

«Ездили. Я ездил по путевке в Ленинград, в Новгород, кругом ездил. Похвальную грамоту давал. Четыре похвальных грамоты и «Ударник коммунистического труда». Сорок лет отработал в колхозе механизатором» [23].

«А из совхоза на отдых посылали?» – «В колхозе такое было, но редко было. Кто первое место держал в колхозе. Или звеньевой, или хороший рабочий. Просился, писал заявление, его отправляли. Был в санатории. Через два года опять называли – не поехал.

Нельзя было уехать, бабка больная. Нельзя было бросать. Тада у каждого деньги были. Много их у нас было. В Горячем санатории. И в Геленджик ездили. Посылали людей. Хорошо было, когда совхоз» [24].

Старожилы называют колхоз (совхоз) и его процветание причиной бурного роста в период застоя станичной инфраструктуры, капитального строительства. Его называют основой появления благоустройства и «цивилизации» в станице. Пусть иногда и на достаточно скромном уровне. «Это ешо при колхозе делал оту вот дорогу. В Горячий Ключ вручную делали. При колхозе еще на быках, на конях. А уже при совхозе начали засыпать, присыпать. Асфальтировали! До Горячего-то! То при совхозе сделали. Начали асфальтировать хоть трошки» [25]. «Все это делал совхоз. За счет совхоза. И Дом культуры мы строили, возили и камень, и кирпич. А квартир скоко построено! Вот это все что есть квартиры. Пораздавали то дояркам, то свинаркам. Трактористам. Все это совхоз строил. После двухтысячного года ничего не построили. Ничего не построил ни «Рубин», ни васюринцы. Никто ниче нигде не строит» [26].

«В станице все, что построено, – строил колхоз. И больница, и Дом культуры, и администрация. И школы, и детские сады. Шестнадцать садиков было в станице. Все за счет колхоза. При перестройке сократили, все садики прихватизировали. И согнали всех в два. Один тут рядом. Другой – возле старого правления. Мест не хватает. Бедные родители с ними мучатся. Дороги по станице колхоз асфальтировал. Все вопросы тада колхоз решал. Шли отчисления специально на благоустройство. Зря это все хаяли. Не надо было старого ломать. Ошибки были. Так надо было их исправить. А все сломали, разграбили, растащили.

У колхоза были свои холодильники. А шас их москвичи забрали. Часть на зиму закладывали. Часть перерабатывали на консервы. А шас и сады выкорчевали. А раньше отправляли вагонами. На север фрукты и овощи отправляли. Колхозное и районное руководство все держало в определенных рамках. В подчинении государственная машина, квартира государственная. В подчинении все. А как только разрешили – начали коттеджи-мотеджи. Черемушки колхоз специально строил для врачей и учителей. Специалистам, молодым семьям квартиру давали. ...А тада все было на учете, все было распределено. Артисты выступать приезжали. И жили даже тут. Дом им дали трехэтажный. В то время ни у кого такого ансамбля не было. Богатейший был» [27].

«А в Мартанке детский сад был?» – «Был». – «Его совхоз строил?» – «При колхозе был. На углу был детсадик. Потом там был детсадик. При колхозе кулаков высылали на север. Или черте куда их. Дома отбирали и в колхоз. И вот делали садики с них. Не строили. Отобранные были дома. Один садик. Потом там за магазином другой. И при колхозе, и при совхозе. Этот тоже при колхозе не работал. А при совхозе работал. Три детсадика было. И полно детей было. А шас один-два. И больше нема. А тада было четыре-пять. А было и семь, восемь, девять, одиннадцать. Детей было. Вот на той улице у Руденко было одиннадцать. Там семь. На углу вот было восемь. По сколько детей имели раньше! А шас два-один. А жили бедно. И детей много было. Детей держали много. Тада боялись аборты делать. И не за что было его делать. Детей водили. Бедные. И в школу ходить было не в чем. Четыре – это самое мало. А то пять, шесть, семь, восемь. И все в садиках были. Всех колхоз кормил. Тот садик полный, и тот полный, и тот полный. Всех колхоз обеспечал. Утром встаешь – детей у садик. Потом на работу. Матери, которые кормили детей, грудных. Бегит с табака в обед, покормит детя. Потом опять бегит на работу. При колхозе три садика работало. А при совхозе один был садик. Там коло магазина. Один

работал садик». – «А хороший был садик?» – «Ну какой он хороший? Это щас качественные. А в колхозе не было. Кормили шо давали детям. Манка была детям, хлеб. Пекли там шо взрослым. А маленьким шо-то готовым давали. Три садика было при колхозе. А уже при совхозе один остался. И того уже года три не стало его, возять в Суздальскую. С Мартанки всех детей сюда. В общем, забросили у нас станицу» [28].

Символом состоятельности, высокой социальной дееспособности колхоза считалась собственная строительная бригада: «Была бригада строительная. Мы построили склад на горе. Сами построили. Сами бетонировали. Их было там двадцать пять человек. Три бойка работали все время. Подвозила машина гравий, высыпала им на бойки. Большие, жестяные были бойки. Мешали вручную. Ставят обапол. Становили восемьдесят метров длина. Метров сорок, наверное, ширина» [29]. «Большая (была строительная бригада – И. В), много людей было. Или три звена было, или четыре. Скоко домов построили! А потом их приватизировали. Кто в них и жил. Вот напротив меня на два хозяина. А сейчас нету никакой бригады» [30].

Значительную роль в повышении уровня жизни на селе сыграло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1966 года № 372 «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства». Это был важный этап в колхозном строительстве, укреплении экономики колхозов и улучшении жизни села. За счёт поднятия тарифных ставок и упорядочения норм выработки до уровня совхозных на Кубани только в 1966 году колхозники получили дополнительно около 30 млн рублей. Например, в колхозе им. Ленина Кореновского района в течение 1966 года за объём выполненных работ по ставкам совхозов было выплачено колхозникам 1610,2 тыс. рублей; кроме того, выплачено 925 тыс. рублей (за конечные результаты, за полученный урожай, за полученную продукцию и т. д.). Структура дополнительной оплаты была следующая: выплачено за выращивание и сдачу сахарной свёклы 22,3 тыс. рублей, за перевыполнение плана производства овощей и плодов – 77,7 тыс. рублей, за высокие показатели в животноводстве – 15,5 тыс. рублей, по аккордно-премиальной оплате – 126,5 тыс. рублей и распределено за счёт чистого дохода 580 тыс. рублей. В среднем на каждый рубль по основной оплате выплачено дополнительно по 57 копеек [31].

Особое внимание станичники уделяют возможностям заработка в советский период, как официальным, так и «неофициальным», преодолению трудностей дефицита: «Занимались, выращивали помидоры. Теплицы нам ломали, ездили коммунисты. Ко мне до двора подъехали. И тут парник. Штук триста помидор посадил. Мы ж помидорами обеспечивали и Туапсе, и Джубгу, и Апшеронку. Куда ни поедем, одни мартанцы с помидорами. Они тада и стоили дешево. Но все равно! У нас не давали заниматься. Кум лесником работал. Там земля ж. В совхозе. Самозахват тада сделали. Всем отрубывали, самозахват. Бахшу вырастил. В Армавир возил, в Горячий, в Туапсе. Я ж работал. За Майкопом там был цех блочный. Довозили мы туда ящики помидоров. В четыре часа встаю и пошел. В Апшеронку завезу и скину. С помидорами ты торгуешь, а я пошел на Майкоп. Загрузился этими блоками, заезжаю. Она продала, забираю ее. Потом купил мотоцикл КА-750. И вот на этом мотоцикле с помидорами по побережью. Если б такая возможность, как щас, и наши ноги, наша работа. Мы б, конечно, были миллионерами. Но этого ничего нельзя было сделать. После я уже работал завтоком. Сын в Сибири жил. Квартира была в Сибири. Говорит: «Давай будем строиться?» План в Суздальской взяли. Так я где токо кирпич не доставал. В Гулькевичах, в Армавире. В Тимашевске. Делали в

Новокубанске. Там кирпич выпускали итальянский. Не чисто итальянский. Но под вид. Поехали с ним тоже. Машина у меня была. Поехали туда и привезли сюда. «У нас два кабана. Вот там и там». По две тысячи кирпича в лесок. «На што мне ваши кабаны!» – так он нам и не продал! Нашли частника потом. Вроде есть пару тысяч. Приехал, зарезали. Пошел туда, кирпич схватили. Трудно было, тяжело было. Но, самое главное, надо было. А щас дал деньги – пожалуйста! Машины стоят загруженные. С кирпичом, с песком – все!

За два года две машины заработал. На уборке. Первое место по Горячему Ключу. Тада ж давали талон, и модно было купить. Так мы первую за пять тысяч. А ноль третью уже брал – она семь с половиной стоила. Это я заработал на уборке. А какой был ажиотаж! Тут у нас с Апшеронска присылали, шофера были. Хотели задавить. Их человек шесть было. Отряд у совхоза был один. А комбайнеры-то мои. Все! Первое место занял – все. До комбайнов вечером добираться. Комбайны стоят. Я щас пришел, поужинал, поспал. В четыре часа встаю. Машину нагрузил зерна – и на Краснодар. К восьми, к девяти я уже к комбайну. Комбайнеры, комбайны все. Я лег и поспал. И так же и всю уборку. Хотелось заработать. Во время уборки запомнилось. Аж все позавидовали. Я заработал семьсот рублей. С премиальными, все. В то время это были деньги. Семьсот рублей за один месяц сразу получил. Можно представить, шо это! Но надо было, надо стараться, чтоб на машину насобирать. Помидоры, бахшу – все» [32].

«Я начал помидорами заниматься. Дети взрослые уже были. Уже перед армией помидорами занимался, возил, торговал. Пока ему жениться, я на помидорах на хатенку маленькую наторговал. Купил в Майкопе. Я корову держал, я егерем работал. Коняка у меня. Государственная. Корову держал. Быка держал, телка держал. Все возил фураж, кабана два держал. Одного к Новому году, другого к Маю резал. Шоб на весь год хватило. А щас дети поуходили, бабка умерла. А сам остался. Вот сажаем, они приезжают. На выходные сажаю. И они стали хорошо жить в Майкопе. И тут хорошо стали жить! Но демократия началась, и все! А как «Рубин» стал совхоз. О! Деньги пошли зарабатывать. У меня был оклад сто пятьдесят рублей. Так на пятьдесят рублей жил. Сапоги куплю себе. Кирзовые. Кухфайку куплю. Сахару мешок куплю. Я на сто пятьдесят рублей почти на год обеспечен был. На сто пятьдесят рублей. Сапоги двенадцать рублей стоили, кухфайка – девять. И тринадцать. Сахара мешок был тоже восемнадцать. Хлеб был белый двадцать копеек. Я на сто пятьдесят рублей купил себе одежду, еду. На все хватало. Потом на хозяйство пишло все. Бабка работала на табаку. Тоже получала. Шестьдесят, семьдесят рублей, пятьдесят. Тада деньги были. Тада шифонер стоил девяносто рублей. А щас попробуй купи его. Тада зажили хорошо. Хоть оклады были маленькие при совхозе. Пока «Рубин» был – все поля пахались! Запахано было, зерна был полный ток. Щас носят по-над дворами четыреста рублей ведро. Четыре тысячи или пять тысяч тонна. Пять тысяч тонна. А когда «Рубин» был, сколько хочешь бери. Хоть двести килограмм. Хоть пшеницу, хоть кукурузу. И жили! Тогда завели столько птицы каждый! Скота. Я ж говорю, казак, он завел. Тада было можно держать. А щас не» [33].

«Богатый колхоз. Урожай мы хорошие брали. Хорошие косили урожай. Давали нам пшеницы по назначению. Скока заработаешь. И деньги платили». – «Платили с выработки?» – «Да, кто скока заработает. Бункер пшеницы был. А в бункер влазит десять центнеров. Нет, четыре тонны. За каждую тонну нам платили по четыре рубля. Скоко намолотишь за день. Скока заработаешь за день. Намолочу. По триста центнеров было,

по четыреста. Хорошо мы зарабатывали. Потом на свекольный комбайн сажуся и свеклу копаю. Три килограмма пшеницы нам давали. Гарантийно за выкопанный гектар. И деньги, и сахар начисляли. По десять килограмм, по пятнадцать. Колхоз выдавал. Зерно и сахар. В основном зерно давали. Я сахара получал хорошо. По три центнера получал. И до конца, пока до пенсии не дошел» [34].

Таким образом, пресловутая «колхозная уравниловка» во многом – миф. Трудолюбивые и активные колхозники имели возможность зарабатывать больше остальных. Несмотря на трудности, связанные с дефицитом и официальными преследованиями, существовала реальная возможность для занятия частным предпринимательством.

Особое место в рассказах о колхозе эпохи застоя занимает повествование полуполюгендарного успешного председателя. «Колхоз був в России на первом счету. Председатель был Трохфим Кириллович Третьяков у нас. Он був депутат Верховного Совета. Из семи колхозов он сделал один и сделал миллионер. У нас было очень хорошо! Все было, чем сельское хозяйство занимается. Куры, гусы, индюки. Птицефабрику мы построили. Трохфим Кириллович и построил. Девять ферм было в колхозе. Щас одна осталась. [...] Он сам раздольский. Обыкновенный крестьянин. Очень, очень умный. Как он был в Раздольной, так он в кузне был молотобойцем. А потом пишил, пишил, пишил. Выдвинули. В пятьдесят первом пришел. Потом заболел, не смог уже. [...] Он построил. Дом культуры. Дороги. Амбар. А то амбар был с тридцать седьмого года. То был колхоза Кирова, а то колхоза «Красный пограничник». Я лично туды и землю возил, щоб робить. Все ж на бычках был». – «А после председателя уже не такие были?» – «Та!» – «Временщичики?» – «Да!» Вот взять адыгеец был Багов. Хамид Юнусович. В Адыгею большинство тянул все. Покуда выгнали. А после него як наладишь, если оно разлажено? Очень тяжело было налаживать, очень! То одын председатель, то другий председатель. Такого, как Третьяков, нэ найдете. Шо Сталин в России бул. Сталин удэрживал и завоевал. И тут Третьяков все сделал хорошо. [...] Некоторые его нэ уважали. Но цэ ты сам должен понимать. Шов сим нэ угодышь. Но большинство уважали. Он стал зарплату платит. Там же ж трудодни. Все сразу сомнивались. А он: «Ничего, уйдет! То ждете год денежку, а то каждый месяц. Скики заработал, стики и получи». А то ж было как. Нужно платит налог. А где денег брать? Колхоз – миллионер. Колхоз рассчитываться будэ в январь мисяце. А як стали деньги – каждый мисяц хоть кака-то копейка есть. Там чулки, там штаны. Пидходэ конец года. И там ще шо то капае. Такого, как Третьяков, нам вообще не найти» [35].

«У нас очень хороший председатель был, Третьяков. Его именем улица названа. Трофим Кириллович. Очень хороший хозяин. Местный. И ничего себе и другим не давал. Привезут три арбуза на ворота, спрашивае, где взял. «В бригаде». – «Отвези, пожалуйста, в бригаду. В кладовую сдай». И колхоз бул миллионер. [...] Всем занимались. И кукуруза, и сорго. По 8 тысяч свиней было на ферме. Все было в колхозе. Долго был председателем. Лет 15, а може и двадцать. Люди его уважали. Вышел на пенсию, и на пенсии еще робил. Потом просился, шо уже старенький. Прислали нам адыгейца, и он сразу колхоз пустым (сделал – И. В.). Перестройка когда. Поставил в станице светильники «кобра», за что его потом и выгнали. За каждую кобру пятьсот рублей платил. Оказалось, кобры почти даром получил, а с колхозной кассы деньги снял. Его сняли с колхоза. Пожил годив пять и умер. А не наживался, жил бы до сих пор. А то все гриб, гриб» [36].

«Разные были бригады. А колхоз один был. Большой. Раньше были маленькие колхозы, а потом соединили. В пятьдесят третьем году. Приехал к нам председатель однорукий. После него еще один. А потом поступил у нас Сливин. Отличный был председатель. Колхоз был миллионер. Он вообще был молодец! [...] Начиная с пятьдесят восьмого. И до конца. Покуда развалили колхоз. Долго был. До девяностых годов. Ферму построил! Свиноферма выстроил – восемь корпусов. Все кирпичные. Дорожки поделал! А щас позарастали. Асфальтировал. И с людьми всегда был. В бригаду приедешь с разговорами всегда. Был чуткий до людей. А после этого пошло. То один, то другой. А то совсем развалился». – «А в каком году развал начался?» – С девяносто третьего, наверное. Или с пятого. Он пошел на пенсию, бросил. И начали то один, то другой, то третий. Я даже их и не помню никого. А тут уже пошли мы на пенсию» [37].

«Остапенко Василий Андреич, лет двадцать работал. Был, пока колхоз расформировали. Лет двадцать бессменный. Три садика, ДК – это при ем все. Щас второй садик вообще развалили. Асфальтировали, но немного. Прямо вручную. Площадки делали в бригадах под зерно, под технику. А щас завод асфальтобетонный». – «Остапенко людям помогал?» – «Да. Надо шиферу, надо того. Не отказывал. [...] Долгов не было, как щас. Ячмень убирали – наши машины не отвозили. Приходят с прицепом и прямо с под комбайна. Везут, чи за долг» [38].

«У нас Убийко долго был. Хорошо работал. При нем все это было строительство. Иван Евдокимович. Он сейчас на пенсии, живет в Кореновске. За ним Николай Михайлович был. А фамилию забыл. Тоже был хороший, а забрали, в другое место поставили. Перед перестройкой. А потом как посыпались! То один, то другой! И наши были, и наемные, и приемные. Только не председателя. Эта новая власть. [...] Мельница – это Убийко. ДК – это Убийко. Школа – это Убийко. Химсклад – это Убийко. Мехтоп – это Убийко. Маслобойка – Убийко. Почти все. Были ж миллионерами. А Николай Михайлович достраивал эту школу» [39].

Хотя есть примеры, когда председателя оценивают весьма негативно, а достижения колхозного периода приписывают «системе», а не кому-то лично. «А колхоз помогал строить работникам?» – «Да так, немножко. Вот я строился. Это при колхозе. Председатель один был, Куренков». – «Хороший был председатель?» – «Не особо. Какой-то ненавистный был. Заместители у него, агрономы были» [40].

Но в целом фигура «легендарного» председателя стала символом успехов колхозного строя на Кубани. Он осмысляется информантами как воплощение изобилия, созидательного труда, успехов и достижений, надёжности и стабильности, всего того, с чем связано у старожилів восприятие эпохи.

В целом бывшие кубанские колхозники оценивают колхозную жизнь 1960-х – 1980-х годов как золотой век, лучшую пору своей жизни, отличную как от голодного и опасного детства середины XX столетия, так и от постсоветской реальности. Застойный колхоз обеспечивал и достаточное материальное благополучие, и социальный статус, связанные с ним материальные и символические поощрения. Усердный труд поощрялся материально и был престижным. На колхоз можно было положиться в трудной ситуации или получить помощь в реализации масштабного личного проекта. Сохранялись некоторые элементы традиционной культуры, улучшавшие взаимоотношения между колхозниками и делавшие их досуг более интересным.

Примечание

1. Шанин Т. Рефлективное крестьяноведение. М., 2002; Раков А. А. Кто такой «кулак»? (Опыт регионального исследования по материалам архивов Южного Урала) // Российская история. 2009. № 5. С. 94–100.
2. Бердинских В. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011.
3. Вдали от городов / Сб. науч. статей. М., 2009.
4. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3708. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Логвин М. Г., 1929 г. р. Иссл.: А. И. Зудин.
5. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4183. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Шестуха Л.Г., 1942 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
6. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1072. Ст. Удобная Отраденского р-на. Инф.: С.Гряды С.В., 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
7. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4167. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Гассан Е. А., 1923 г. р., Иссл.: Воронин В. В.
8. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3695. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Лю- тая З. Д. 1938 г.р. Иссл.: Бондарь Н. И.
9. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4237. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
10. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4182. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Проценко Н. Г., 1936 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
11. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4217. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Сидоренко И. А., 1942 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
12. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4201. Ст. Сергиевская Кореновского р-на. Инф.: Фурса А. М, 1937 г. р. Вып.: И. Ю. Васильев.
13. ПМ КФЭЭ-2010. АК № 4182. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Проценко Н. Г., 1936 г. р., Иссл.: И. Ю. Васильев.
14. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4236. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Мошнагорский В. А., 1940 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
15. ПМ КФЭЭ-2009. АК 4109. Ст. Чамлыкская Лабинского р-на. Ленцов В. И., 1926 г. р., Иссл.: Васильев И. Ю.
16. ПМ КФЭЭ-2009. АК 4109. Ст. Чамлыкская Лабинского р-на. Писаренко Р. И., 1940 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
17. ПМ КФЭЭ-2010-1, АК 4168. Ст. Владимирская Лабинского р-на. Гречко И. С., 1927 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
18. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3695. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Лютый В. Н., 1938 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
19. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4177. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Фоменко А. П., 1930 г. р. Иссл.: Зудин А. И.
20. ПМ КФЭЭ-2009. АК 4109. Ст. Чамлыкская Лабинского р-на. Ленцов В. И., 1926 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
21. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4217. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Сидоренко И. А., 1942 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
22. ПМ КФЭЭ-2009. АК 4109. Ст. Чамлыкская Лабинского р-на. Ленцов В. И., 1926 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
23. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4168. Ст. Владимирская Лабинского р-на. Гречко И. С., 1927 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

24. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4237. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
25. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4236. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Мошнагорский В. А., 1940 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
26. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4237. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
27. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4217. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Сидоренко И. А., 1942 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
28. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4237. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
29. ПМ КФЭЭ-2009. АК 4109. Ст. Чамлыкская Лабинского р-на. Ленцов В. И., 1926 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
30. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4201. Ст. Сергиевская Кореновского р-на. Инф.: Фурса А. М., 1937 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
31. Черников С. Н. Изменения в материальном обеспечении на селе в Краснодарском крае в 1965–1980 гг. // Портал журнала «История: факты и символы». URL.: <http://historic-journal.ru/2017/materialnoe-obespechenie-na-sele-v-krasnodarskom-krae-v-1965-1980/> (дата обращения – 14.03.2018).
32. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4237. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
33. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4236. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Мошнагорский В. А., 1940 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
34. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4168. Ст. Владимирская Лабинского р-на. Гречко И. С., 1927 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
35. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4209. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Гришко С. П., 1927 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
36. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4208. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Бенедюк С. С., 1920 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев.
37. ПМ КФЭЭ-2009. АК 4109. Ст. Чамлыкская Лабинского р-на. Инф.: Ленцова Н. Ф., 1940 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
38. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4182. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Проценко Н. Г., 1936 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
39. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4201. Ст. Сергиевская Кореновского р-на. Инф.: Фурса А. М., 1937 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
40. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4168. Ст. Владимирская Лабинского р-на. Гречко И. С., 1927 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

6. Культура последней трети XX века.

Соотношение и взаимодействие традиционной культуры и «новых веяний»

Во второй половине столетия традиционный фольклор постепенно уходит из повседневного бытования. Например, происходит исчезновение обрядового фольклора. В последней четверти XX века из повседневного репертуара выпадет и частушка [1].

С массовым введением в 60-х–70-х годах в обиход телевизоров, транзисторов и магнитофонов сфера бытования фольклора резко сужается, активное, личное воспроизведение какого-либо текста (пение, рассказ) заменяется пассивным (например, просмотром телепрограммы) [2]. Радио и телевидение все больше формируют вкусы

станичников: «А какие песни пели, расскажите пожалуйста!» – «Ну, такие: «Милый друг, наконец-то мы вместе ...», «Ты плыви, наша лодка, плыви [...] ...». [...] – «А казачьи старинные пели песни?» – «Пели, конечно, все пели: «Казачи! Казачи! ...». В третьей четверти XX века в качестве наиболее популярного музыкального инструмента на смену гармонии приходит баян. «...Гармошка была двухрядка или однорядка. Гармошка была. Баяны– это ж када начались... В послевоенные годы уже». Однако сохранялись и элементы традиционного фольклора, например, танцевального. «–А в присядку плясали?» – «Плясали». – «А гопак плясали?» – «Плясали. Хороший гопак!» [3].

Фольклор перемещается под контроль государственных структур. При домах культуры стали создавать фольклорные коллективы, которые выступали под патронажем подразделений минкульты. В основном фольклорные коллективы создавались в конце 70-х – начале 80-х годов. В позднесоветский период фактически сформировались формы организации «народной культуры в современных условиях», характерные и для начала XXI века. Так возникли новые площадки, где самые разные люди могли знакомиться с народным творчеством. Например, 27 октября 1984 года в Доме культуры колхоза «Россия» прошла встреча иностранных студентов со старожилами станицы Некрасовской, организованная преподавателями Кубанского государственного университета Н. И. Бондарем и Ю. Г. Смертиным. Иностранные студенты и местные жители исполняли со сцены песни из фольклорного репертуара своего народа [4].

Некоторые коллективы смогли стабильно работать многие годы. В 1988 году в станице Сопокной Отрадненского района был создан фольклорный коллектив «Спокоянка» под руководством заслуженного работника культуры РФ В. Д. Русановой [5]. И в начале XXI века в станице Воронежской Усть-Лабинского района по-прежнему действовал народный фольклорный аутентичный хор «Кубанцы-Воронцы» [6].

Фольклорные коллективы участвовали в разнообразных мероприятиях, были востребованы. Так, на март 1980 года в Темрюкском районе намечался смотр фольклорно-этнографических коллективов Темрюкского района. Коллективы района выступали и на регулярно проводившихся фестивалях «Кубанская музыкальная весна» и «Таманская музыкальная весна».

22 июня 1980 года в Темрюке состоялся районный фольклорный праздник кубанской старины. Были оборудованы павильоны-«курени», в них в том числе выставлялись экспонаты из коллекций местного историко-археологического музея. Устраивались коллективные игры, работали аттракционы. Выступали фольклорные коллективы темрюкского Дворца культуры, коллективы аналогичных учреждений станицы Старотитаровской, пос. Южного и Приморского. Прозвучали исторические, походные казачьи и солдатские песни, разыгрывались фрагменты календарных праздников и семейных обрядов [7].

Но большую часть деятельности домов культуры занимала отнюдь не фольклорная составляющая, а трансляция профессиональной популярной культуры и нефольклорная самодеятельность. Например, поэтические и драматически импровизации. Стихи посвящали успешным трудовым коллективам и отдельным ударникам. Ставились драматические произведения. Например, в 1967 году на поляне в парке станицы Удобной руководство местного Дома культуры поставило оперетту «Свадьба в Малиновке» [8].

Имела место и атеистическая работа в сфере культуры. Например, в начале 1980-х годов в Темрюкском районе действовал клуб «Атеист», проводилась выставка «Воинствующие безбожники», посвящённая творчеству советских, российских и зарубежных

художников-атеистов. Специально разрабатывался план по атеистическому воспитанию. В конце 1960-х годов перед пропагандистами в Отраденском районе стояла проблема лечения населения «у знахарей», а также проведения богослужений и освящения воды [9].

Продолжали активно действовать советские молодёжные организации. «К 1 мая наша дружина насчитывает 130 пионеров. Из них 14 почетных пионеров. В дружине 5 отрядов... Собрали ... металлолома. Обкопали и посадили в парке и школьном саду... деревьев. Имеем пришкольный огород. Помогаем Дому пионеров на его земельном участке. Дано 7 концертов для трудящихся станицы...», – сообщали в письме земляку отраденские пионеры [10].

В целом на базе сохранявшихся традиционных ценностей в сочетании с новыми организационными и производственно-техническими технологиями была достигнута победа в Великой Отечественной войне.

Это же сочетание породило индустриальный рывок, рост культуры и социальной сферы, существенное повышение уровня образования, характерные для третьей четверти XX века.

Однако коллективы выживания лишались основного смысла своего существования – теперь средства для жизни станичника поступали от государства, что окончательно разрушило территориальные сети коллективов выживания и постепенно делало неактуальными уже отдельные коллективы выживания (семьи) и резко ослабило воспроизводство традиционных ценностей. Значительная часть функций жизнеобеспечения как социума, так и отдельного человека перешла к государственным структурам.

Особой спецификой индустриальных технологий и устройств XX века, инфраструктуры того периода стала значительно большая значимость вертикальных социальных связей, централизованная координация деятельности людей, зачастую очень мало связанных друг с другом, не вступающих в непосредственный контакт, когда весьма значительный результат достигался путём опосредованной координации усилий людей и некоего единого центра (центров). Такие условия жизни способствуют ослаблению горизонтальных социальных связей и самоорганизации. Когда как в отсутствие, например, эффективно работающей инфраструктуры люди должны взаимодействовать гораздо более тесно [11].

Ведь в 1960–1980-х годах основополагающую роль в производстве, в быту, в сфере досуга станичников стали играть сложная техника и другие продукты промышленного производства, производимые зачастую за пределами региона. По сходному принципу распространялись произведения отечественного и зарубежного кинематографа, эстрадная музыка.

Примечания

1. Померанцева Э. В. Фольклорный репертуар одного села за сто лет // Русский фольклор. Л. 1976. Вып. 16. С. 247–248.

2. Неклюдов С. Ю. Фольклор и современность: итоги XX в. // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник материалов. М., 2010. С. 39.

3. ПМ КФЭЭ-2088. АК 4057. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р- на. Инф.: Сопелкина М. П., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И. Ю.; ПМ КФЭЭ-2008. АК 4027. Ст.

Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Беднов В. А., 1936 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.; ПМ КФЭЭ-2008. АК 4027. ст. Тенгинская. Инф.: Руденко А. Т., 1924 г.р. Иссл: Васильев И. Ю.

4. Архив Научно–исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУ КК «Кубанский казачий хор» (рукописный фонд). Оп. 12. Д. 1 – 56.; Долматова Л. Фольклор укрепляет дружбу // Комсомолец Кубани. 1984. № 226. 27 ноября. С. 4.

5. Сельские поселения Отраденского района // Информационный портал муниципального образования «Отраденский район». URL.: http://www.otradnaya.ru/?area=sel_pos (дата обращения – 11.01.2018).

6. Целый день в парке не смолкали народные песни. В Усть- Лабинске прошел казачий фестиваль // Сайт городского дома культуры г. Усть-Лабинска. URL.:http://gdk-ustlab.ru/sobytiya/get_content/2015-09-19-celyu-den-v-parke-ne-smolkali-narodnye-pesni-v-ust--labinske-proshel-kazachiy-festival (дата обращения – 02.11.2016).

7. ГАКК. Ф. Р – 16 26. Оп. 3. Д. 404. Л. 4 а, 5 об., 40.

8. Маякам посвящается; Буденновцы // Сельская новь. 1964. №133. 7 ноября. С. 3; Наше интервью // Сельская жизнь. 1968. №1. С. 4.

9. ГАКК. Ф. Р – 16 26. Оп. 3. Д. 404. Л. 4а, 5 об. 8 об, 33, 40; Белецкий В. Предрассудки – враги человека // Сельская жизнь. № 68. С. 4.

10. Смирнов С. П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отраденцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная, 2018. С. 100.

11. Карасева А. Разомкнутая модерность: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 134–136.

Вместо созидания – усвоение

1. Кубань: изменения в укладе жизни последней четверти XX века

С середины – конца 1970-х годов становятся заметными негативные тенденции в развитии хозяйства и инфраструктуры. Рост производства сельхозпродукции и в 1970 году чаще достигался путем распашки новых площадей, а не внедрения научных методов. Медленно шла интенсификация сельского хозяйства, всё больше расходов требовал ремонт техники.

Одновременно на селе быстро росло количество разного рода руководящих работников. Во второй половине 1970-х годов на Кубани стала развиваться политика «ликвидации неперспективных деревень», одновременно стал постепенно снижаться рост сельскохозяйственного производства.

Инфраструктура в отдалённых малых населённых пунктах переставала работать должным образом из-за наплевательского отношения к ее поддержанию. На хуторе Коваленко Братского сельсовета Усть-Лабинского района не было света в течение дня по причине отключения трансформатора, который не могли изолировать от хулиганящих подростков. В западной части Усть- Лабинска наблюдались летние перебои в водоснабжения из-за полива и недоделанной, неразветвлённой системы водоснабжения. А в окрестностях Горячего Ключа в тот же период начались исчезновение и упадок многих населённых пунктов, преимущественно хуторов. В 1975–1976 годах исчезла с карт станица Абхазская [1].

Стагнация развития, падение численности населения в 1970-х годах охватывали уже целые территории. Так, с 1970 по 1979 год численность населения Отрадненского района упала 79 017 до 67 547 человек [2]. В 1974 году в Отрадненском районе имело место невыполнение планов по сдаче государству продуктов животноводства, наиболее значимой для района отрасли сельского хозяйства. Эта проблема к концу 1980-х годов только обострилась. Так, в колхозе «Россия» к концу 1980-х годов план по сдаче молока был выполнен только на 51 % [3].

Примат интересов власти над интересами населения иногда выражался и в превращении колхозов в совхозы. «Хорошее хозяйство было, хорошее! И виноградарство, и животноводство, и овцы, и коровы. Колхоз богатый был! А потом из колхоза сделала партия совхоз. Потому что в колхозе уже стали люди жить зажиточно, машины стали покупать. И партия прикинула, что люди стали жить сильно жирно, решила сделать совхоз... Где-то восьмидесятые. Где-то вначале, до Горбачева. Сделали из колхоза совхоз...» [4].

Помпезность и лицемерие вокруг руководящих работников вызывали всё больше раздражения: «В Краснодаре был Медунов, он в Москву ехал, выполнял, заместо рысу давал кукурузу, ячмень, пшеницу, а там пыше шо я рысу сикэ сдал [...]. От вин и творыв усэ чудеса, и його возвышались. Я работал, 34 года отработал механизатором, и на фронте механизатором. Тут встреча, Медунов должен приехать, за станицей от Титаровки делали дорогу, разни транспоранты вешалы. [...] Что это такое? Я хозяин, я еду, к чему это все делать?» [5].

При этом постсоветский период в станицах подчас оценивается информантами уже как всеобщий упадок и развал. В целом ситуацию, сложившуюся с начала 1990-х годов, бывшие колхозники оценивают как крушение нормального мира и воцарение хаоса, который не преодолён и по сей день.

Это неудивительно, поскольку начало 1990-х годов ознаменовано для сельхозпредприятий серьёзными макроэкономическими трудностями, связанными с прекращением стабильных государственных закупок продукции, распадом хозяйственных связей, ростом цен на промышленные товары и пр. Развал колхоза обычно начинался с акционирования, после которого члены правления акционерного общества распорядились его ресурсами в своих собственных интересах. Часть рядовых сотрудников также участвовала в разграблении, хотя и в меньших масштабах. Такое положение к началу 2000-х годов иногда сменялось жёстким единоначалием и слиянием нескольких хозяйств в один холдинг. Иногда хозяйство распадалось на несколько мелких [6].

Об этих изменениях станичники не раз рассказывали участникам КФФЭ. «На хуторе сейчас нема никакого своего хозяйства?» – «Нема. Хферма пу-стэ. Нема ж ниче. СТФ (свиноферма – И.В.) были в Малеванном, и МТФ (молочнотоварная ферма – И. В.). И гусэй держалы, и индюкив дэржали. Птицефермы были, утятники были. По три тыщи утей было и индюки. Нема нигде ниче. Техники было полно, як я робыл. Девять комбайнов. Два новых было. Две тыщи пятсот сил, як на пенсию уходыл» [7].

«Все было свое тогда. А потом стали все потихоньку ломать. Ломать, ломать, ломать. И сломали. У нас во второй бригаде было три звена только лишь бабских. И всем хватало работы. Четыре бригады было. 4 МТФ. 2 СТФ. ПТФ было (птицеферма – И.В.). А сейчас ничего. Ни даже фермы животноводческой. Ни одной фермы. Что-то держали, когда у нас было возрождение фермеров. Решили, что одну ферму оставим, закупим туда

породистый скот. И так и не привезли. Говорят, пропали уже. Говорят, какой-то комбинат будут делать, чтобы птицу, яйцо выращивать. Но вряд ли они на нем выиграют. На молоке б больше выиграли. Было СТФ одно. Потом не стало рентабельно... У нас меняются главы-то: то один, то другой, то третий. Толку никто не даст. То было «Возрождение», то какой-то «Юг» сделали» [8]. «Рубин этот обанкротился. Этих белых коров завезли, пасуть. Не сеют. Поля позарастали все. Такие стоять доверху – не достанешь, кустарником позарастали. Все заросло. Не пахано скоко лет! Коров пасут, тоже ж не пашут. Кустарники уже повырастали. При демократии щас пьянка, хулиганство» [9].

Иногда информанты возлагают вину за постсоветский развал станичной жизни на некоторых рядовых станичников. На их вороватость, безответственность, инфантилизм, отсутствие инициативы. «И люди в развале виноваты. Такие садики были построены, люди растаскали: и окна повытаскивали, и двери повытаскивали, полы / потолки посрыва- ли. Все люди... Хоздвор был..., и фермы. Детская площадка была (карусели, качели...), разобрали, все растащили. Та ны Мамай, а хужэ – сами люди. Мэнэ удивля, шо сами жытили» [10]. «Последнее время это был Соломатов Вадим Александрович. Он последний. Он самый молодой был – и все. Он молодой был. Мы так дружно работали! Могли б и дальше жить. И работать. Если б токо – его не придавили. Самое интересное, я после уже передачи слушал по телевизору. Когда Ткачев пришел к власти. И он был в Павловском районе. В каком-то колхозе, передавали. Все разваливалось. А он уговаривал людей: «Садитесь на трактора. Идите, пашите землю». Она ж кормила всю жизнь нас и всех остальных. И потом председатель бывший выступил. Мол, у колхоза долгов набралось шестьдесят миллионов. «Вы идите работайте! А за долги мы потом посмотрим». А у нас долгу всего было пять миллионов восемьсот тысяч. Долг тоже был. И вот за этот долг мы банкроты стали! Паи обдурили нас. За них «Рубин» заплатил по пять тысяч. По четыре гектара было. И все побегли старики, все пенсионеры. Кинулись! Все, можете и так, можете и сяк! Не знаю, за Кубанью я ездил. У меня там двоюродные сестры. Там все за свои паи получают. Они отдали кто там хозяинам в аренду. И они получают! Зерно, масло, сахар! Все им дают за ихни паи. А у нас нигде ничего! А нам сунули!» – «Пять тысяч за четыре гектара земли?» – «Да. Пять тысяч. Все написали заявление и все». – «А почему никто не возмутился?» – «Никто. Некому было поддержать. Подтолкнуть. Я с директором Вадимом Александровичем в хороших отношениях. Он уже сидит, последнее заседание. А он член правления. «Вадим Александрович, что делать! Что делать?» – «Что делать! Пенсионеры все сгорели! За пять тысяч!» Ну те ждали, ждали. Думали, хоть мы удержим. Руководство все. Все равно пришлось. А куда деться! А теперь горячеключевской колхоз. Они крутили свои, крутили. А теперь на аукцион! Продають! Выкупают у них землю. Они заработали, они за свой труд. А мы – ничего! Это по пять тысяч. За четыре гектара! – «А в девяностые годы еще совхоз работал? – «Да, да. Мы еще держались. У нас было много скота. У нас было дойного стада тысячу голов! А вообще крупного рогатого до трех тысяч было. Когда у нас «Рубин» скуплял, за бесценок у нас. Всю эту скотину. А потом как начали продавать! Начали они резать. А потом наши пожаловались. Хтось написал. Ткачеву в Краснодар. Приехали, как дали им! И коровник хоть один остался. Есть дойное стадо. Вот это, это. А то свои коровы. Двести ли, триста голов их. Дойного щас стада есть и все. Доярки написали. Куда им? Одна единственная ферма – и то хотели вырезать». – «С

вами в двухтысячном году устроили преднамеренное банкротство?» – «Да. Так получилось» [11].

Начало 1990-х годов ознаменовалось развалом и непрофессионализмом управленцев, резким снижением производительности труда. «Ставят сейчас человека такого, в колхозе председателем был – развалил его к чертовой матери. [...] Не хозяин, пришелец...» [12]. Если брать статистические показатели, то, например, с 1988 по 2000 год поголовье овец в Отрадненском районе сократилось с 320 тыс. голов до 23 650 [13].

Приусадебные хозяйства как-то могли компенсировать жителям перебои с зарплатой, однако не могли её полностью заменить [14]. «Миллионер был колхоз и совхоз. ...За три года ничего не осталось! Всэ накрылось, и фермы накрылись!.. У нас в станице был хороший роддом! Лежали уже в нем! А щас нема больницы, а станица больша, семь километров. В Темрюк, а в Темрюку своих людэй хватает! Если довезут! Скорой колысь менэ повезли... Одно мучение!» [15]. «В Азовском развалили (совхоз – И. В.). ... Так на фермах даже окна повытаскивали, стоят строения одни, шифер посымали. Кому надо – лезет, сымает. И никто ни за что не отвечает. Там же глава Ермоленко. Хоть что-то надо было делать! Никому ничего не надо!» [16].

Уже в начале 2000-х многие хозяйства страдали от значительных долгов и налогового прессинга, высоких цен на энергоносители [17].

В. А. Мошнагоский, совхозный управленец на пенсии, очень подробно рассказал о современной ситуации в станице, которая характеризуется крайне ограниченным уровнем местного сельскохозяйственного (и любого другого) производства. И, как следствие, массовым отходничеством. «А теперь вообще здесь не выращивают зерна?» – «Да выращивают. Фуражное. На фураж. По полям смотрел, есть там. Пшеничка и эта. Ну, все такое для скота. Щас только одно животноводство. Больше ничего нет. Коровы белые». – «А кто вообще этих белых коров разводит?» – «Это ва- сюринский мясокомбинат. Хозяин один, выкупили». – «А откуда они этих коров взяли?» – «Не знаю». – «А что это за коровы такие странные?» – «Они мясные. Они не доятся. Телята по восемь месяцев с коровами. Мясо, говорят, вкусное. А мы не пробовали. Бугаи до тонны, до тонны с лишним. Шестьсот, семьсот килограмм. Здоровые. Базы кругом позагородили. Они до осени пасутся. Потом будут забирать, ставить в стойла». – «А табаком сейчас совсем не занимаются?» – «Никто, нигде. Как в двухтысячном году его ликвидировали, тада ж совхоз. Это ж когда выкупили «Рубин» москвичи. Он-то москвич. А эти черти откуда набрались. Миллионы денег набрали в кредит. Профукали за три года. И тада продали это хозяйство уже другим, васюринцам. А сами смылися. С них не одного начальника нет. У нас скупили за бесценок все. Я когда уходил, у меня на току было тонн ше- стьдесят металлолома. Тока я ушел, они на другой год все сдали! Все до болтика увезли!

Также тракторны бригады. Три тракторны бригады были. В Суздальской, Мартанской и на хуторе. [...] Одна тут в Суздальской есть. В основном трактора приходят оттудова, с Васюринской. Новые трактора, старье все распродали.

Недавно начали сеять. Два-три года. А то все заросшее стояло. Смотрю, сердце кровью обливается! Тут же кукуруза у нас была, тут подсолнечник! А «Рубин» тогда забросил все. Васюринцы в позапрошлом году выкупили. А тада стали уже сеять. Кукуруза унас есть, пшеница есть с горохом. А рабочим старым не продают, не дают ниче. Тогда обещали и пенсионерам – и все. Тогда ж в совхозе у нас это все было. Четыреста человек рабочих было, и шестьсот человек было пенсионеров. Мы их обеспечали всем. И

огороды давали, и кукурузу сеять давали. И землю под бакши давали. Все давали. А щас никто ничего не дает!» – «А сейчас станичники где работают в Мартанке?» – «Ездят все, кто куда. [...] В Горячий в основном едут. Кто где работают». – «А промышленности никакой? С лесом, пилить, строгать?» – «Тут в Суздальской один частник был. Пилят лес. У него там работают ребята. Дрова заготовливают и вот это. Пенсионерам, всем. Обеспечают. Щас де уже сам не пойдешь же резать. Лес. Это можно билет взять на валежник. А сырой нельзя. А ему делянку дают. Он тада режет и по-над дворами. Машину привезли за шесть тысяч» [18].

Со страниц газеты «Сельская новь» (Усть-Лабинский район) исчезают новости из станиц, сообщения о работе сельскохозяйственных и промышленных производств. Разрастается криминальная хроника, материалы идеологического, политического, религиозного и рекламного характера. Одновременно, наряду с алкоголизацией населения, росло число увеселительных и праздничных мероприятий. Наблюдался рост преступности. Так, перед новым 1993 годом в г. Усть-Лабинске совершались кражи и ограбления ресторанов, кафе, магазинов. В обществе растёт тревожность, например, страх перед криминалом, болезнями [19]. Поэтому в начале XXI века всё большее распространение в сельской местности получают системы видеонаблюдения [20].

В условиях распада горизонтальных социальных связей и самоорганизации вырождаются и деградируют наиболее фундаментальные обычаи и традиции. «А сейчас там обедают (на кладбище – И. В.), один так родителей поми- нет, что, извини за выражение, и на крест пописеет» [21].

В результате акционирования колхозов и совхозов резко усилилась власть руководителей хозяйств. Многие рядовые сотрудники при акционировании предприятий проявили инфантильность, пассивность, отсутствие знания своих прав как владельцев паёв. Паи нередко скупались у них руководителями хозяйств.

В условиях слабых и неразветвлённых социальных связей немало трудностей испытывают фермеры. Малые крестьянские и фермерские хозяйства зачастую в условиях отсутствия налаженного сбыта, дороговизны техники, запчастей и ГСМ оказывались нерентабельными, хорошо развивались наиболее крупные агрохолдинги. В постсоветский период нарастал процесс укрупнения сельского производства. Например, в 1997 году ООО «Гранит» (Красногвардейское сельское поселение Отрадненского района) вливается в СПК колхоз-племзавод «Казьминский» Ставропольского края Кочубеевского района и по настоящее время является Отрадненским отделением большого кол- хоза. А одно из предприятий ООО «Васюринский МПК», расположенное на территории Передовского сельского поселения, имело в середине 2000-х годов важное бюджетообразующее значение [22].

Но Кубань продолжает оставаться одним из ведущих сельскохозяйственных регионов. В его рамках нашло своё место и мелкое производство. К середине 2010-х годов на Кубани было зарегистрировано 14 тыс. крестьянских фермерских хозяйств. Они обрабатывают около 25–26 % пахотных земель региона, производят в среднем 30 % сельхозпродукции [23].

Возможность ведения собственного хозяйства была давней мечтой немало числа станичников. Поэтому некоторые станичники, пострадавшие в свое время от советских ограничений, позитивно восприняли крушение советской системы. «Я воевал почти пять лет, прихожу, а мне пятнадцать соток. А колхознику – тридцать. Несправедливость, землю надо ровно делить!.. А при Сталине была власть, я в колхозе, держу две коровы.

Держи одну корову, а другую в колхоз сдай. А бригадир не всех передал на суд, а какие были друзья, не предал. Приезжают с района судить. Почему не сдал корову. И я не сдал корову. «Двухкоровник, подойдите к красному столу!». Подхожу. «Вы почему корову не сдали?» – «Тут другие не сдали, и я не сдал». – «Значит так, получается, запряжу я бугая, куды люди, туды я!? Будет совещание, я тебе дам, двухкоровник!» Постановило совещание коров в колхоз сдать почти задарма, и прИговор – шесть месяцев принудительных работ и двадцать пять процентов заработка вычитать в пользу колхоза. Приезжаю я домой и к хозяйке. Она говорит: «Я ж тебе говорила, сдай ты их этим комуныгам! Они тебе замучают!» – «Я че буду задарма сдавать! Старую рыжем, колбасу сделаем, она дорогая. А молодую остав. А я заявлю, что корову продал». Заризал на колбасу. Заризал, колбасу вынес на рынок, продал, деньги хорошие получил, все. А то полмесяца отработывал. А щас по тридцать соток всем. А если земля большая, сорок соток дадут. Раньше, если не вспахал, землемер бежит, еще солнце не зашло, отбирать. А щас уже не бегают, и это не плохо! И коров держи скока хочешь, свобода!» [24].

В 2010-х годах Краснодарский край занял первое место в РФ по производству пшеницы, кукурузы, подсолнечника, сахарной свёклы и фасоли, третье – по производству мяса, четвертое – по производству молока, пятое – по производству яиц.

Состояние сельского хозяйства в постсоветский период так охарактеризовано И. А. Комлацким: «Пожалуй, главное отличие – стабилизировалась ситуация в растениеводстве. По сравнению с временами СССР урожайность даже выросла. Нет, в советское время больших проблем не было, но положение в отрасли было менее стабильным. Сейчас появилась новая серьёзная техника, которая позволяет соблюдать технологию и быстро обрабатывать почву. А вот в животноводстве, если сравнить с началом девяностых, произошёл серьёзный спад. На Кубани он даже более интенсивный, чем в некоторых других регионах. Особенно это коснулось свиноводства, дойного стада. Если брать показатели 25-летней давности, то свиней в Краснодарском крае было 3,2 млн голов. Ещё три-четыре года назад – около 1,2 млн. Сегодня, после нескольких лет вспышек африканской чумы свиней, около 250–280 тыс. голов. Коров в советское время было около 560 тыс., сейчас меньше 200 тыс. В целом крупного рогатого скота было более миллиона, сегодня около 600 тыс. В советское время в крае содержали около 1,2 млн овец, сейчас овец и коз вместе чуть больше 200 тыс.» [25].

Основа современной станичной инфраструктуры и быта, сформировавшаяся ещё в советское время, продолжает испытывать кризис. Восстановление начала XXI века оказалось ограниченным по масштабам. Например, в станице Кирпильской почти нет работы. В сельском хозяйстве она чаще всего сезонная и зависит от размера урожая в фермерских хозяйствах. На хуторе Железном осталось последнее работающее звено сельхозпредприятия из 12 человек, трое в ближайшее время идут на пенсию [26]. Среднемесячная заработная плата работающего населения на территории Благодарненского сельского поселения Отрадненского района уже в середине 2000-х годов составляет 4145 рубля, что чуть выше прожиточного минимума по краю (4003 рубля), самая высокая заработная плата в электросетях – 9600 рублей, самая низкая – в культуре, детских садах, соцзащите, на почте (от 2100 до 3000 рублей) [27].

Поддержание и развитие инфраструктуры требует притока людей трудоспособного возраста. Тогда как, например, в пределах Благодарненского сельсовета Отрадненского района на 1 января 2008 года проживает 5036 человек, 1357 из которых составляют

пенсионеры. Притоку или хотя бы сохранению местной молодёжи на прежнем месте жительства препятствуют маленькие зарплаты [28].

Активная социальная жизнь всё более концентрируется в районных центрах. Так, в Отрадненском сельском поселении 5 общеобразовательных средних школ, где обучается 2703 детей. Имеются профессиональное училище, Отрадненский филиал Армавирского ПУ-11, филиал Кубанского государственного университета, Отрадненский гуманитарный институт, детских дошкольных учреждений – 10 [29].

В постсоветский период начал меняться этнический состав населения Кубани. В регион прибыло немало выходцев из стран Закавказья и Средней Азии, автономий Северного Кавказа. Представители этих этносов часто поселяются в центрах торговли и предпринимательства – крупных городах и станицах края, на Черноморском побережье. Например, по данным переписи населения 1989 года на Кубани проживало 182 217 армян, а согласно переписи 2010 года – 281 680. Но представители некоторых северокавказских этносов, курды поселяются и в малых сельских населённых пунктах, где можно развернуть сельскохозяйственное производство [30]. Так, население Рудьевского поселения включает в себя представителей нескольких этносов с разной численностью: русские – 963 человека, чеченцы – 157 человек, армяне – 224, грузины – 20, азербайджанцы – 5, черкесы – 4, татары – 6, немцы – 3, аварцы – 35, даргинцы – 8, рутульцы – 8, абхазы – 16, белорусы – 10, украинцы – 41, греки – 8 [31].

Но начиная со второй половины 1990-х годов наметился некоторый подъём сельскохозяйственного и промышленного производства, например, в Усть-Лабинском районе. В 2001 году сдан в эксплуатацию центр по ремонту тяжёлых тракторов, в 2008-м открыта новая молочно-товарная ферма холдинга «Кубань», в 2009-м вновь открыт мясокомбинат. В качестве главных предприятий района выступают компании «Главстрой – Усть-Лабинск» и «Базовый элемент» О. В. Дерипаски. Во второй половине 1990-х годов некоторые хозяйства укрепили своё положение, хотя продолжали испытывать серьёзные трудности с техникой, горюче-смазочными материалами и финансовыми средствами. Исчезнувший в 1970-е годы хутор Сокольский возродился за счёт создания фермерского хозяйства «Сокольское», занимающегося животноводством и переработкой животноводческой продукции. По данным районной администрации, в Усть-Лабинском районе проживает 2 % населения края, но сконцентрировано 10 % производства растительного масла, 9 % – сахарного песка, 4,5 % – муки [32].

В начале XXI века курортное дело Горячего Ключа стало возрождаться, и в большей степени, чем другие отрасли. В 2004-м наполняемость санаториев города была 82 % против 55 % по краю [33]. Однако происходит удорожание услуг, гораздо больше отдельных процедур стало платными [34]. Относительно крупное промышленное производство не вернулось в Горячий Ключ. 99,9 % предприятий Горячего Ключа – это местный малый и средний бизнес. 20 деревообрабатывающих мини-фабрик, производство стройматериалов: блоков, панелей и плит [35]. Продолжает существовать недостаток рабочих мест, связанный с развалом промышленности. Работу можно найти только в курортной сфере, сфере услуг и на заготовке леса [36].

При этом в начале XXI века продолжилось относительно активно развитие крупнейших населённых пунктов Горячеключевского городского округа – Горячего Ключа и станицы Саратовской. В городе идёт строительство дополнительных объектов курортной сферы. Была сооружена дорожка на вершину горы Петушок. Источник св. Пантелеимона был оформлен в православном стиле. В санатории «Горячий ключ» был разбит пихтовый

парк [37]. Развивалась и система образования Горячего Ключа. Открылись горячеключевские филиалы КубГУ (Кубанского государственного университета), Ейского медучилища, детский дом, реабилитационный центр для ветеранов труда [38]. Отрадненский гуманитарный институт был основан в 1991 году. Долгое время он оставался единственным самостоятельным вузом, созданным в сельской местности. Однако вуз прекратил набор абитуриентов и научную деятельность с 2016 года [39].

Был составлен проект генерального плана развития станицы Саратовской [40]. Однако в малых населённых пунктах нарастают проблемы почтового, банковского, медицинского обслуживания населения [41]. Это происходит параллельно со значительными изменениями в этническом составе, по крайней мере, некоторых населённых пунктов.

Имели место и позитивные перемены в некоторых малых населённых пунктах края. Так, в 2001 году, через десять лет после отключения, водопровод в станице Спокойной Отрадненского района вновь начал работать. Но в 2007-м он по-прежнему был в плачевном состоянии [42].

С 2004 по 2005 год количество строительных организаций в Темрюкском районе выросло с 26 до 56.оборот розничной торговли за тот же период вырос с 1725,7 млн. рублей до 2286,2 млн. рублей. В районе расположено около 74 % площадей виноградников Краснодарского края – 18 тыс. гектаров, валовый сбор винограда составляет 120–160 тыс. тонн. Развивается агротуризм [43].

Со второй половины 1999-х годов также наблюдается возрождение некоторых традиций позднесоветской эпохи. Так, при животноводческо-племенном совхозе «Кубань» в 1997 году была сформирована ячейка из 18 ветеранов партии, войны и труда. Они пытались влиять на деятельность предприятия, например, добиваться передачи больших полномочий трудовому коллективу. В основном это имеет место в сфере культуры и символики. В 2001 году при ладожском Доме культуры создана вокальная группа ветеранов труда. В репертуаре группы значились казачьи и патриотические песни. С 70-летиемодного из ветеранов колхоза «Восток» поздравил глава района. Одновременно количество активно отмечаемых праздников только выросло. В праздничных традициях начала XXI века наблюдается определённое смешение советского и постсоветского. В 2002 году с 1 Мая жителей района поздравляли глава администрации и руководитель ячейки КПРФ. В 2002 году с Днём согласия и примирения жителей Усть-Лабинского района поздравляли глава администрации и председатель Совета ветеранов. Причём председатель Совета ветеранов поздравлял именно с годовщиной Октябрьской революции [44].

Период второй советской модернизации охватывает отрезок времени с конца 1940-х годов, когда послевоенное восстановление начало переходить в следующий этап развития. На Кубани маркером стало появление в колхозах новых гусеничных тракторов. Оно активно продолжалось и в течение 1950-х – 1960-х годов.

Важным элементом идеологии того периода, если рассматривать его большую часть, а не самое начало и самый конец, является идея построения коммунизма. Идеальное общество будущего пытались хотя бы отчасти реализовать на практике, что выразилось в значительной роли науки в жизни общества. Принципы «научной организации труда» под руководством настоящих учёных доходили в том числе и до колхозов в сельской глубинке. По крайней мере, достаточно успешных колхозов. Краснодарский край стал одним из основных бенефициаров (в отличие от ранней) поздней советской модернизации. Резко вырос уровень жизни кубанцев, особенно сельчан-колхозников.

Колхозы на Кубани были одними из самых эффективных и успешных во всём СССР. Активно развиваются кубанская агрономическая наука и селекционное дело.

С середины 1970-х годов наметился процесс стагнации развития советского общества, которое во многом превратилось в общество потребления. Больше внимания стало уделяться разделу, потреблению, усвоению, отдыху и развлечениям. Последние стали осознаваться как значимая самостоятельная ценность. Меньше стали создавать новых предприятий, образовательных и научных учреждений, объектов инфраструктуры, хотя процесс строительства и созидания ещё продолжался.

Однако уже наметились тенденции разрушения общества, его инфраструктуры. Параллельно переходу от созидания к дележу появилось стремление ликвидировать самостоятельное и неподконтрольное. Процесс начинается с села. В этот период концепция «ликвидации неперспективных деревень» активно воплощается в жизнь, исчезает целый ряд населённых пунктов. Ликвидируется, например, станица Абхазская (1975 г.), ряд хуторов Усть-Лабинского района.

Негативные процессы периода стагнации гораздо более масштабно проявились в период перестройки и 1990-е годы, которые были не противоположностью периоду стагнации, а их логическим продолжением. Недаром лоббист «ликвидации неперспективных деревень» А. Н. Яковлев стал и одним из «архитекторов перестройки».

Таким образом, мы делим историю Кубани после окончания Великой Отечественной войны на три периода: до конца 1940-х годов – послевоенное восстановление; конец 1940-х – начало 1970-х – Вторая советская модернизация, период активного развития и роста; период со второй половины 1970-х годов и до конца столетия – период постепенно усиливающейся стагнации и разложения социально-экономической системы. При том что в начале XXI века имело место определённое улучшение ситуации.

Примечания

1. Семья Юрьевых. Где электроэнергия? // Сельская новь. 1975. № 87. 6 июня. С. 2.; «Сельской нови» отвечают // Сельская новь. 1975. № 92. 19 июля. С. 1; Азаренкова А. С., Бондарь И. Ю., Вертышева Н. С. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). – Краснодар, 1986. С. 285.

2. Отрадненский район // Ресурс «Википедия» URL.:<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BD> (дата обращения– 10.01.2018).

3. Итоги года минувшего // Сельская жизнь. 1975. № 4. 9 января С. 1.; Дневник животновода. // Сельская жизнь. 1989. № 132. 2 ноября. С. 1.

4. ПМ КФЭЭ-2004. АК 3174. Ст. Запорожская Темрюкского р-на. Инф-т.: Харченко А. А., 1928 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев.

5. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3774. х. Казачий Малеванный Кореновского р-на. Инф.: Диденко Г. А., 1918 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.

6. Бойко И. К. Этапы большого пути: к 90-летию Новопокровского района. Краснодар, 2015. С. 116–118.; Никитин А. В. Развитие сельскохозяйственных предприятий России в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник ТГТУ. 2006. Том 12. № 3Б. С. 818–832.

7. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4201. Ст. Сергиевская Кореновского р-на. Инф.: Фурса А. М., 1937 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.

8. ПМ КФЭЭ-2004. АК 3123. Ст. Вышестеблиевская Темрюкского р-на. Инф.: Кривонос Я. А., 1922 г.р., Якименко А. С., 1916 г. р., Якименко Я. С., 1923 г.р. Иссл.: Матвеев О. В.

9. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4237. Ст. Мартанская Горячеключевского р- на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
10. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3695. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Лютая З. Д., 1938 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
11. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4236. Ст. Мартанская Горячеключевского р- на. Инф.: Мошнагорский В. А., 1940 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
12. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 4091, ст. Некрасовская Усть-Лабинского р- на. Инф.: Бондарев Н. П., 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
13. Саакян А. Как нам заниматься овцеводством // Сельская жизнь. 2000. № 7. 18 января. С. 3.
14. Сельские поселения Отрадненского района // Информационный портал муниципального образования «Отрадненский район». URL.: http://www.otradnaya.ru/?area=sel_pos (дата обращения – 11.03.2018).
15. ПМ КФЭЭ-2017. АТ Курч4. Ст. Курчанская Темрюкского р-на. Инф-т.: В. Л. Петренко, 1937 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
16. ПМ КФЭЭ-2004. АК 3174. Ст. Запорожская Темрюкского р-на. Инф-т.: А. А. Харченко (1928 г. р.). Иссл.: О. В. Матвеев.
17. Ляшко Н. Напряженные будни колхоза «Путь Ильича» // Сельская жизнь. 2003. № 26. 1 марта. С. 3; Лахно А. В Спокойной готовятся к юбилею // Сельская жизнь. 2003. № 32. 18 марта. С. 2.
18. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4236. Ст. Мартанская Горячеключевского р- на. Инф.: Мошнагорский В. А., 1940 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
19. Иванова В. Фальшивые купюры // Сельская новь. 1993. № 1. 5 января. С. 1; Не ешьте мяса диких кабанов // Сельская новь. 1993. № 1. 5 января. С. 1; Предновогодние «гости» // Сельская новь. 1993. № 1. 5 января. С. 2; Григорьева В. «Мама, а почему ты пьешь?...» // Сельская новь. 1997. № 2. 7 января. С. 4; Ермак В. Потехе – не только час! // Сельская новь. 1997. № 1. 3 января. С. 4.
20. Чазова С. Под всевидящим оком камер // Официальный сайт газеты «Сельская жизнь». URL.: <http://www.v-life.ru/index.php?area=news&id=4587> (дата обращения – 31.11.2018).
21. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1094. Ст. Удобная. Инф.: Федорченко Т. М., 1910 г. р., Куценкина А. Г., 1908 г. р. Иссл.: Капышкина С. Ю., Самарская А.
22. Хагуров А. А. Земельная реформа на Кубани: региональный срез // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 92–99; Сельские поселения Отрадненского района // Информационный портал муниципального образования «Отрадненский район». URL.: http://www.otradnaya.ru/?area=sel_pos (дата обращения – 11.01.2018).
23. Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее / Н. А. Серогодский, В. Н. Ратушняк, А. С. Демченко, Е. А. Чайка, Д. С. Завгородний. – Краснодар: Традиция, 2017. С. 265–272, 275–281, 284.
24. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1071. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: В. М. Гордеенко, 1913 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
25. Кошик А. Под присмотром западного фермера (интервью с Василием Ивановичем Комлацким) // Портал «Русская планета. – Краснодар». URL.: http://krasnodar.rusplt.ru/index/chtoproishodit_s_sel-skim_hozyaistvom_krasnodarskogo_kraya-8359.html (дата обращения– 19.03.2018).

26. ПМ КФЭЭ – 2016. АТ 1. Х. Железный Усть-Лабинского р-на. Инф.: Еременко Т. Д. 1934 г. р. Иссл.: Зудин А. И.; ПМ КФЭЭ – 2016. АТ 13, ст. Кирпильская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Кравченко И. Н., 1941 г. р. Иссл.: Матвеев О. В., Зудин А. И.

27. Сельские поселения Отрадненского района // Информационный портал муниципального образования «Отрадненский район». URL.: http://www.otradnaya.ru/?area=sel_pos (дата обращения – 11.01.2018).

28. Сельские поселения Отрадненского района // Информационный портал муниципального образования «Отрадненский район». URL.: http://www.otradnaya.ru/?area=sel_pos (дата обращения – 11.01.2018).

29. Там же.

30. Сидоренко А. Ф. Национальный состав населения Краснодарского края по данным Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. Краснодар, 1990. С. 7; Население по национальности и владению русским языком по муниципальным образованиям Краснодарского края по данным всероссийской переписи населения 2010 г. // Официальный сайт Госстата Краснодарского края URL.: <http://krsdstat.gks.ru> (дата обращения 13.06.2017).

31. Сельские поселения Отрадненского района // Информационный портал муниципального образования «Отрадненский район». URL.: http://www.otradnaya.ru/?area=sel_pos (дата обращения – 11.01.2018).

32. Забазнов А. Н., Савенко М. Усть-Лабинск: историко-краеведческие очерки. Краснодар, 2015. 163, 169; Подымов Е. ПСХ «Суворовское» – техника к весне готова. // Сельская новь 1997. № 17. 13 февраля. С. 1; Обнадеживают первые результаты; Периков М. Ячмень убрали организованно // Сельская новь. 2002. №77. 6 июня. С. 1; Дарьина В. Жилье, зерно и 2 тыс. рублей // Сельская новь. 2002. № 77. 6 июля. С. 1; Электронный экономический каталог. Муниципальное образование Усть-Лабинский район // <http://economics.adminustlabinsk.ru> (дата обращения – 26.10.2016).

33. Рыжкова Е. Горячие дни Горячего Ключа // В Законодательном собрании края. 2005. № 8. С. 4.

34. Там же.

35. Джулаев Г. Горячий год Горячего Ключа // Жемчужина Кубани. 2006. № 153. 7 октября. С. 11.

36. Шварцман Н. «Я знаю, городу цвеств!» // Кубанские новости. 2004. № 130. 13 августа. С. 15.

37. Джулаев Г. Горячий год Горячего Ключа // Жемчужина Кубани. 2006. № 153. 7 октября. С. 11.

38. Рыжкова Е. Горячие дни Горячего Ключа // В Законодательном собрании края. 2005. № 8 С. 4.

39. Касаков А. Отрадненскому гуманитарному институту – 9 лет // Сельская жизнь. 2001. № 1. 4 января. С. 2; Отрадненский гуманитарный институт // Сайт «Отрадненского гуманитарного института». URL.: <http://www.oginst.narod.ru/> (дата обращения – 14.11.2018).

40. Проект генерального плана станицы Саратовской // Портал uchebana5.ru. URL.: <http://uchebana5.ru/cont/3041201.html> (дата обращения – 06.05.2015).

41. Станица Имеретинская: вчера, сегодня, завтра // Официальный сайт администрации Горячеключевского городского округа. URL.: (<http://www.gorkluch.ru/about/info/news/16059>) (дата обращения – 06.05.2015).

42. Основные показатели развития городов и районов Краснодарского края. Краснодар, 2006. С. 25, 31; Темрюкский район // Электронная энциклопедия «Википедия». URL.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Темрюкский_район](https://ru.wikipedia.org/wiki/Темрюкский_район) (дата обращения – 19.05.2017); Вкусный туризм // Кубанские новости. 2016. № 60. 20 апреля. С. 19.

43. Пащенко Ф. Вода пошла // Сельская жизнь. 2001. № 5. 16 января. С. 1; Чурикова Н. Трудности преодолены // Сельская жизнь. 2007. № 25. 1 марта. С. 1.

44. Золотов В. Вернуть былую мощь // Сельская новь. 1997. № 20. 20 февраля. С. 1; Родионов А. Бригадирю бригады № 2 колхоза «Восток» А. Л. Петросяну – 70 лет // Сельская новь. 2002. № 9. 24 января. С. 1; Родионов А. Дорогие земляки; Коновалова Г. Дорогие товарищи! // Сельская новь. 2002. № 50. 30 апреля С. 1.

2. Кубанцы: ситуация начала XXI века

Описанное в предыдущей главе состояние хозяйства и инфраструктуры наложило на специфику бытования кубанского казачьего субэтноса, находящегося в неустойчивом положении и взаимодействующего с общерегиональной кубанской идентичностью [3]. Особенности хозяйства и инфраструктуры, уровень развития идентичности разных уровней, социальных связей повлияли на уклад жизни, менталитет жителей региона.

Специфику, во многом заключающуюся в не полностью исчезнувших фрагментах украинскости. Был проект и отдельного кубанского народа, сочетавшего русскость и украинскость. Но и этот проект не обрёл популярности. Важнейшую роль сыграло стремление к свободе и самодостаточности, но обязательно под «зонтиком» империи при схожем отношении к местной и региональной власти. Обязательное присутствие в своём мире необходимого вышестоящего чужого, однако на достаточном расстоянии от себя.

Для кубанского менталитета характерны индивидуализм, инструментализм, консерватизм и ограниченность.

Индивидуализм – ...Кубанец последовательно осмысляет себя как центр мира...

Инструментализм – рассматривание всего и вся как инструментов для обеспечения собственных интересов и собственного мира. Опять-таки крайне характерно для всех людей. Однако у людей также нередко возникало желание пожертвовать многим ради чего-либо, во что бы то ни стало что-то уничтожить, от чего-то избавиться и отгородиться.

А вот такой радикализм нынешним кубанцам никогда не был свойственен...

Консерватизм – кубанец довольно легко принимает инструментальные изменения, которые можно как-то использовать, но болезненно реагирует на то, что может изменить его жизнь и его самого. Этим и вызвано неприятие советской власти эпохи её становления и неприятие её падения. Это опять-таки характерно для людей как таковых. Но для людей также нередко бывает характерна тяга к уничтожению старого мира, прежнего себя. Кубанцам это не свойственно.

Ограниченность – есть небольшой компактный мир, в котором кубанец желает быть свободным и независимым. Это даже не Кубань в целом, а его дом, близкие люди, селение...Но чужого кубанец опасается и предпочитает быть отделённым от него обширной нейтральной зоной...» [2].

В целом характеристика достаточно меткая и ёмкая. Кубанский менталитет в «современной версии» сложился уже во второй половине XX века, когда старожильческое, часто казачье, население и многочисленные послереволюционные приезжие заметно перемешались.

Старые, традиционные социальные институты (войско, станица, казачий полк, городские сообщества), связанные с предпринимательством, были разрушены. Их бывшие участники и их потомки оказались лишёнными привычной социальной среды, точно так же, как и разновременные приезжие. Но им как-то надо было выживать, тем более что на Кубань часто продолжали приезжать люди, не во всем разделявшие принципы советской власти, скорее не в политическом, а в экономическом аспекте, точно так же, как и многие местные. Сказывалось и влияние курортов, «вольного» Кавказа и Закавказья (без общественно-политических свобод последних). Потому и процветали различные несоциалистические виды заработков, в которых было активно задействовано в том числе и начальство.

Не обошлось и без целенаправленных действий советской власти на разрушение самоорганизации в наиболее самостоятельных и самобытных, в частности казачьих, регионах. Например, на Кубани в течение многих лет выдавливались и выманивались открывающимися возможностями наиболее инициативные (не только для себя) и принципиальные представители старожильческого населения, не говоря уже о массовом терроре в период Гражданской войны и во второй четверти XX века.

Поэтому на Кубани большую значимость приобрели небольшие, до 10 человек, родственные и дружеские коллективы, которые по-настоящему важны для кубанцев. Их основная направленность – решение материальных вопросов и совместный досуг. Политизация их была целенаправленно сведена почти к нулю в эпоху застоя на основе «общественного договора» с властью: «Вы тут себе делайте что хотите. Но туда не суйтесь!»

Помимо укорочения и разрыва социальных связей, отделения идентичностей от реальной самоорганизации в качестве отличия от дореволюционного (довоенного) периода можно отметить резкое снижение религиозной составляющей ментальности [3], которая в дореволюционный период весьма способствовала укреплению взаимопонимания и взаимопомощи внутри станичной общины, семьи, между различными возрастными группами. В постсоветский период наблюдается снижение значимости всего «абстрактного и идеального» для большинства населения.

К этому нужно прибавить появление постсоветских мигрантов с различных территорий и различных национальностей.

При этом старожилы настаивают на существенных различиях менталитета кубанцев третьей четверти XX века и современного его состояния. В 1950-х – в первой половине 1970-х годов социальные связи кубанцев были ещё намного разветвлённее, крепче и легче завязывались, что объяснялось тем, что люди, успевшие сформироваться при традиционном укладе жизни, ещё были живы и активно влияли на окружающих.

С дореволюционных, ещё казачьих времен сохранились индивидуализм, консерватизм, уважение к государству с сочетанием со стремлением к автономии. Это произошло потому, что современные кубанцы остались ярко выраженными индивидуалистами, стремящимися к реализации личных интересов, при этом не склонными к риску и не любящими непредсказуемость.

При этом социальные связи кубанцев по сравнению со «старым порядком» радикально ослабли. Региональная, городская, станичная идентичность хоть и сохранилась, но перестала опираться на реально функционирующие социальные институты.

Порой прижимистый, трудолюбивый и практичный дореволюционный хозяин-казак в реальной действительности жил и действовал зачастую совсем по-другому, чем

подобные ему наши современники, так как он был вписан в гораздо более разветвлённые и крепкие социальные связи и имел гораздо больше обязательств, следовал гораздо большему числу регулирующих поведение принципов, таких как взаимопомощь, благотворительность и пр.

Современный кубанский консерватизм имеет скорее «маскировочный», чем регулятивный характер. Кубанцы стараются не привлекать внимания к своей жизни и жизни своих малых групп чем-либо специфическим и, наоборот, демонстрируют формальное сходство с окружающими, ведь излишняя и публичная специфичность может вызвать лишнее, ненужное внимание. Поэтому кубанцы очень часто не делают того, о чем громко говорят...

Какими фактами о кубанцах мы располагаем? Е. В. Морозова установила в ходе анкетирования, что «в Краснодарском и Ставропольском краях была выявлена средняя значимость локальной идентичности в ряду других идентификационных ориентиров. По всей выборке в целом локальная идентичность заняла 5,5 ранга из девяти возможных после идентификации с ближайшим окружением (родственники, друзья, соседи и коллеги по работе). Сравнение полученных в ходе исследования результатов с данными общероссийских исследований показывает, что в южном регионе России локальная идентичность выражена значительно сильнее, чем в Центральной России и Северо-Западном регионе» [4].

В 1988–1991 годах сторонники возрождения Кубанского казачества вступали в Кубанский казачий клуб, находившийся в Краснодаре. К концу 1991 года в клубе состоял 321 человек [5]. Позднее первоначальный интуизм сменился потерей интереса: «Казачья организация в станице существует только формально. Шесть лет в станице существовал казачий хор, занимали первые места в районе. Сейчас хор распался» [6]. «Рживский фамилия вин и доси числыща атаманом [...], козачество сразу ж було организовано, а потом что-то воно, один вин или два осталось их» [7].

Кубанцев, указавших свою национальность как «казак», было 17 542 человека в 2002 году (тогда в списки национальностей было впервые введено наименование «казак»), а в 2010-м их было 5 261 человек. Реестровых казаков, то есть принятых на постоянную государственную службу, в Краснодарском крае около 40 тысяч. И примерно 100 тысяч – нереестровых, относящихся к общественным организациям. В среднем 15–20 % населения Кубани – потомки дореволюционных казаков [8]. По словам Н. И. Бондаря, «...в казачьих обществах действительно высокий процент тех, кто не является потомственными казаками и глубоко не знает культуры казачества. Но они активны. А настоящие потомственные казаки зачастую считают: «Я и так казак» и принципиально не идут в казачьи общества...» [9]. К тому же относительно молодые потомки дореволюционных кубанских казаков, не являющиеся активными членами казачьих обществ, не стремятся заключать между собой браки или поддерживать общение преимущественно в кругу казаков. По моим наблюдениям, современные потомки казачьих родов среднего и молодого возраста часто не имеют друг с другом ничего общего, кроме семейной исторической памяти, которую затрагивают в кругу достаточно близких людей, независимо от их казачьего (неказачьего) происхождения. Гораздо более важными для формирования их личных особенностей оказались образовательный уровень и социальный статус, место жительства их родителей, образовательный уровень, социальный статус, место жительства и круг интересов их самих.

Тогда как активные члены реестровых и нереестровых казачьих обществ, независимо от происхождения, имеют гораздо больше общего друг с другом: это интерес к истории казачества, получение военной подготовки и пр.

Тем не менее казачья культура является системообразующим компонентом нынешней кубанской культуры. Она является для восточных славян Кубани некоей точкой отсчёта, с которой начинались их культура и ментальность.

1. Носитель региональной идентичности в узком смысле, человек, считающий себя кубанцем.

2. Носитель региональной идентичности с чертами субэтнуса. Человек, проживший всю жизнь на Кубани (даже не здесь родившийся), могущий иметь либо не иметь казачьих корней, скрытный и рациональный консервативный индивидуалист. Часто сравнительно небедный. Наличие таких людей осознается как самими кубанцами, так и приезжими из других регионов. Их могут называть «кубанцАми» (уважительно) или «кубанои- дами» (пренебрежительно). Специфика носителя данной идентичности проявляется, прежде всего, в частной и деловой жизни, а не групповой под эгидой какой-либо идентичности, например, «кубанцЫ» или жители станицы такой-то. Примечательно, что для относительного благополучия (неблагополучия) отдельной станицы большее значение имеют успешность и добрая воля какого-либо местного бизнесмена, чем объединенные усилия местных жителей.

В основном речь шла здесь о восточных славянах, хотя, например, немало кубанцев – армян в целом с теми же ментальными установками, пусть и нивелированными несколько большим коллективизмом в рамках своего этноса. Разумеется, речь идёт о субэтничности кубанских армян по отношению не к русскому народу, а к армянскому. Причем субэтничность эта далека от полного формирования.

1. Кубанский казак.

а) представитель субэтнуса кубанских казаков, потомок дореволюционных кубанских казаков, осознающий казачество либо как особую часть русских, либо как отдельный этнос. Такого человека также называют «кубанЕц».

б) член каких-либо казачьих организаций, реестровых или нереестровых.

Член подобных организаций, относящийся к кубанскому казачьему субэтносу. Такой представитель субэтнуса поддерживает те или иные контакты с другими казаками, в той или иной степени способен на совместные действия с ними.

Участник преимущественно реестровых казачьих организаций, воспринимающих казачество, прежде всего, как социально-профессиональный статус, связанный со службой в силовых структурах, либо с прошлой (у многочисленных в казачестве пенсионеров силовых структур), либо с будущей у немалого числа молодых казаков, либо с работой в казачьих дружинах и ЧОПах. Последняя трактовка казачества наиболее популярна в его рядах. Именно так воспринимается казак и «в народе» (в современном уголовном мире считается, что попавший в тюрьму казак должен сидеть вместе с полицейскими).

в) настоящий любитель и знаток традиционной казачьей культуры разного происхождения (их немного).

Вероятно, важнейшей трудностью на пути развития современного казачества является отсутствие широкого слоя земледельцев, живущих сельским хозяйством и ведущих его самостоятельно, а не в качестве наёмных работников. При этом для полноценного

развития традиционных институтов эти хозяева должны кооперироваться, создавать общины и структуры самоуправления.

Предпринимаются попытки компенсировать недостатки «базиса» символическими действиями. Здесь весьма показательна постсоветская «монументальная пропаганда» в городе Краснодаре – возрождение памятников Екатерине II, триумфальной арки в честь визита Александра III. Новые казачьи памятники демонстрируют стремление легитимизировать современную ситуацию через прошлое, территориальную идентичность (не только и не столько казачью) – через казачью социальную идентичность (служилый, военный человек) и субэтническую, т. е. соединить воедино набор региональных идентичностей [10].

Кто такие казаки, весьма чётко объяснил старожил станицы Удобной Ф. А. Сулаво: «А казаки, они русские?» – «Русские, конечно!» – А русские, которые на Кубани, отличаются от тех русских, что в Москве?» – «А как же! По-моему, различия есть!» [11].

Таким образом, на Кубани взаимодействует «обычная» региональная идентичность с региональной идентичностью с чертами субэтнуса русского народа. В основном эти идентичности распространяются на восточных славян, но частично и на представителей неславянских этносов. Казачья субэтническая идентичность, не слишком распространённая, соседствует с казачьей социально-профессиональной идентичностью, несколько более распространённой. Эти кубанские идентичности частично пересекаются, частично автономны друг от друга, они поддерживают существование друг друга. При этом все идентичности, кроме территориальной в узком смысле и отчасти казачьей социальной, испытывают трудности в виде отсутствия базиса традиционного уклада жизни и разветвлённых социальных связей «среди своих», который должен характеризовать субэтнوس. «Старый», переживающий серьёзные трудности казачий субэтнос кубанцев соседствует и символически взаимодействует с недосформировавшимся общевосточнославянским субэтносом с тем же названием [12]. Но значительно большее значение, чем региональная идентичность, для кубанцев имеет специфика их конкретного места жительства, проблемы отдельных населённых пунктов.

Проблема специфики организации пространства населённого пункта прежде всего проблема специфики организации общества. Ещё такие корифеи антропологии и социологии, как Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Э. Дюркгейм установили, что различные человеческие сообщества и социальные институты призваны выполнять определённый набор функций, среди которых одна из наиболее важных – обеспечение единства между людьми, обеспечение безопасности, создание условий для производственной деятельности. Для достижения этих целей сообщества должны иметь внутреннюю структуру, алгоритм взаимодействия их отдельных элементов. В течение XX столетия было доказано, что жизнь человеческих сообществ гораздо сложнее и не сводится к функциям и структурам. Однако они – наиболее рациональная и пригодная для объективного анализа их составляющая [13]. Населённый пункт – это максимально наглядная модель структуры общества и выполняемых им функций, привязанная к конкретной местности.

Пространство в народной картине мира в противоположность научному – «объективному» – его пониманию неотъемлемо от восприятия его субъектом и не абстрагировано от своего содержания, основными и при этом взаимообуславливающими его характеристиками можно считать дискретность (взгляд на пространство как на набор локусов), неоднородность (представления о качественных

различиях отдельных его частей) и конечность [14]. Согласно традиционному восприятию концепта, место – это там, где человек занимается определённым видом деятельности. Специфика места определяется спецификой этой деятельности. Знать дело – значит знать место, и наоборот. Месту свойственна привязка деятельности к определённому времени (сутки, год и пр.). Месту присущ определённый набор вещей [15].

Поэтому любой населённый пункт имеет границу и внутреннее членение. Например, жилые дома по своему местоположению и функции отличны от производственных помещений, общественных зданий. Принципы поведения в этих разных локусах зачастую отличны. В рамках населённых пунктов всегда есть места общего пользования, состояние которых и поведение в них людей регулируется совместными усилиями местных жителей [16]. Потеря внутренней структуры и внешних границ населённого пункта, как и любого другого объекта, ведёт к прекращению: а) выполнения своих функций и б) существования как такового [17].

В статье А. Вахштайна «Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1.» можно ознакомиться с раскрытием идей о городе, состоящем из различных сегментов, стремящихся к максимальной автономии друг от друга. Развитие техники ведет ко все большему повышению дискретности, несвязанности друг с другом географически близких групп людей, которых всё больше связывают отношения, строящиеся вокруг техники вне зависимости от их физического местоположения [18].

Надо иметь в виду, что современный населённый пункт, особенно в ситуации активного перемещения населения, для многих людей является «неместом» – территорией, нужной им для реализации определённых моментов жизненной стратегии и не более того. Но населённый пункт может существовать только благодаря тем людям, для которых он именно «место» [19].

Единство, структура, выполнение основных функций социума кубанской станицы, как и других традиционных сообществ, поддерживалось постоянным упорядоченным общением между его членами. «А когда вы были молодым, старших уважали?» – «Ну а как же! Вседа ж кланялись. Старик идет, старику кланяются. А теперь и «здравствуй!» не говорят! Нас учили в школе вседа здороваться со всеми. А я до дяди Гришки поехал. И на базар пошли. Идут на встречу, а я: «Здравствуй! Здравствуй!». А дядька: «Ты что! Сразу скажут, че ты деревня! Я здороваюсь, кого знаю! А ты со всеми здоров-каешься!» – «А у нас в деревне все всех знают и здоровкаются!» [20]. Как писал Н. И. Бондарь: «В целом время Святки – это и время «узаконенных» бесчинств молодёжи. Часто вслед за колядовщиками, девушками и женщинами шли парни, которые по окончании колядования «занимались бесчинствами» Чаще всего они снимали калитки, ворота и заносили их на другой край станицы. Однако так поступали далеко не с каждым. Здесь были «свой счёт»: или в этой семье жила «гулящая девка», или, наоборот, «очень строгая», не желавшая подчиняться тем правилам, которые оценивались как норма в молодёжной среде...» [21]. Здесь наблюдается привязка «бесчинств» к конкретному времени (Святки), местам, соотносённым с поведением человека, стремление укрепить определённые поведенческие нормы.

Очень большое значение имела взаимопомощь. Последняя была как средство поддержания существования сообщества, так и одной из его важнейших целей. Другой, не менее важной было ограничение насилия в рамках сообщества. «А тада уже, в войну, четыре столба поставили, затурлучили абы чем. Помазали их, хоть в своей хате». – «А на

строительство дома соседей приглашали? Мазать?» – «Помогали ходили. Кто строит, замасят замес. Помажут, а потом борщи сварят. Покормют и пойдут домой. Помогали хорошо! Где работаешь в бригаде – приходит группа. Двадцать человек прыдут, помажут» [22]. «А поножовщины не было?» – «Не, не, этого не было!» [23]. «Дежурили по станице, чтоб не было нарушений никаких. Это дружинники. На танцплощадке, кругом» [24].

К концу XX века традиционная система ограничений и разграничений во многом перестала функционировать. «Выпьют немножко, оставят, опять разговор. А щас! Ладно мужики! А женщины распущенные стали!» [25]. «А щас рэжут, [...]! Када у нас зарэзали? Да года четыре или пять (назад – И. В.)! Пришло время такое, что смотри в оба» [26].

В новый 1993 год в станице Фонталовской на местном Братском кладбище было спилено три куста можжевельника в качестве новогодних ёлок [27].

«Думаю, недаром у моих родителей, и соседей и знакомых только и разговоров, что все плохо, все начальники – мошенники, народ грабят... И говорят все со злобой, как-то со вкусом, вроде бы чем хуже, тем лучше. ...И мы, подростки, этим заразились, все высмеиваем, на все злимся, как взрослые. Ну, и начали со зла по ночам фонари бить, скамейки ломать, все крушить, даже окна в магазинах бить. Разбили, ну, полезли в магазин, набрали все, что там есть», – о чем рассказывал газете молодой житель Темрюкского района, ставший преступником [28].

Исчезновение традиции создания коллективов выживания наглядно проявилось в динамике разводов. После 1987 года в Краснодарском крае достаточно быстро растёт число разводов (14 649 в 1987-м и 23 732 в 1988-м). Количество зарегистрированных на Кубани браков в январе – апреле 2018 года сократилось в сравнении с аналогичным периодом 2017-го на 594 пары, или на 5,5 %. Число официально оформленных разводов выросло за год на 106 пар, или на 1,3 %. В целом по краю на 1000 зарегистрированных пар пришлось 802 распавшейся (в январе – апреле 2017-го – 747) [29].

Населённый пункт во многом превратился во внутренне несвязанное, бесструктурное пространство. В таких условиях места общего пользования и производственные помещения теряют ценностную значимость и подверглись разграблению. «В Азовском развалили. [...] Растащили и СТФ, и МТФ. Я как-то ездил туда, рыбу достать, рыбаки там. А так на фермах даже окна повытаскивали, стоят строения одни, шифер посымали. Кому надо – лезет – сымает. И никто ни за что не отвечает. Там же глава Ермоленко. Хоть что-то надо было делать! Никому ничего не надо!» [30].

В период бытования традиционной культуры природная среда плотно окружала населенные пункты и порой вторгалась в них. Однако люди чётко разделяли своё и чужое пространство, старались подчеркнуть эти границы на практике как хозяйственной деятельностью (вырубка диких растений на улицах, недопущение в населенный пункт диких животных), так и формами поведения (например, запрет в освоенном, «человеческом» пространстве ряда сугубо мужских речевых оборотов, агрессивных типов поведения). Также многие виды деятельности человека (большинство ремёсел, места постоянного проживания) располагались почти исключительно в «человеческой» зоне или на её границе [31].

В рамках традиционной культуры взаимодействие жителей населённого пункта с природной средой было подвержено четкому регулированию обществом. Так, в области Войска Донского «в каждой станице, владевшей лесами с растущими в них плодовыми

деревьями, терном, орехами и т. д., сбор плодов был запрещён до определённого срока. Дата сбора дикорастущих плодов устанавливалась заранее, а сбор в течение запретного срока наказывался штрафом» [32].

Подобные правила и традиции существовали и в Кубанском казачьем войске. Примечательно, что единых и повсеместных принципов взаимодействия природы с человеком в традиционной культуре не наблюдалось. Они вырабатывались постепенно, в соответствии со спецификой населённого пункта и окружающей его местности. Масштабные «преобразования природы», такие как прорытие кубанскими казаками Казачьего Ерика на Тамани в первой половине XIX века, имели место и в период господства традиционного уклада. Но прошлый и нынешний уровень изменений несопоставимы [33].

Взаимоотношения человека и природы подразумевает как приспособление человека к природной среде, так и преобразование, «очеловечивание» природы [34]. Но для современной культуры характерно размывание самых разных границ, например, оппозиции своего и чужого. И, как частный пример, освоенного и природного. И то, и другое воспринимается как часть единого целого, аморфного и неструктурированного.

Отсутствие чёткого осознания специфики природного, рефлексии по этому поводу подчас приводит к хищническому к ней отношению. Например, большой вред разведению осетровых в Темрюкском районе наносит загрязнение водоёмов различными химическими веществами, например, химикатами, применяющимися при разведении риса. Рисоводство также существенно ударило по рыболовству тем, что отвод воды для рисовых чеков, система дамб на реках района способствуют обмелению и засолению лиманов – месту обитания ряда ценных пород рыбы. Рыболовство оказалось существенно подорванным вследствие хищнического лова рыбы во второй половине XX века, развал в 1990-е годы системы рыбопроизводных заводов [35].

Люди во много раз более активно присутствуют вне населённых пунктов, возводят там массу строений и пр. Например, некоторые «глухие», живописные уголки активно используются для туризма и порой людей там едва ли не больше, чем во многих городских районах. Таким образом, происходит стирание границ между антропогенной и природной средой [36].

Одновременно многие территории в формальных границах населённых пунктов перестают соответствовать критериям заселённой и освоенной территории, перестали использоваться многие жилые и производственные площади, созданные в XX столетии. Они либо забрасываются, либо вторично окультуриваются под зоны отдыха с низкой плотностью населения и пр. Пространство поселения размывается и фрагментируется, перестаёт быть сплошным и плотным. Исчезли единые принципы природопользования и поддержания искусственной среды внутри населённых пунктов, отношения к сельскохозяйственным угодьям и пр. [37].

Очень часто и в пределах населённых пунктов скапливается масса отходов человеческой деятельности. В том числе – съедобных. Также в большом количестве появляются бросовые земли: территории бывших производств и жилых кварталов, свалок. Животные начинают питаться от мусорных свалок. Последние, наряду с культурными растениями, становятся важными источниками питания. Животные переселяются в населённые пункты, вступают в прежде нехарактерные отношения соседства с людьми. Например, на кубанском хуторе Красном здание местной школы облюбовали змеи – кавказские

полозы, занесённые в Красную книгу. Их привлекло наличие пустот под полом и обилие мышей, в свою очередь, питающихся отходами школьной столовой [38].

Разведение в городах таких домашних животных, как собак, во многом утратило первоначальный смысл, заключающийся в охране и структурировании территории, отделении частного пространства от территорий общего пользования. Очень многие собаки оказались выброшенными в общественное пространство, ставшее по сути ничейным. Отсюда возникли стаи бродячих собак, которые уже представляют опасность для людей. Так, в Махачкале жители города выходили на массовый отстрел бродячих собак после того, как бездомные псы растерзали девятилетнюю девочку. Свора собак напала на школьницу вечером 19 февраля 2017 года. Родители девочки нашли её тело со следами множества собачьих укусов. Махачкалинцы брали ружья и убивали бездомных собак там, где их видели. Против такого отстрела высказались местные защитники животных. Они заявили, что протестуют против такого негуманного убийства собак, т. е. в потерявшем во многом внутреннюю структуру городском сообществе речь идёт о «жизни или смерти» домашних животных, а не их уместной локализации [39].

В настоящее время ряд функций государственных структур по поддержанию местной инфраструктуры передаётся муниципалитетам и частным компаниям, что в условиях слабой самоорганизации населения, резкого ослабления психологической импатии между жителями на местах ведёт к кризису коммунальной сферы населённых пунктов. В 2016 году в станице Каневской ликвидировали стационарные контейнеры для мусора, и жителям приходилось либо ждать приезда мусоровоза, либо выбрасывать его прямо на улицу [40]. Весной 2017 года в Крыму были случаи, когда местные жители высыпали мусор возле домов чиновников, которые игнорировали возникновение стихийных свалок [41]. Проблема роста стихийных свалок наблюдается в целом в разных регионах, что сами люди нередко объясняют «разрухой в головах» [42].

Альтернативой этому является работающая самоорганизация на уровне муниципалитета. Так, на территории Рудьевского сельского поселения Отрадненского района организована работа по сбору и вывозу мусора собственными силами, так как в поселении имеется трактор, который используется для сбора мусора по дворам жителей. Из бюджета сельского поселения на эти цели выделены денежные средства в сумме 14,0 тыс. рублей для оплаты за дизельное топливо [43].

Основой ментального членения пространства, основанные на нём правила поведения, на котором держится функционирование современного населенного пункта, являются представления традиционного общества, которые стали стремительно уходить из жизни с окончанием так называемого Долгого Средневековья, которое закончилось в период конца XVIII– XX столетий. После этого последовал краткий взлёт инфраструктуры и комфорта в самых разных населённых пунктах, основанный на развитии техники, который наложил на некоторые сохранявшиеся основы прежней ментальности. Потом они исчезли, лишившись подпитки в традиционном укладе жизни. И, как следствие, существование современного населённого пункта оказалось под большим вопросом, т. е. может продолжиться активное уменьшение числа малых населённых пунктов, а крупные могут перестать существовать как единое структурированное целое и превратиться в конгломерат автономных анклавов. Взамен прежних малых населённых пунктов будут появляться мало связанные друг с другом жилые, производственные и рекреационные комплексы.

Почему это происходит? Как установил известный специалист по возрождению малых населённых пунктов Г. В. Тюрин, населённому пункту трудно функционировать, когда нет тесного коллективного взаимодействия и совместной работы представителей местного бизнеса, интеллигенции, представителей служб, отвечающих за функционирование инфраструктуры и про-сто равнодушных граждан. Взаимодействие подразумевает выработку совместных проектов и их реализацию [44].

Именно поэтому структуры, подобные дореволюционным земствам, функционировали всегда и везде, где существовали населённые пункты с более или менее развитой структурой местного сообщества [45]. Примеры действенной местной самоорганизации уже имеют место быть. Например, инициативная группа жителей хутора Солдатского занимается благоустройством на территории хутора. В реализации подобных проектов значительную пользу приносят сходы граждан. Также, например, на хуторе Стуканов действует территориальное общественное самоуправление (ТОС) [46]. При этом надо иметь в виду, что подобные практики соответствуют ментальности и стилю жизни населения Отраденского района. В других районах подобные принципы могут и не сработать. Здесь местное самоуправление и самоорганизацию лучше строить на основе личных связей предпринимателей и представителей казачества, других равнодушных граждан [47].

Когда они реально не функционируют, происходит деградация не только местной инфраструктуры, но и ценностно значимых совместных практик местных жителей. Причастность к памяти о Великой Отечественной войне, особенно на уровне семьи, продолжает быть весьма значимой для ощущения себя в качестве полноценного члена общества. Но для молодёжи подобные представления в большей степени имеют абстрактный характер и в большей степени относятся к разряду «парадных ценностей». Те же респонденты, которые говорили о значимости посещения памятников в честь Великой Отечественной вместе с родственниками, в предыдущем блоке вопросов указывали, что бывают рядом с памятниками, только случайно проходя мимо либо в ходе официальных мероприятий [48].

Таким образом, в период активного бытования традиционной культуры имело место чёткое разграничение населённого пункта и природной среды. Населённый пункт представлял собой единую структурированную социальную общность, направленную на выполнение значимых функций (взаимопомощь, обеспечение безопасности, производственная деятельность и пр.). Принципы взаимодействия населения с природной средой были подчинены этим функциям. В настоящее время наблюдается постепенный процесс «очеловечивания» и (или) разрушения природной среды наряду с «одичанием» освоенных в процессе исчезновения связей между людьми, живущими рядом. Населённый пункт теряет единство и взаимосвязанность, постоянное присутствие и деятельность человека сжимается в отдельных точках. Тенденции к постепенной децентрализации населённых пунктов отражены и в разработке проектов развития городских агломераций [49]. Быстрее этот процесс идёт в малых населённых пунктах, на окраинах крупных городов.

В позднесоветский и постсоветский периоды наблюдалась стагнация развития крупного индустриального производства и инфраструктуры, переросшая в упадок и развал колхозной системы хозяйствования, деградацию местной инфраструктуры. Ещё более ослабли и стали распадаться коллективы выживания. Этот процесс сопровождался упадком морали, семейных ценностей, распадом сложившихся социальных связей

индустриального общества. Имело место распространение «присваивающего хозяйства», заключавшегося в разделе и хищническом использовании наработок предыдущего индустриального периода, без поддержания их жизнеспособности. Наблюдался существенный отток населения из села.

Всё это во многом стало следствием снижения в предыдущий индустриальный период роли созидательных усилий отдельного человека и его близких в поддержании собственной жизнеспособности, распада низовой самоорганизации, генерирующей традиционные ценности.

Также стала нарастать дискретность развития различных сфер социальной жизни (возрождение православия и казачества на фоне упадка хозяйства и инфраструктуры). Стали расти социальное расслоение, различия в уровне жизни разных населённых пунктов, разница между успешными и неуспешными хозяйствами и пр. Зачастую резко ослабли социальные связи всех уровней, стала распространяться атомизация отдельных индивидуумов.

Примечания

1. Бондарь Н. И. Кубанское казачество (этносоциальный аспект) // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М, 1995; Тишков В. А. О слабости традиционного подхода // Авторский блог В. А. Тишкова. URL.:http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n41_slabost.html (дата обращения – 01.07.2011); Эпплби Ян (Appleby Ian). Незваные гости в коммунальной квартире: процессы нацистроительства непризнанных советских народов // Портал «Informaworld». URL.: www.informaworld.com (дата обращения – 01.07.2011); Морозова Е. В. Локальная идентичность и проблемы ее конструирования (кейс Краснодарского края) // Портал «Lib.sale» URL.: <https://lib.sale/sotsiologiya-politiki-knigi/morozova-kubanskiy-gosu-darstvennyiy-37705.html> (дата обращения – 30.03.2016).

2. Резниченко С. Кубанцы. Какие они? // Информационно-аналитический портал «АПН». URL.: apn.ru/publications/article33150.htm (дата обращения – 01.07.2017).

3. Червякова А. Николай Бондарь // Информационный портал «Юга». URL.: <http://people.yuga.ru> (дата обращения – 30.03.2016).

4. Морозова Е. В. Локальная идентичность и проблемы ее конструирования (кейс Краснодарского края) // Портал «Lib.sale» URL.: <https://lib.sale/sotsiologiya-politiki-knigi/morozova-kubanskiy-gosudarstvennyiy-37705.html> (дата обращения – 30.03.2016).

5. Бурмагин А. Кубанский казачий клуб // Родная Кубань. 2009. № 4. С. 143.

6. ПМ КФЭЭ-2004. АК 3138. Ст. Ахтанизовская Темрюкского р-на. Инф.: Чуб С. И., 1928 г. р.

7. ПМ КФЭЭ-2004. АК 3123. Ст. Вышестеблиевская Темрюкского р-на, Инф.: Якименко Ф. С., 1923 г.р. Иссл.: Матвеев О. В.

8. Пукиш В. Кубанцев стало больше, а россиян – меньше. В зеркале последней переписи // Официальный сайт газеты «Аргументы и факты». URL.:<http://www.kuban.aif.ru/society/details/100676> (дата обращения – 30.03.2016).

9. Червякова А. Николай Бондарь // Информационный портал «Юга». URL.: <http://people.yuga.ru> (дата обращения – 30.03.2016).

10. Резниченко С. Кубанцы. Какие они? // Информационно-аналитический портал «АПН». URL.: apn.ru/publications/article33150.htm (дата обращения – 01.07.2017).

11. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1075. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: Сулавко Ф. А., 1907 г.р. Иссл.: Богатырь Н. В., Чубова Е. И.

12. Резниченко С. Кубанцы. Какие они? // Информационно-аналитический портал «АПН». URL.: apn.ru/publications/article33150.htm (дата обращения – 01.07.2017).

13. Клейн Л. С. История антропологических учений. СПб., 2014. С. 230–239, 300–333, 526–534.

14. Степанов А. В. Сайфиев А. Ф. Леший – черт, отдай мою животину (Исследование демонологии Сямженского района Вологодской области) // URL.: Портал «Русский фольклор в современных записях». http://folk.ru/Research/stepanov_leshiy.php (дата обращения – 19.04.2017).

15. Степанов А. О месте. Этнофеноменологический очерк // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 200–201, 204–205, 209–210.

16. Планировочная структура и функциональная организация территории города // Электронная библиотека технического портала «Технарь». URL.: <http://tehlib.com/arhitektura/planirovochnaya-struktura-i-funktsiona/> (дата обращения – 24.04.2017).

17. Митрошников А. О. Философия: учебник. Структура, виды, формы и уровни деятельности // Электронная библиотека «Полка букиниста» URL.: http://society.polbu.ru/mitroshnikov_philosophy/ch95_all.html (дата обращения – 24.04.2017).

18. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. № 2. С. 20–28.

19. Кузнецов А. Г. К антропологии «близкого» в городе: места, неместа, мобильности // Этнографическое обозрение. 2017. № 6. С. 5–13; Земнухова Л. В., Сивков Д. Ю. Работать (в)месте: локализация технонауки в офисах IT-индустрии // Этнографическое обозрение. 2017. № 6. С. 44–58.

20. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4027. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Беднов В. А., 1936 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

21. Бондарь Н. И. Календарные праздники и обряды Кубанского казачества. Краснодар, 2011. С. 64–65.

22. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4031. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Радченко Г. Г., 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

23. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 4028. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Беднов В. А., 1936 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

24. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4030. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Фетисов В. Д., 1935 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

25. Нек 4093– ПМ КФЭЭ – 2008. АК 4093. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Калугин В. А., 1914 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

26. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 4028. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Беднов В. А., 1936 г. р.

27. Великая Г. Вандализм по-фонталовски // Тамань. 1993. № 1. 6 января. С. 1.

28. В. К. Как я стал вором // Тамань. 1993 № 2. 11 января. С. 1.

29. Шаповалова Я. А. Динамика разводов в Краснодарском крае в 1980-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 169; Коренев Е. Краснодарстат: На 1000 браков в крае приходится более 800 разводов // Портал «Сочи сегодня» URL.: <https://sochinews.io/2018/06/22/krasnodarstat-na-1000-brakov-v-krae-prihoditsya-bolee-800-razvodov/> (Дата обращения – 31.10.2018).

30. ПМ КФЭЭ – 2004. АК 3135. Ст. Запорожская Темрюкского р-на. Инф.: Харченко А. А., 1928 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.

31. Михайлин В. Ю. Тропа звериных слов М., 2005. С. 332– 360; Васильев И. Природное и антропогенное: слияние // Васильев И. Ю. // Информационно-аналитический портал «АПН». URL.: apn.ru/index.php?newsid=35205 (дата обращения – 19.04.2017).

32. Шишкина Д. Ю. Экологический опыт традиционного природопользования донского казачества // Дикаревские чтения. Краснодар, 2009. Вып. 14. С. 39.

33. Семенцов М. В. Историко-экологические аспекты освоения Кубани казачеством в XIX – начале XX вв. // Дикаревские чтения. Краснодар, 2007. Вып. 13. С. 104–105, 139–142.

34. Богданов В. Вдохнуть новую жизнь в лиманы Азова // Кубань сегодня. 2016. 16 декабря. С. 6.

35. Семенцов М. В. Историко-экологические аспекты освоения Кубани казачеством в XIX – начале XX вв. // Дикаревские чтения. Краснодар, 2007. Вып. 13. С. 148.

36. Васильев И. Природное и антропогенное: слияние / Васильев И. Ю. // Информационно-аналитический портал «АПН». URL.: apn.ru/index.php?newsid=35205 (дата обращения – 19.04.2017).

37. Там же.

38. Васильев И. Природное и антропогенное: слияние / Васильев И. Ю. // Информационно-аналитический портал «АПН». URL.: apn.ru/index.php?newsid=35205 (дата обращения – 19. 04. 2017); Секретарев А. В школе Усть- Лабинского района завелись змеи // Официальный сайт телеканала «Кубань24». URL.: <http://kuban24.tv/item/v-shkole-ust-labinskogo-rayona-zavelis-zmei-120723> (дата обращения – 19.04.2017).

39. Дроботов А. Махачкалинцы в отместку за смерть 9-летней девочки начали массовый отстрел бродячих собак // Официальный сайт газеты «Комсомольская правда». URL.: <https://www.stav.kp.ru/daily/26646/3666309/> (дата обращения – 24.04.2017).

40. Станица Каневская Краснодарского края превращается в большую свалку // Информационный портал 5-tv.ru. URL.: <http://www.5-tv.ru/news/103518/> (дата обращения – 25.04.2017).

41. В Крыму вывалили мусор у домов игнорирующих свалки чиновников // URL.: Официальный сайт газеты «Газета. Ru. URL.: gazeta.ru/social/news/2017/04/29/n_9987425.shtml (дата обращения – 28.04.2017).

42. Пономарев Ф. Мусор не по правилам. Почему на Кубани растет число нелегальных свалок // Официальный сайт газеты «Аргументы и факты на Кубани». URL.: http://www.kuban.aif.ru/society/details/musor_ne_po_pravilam_pochemu_na_kubani_rastet_chislo_nelegalnyh_svalok (дата обращения – 25.04.2017).

43. Сельские поселения отрадненского района // Информационный портал муниципального образования «Отрадненский район». URL.: http://www.otradnaya.ru/?area=sel_pos (дата обращения – 11.01.2018); Шведова Н. У ТОСов дел невпроворот // Сельская жизнь. 2007. № 43.12 апреля. С. 1.

44. Ле Гофф Ж. В поддержку Долгого Средневековья // Портал «Dejavu. Энциклопедия культур» URL.: http://ec-dejavu.ru/publ_Publ_Goff_Middle.html (дата обращения – 19.04.2017); Тюрин Г. Опыт возрождения

русских деревень // Электронная библиотека «Profilib» URL.: <https://profilib.net/chtenie/104038/gleb-tyurin-opyt-vozhrozhdeniya-russkikh-dereven-22.php> (дата обращения – 19.04.2017).

45. Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX в.). М., 1991. С. 24.

46. Турашова О. Всем миром, всем хутором // Официальный сайт газеты «Сельская жизнь». URL.: <http://www.v-life.ru/index.php?area=news&id=4660> (дата обращения – 25.11.2018); Чазова С. Сход граждан: проблемы общие, решения совместные // Официальный сайт газеты «Сельская жизнь». URL.: <http://www.v-life.ru/index.php?area=news&id=4638> (дата обращения – 25.11.2018).

47. Васильев И. Карасев И. Аватары кубанского хутора / Васильев И. Ю. Карасев И. В. // Животноводство Юга России. 2017. № 2. С. 22–23.

48. Результаты анкетирования «Знание о памятниках, посвященных Великой Отечественной войне, на Северном Кавказе», 2015 год, анкеты № 1–44, исследователь Баранов А. В.; Результаты анкетирования «Знание о памятниках, посвященных Великой Отечественной войне, на Северном Кавказе», 2015 год, анкеты № 1–46, исследователи Майгур Н. В, Купавская А. А., Лободырева Н. Ф.

49. Гриценко Е. В. Городские агломерации: в поисках оптимальной модели территориальной организации (сравнительно-правовой анализ) // Портал «Отрасли права» <http://отрасли-права.рф/article/1430> (дата обращения – 08.05.2017).

Заключение

Период с 1918-го по 1930-е годы на Кубани можно назвать временем, когда советская власть уничтожала традиционный уклад жизни кубанцев: станичную самоорганизацию, религиозную составляющую культуры, разветвлённые социальные связи и самостоятельное хозяйство. Происходило разрушение территориальных коллективов выживания, их сетей. Взамен традиционной самоорганизации создавались крупные, зависимые от государства структуры. Апогеем этого процесса стали коллективизация и сопровождающие её раскулачивание, искусственный голод и борьба с церковью.

В результате возникла новая, колхозная станица, основой которой стало крупное интенсивное хозяйство индустриального типа. Но в ней ещё сохранялись элементы традиционной самоорганизации, например, в малых колхозах, которые существовали до 1950-х годов. К тому же этические установки, сложившиеся ещё в условиях традиционного быта (мужество, ценность семьи, трудолюбие) обладали значимостью некоторое время после исчезновения породившего их образа жизни.

Сочетание традиционных ценностей с новой, более совершенной техникой и централизованными формами организации привели регион к большим успехам, характерным для периода индустриального общества: росту производства, культуры, социальной сферы. Этому предшествовал имеющий те же корни существенный вклад Кубани в победу в Великой Отечественной войне (эффективная мобилизация ресурсов региона, его управляемость, относительно быстрое восстановление производственных мощностей). Процесс технического, культурного и хозяйственного роста наметился уже в конце 1930-х годов.

Бурный рост всех сфер жизни общества постепенно набирал силу в послевоенный период и продолжался вплоть до начала 1970-х годов. На Кубани бурно развивались

промышленность, сельское хозяйство, наука и культура, резко вырос уровень жизни населения региона.

Одновременно непрерывно шёл процесс разрушения традиционного уклада, основанного на коллективах выживания и их сетях. Завершился процесс разрушения сетей коллективов выживания, имевших территориальный характер. К началу 1970-х годов стали слабеть и семейные коллективы выживания кубанцев, распадаться их сети. Традиционные ценности, не получавшие поддержку в образе жизни и бытовой практике, также резко ослабли.

Добыча средств к существованию, помощь детям, больным и престарелым перестали зависеть от совместных усилий коллектива родственников и станичного самоуправления. Процесс «огосударствления населения» завершился в 1960-е годы с введением пенсионного обеспечения для колхозников. Поэтому необходимость следовать традиционным ценностям резко ослабла, что, наряду с ликвидацией территориальных сетей коллективов выживания (которые контролировали следование традициям), привело к крушению традиционной системы ценностей. Это не могло не ослабить к концу XX века роль и значение мельчайших коллективов выживания – малых семей.

Ослаблению горизонтальных социальных связей и самоорганизации во многом способствовали и централизованное индустриальное производство и распределение ценностей и столь же централизованная организация работы инфраструктуры, минимизирующие коллективные усилия людей.

Одновременно со середины 1970-х годов наметилась тенденция к стагнации технического и хозяйственного развития, которая сменилась распадом советской системы хозяйства, апогей которого пришелся на 1990-е годы. Экономический упадок кубанских станиц в условиях ослабления горизонтальных социальных связей сопровождался моральным распадом, ростом алкоголизма, наркомании, смертности и оттока населения, после чего в начале XXI века наступило определённое улучшение экономической ситуации.

Резкое ослабление традиционных ценностей в последней четверти XX века, наряду с большим количеством накопленных материальных ресурсов, привело к жестокому кризису конца столетия, к кризису как экономическому, так и нравственному. Оказалось возможным попросту присваивать материальные ресурсы, ничего не производя и не выстраивая полноценных социальных связей, необходимых для созидательной деятельности. И при этом не погибать от голода в течение довольно долгого времени.

Все эти процессы, происходившие на Кубани в целом, аналогичны общероссийским и в целом характерны для многих регионов земного шара.

Приложения

Административно-территориальное деление Темрюкского района в советский и постсоветский периоды

В 1926 году в Темрюкском районе (с учётом Варениковского сельсовета) насчитывалось 9 сельских советов и один горсовет, 112 поселений: из них 1 город, 8 станиц, 12 поселков, 90 хуторов, а также 7 отдельно обозначенных артелей, 6 коммун, 3 сада и один маяк. Без Варениковского сельсовета – 8 сельских советов, 8 станиц, 67 хуторов, 7 отдельно обозначенных артелей, 5 коммун, 3 сада и один маяк.

В 1940 году количество сельсоветов оставалось прежним. К 1985-му их количество возросло до 11. Во второй половине XX века к 8 «традиционным», восходящим еще к

дореволюционным станичным юртам сельсоветам добавились Краснострельский (1967 г.), Новотаманский (1984 г.) и Сенной (1965 г.), центрами которых являются поселки, а не станицы. Современный состав населённых пунктов Темрюкского района сформировался в последней четверти XX века. Это 1 городской округ и 11 сельских поселений, 39 населённых пунктов (1 город, 8 станиц, 2 хутора, 28 поселков).

Весьма разнообразные по своему первоначальному населению, времени и причине основания населённые пункты Темрюкского района можно разбить на следующие группы:

1. Город Темрюк, сравнительно крупный населённый пункт, несколько раз менявший свой статус и состав населения (например, после преобразования из станицы в город).
2. «Старые» станицы, основанные при заселении Кубани казачеством (Вышестеблиевская).
3. «Старые» казачьи хутора, основанные немногим позже этих станиц (Соленый).
4. Станица Курчанская, основанная в 1855–1856 годах после объединения нескольких казачьих хуторов, по многим признакам близкая к «старым» станицам.
5. Достаточно старые селения, но получившие статус «полноправных» казачьих станиц поздно (Фонталовская), либо казачьи поселения позднего времени основания (Запорожская).
6. «Старые» населённые пункты, большую часть времени своего существования не бывшие казачьими станицами (Темрюк, Сенной).
7. Населённые пункты, основанные в конце XIX – начале XX века и заселённые преимущественно иногородними (Веселовка).
8. Населённые пункты, ведущие своё начало от поселений коммунаров и красноармейцев начала 1920-х годов («Светлый путь Ленина»).
9. Населённые пункты, основанные в советское время преимущественно на основе вновь организованных колхозов и совхозов («Прогресс»).
10. Рабочие посёлки, основанные в советское время (Чушка).

Материалы о жизни церковных приходов Кореновского района Краснодарского края во второй половине XX века

Возрождение церковной жизни в военно-послевоенное время, быт тогдашних приходов и последующие хрущёвские репрессии нашли свое отражение преимущественно в архивных документах. Вот так восстанавливались храмы в обычных жилых домах.

«Выписка из протокола № 4 Общего колхозного собрания колхозников колхоза «Маяк коммунизма» станицы Дядьковской, Кореновского района от 26 августа 1951 года.

Присутствовало членов колхоза 1182 человека.

Председатель собрания – Остапенко В. А. Секретарь – Воропай.

Слушали: заявление церковного совета ст. Дядьковской о закреплении за церковью земельного участка в количестве 015 га для постройки жилого дома.

Постановили: Закрепить из свободного фонда колхоза 015 га под постройку за церковью» [17].

«Примерный типовый договор на аренду помещения под молитвенный дом. Договор. 28 ноября 1944 года.

Мы, нижеподписавшиеся, с одной стороны, Сергиевский сельсовет, именуемый в дальнейшем сдатчик, в лице председателя сельсовета Орлова Андрея Яковлевича, с другой стороны – группа верующих граждан, проживающих в станице Сергиевской

(церковный староста Рой Дмитрий), именуемых далее в договоре арендаторы, в присутствии представителя Кореновского района, районного совета депутатов трудящихся заключили сегодня сего 28 числа ноября 1944 года настоящий договор о следующем:

Сдатчик сдает, а арендатор принимает в арендовое пользование дом на углу улиц Красной и Базарной в ст. Сергиевской в бессрочное пользование под молитвенный дом. Дом, крытый оцинкованным железом. Стены дощатые рубленые. Размер которого: ширина – 9.20 метров, длина – 22 метра.

Арендная плата за пользование помещением не взимается» [18].

Вот так учитывались и описывались «церковное имущество и служители культа:

«Справка.

16 июня 1945 года.

Дана настоящая служителю религиозного культа священнику Моисеенко Ивану Филипповичу в том, что он прошел регистрацию и ему разрешается приступить к исполнению богослужения и отправлению религиозных обрядов и треб при религиозной общине Покровского молитвенного дома станицы Журавской Выселковского района Краснодарского края.

Уполномоченный по делам русской православной церкви при краевом крайисполкоме /Кириллов» [19].

«Учетная карточка на молитвенный дом.

Краснодарский край, Выселковский район, станица Журавская. Покровская церковь, вновь открыта в 1942 году. Ближайший храм – станица Выселки, того же района, расстояние – 7 километров. Здание турлучное, крыша крыта железом, площадь без алтаря – 36 кв. м. Стоимость – 6000 р. Особые отметки – куплен в 1950 году» [20].

Учетная карточка на действующий молитвенный дом. 28 октября 1956 года

Краснодарский край, Кореновский район, станица Сергиевская, Свято- Покровский храм. Открытие в 1942 году. Ближайшая действующая церковь – в 6 километрах, ст. Старомышастовская. Здание турлучное, крыто железом, фундамента нет. Площадь помещения – 68 кв. м. Сумма оценки – 5000 р. Особые отметки – собственность общины» [21].

Вот так православные приходы «цукали» и третировали в то время: «Уполномоченному по делам церкви при крайисполкоме На В / № К – 283 от 20.10.1944 года.

Нами проверен факт, произошедший в колхозе «Парижская коммуна» ст. Дядьковской, о неправильных действиях председателя колхоза на религиозные общины – установлено, что дом, находящийся под культовым помещением, принадлежит детским яслям колхоза «Парижская коммуна».

Председатель этого колхоза предложил религиозной общине освободить указанное помещение, и до приезда председателя церковного совета Ярошевича община верующих освободила здание, забрав все свое культовое имущество. После этого община верующих обратилась с просьбой в совет продать им другой дом. Председатель совета, не зная, что религиозные организации не имеют права владеть собственностью, продал им дом. Решением исполкома райсовета договор купли-продажи расторгнут, а помещение передано общине на условиях частной аренды по договору.

Председатель исполкома райсовета Назаренко» [22]. В Краснодарский крайисполком.

Копии: 1. Депутату Верховного совета товарищу Селезневу.

2. Прокурору Краснодарского края.

Церковного совета христианского религиозного общества ст. Дядьковской Кореновского района Краснодарского края.

Адрес для ответа: председателю церковного совета священнику Ерошевичу Ивану Мануиловичу.

Жалоба

В нашей станице верующих имеется очень большое количество, не менее десяти тысяч человек. Община наша в законном порядке была зарегистрирована еще осенью прошлого года. И перерегистрированная в феврале сего года. Имеются и все исполнительные органы. С того же времени община и функционирует.

Под культздание нам с ноября 1943 года было отведено стансоветом, по устной договоренности с последним, в бесплатное и бессрочное пользование здание б. кулацкого дома, находящегося в районе колхоза «Парижская коммуна». Тогда же мы это здание вполне оборудовали под храм, затратив на это очень значительные суммы.

И вот в начале апреля сего года председатель церковного совета священник Ярошевич был приглашен в правление указанного колхоза, где председатель колхоза, фамилии не знаем, предупредил священника, что в недалеком будущем занимаемый общиной под культздание дом потребуется для нужд колхоза и что, в соответствии с этим, общине необходимо войти в переговоры со стансоветом по вопросу об отводе под нужды общины другого помещения. Просил освободить помещение к 25 мая с. г.

Стансовет по этому вопросу обещал принять соответствующие меры, выделил для этой цели дом бывший Логвина Прокофия и обещал урегулировать этот вопрос с райисполкомом.

Между тем вдруг совершенно неожиданно 25 апреля с. г. указанный председатель колхоза с другими неизвестными нам гражданами в отсутствие председателя церковного совета и церковного старосты, явившись к храму, взял у церковного сторожа ключ, открыл здание, вошел туда, взломали и выбросили все оборудование храма. И освободив такое от культимущества, вновь запер здание и ключ взял с собой...

Просим оказать нам свое авторитетное содействие в деле предоставления нашему церковному обществу нового культздания» [23].

А вот так во время «хрущевской оттепели» церковные приходы уничтожались как якобы «никому не нужные»:

Исх. № – 67. 19.04. 1960.

Прошу Вас разрешить снять с учета недействующий мол. дом в станице Сергиевской Кореновского района, церковная служба в котором не проводится с октября 1959 года.

Церковный приход ст. Сергиевской как маломощный приписан епархией к молитвенному дому ст. Дядьковской Кореновского района в 15 километрах от станицы Сергиевской.

Молитвенное здание – собственность общины, турлучное, без фундамента, крыто железом, приспособлено для мол. целей из простой деревенской хаты. Полезная площадь без алтаря – 68 кв. м. Ст. Сергиевская имеет 4700 человек жителей. Церковный доход по этому мол. дому за последние три года составлял: 1957 – 24 тыс. р.; 1958 – 27 тыс. р.; 1959 – 31 тыс. р.

Религиозность населения станицы Сергиевской – низкая.

В своем отчете архиепископу кореновский благочинный Акинфьев писал:

«Посещаемость приходов благочинья слабая. Мол. дом ст. Сергиевской в воскресные дни посещает 15–20 человек престарелых женщин... – одни и те же лица. Все это наводит на уныние, которое преодолеваю своей собственной верой.

Уполномоченный совета /Бабушкин/» [24].

«Заместителю председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР тов. Ульянову Л. Н.

«19121, гор. Москва, Смоленский бульвар, 2/2 На № 224 от 20.01.1986.

Примечания

17. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. Р. – 1519. Оп. 2. Д. 241. Л. 86.

18. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д. 242. Л. 5.

19. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д. 285. Л. 20.

20. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д. 285. Л. 92.

21. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д. 242. Л. 92 – 92 об.

22. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д. 242. Л. 91.

23. ГАКК. Ф. Р. – 1519. Оп. 2. Д. 241. Л. 2 – 2 об.

24. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д. 312. Л. 192 – 193.

25. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д. 242. Л. 91.

Фольклорный хор «Кубанцы-воронцы»

Паспорт фольклорного коллектива. Поступил в КНМЦ 26.10.1982 Создан при Доме культуры им. Жданова 10 мая 1980 г. (первая репетиция). Репетиции проводятся каждый понедельник и четверг с 15 часов.

Руководитель хора Ковганов Валентин Прокофьевич, среднее специальное образование. Адрес: 352300. Усть-Лабинск, ул. Ладожская, 225. Жильем обеспечен. Принимал участие во всех семинарах и творческих лабораториях, если своевременно получал вызов.

Коллектив репетирует в небольшой по площади комнате или на сцене ДК. Магнитофоном или фонотекой не располагает.

Хор располагает двумя комплектами костюмов:

1. У женщин: однотонные юбки темно-синего, коричневого, темно-зеленого цветов и светло-розовые кофты.

У мужчин: Черкески темно-бордового цвета, рубашка красная башлык, кинжал.

2. У женщин: синие юбки «в цветочек», светло-розовые кофты «в цветочек».

Коллектив хора много раз выступал в райцентре, ст. Некрасовской, Ладожской и пр. В краевых мероприятиях не участвовал, за пределы края не выезжал. Выступал по краевому телевидению 12 августа 1981 года с программой на 45 минут. Статьи о хоре – в местной газете «Сельская новь».

В 1980 г. было 41 выступление, в 1981-м – 25.

Из числа участников награждены боевыми наградами 3 человека, трудовым – 5 человек.

Список участников хора «Кубанцы-воронцы».

1. Ширяева Нина Поликарповна Род. В 1922 г. в ст. Воронежской. Пенсионерка.

2. Буракова Любовь Сергеевна. 1930 г. р. х Свободный. Работает в детсаде.

3. Павлова Ольга Савельевна. 1905 г. р. ст. Воронежская. Пенсионерка.

4. Дьяконова Ольга Яковлевна. 1911 г. р. ст. Воронежская. Пенсионерка.

5. Шкарупа Нина Николаевна. 1926 г. р. ст. Воронежская. Пенсионерка.

6. Квитченко Надежда Филипповна. 1913 г. р. ст. Воронежская. Пенсионерка.

7. Поповичева Зинаида Федоровна. 1923 г. р. ст. Воронежская. Пенсионерка.
8. Перетятко Наталья Андреевна, 1921 г. р. ст. Воронежская. Пенсионерка.
9. Гриппа Анна Васильевна. 1913 г. р. ст. Воронежская. Пенсионерка.
10. Бугаева Анна Федоровна. 1918 г. р. ст. Воронежская. Пенсионерка.
11. Махинова Мария Николаевна. 1923 г. р. Ставропольский край. Пенсионерка.
12. Попович Татьяна Михайловна. 1914 г. р. ст. Воронежская. Пенсионерка.
13. Писаренко Надежда Яковлевна. 1910 г. ст. Воронежская. Пенсионерка.
14. Воротникова Надежда Сергеевна, 1908 г. р. ст. Воронежская. Пенсионерка.
15. Евсюкова Раиса Константиновна. 1919 г. р. ст. Воронежская. Пенсионерка.
16. Левченко Мария Фоминична. 1909 г. р. ст. Воронежская. Пенсионерка.
17. Ширяев Сергей Егорович. 1923 г. р. ст. Воронежская. Пенсионер.
18. Пелихов Иван Семенович. 1910 г. р. ст. Воронежская. Пенсионер.
19. Моисеенко Василий Федорович. 1910 г. р. ст. Воронежская. Пенсионер.
20. Рекало Григорий Леонтьевич. 1923 г. р. ст. Воронежская. Пенсионер. По национальности все русские.

Репертуар хора «Кубанцы-воронцы». Походные песни.

1. Ой да вспомним, братцы (в современном варианте).
2. Скакал казак через долину.
3. Заночуй, милочек.
4. Ишла Дуня через брод.
5. За лесом солнце воссияло.
6. Ой, при лужку, при лужку.

Протяжные песни.

1. Ой, да вы, туманы.
2. Не пыль, не курай с моря.
3. Как поехал Александра (историческая песня).
4. Полно, полно, нам, братцы журиться.
5. Ой ты, шорох-тарахтер.

Лирические песни

1. Ой, ночь моя темная.
2. Туман яром.
3. Потеряла я колечко.
4. Ой, да вы, туманы.

Свадебные песни

1. Да прилетела голубушка.
2. Ой, да как пойду я вдоль по улице.
3. Ой, темно-темно на дворе.
4. Ой, в ворот – в ворот желтый цвет.
5. Ой, да шуг – шуг да два голубя.
6. Ой, Манина маменька мела сени.
7. Ой, на хате зелье, а в хате веселье.

Шуточные песни

1. Да, заря моя, зоренька.
2. Поехал муж по дрова.
3. Как у нас в Киселевке.
4. Посидите, гости, побеседуйте.

5. Бабы вольные, все раздольные.

Плясовые песни

1. Ой, ты хмель – хмеленушка.
2. Ой, ты поленько – полянка.
3. Пил я водочку, не брагу.
4. Ой, Ванька шел, Ванька шел.
5. Ой, пашу, пашу, пашу и другие песни.

Коллектив награждался грамотами отдела культуры, парткома колхоза, не- большими премиями.

Руководитель хора Ковганов 18.10.1982.

Рукописный фонд архива Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУК КК Кубанский казачий хор (далее – НИЦ ТК). Состави- тель – Игорь Васильев. Оп. 1. Д. 5.

И. Ю. Васильев

Советские календарные праздники: специфика и соотношение с традиционным праздничным кругом

Новая специфика проведения праздников проявилась уже в 1918 году, в первый, недолгий период господства советской власти проявились некоторые устойчивые черты советской праздничной культуры, такие как жёсткая организация и контроль «сверху», устойчивый сценарий прохождения колонн перед трибуной. 7 апреля 1918 года в Екатеринодаре должен был пройти День Красной армии, приуроченный к мобилизации сторонников большевиков для обороны города от войск Л. Г. Корнилова. В ходе его проведения предусматривалось шествие, во время которого представители рабочих организаций должны были пройти мимо революционной верхушки города, которая стояла на паперти Александро-Невского собора. Также должен был состояться парад красноармейских частей. Шествие полагалось отделять от «публики» живой цепью. Первомайское шествие 1918 года в Екатеринодаре уже имело чётко установленный порядок. В начале колонны шли члены совета, потом красноармейцы, потом представители предприятий, профсоюзных организаций. Всем полагалось идти стройными рядами по шесть человек. Лозунги и плакаты должны были быть яркими и праздничным, без мотивов скорби по недану погибшим товарищам. Возможно, что 1 Мая 1918 года находилось в календаре близко от Пасхи, в какой-то мере осмыслялось как «красная Пасха». Об этом говорит и пасхальный выпуск газеты «Проблеск», который пришелся на 5 мая 1918 года. На первой странице газеты была помещена ярко выделенная надпись «Христос воскрес!», под которой помещалась статья о ко- ренном преобразовании человеческой жизни на основе учения Карла Маркса. В этом проявилось характерное для раннего периода советской власти стремление к приспособлению традиционных символов к новому содержанию [1].

Ещё до революции было популярно празднование дня 1 Мая, причем в разных аспектах этого праздника. 1 Мая – древний календарный праздник кельтов и германцев (Бельтан, Вальпургиева ночь). В России его стали впервые отмечать немцы Немецкой слободы города Москвы. Официальный характер празднику придал Петр I, тесно связанный с обитателями слободы. Первоначально 1 Мая был праздником европеизированных горожан самых крупных городов Российской империи, в сельской местности его долгое время не отмечали. Праздник первоначально носил исключительно развлекательный,

светский характер. Но к концу XIX столетия 1 Мая все больше становится днем борьбы за права рабочих, первоначально – в странах Запада. Он стал идеологически значимым днем для носителей социалистической идеологии, части наемных работников (особенно – активистов профсоюзного движения) в дореволюционной России. Первая «пролетарская маевка» в Варшаве состоялась в 1890 году, в Санкт-Петербурге – в 1891-м, в Москве – в 1895-м, в Новороссийске – в 1900-м, в Екатеринодаре – в 1902-м.

До революции Первомай в станицах Тенгинской и Усть-Лабинской праздновали местные социалисты-батраки и некоторые представители интеллигенции. Конспиративно они собирались в лесных массивах за станицей, выставляя дозоры против казаков. Нередко после маевки арестовывали [2].

Неудивительно, что 1 Мая стал одним из первых советских праздников, который начал утверждаться на Кубани. 1 Мая 1920 года в станице Усть-Лабинской восстанавливали памятники революционерам, разрушенные белогвардейцами. В честь героев революции высаживались деревья и разбивались клумбы. Прошло шествие с митингом во главе с местным руководством. Во второй половине дня были организованы спектакли и концерты [3].

В знаковой составляющей советских праздников особая роль отводилась элементам аффирмативной политики в отношении «угнетённых групп населения», таким как женщины и национальные меньшинства. Женщинам скоро пришлось по душе Женский день 8 Марта, так как поднимал их значимость. В праздновании 1 Мая в 1921 году в Краснодаре принимали участие Государственный украинский театр, Государственная армянская труппа и объединенная труппа нацменов. На праздниках устраивались познавательные и пропагандистские доклады и лекции. В 1925 году в День Конституции в Краснодаре был зачитан доклад «О национальной политике советской власти» [4].

Со второй половины 1930-х годов в праздничной символике больше внимания стало уделяться казачеству. Например, в честь 20-летия Октябрьской революции состоялись конноспортивные состязания с участием кубанских казаков. В 1939 году прошел красочный карнавал в честь Международного дня молодежи (МЮД). На праздничных мероприятиях в честь МЮД выступал казачий хор станицы Старомышастовской [5].

В 1920-е годы календарь праздничных дат ещё носил отчетливо переходный характер. Дни двенадцатых праздников ещё были выходными и праздновались публично. От дореволюционного периода празднование отличалось только игнорированием властей. Городской праздничный календарь, сложившийся в течение 1920-х годов, включал лишь советские праздники, а сельский – ещё и шесть основных православных. В 1920-е годы также были популярны дореволюционные «европейские праздники с экологической направленностью», такие как День леса, День птиц. Именно поэтому в 1920-е годы советские праздничные мероприятия назначались на воскресенье в целях борьбы с религией [6].

С празднованием Нового года первоначально тоже боролись, но не столь активно, как с религиозными праздниками. Со второй половины 1930-х годов прошла реабилитация праздника. Он становится ещё более популярным, чем до революции [7].

С царских времен была унаследована популярность военных парадов. Военный парад в честь 3-летия Октябрьской революции в 1920 году в станице Ахтанизовской должен был символизировать силу советской власти на беспокойной территории. В 1922 году на 1 Мая красноармейцам, расквартированным в станице Ахтанизовской, выдали дополнительный паёк. В 1921 году в День Красной армии в Краснодаре красноармейцы

провели реконструкцию уличного боя. День пасхальных подарков военным был перенесён на 23 Февраля. К 20-летию РККА были амнистированы военные с мягкими приговорами. В честь 20-летия РККА совершались длительные марш-броски в противогазах. Традиционный смысл – демонстрация единства вооружённых сил и верховной власти, мощи государства – был сохранён. Но при этом был устанен религиозный контекст, изменены даты [8].

Для 1920 годов было характерны попытки «осовечивания» уже существующих календарных праздников. Например, укрепившийся в советском и постсоветском календаре День урожая приурочивался к 19 августа (Преображение Господне) либо к 14 октября (Покров Пресвятой Богородицы). В честь 2-й конференции 3-го Интернационала 18 июля 1920 года было дано задание украсить портреты руководителей мирового коммунистического движения цветами и зеленью (аналогия с украшением на Троицу икон зеленью) [9]. Налицо намеренное изменение экзистенциала при сохранении прежних дат празднования, устоявшихся внешних форм [10].

Празднование советских праздников делилось на празднование «на улице» (митинги, шествия) и в учреждениях, на производстве (торжественные собрания, концерты, выступления самодеятельности, банкеты). Советским праздникам, особенно в ранний период, был не чужд элемент карнавальности. В 1927 году прошёл костюмированный карнавал в честь 10-летия Октябрьской революции. В костюмированном действе были откровенно представлены этапы социальной жизни советского государства [11].

В 1930-х годах начал формироваться стандарт порядка прохождения колонн различных профессиональных и возрастных групп во время праздников. Порядок движения праздничной колонны на 20-летие Октябрьской революции в 1937 году был следующим: вначале прошёл военный парад с участием курсантов военных училищ; за ними шли школьники, особое внимание уделялось юным спортсменам-авиамоделистам; затем двигались колонны промышленных предприятий, во главе каждой колонны шли вооружённые ворошиловские стрелки [12].

Советские праздники должны были способствовать сближению экзистенциала, советской сакральности с повседневной реальностью, сакрализации этой реальности. Повседневная реальность – это, прежде всего, труд. Вот почему во время проведения советских праздников столь важное значение уделялось педалированию профессиональной принадлежности их участников, принадлежности к тому или иному трудовому коллективу.

Давление на православие повлекло за собой существенные изменения в календарной обрядности. 1930-е годы ознаменовались массовым закрытием и разрушением церквей. Однако в тот период православные общины в станицах района, ужавшись до групп наиболее стойких верующих, продолжали существовать. Праздновались церковные праздники, местными жителями нередко соблюдались важнейшие церковные обряды. «Я помню при моей памяти церкву ломали. Воспрещали молиться. Но все равно, я крещеная». «А был дом моленьный (после разрушения церкви – И. В.), там крест поставили, я там своих детей крестила». Более активное участие в церковной жизни в довоенных и послевоенных станицах принимали пожилые люди и дети, много времени проводившие со стариками. «Конечно, учила (бабушка учила молитвам – И. В.). В основном «Отче наш». [...] Я уже в школу ходил, до пятого класса (до какого возраста бабушка водила в церковь – И. В.)» [13].

В послевоенное время сформировался новый станичный праздничный календарь, включивший в себя как традиционные календарные, так и советские праздники. «Не все праздновали, но говорили: «Завтра будет Казанская». «И Рождество, и Паску, и 7 Ноября, и 8 Марта (праздновали – И. В.)» [14].

«Маевка праздновали до войны, такие погоды были, что в сарахфанах выходили. А щас погода переменялась. [...] Первое мая. И парад был. И парад бытовой техники всегда был на октябрьские. А в мае, уже после войны, где похоронены солдаты, – шествие было [15]».

В годы стабильности третьей четверти XX века окончательно оформилась стилистика советского праздника. Праздники День международной солидарности трудящихся 1 Мая и очередная годовщина Октябрьской революции праздновались по сходному сценарию. Вначале перед трибунами с руководством проходили колонны демонстрантов, затем открывался праздничный митинг. Впереди колонны обычно шли ветераны, потом – школьники, особенно часто – юные спортсмены, следом – колонны промышленных предприятий, потом – сельскохозяйственных, за ними – колонны учреждений инфраструктуры и сферы услуг. «Первомай» был несколько более неформален, чем «7 Ноября». На первомайской демонстрации допускались элементы костюмированного шествия и пр. На 9 Мая ветераны и трудовые коллективы направлялись к Вечному огню от памятника Ленину, где проходил митинг. Иногда торжественный митинг проходил на стадионе. Позже на стадионе проходило костюмированное представление. Перед этим на предприятиях прошли тожественные собрания [16]. День урожая (празднование обычно в августе выпадало на разные даты) в позднесоветский период мог отмечаться скачками и джигитовкой. Награждение передовиков производства совмещалось с праздничным концертом. По заявкам передовиков производства в День урожая песни исполнялись фольклорными коллективами [17].

Во второй половине XX века стали особенно активно отмечать юбилеи различных структур и учреждений. В честь 40-летнего юбилея Советской пожарной охраны было решено наградить краевое и краснодарское отделение службы пожарной охраны Почетной грамотой крайисполкома. Отдельных пожарников, находящихся на действительной службе, включенных в список, – наградить почетными дипломами. Ветеранов пожарной охраны решили наградить деньгами и ценными подарками на сумму 25 тыс. рублей. Также крайисполком постановил украсить ленинские комнаты, провести торжественные вечера и показательные смотры пожарной техники. На эти цели планировалось потратить 10 тыс. рублей [18].

Особая роль отводилась присутствовавшим на юбилейном празднике маститым старцам – ветеранам и одновременно подросткам как в дореволюционный, так и в советский период, что объясняется скорее общими ментальными константами, а не непосредственной преемственностью. Присутствие на празднике представителей самых старших и самых юных возрастных групп символизирует продолжение во времени, незыблемость общественного уклада [19].

В послевоенное время продолжали проводить такое мероприятие, как День птиц. Он проводился под эгидой ЦК ВЛКСМ, Всесоюзного общества охраны природы при содействии региональных и местных советов всех уровней, школ и кинотеатров. Главный смысл Дня заключался в охране птичьих гнездовий в весеннее время, сооружении скворечников и дуплянок, привлечении к участию в этой кампании школьников. Предполагалось проведение конкурса среди школ и отдельных учащихся,

проведение тематических кинопоказов, вывешивание плакатов, публикация и раздача тематических материалов. Для сооружения школьниками мест для гнездовья птиц крайисполком распорядился выделить стройматериалов на сумму 10 тыс. рублей [20].

В 1960-е годы праздничные дни официально позиционировались как продолжение будней, когда надо не отдыхать, а, наоборот, ставить трудовые рекорды, приближающие наступление коммунизма. С начала 1970-х годов они уже осмыслялись в официальной прессе как дни отдыха и веселья. С Новым годом усть-лабинцев через газету поздравляли именитые земляки, такие как М. И. Клепиков [21].

Советские праздники в постсоветский период иногда получают дополнительное развитие и популярность [22]. По сей день сохраняется значимость праздника 8 Марта как Женского дня, 23 Февраля как «мужского» дня, хотя и в несколько меньшей степени, чем в конце XX века [23].

Остался важным символизм Дня Победы. Проводимое 9 Мая шествие «Бессмертный полк» является на сегодняшний день, пожалуй, самой популярной и значимой регулярной публичной акцией в России. В 2017 году в ней приняло участие около 8 млн человек, из них на Кубани – свыше 500 тыс. человек [24]. Также, например, студенты 9 Мая посещают памятники, посвященные Великой Отечественной в составе организованных групп. Участники акции «Бессмертный полк» особо подчеркнули, что участвовали в ней вместе с родственниками. Причастность к памяти о Великой Отечественной войне, особенно на уровне семьи, продолжает быть весьма значимой для ощущения себя в качестве полноценного члена общества. При этом для молодёжи родственники – участники войны в основном уже относятся к поколению прадедов, возрастной группы, малоизвестной или попросту лично незнакомой своим правнукам. Для молодёжи подобные представления в большей степени имеют абстрактный характер и в большей степени относятся к разряду «парадных ценностей». Те же респонденты, которые говорили о значимости посещения памятников в честь Великой Отечественной вместе с родственниками, в предыдущем блоке вопросов указывали, что бывают рядом с памятниками, только случайно проходя мимо либо в ходе официальных мероприятий [25]. Память о Великой Отечественной войне, посвящённые ей памятники значимы как для коренных краснодарцев, так и для приезжих. Они относительно менее значимы для недавно приехавших в Краснодар людей в возрасте от 17 до 24 лет [26].

Праздничные даты, в большей степени имевшие идеологическое значение, стали достоянием определенной группы людей. Например, 7 Ноября празднуют сейчас в основном коммунисты. В праздничных традициях начала XXI века наблюдалось определённое смешение советского и постсоветского. В 2002 году с 1 Мая жителей района поздравляли глава администрации и руководитель ячейки КПРФ. В 2002 году с Днем согласия и примирения жителей Усть-Лабинского района поздравляли глава администрации и председатель Совета ветеранов. Причем председатель Совета ветеранов поздравлял именно с годовщиной Октябрьской революции [27].

В постсоветский период юбилеи предприятия и учреждений порой празднуются с еще большим размахом. В честь столетнего юбилея кубанского почтамта в 2015 году в марте был выпущен 1 млн юбилейных конвертов. А в марте 2017 года отметил свой 95-летний юбилей Кубанский государственный аграрный университет [28].

Одновременно стала вновь укрепляться значимость православной церкви и религиозности. В частности, это проявилось в том, что в местной прессе стали регулярно публиковаться поздравления местных священников с Рождеством Христовым и другими

праздниками [29]. Популярными стали водо- святные молебны и купание в проруби на Крещение [30].

Развитие советских праздников на Кубани проходило по следующей линии – использование праздничных дат традиционного календаря, элементов традиционной сезонной обрядности, предметного кода в приложении к совершенно иному экзистенциалу (смыслу, идеям и культовым личностям). В некоторых случаях соответствующие традиции откровенно пародировались. Хотя иногда экзистенциал в значительной степени сохранял преемственность, как это было с Днём урожая. Одновременно вводились и получали оригинальное выражение собственно советские календарные даты – годовщина Октябрьской революции, День Красной армии, Международный женский день. Постепенно советский экзистенциал окончательно обрёл свои праздничные даты и ритуальное оформление. Это произошло в 1930-е – 1950-е годы.

Советский праздничный календарь по сравнению с традиционным был гораздо более привязан к историческим событиям, а не природным циклам и содержал гораздо большую долю «конструктивизма». Советская власть по сравнению с царской в гораздо большей степени стремилась к целенаправленному, максимально полному и быстрому формированию нужных идеоло- гем в сознании населения. Но и советский календарь должен был основываться на базовых элементах человеческого сознания, таких как новогодние празднества, деление людей по половому признаку, значимость для людей военных побед над сильным врагом, память о защитниках Родины, сбор урожая для крестьян. Именно поэтому празднование Нового года, 23 Февраля, 8 Марта, 9 Мая, Дня урожая было весьма значимо в советский период и продолжает быть значимо и сейчас. Экзистенциал этих праздников сравнительно хорошо сохранился в постсоветский период. В имеющем сравнительно глубокие исторические корни празднике 1 Мая сохранилась первоначальная для бытования его в России рекреативная, развлекательная составляющая. Сохранилась и даже усилилась значимость юбилеев различных организаций и структур.

Советские праздники прошли путь от праздников определённых социальных, профессиональных и идеологических групп (коммунистов, управленцев, военных) в первой половине XX века до общезначимых для местного во второй половине века, вплоть до падения советской власти. После её падения сохранили значимость праздники, затрагивающие константы человеческой жизни, более идеологизированные опять стали достоянием групп людей с определённым мировоззрением, в то время как традиционные православные праздники были значимы и публично отмечались подавляющим большинством жителей Кубани вплоть до конца 1920-х годов. Впоследствии они стали праздноваться относительно небольшой группой воцерковлённых людей, часть элементов некоторых праздников (Пасха) сохранялась в семейном быту многих жителей региона. В постсоветский период такие праздники, как Вербное Воскресенье, Рождество, Пасха, Крещение (когда совершается массовое освящение различных материальных объектов) частично вернули себе статус общезначимых для местного восточнославянского населения праздников. Празднование других церковных праздников преимущественно осталось уделом воцерковлённых православных.

Примечание

1. Комиссар военного отдела Волик. Праздник социалистической Красной армии // Проблеск. 1918. № 10. 6 апреля. С. 1; Порядок шествия. Празднование 1 мая 1918 г. // Проблеск. 1918. № 29. 1 мая. С. 1; Христос воскрес! // Проблеск. 1918. № 31. 5 мая. С. 1.
2. Гирц К. Интерпретация культур. М, 2004; С. 174–176. Маевка // Электронная энциклопедия «Википедия». URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Маевка> (дата обращения – 11.04.2017); Первое Мая (праздник) // Электронная энциклопедия «Википедия». URL.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Первое_мая_\(праздник\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Первое_мая_(праздник)) (дата обращения – 11.04.2017); Календарь памятных и знаменательных дат юга России // <http://kuban.retroportal.ru> (дата обращения – 11.04.2017); Что мы празднуем 1 мая? // Портал «Частный корреспондент». URL.: http://www.chaskor.ru/article/chto_my_prazdnuem_1_maya_31651 (дата обращения – 11.04.2017); Шаповалов С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930 гг. Краснодар, 2012. С. 17, 28, 30.
3. Шаповалов С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930 гг. Краснодар, 2012. С. 30, 62.
4. Там же. С. 115–120.
5. Там же. С. 52, 60, 65, 70.
6. Там же. С. 30, 57.
7. Там же. С. 20, 61, 68. 86, 116, 117.; Бондарь Н. И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества, 2011. С. 234.; ГАКК. Ф. Р – 646. Оп. 1. Д. 8. Л. 54; ГАКК. Ф. Р – 611. Оп. 1. Д. 16. Л. 37.
8. Семенов Г. Я помню первые маевки // Сельская новь. № 55. 1 мая. 1963. С. 3.
9. Шаповалов С. Н. Указ. соч. С. 99–100, 113–114.
10. Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М, 1998 // Электронная библиотека «lib100». URL.: lib100.com/philosophy/ritual_v_sovetskoj_kulture/pdf/ (дата обращения – 02.02.2019).
11. Шаповалов С. Н. Указ. соч. С. 113–114.
12. ПМ КФЭЭ – 2008. А/К 4085, ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Васильева А. Н., 1929 г. р. Иссл.: Рыбко С. Н.; ПМ КФЭЭ – 2008. А/К 4058, ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Сопелкина М. П., 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.; ПМ КФЭЭ-2008. А/К № 4031, ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Фетисов В. Д., 1935 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
13. ПМ КФЭЭ-2008. А/К 4089, ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Протасова Р. С., 1936 г. р. Иссл.: Васильев И. В.; ПМ КФЭЭ – 2008. А/К № 4058, ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Сопелкина М. П., 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
14. Шаповалов С. Н. «Осовечивание» религиозных праздников в 1920-е гг. // Электронная библиотека «Киберленинка» URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/osovechivanie-religioznyh-prazdnikov-v-1920-e-gg-1> (дата обращения – 05.04.2017); Шаповалов С. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-х гг. Краснодар, 2012.
15. Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М, 1998. // Электронная библиотека «lib100». URL.: lib100.com/philosophy/ritual_v_sovetskoj_kulture/pdf/ (дата обращения – 06.04.2016).
16. ПМ КФЭЭ – 2004. А/К 3174. Ст. Запорожская. Инф.: Харченко Г. С., 1928 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
17. Савина В. На знаменах наших: мир, труд, май // Сельская новь. 1985. №

54. 5 мая, С. 1–2; Под знаменами Великого Октября // Сельская новь. 1975. № 140. С. 1; Старостин В. Славься в веках подвиг народа-победителя // Сельская новь. 1975. № 57. 13 мая. С. 1.
18. ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 1. Д. 934. Л. 664 – 665.
19. Бондарь Н. И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества, 2011. С. 230–234.
20. С первых дней Нового года – высокие темпы // Сельская новь. 1963. № 2. 3 января С. 1; Ударным трудом отметим Первомай! // Сельская новь. 1963. № 55. 1 мая. С. 1; Турчанинова В. Атмосфера большого праздника // Сельская новь. 1971. № 134. 6 ноября. С. 4; Рапортуем Первомаю; Весенние радости // Сельская новь. 1971. № 54. 1 мая. С. 2–3; Рукотворная сила гектара // Сельская новь. 1971. № 1. С. 2.
21. ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 1. Д. 932. Л. 593–595.
22. Шаповалов С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-х гг. Краснодар, 2012. С. 4–5.
23. Какие праздники отмечают краснодарцы? // Официальный сайт ГТРК «Кубань». URL.: <http://old.kubantv.ru/kuban/kakie-prazdniki-otmechayut-krasnodarczy/> (дата обращения – 24.05.2017).
24. «Бессмертный полк» объединил 8 миллионов человек по всей России // Информационный портал «Спутник». URL.: <https://news.sputnik.ru/obschestvo/2d11d035334eef22ad3016ff6d767e9375abcb35> (дата обращения – 24. 05. 2017); Ершов А. На Кубани в строй «Бессмертного полка» встали более 500 тысяч человек // Официальный сайт «Российской газеты». URL.: <https://rg.ru/2017/05/09/reg-ufo/kubni-v-stroj-bessmertnogo-polka-vstali-500-tys.html> (дата обращения – 24.05.2017).
25. Результаты анкетирования «Знание о памятниках, посвященных Великой Отечественной войне, на Северном Кавказе», 2015 год, анкеты №№ 1–44, исследователь Баранов А. В.; Результаты анкетирования «Знание о памятниках, посвященных Великой Отечественной войне, на Северном Кавказе», 2015 г., анкеты №№1–46, исследователи Майгур Н. В, Купавская А. А., Лободырева Н. Ф.
26. Результаты анкетирования «Знание о памятниках, посвященных Великой Отечественной войне, на Северном Кавказе», 2015 год, анкеты №№ 1–46, исследователи Майгур Н. В., Купавская А. А., Лободырева Н. Ф.
27. Родионов А. Дорогие земляки; Коновалова Г. Дорогие товарищи! // Сельская новь. 2002. № 50. 30 апреля С. 1.
28. Соколова К. В честь 100-летия Краснодарского почтамта выпустили 1 млн памятных конвертов // Официальный сайт ГТРК «Кубань». URL.: <http://kuban24.tv/item/krasnodarskiy-pochtamt-v-chest-100-letiya-vyipustil-1-mln-pamyatnyih-konvertov-136504> (дата обращения – 24. 05. 2017); Главный аграрный вуз Кубани отметил юбилей // Официальный сайт ГТРК «Кубань». URL.: <http://old.kubantv.ru/selskoe-hozjajstvo-kuban/ректор-glavnogo-agrarnogo-vuza-kubani-otmechaet-den-rozhdeniya/> (дата обращения – 24.05.2017).
29. Рождественское поздравление жителям Усть-Лабинского района // Сельская новь. 2002. № 2. 5 января. С. 1; Черных Л. Рождественское послание // Сельская новь. 1997. № 2. 7 января. С. 1.
30. На Кубани окунуться на Крещение можно в более чем в 10 местах, оборудованных для купания // Портал bw4u. URL.: <http://bw4u.ru/news/19/13631/> (дата обращения – 24.05.2017).

Материалы из книги: Бугай Н. Ф. Старо-Титаровская: курень, куренное поселение, станица. 1792 – начало XXI в. Тула, 2009.

Письмо И. К. Кириченко на имя председателя исполкома станицы А. М. Сюевой:

«По Вашей просьбе, я, Кириченко Иван Кириллович... и до 1924 г. житель станицы Старо-Титаровской, активный участник Великой Октябрьской Социалистической революции, и Гражданской войны, сообщаю Вам следующее:

I. Установление Советской власти в ст. Старо-Титаровской (образец старого написания — И.В.)

Впервые Советская власть в станице была установлена в январе 1918 года. Первым председателем (комиссаром) ревкома был Масло Николай Акимович, местный казак-фронтовик, бедняк, твердо стоявший за Советскую власть.

9 мая 1918 года в станицах Таманского полуострова, в том числе в Старо– Титаровской, был поднят контрреволюционный мятеж и Советская власть свергнута. Контрреволюционный мятеж был организован местным кулачеством под руководством местных казачьих офицеров и при активной помощи германских оккупантов, которые к тому времени заняли город Керчь

В конце февраля 1920 года, когда Красная армия громила белых на подступах к Екатеринодару (Краснодар), под руководством Темрюкского комитета РКП(б), с помощью темрюкских красно-зеленых партизан в станицах Таманского полуострова, в том числе и Старо-Титаровской, были обезоружены белогвардейские гарнизоны и восстановлена навсегда Советская власть. Первым председателем ревкома был Хромцов Ульянов, а военным комиссаром – Вовк Филат Давыдович, местный казак, беспартийный, в данное время проживает в Старо-Титаровской.

Первые красногвардейцы станицы Старо-Титаровской.

1. Кисленко Михаил Евстафиевич – член РКП(б), рабочий-столяр, иногородний, в 1918 году работал в Таманском отдельском комитете РКП(б) и погиб в бою с белогвардейцами под станицей Тамань в августе 1918 года.

2. Беличенко Филипп – член РКП(б), батрак, иногородний, был взят в плен и расстрелян белогвардейцами в балке «Фанагория» возле станицы Таманской в мае 1918 года.

3. Бублейник Павел Епифанович – член РКП(б), батрак, иногородний, погиб в бою с белогвардейцами под станицей Голубицкой в мае 1918 года. Похоронен на кладбище в Темрюке.

4. Бублейник Герасим Епифанович – беспартийный, рабочий нефтепромысла, иногородний. В апреле 1919 года был схвачен и зарублен белогвардейцами в районе хутора Стрелка (теперь пос. Стрелка – Н. Б.). Похоронен на кладбище, там же в пос. Стрелка. Могила его пока затеряна.

5. Здашник Дмитрий Антонович – беспартийный, батрак, иногородний, участник Таманской армии. Расстрелян немецкими фашистами в 1942 году.

6. Дудка Петр Алексеевич – беспартийный, рабочий-каменщик, участник похода Таманской армии. Расстрелян немецкими фашистами в 1942 году.

7. Иванченко Семен – беспартийный, рабочий-плотник, иногородний, участник похода Таманской армии. В 1920 году выехал из станицы, его дальнейшая судьба неизвестна.

8. Дубина Роман Григорьевич – беспартийный, батрак, иногородний. В данное время живет в Керчи, пенсионер (на время по настоящей справке, 1968 год – Н. В.).

9. Сидоров Никита – беспартийный батрак, иногородний, участник похода Таманской армии. До 1942 года жил в поселке Стрелка, и где теперь (на 1968 год. – Н. Б), мне неизвестно.
10. Белечев Константин Иванович – член КПСС, батрак, иногородний, участник похода Таманской армии. Умер после Великой Отечественной войны в Темрюке, там же похоронен.
11. Кулик Иван Никитич – беспартийный, батрак, иногородний, участник похода Таманской армии, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.
12. Христюк Петр – казак, бедняк, беспартийный, без вести пропавший в Гражданскую войну.
13. Тимошенко Карп – беспартийный, иногородний, батрак, участник Таманской армии. Убит кулаками в станице.
14. Непомнящий Василий – батрак, иногородний, беспартийный, участник похода Таманской армии. Погиб в астраханских песках при отступлении в 1919 году.
15. Непомнящий Прокофий – беспартийный, батрак, иногородний, участник похода Таманской армии. Погиб в Астраханских песках при отступлении в 1919 году.
16. Даневич Василий – беспартийный, батрак, иногородний. Погиб в бою с белогвардейцами под Усть-Лабинской в августе 1919 года.
17. Мотренко Григорий – беспартийный, иногородний, хлебороб-средняк, участник похода Таманской армии. После Гражданской войны вернулся домой, но где сейчас (на 1968 г.– Н.Б.), мне неизвестно.
18. Демич Петр Селиверстович – беспартийный, батрак, иногородний, участник похода Таманской армии. Умер в станице Запорожской до Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.
19. Бондаренко Григорий – беспартийный, казак-бедняк. После Великой Отечественной войны жил в посёлке Стрелка, а где сейчас (на 1968 год. – Н. Б.), мне неизвестно.
20. Карцов Николай – рабочий нефтепромысла, иногородний. Погиб в бою с белогвардейцами в 1918 году.
21. Каленик Никифор – казак, бедняк. Умер перед Великой Отечественной войной.
22. Могила Петр – батрак, иногородний, участник похода Таманской армии. Погиб в бою с белогвардейцами под Ставрополем в октябре 1918 года.
22. Демич Федор Селиверстович – батрак, иногородний. Умер перед Великой Отечественной войной.
23. Артисевич Василий – казак, учащийся Екатеринодарского военно-фельд-шерского училища, участник похода Таманской армии. Погиб в бою с белогвардейцами под Ставрополем в октябре 1918 года.
24. Богдан Николай Иванович – казак, бедняк, участник похода Таманской армии. Погиб в боях с немецкими фашистами в Отечественную войну.
25. Федченко Трофим – казак, бедняк, учащийся Екатеринодарской сельскохозяйственной школы. Умер в станице вскоре после Гражданской войны.
26. Кириченко Иван Кириллович – иногородний, рабочий-каменщик, член КПСС, инженер-строитель, пенсионер, живет в Краснодаре (1968 г. – Н.Б.).
27. Бублейник Иван Епифанович – батрак, иногородний, убит кулаками в станице во время хлебозаготовок в 1929 году.
28. Бублейник Виктор Епифанович – батрак, иногородний, участник похода Таманской армии. Погиб в бою с белогвардейцами под Ставрополем в октябре 1918 года.

29. Гончаров Павел Леонтьевич – батрак, иногородний. Выехал из станицы в 1924 году, а где сейчас (1968 г. – Н. Б.), мне неизвестно.
30. Иванченко Мирон Семенович – батрак, иногородний, участник похода Таманской армии. Погиб в бою с белогвардейцами под Ставрополем в октябре 1918 года.
31. Красноголовый Григорий Иванович – батрак, иногородний. Погиб в бою с белогвардейцами под станицей Невинномысской в сентябре 1918 года.
32. Берловский Кузьма – батрак, иногородний, участник похода Таманской армии. Погиб в бою с белогвардейцами под Ставрополем в октябре 1918 года.
33. Здашник Филат Антонович – батрак, иногородний. Погиб в боях с немецкими фашистами в Отечественную войну.
- Старики и женщины, не служившие в старой армии, но поступившие в Красную гвардию в 1918 году:
34. Зеньковский Андрей – казак, беспартийный, бедняк, порядка 65 лет отроду, участник похода Таманской армии. Умер в станице перед Великой Отечественной войной.
35. Бублейник Екатерина Епифановна – батрачка, иногородняя, девушка 19 лет. Была сестрой милосердия и погибла в бою с белогвардейцами под станицей Усть-Лабинской в августе 1918 года.
36. Хуторная Мария – казачка, беднячка, беспартийная, казачья вдова, возраст около 30 лет. Была сестрой милосердия и погибла в бою с белогвардейцами под станицей Невинномысской в сентябре 1918 года». Источник: Письмо-справка И. К. Кириченко об активных участниках Октябрьской Социалистической революции и Гражданской войны в Старо-Титаровской на имя председателя Совета народных депутатов А. М. Сюевой от 30 сентября 1968 года (См. также: ЦДНИКК Ф. 1774.).

Список учета ячеек Старотитаровской волости Темрюкского райкома Славянского отдела РКП(б)

(первая половина 1920-х годов)

В первой половине 1920-х годов особую важность в станице приобретала работа волостной партийной ячейки.

От ее деятельности во многом зависело обустройство казачества и крестьян в новых условиях хозяйствования

№

п/ п

Фамилия, имя, отчество

Член

РКП(б),

кандидат в чл. РКП(б)

С какого времени в

РКП(б)

Социальн. положение

Год рождения

Образование

Какую работу выполнял

Примечание

Животов Николай Семенович

Член РКП(б)

1920

Рабочий

1892

Низшее

Секретарь волкома РКП(б) с 22 ноября 1923 года. Следует отметить, что пост секретаря ранее занимал Петр Путнэ. Согласно распоряж. райкома РКП(б) от 10 ноября 1923 г.

2

Баштовой Николай

Яковлевич

Член РКП(б)

1920

Служащий

Низшее

Зам. председателя волостн. исполкома

Работал фотографом, был избран членом Ревизион.

Комиссии

председат.

волисполкома в 1924 г. избирался Д. И. Сушко

3

Генералов Александр Федорович

Канд. в чл. РКП(б)

1918

Рабочий

Низшее

4

Добровольский Иван Афанасьевич

канд. в чл. РКП(б)

1920

Служащий

1882

Сотрудник налогов. инспекции

5

Клименко Михаил Маркович

Канд. в чл. РКП(б)

1920

Крестьянин

1895

Низшее

Счетовод

6

Клименко Семен Маркович

173

Канд. в чл. РКП(б)
1922
Крестьянин
1900
Низшее
Председат.
КОВ
Состоял членом «Сельхозтоварищества»

7
Марченко Степан Гаврилович
Член РКП(б)
1918
Рабочий
1895
Церковно-приходск.
Председат. ЕПО

8
Непардт Христиан Андреевич
Член РКП(б)
1917
Крестьянин
1875
Среднее
Заведующий совхозом «Стрелка»

10
Репин Иван Николаевич
Член РКП(б)
1920
Крестьянин
1896
Среднее
Волостной фининспектор
Окончил обучение в высшей партшколе

11
Смирнов
Александр Иванович
Член РКП(б)
1920
Крестьянин
1895
Низшее
Не работал

12

Твердохлебов

Канд. в члены ВКП (б)

1920

Крестьянин

1892

Двухкласс.

13

Шатохина Зинаида Марковна

Канд. в чл. РКП(б)

1920

Крестьянка

1892

Низшее

Зав. детским садом

Была избрана членом Ревизионной комиссии. В составе членовпартяйки от женщин, была также Ляшенко

Источник: ЦЦИКК. Ф. 13382. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

Примечание: В состав волостной партийной ячейки с 1920 года входили и другие представители рабочих, крестьян, служащих. По решению Темрюкского райкома РКП(б) они направлялись и на иную работу. В числе их были М. Красноголовый, Иван Карась (с 31.03.1923 г.), Гиданкин (секретарь волко- ма), Петр Путнэ (до 18.09.1923 г.), Тимофей Фоменко (до 1.09.1923 г.), Даниил Иванович Сушко (пред. волостного исполкома), Георгий Найбойченко, Синченко, Мотузенко, Черненко, Дмитрий Санжаровец. При этом Горбенко и Иван Добровольский сменяли на посту секретаря ст. Вышестеблиевской (Мягков Алексей Акимович). Фракции коммунистов работали также в волостных исполкомах (См. ЦДНИ КК. Ф. 13832. Оп. 1. Д. 7. Л. 4, 25; Д. 3. Л. 3 и др.).

Воспоминания жителя города Темрюка, участника Гражданской войны

С империалистической войны я пришел в полном солдатском снаряжении. Одних патронов к винтовке прихватил с собой пятьсот штук. Нет, думаю, еще не все враги рабочего класса сложили оружие, рано и нам расставаться с ним. И прав оказался. Немало пришлось воевать в Гражданскую войну.

Во время боев на Тамани нес службу в кавалерийской разведке. Когда отряды советских войск временно отошли за пределы родного города, со своими земляками – красными бойцами влился во Второй Таманский кавполк, входивший в Таманскую армию командиром эскадрона.

Так и прошел с эскадронами в боях с белогвардейцами до самой Астрахани.

Мне уже 77 лет. На склоне лет я вижу, что недаром проливали мы свою кровь. Дело рабочего класса восторжествовало.

Кривомаз К. Недаром дрались мы // Таманец. 1967. № 25. 25 февраля. С. 3.

Устный рассказ о генерале Соломахине

«Был у нас тут такой генерал Соломахин. Тут на могилках... А когда революция шла, они ушли. Десять генералов там в Новороссийске погрузились. И они были в Югославии. А он вернулся! Я с им даже выпивал! В Югославии работал Соломахин дорожным строителем. А то еще при Сталину было, подослали туда, в Югославию, от нас женщину. И она их вербовала: «Мы вас отвезем в Америку». Тада уже был Броз Тито. Тада мне уже и рассказывали.

При Хрущеве забирали коров, и как раз строился. Там, где щас сын живет. Был нужен лес. И я в Апшеронку ездил за штaketом. А там был однофамилец Бунин Иван Васильевич. Его брат был полицаем при немцах. А он сам был на пилораме бригадир.

А эта женщина подбивала весть их в Америку. А там был генерал Шкуро, много их было. И Соломахин был. Их там было десять человек, в Югославии. А под тем предлогом сели они в самолет. А привез их самолет не в Америку, а прям в Москву. И там сразу охрана. Генерал Шкуро, он ими всеми командовал, первый спустился по трапу. Стал на колени, Богу помолился, землю поцеловал. «Умирать буду на русской земле!». Это мне генерал Соломахин рассказывал. Я с ним повидался в Апшеронской. С генералом Соломахиным.

У нас много казаков со станицы уходили. Вон там жил дед Гусев. Его потомки тут, в Некрасовке, есть. Уходило с белыми много, не оставались. Сталин их бомбил здорово сильно, казаки шли только за царя».

ПМ КФЭЭ-2008. АК 4072. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Инф-т.: Бунин И. И., 1928 г. р. Иссл: Матвеев О. В.

Трагическая судьба казачьей семьи

«А в революцию был у отца брат старший, Кирилл. При царе он был офицером Белой армии. И за это пострадали его три сына и отец, его брат. И так его забрали в Краснодар, када немцы надавили сюда, на наш Кавказ. Всех, по пиесят восьмой статье кто был. Их забрали и в Горячем Ключе во рву порасстреливали. Ему было тридцать восемь лет (отцу). Там сейчас гранитная плита. Кто на фронте погиб, а кто репрессированный... Петр Трофимович, репрессированный. За брата пострадал».

ПМ КФЭЭ-2008. АК 4057. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского края. Инф.: Сопелкина М. П., 1924 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.

Устный рассказ о вступлении немцев в станицу Тенгинскую, попытках красноармейцев спастись

«У нас, по-моему, в сорок втором году зашел немец. Как заходил, щас расскажу. Объявляли копать окопы. На два входа, гэобразные. Старших нет, а я остался с бабами. Ну, они были старше меня. И вот мы наконец-то стали засыпать. Накрывать этот окоп. Перенесли туда, значь, одежду. В конце огорода, чтоб нас никто не видел.

Когда немцы зашли, налетела рама. Фотографировала и шуровала с пулемета. Топографию сдавала нагло – там стояли пушки. Ну, боя такого не было, наши убежали. Сестра пошла по воду. Тада ж воды не было, пили воду из Лабы. Она, значить, несет воду. Бегут солдаты «Водички попить, водички попить». И туда, до Лабы. А там был паром. И там ... Да еще как наши отступали. На пароме. Сколько машин было, танков. Один за одним. Ну а что там паром. Там по две машины и подводы. Тут очередь такая.

А потом машины. Немец едет. Там говорили, что и с рогами. Тада подбегаем, а вот он! И бабы подходили, женщины все. Смотрели, какие ж рога, обыкновенный человек. Обыкновенный человек, такой рыженький. Не в полном смысле, а русский...

У нас был окоп на две семьи. Тут вот и вот. То ли выход, то ли что, в случае чего. Заходят люди к нам, офицер. А я ж тада не знал ни званья, и бабы. Не понимаем ничего. Он говорит: «У вас есть штаны?» Чтоб переодеться. А я маленький был, сколько, восемь лет. Восьми еще не было. А у соседки Ильченко малой был, высокий! Но тоже! Года на четыре, на пять старше. Он щупленький был. Она говорит: «Вот с этого парня пойдет?» – Да я ж как-то натяну снять. А тебе вот этот подсумок». Офицерская сумка. Говорит: «На, убери, закопай! А там-то – там-то лежит бинокль». Да что-ты! Я под любые пули пойду! За бинокль армейский, пацан же! Я эту взял, спрятал тут в окопе. В кадлушке там закрыл, зашили все. А земля чуть-чуть подешь, пройдешь там – она сыпется. Сюда. И только начала эта рама летать – с пулемета она рубила, секла деревья. Чистили станицу! Посыпалось и тише стало. Су-чонка была, собачка. Бегаёт и боится. Я пока пошел тихо. Ответвленная там такая ямка была. Привязал там и пришел. Только это перешло, снова сыпется. Мать у меня, заешь, деревенская. «Какой там черт лазит, сыпется земля». А соседка говорит: «Наталья, ты шо, не ругайся. А то могут!». Отвязалась, и я повел ее опять. А тада в углу, тада ж не штакета, ничего не было. По стари - нушке, допотопно.

...А потом подходят «Комм! Русский солдат!». Мы выходим все. А этот – то парень высокий: «Сюда!» А мать тогда: «Пан, это мой сын! Он маленький!». Стала унижаться, блядь! А они в косынках и по пояс раздетые! Жара была! И мы, значит, вышли. И он с автомата «Тр-тр-тр!». А тот же высокий, пацан. Не видно ж. А тот не было видно. Не знал, что у нас тут такие окопы. «Комм!» Его видно там, что он высокий. Пацан. Зашли ко мне. Боюсь, может что взорвут что. Зашли и они ушли. Правда, танк один против моЕва двора шел. А я выглядывал. «Ой, тада мене вообще...» Через двор. Один танк. А пушки на горе стояли. И там. Потом заходят немцы «Яйко, молеко! Капут!». Мамка: «Пан, нету капусты!» Эта сучка осталась жива... Шли и говорили: «Квартиры не закрывать на замок!». А мамаша взяла, замкнула. И в нашу хату кинули гранату. И я знаю, как мамаша наварила лапши молочной. И тут ударило!

...А потом ...Они и по Лабе (убитые советские солдаты – И. В.) много плыли в первый день, и много посылали закапывать. В лесу, прям в лесу. Если вместе, а может человек погиб, да и все.

ПМ. КФЭЭ – 2008. АК 4026. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Руденко М. Т. 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

Репрессии гитлеровцев: воспоминания бывшей комсомолки

«Я ж в то время была комсомолкой. Я уже не помню, но много людей там. Где сейчас находится этот дом престарелых, там подвал есть. И в аккурат мы сидели там, пока наши части не пришли. – «Прятались в подвале?» – «Не только мы прятались, но нас туда посадили. Мы ж комсомольцы были. То листовки, то так какой-то вред делали». – «А вы листовки раздавали?» – «Да, листовки раздавали. Писали листовки. Я лично не писала, у меня двое детей было. Я в этом деле не участвовала. Я почему в том подвале сидела, забыла. А потом нас освободили». – «Так вы всю оккупацию в подвале были?» – «Не всю оккупацию. Это потом уже кто-то доказал. Пришли и арестовали. Как раз я дома была, пришла с работы». – «А где вы работали?» – «Да где придется. До войны в школе работала. А так колхоз. Детей надо было кормить, свекровь слепая, парализованная».

ПМ КФЭЭ– 2008. АК 4028. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Рябокони М. Д., 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

Устный рассказ о хрущевских гонениях на приусадебное хозяйство

«А при Хрущеве коров отбирали?» – «Да заставляли коров сводить. В колхоз». – «А не обещали молоко давать?»– «А не молоко, ниче. Там деньгами выплатят. Я уже отделился, жил отдельно от отца. У меня была корова и телка стельная была. Подумал я, хоть так заберут, хоть так. Если добровольно, хоть денег дадут. Получил деньги я за корову и за телку...»

ПМ КФЭЭ – 2008. АК 4072. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Ин.: И. И. Бунин, 1928 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев.

Гаркуша – типичный рабочий поселок на Тамани

В воскресенье, 18 сентября, в Запорожском сельском поселении прошел праздник, посвященный 120-летию образования поселка Гаркуша.

Его трудовая биография началась в трудные послевоенные годы. Стране не хватало продовольствия, одежды, товаров первой необходимости. И вновь образованный совхоз «Запорожский» стал заниматься возделыванием хлопка. Очень трудоемкой и неэффективной была эта культура на нашей Таманской земле. Старались изо всех сил и добивались успеха: в 1952 году трудовой коллектив совхоза получил переходящее Красное знамя, а фотографии лучших работников появились на районной Доске почета.

В конце 50-х годов в совхозе стали высаживать виноградники, сеять пшеницу, ячмень, кукурузу, организовывать птицеводство и овцепроизводство. Хозяйство росло: совхозная конюшня на 70 и более лошадей, своя пекарня, кирпичный мини-завод обеспечивали нужды растущего поселка. Были построены большая молочно-товарная и свиноферма, небольшой винзавод, погреба для хранения вина. Виноградники себя оправдали, и хозяйство стало процветать. В 70-х годах винсовхоз «Залив», преобразованный из совхоза

«Запорожский», стал одним из лучших виноградарских хозяйств не только района, но и края.

Темрюкский район. Юбилей поселка // Портал исполнительных органов власти Краснодарского края URL.: <http://www.krasnodar.ru/content/3/show/340296/> (дата обращения – 14.05.2017).

Психотерапевт В. Польшаков диагностирует компьютером и избавляет кодированием от пьянства, курения с гарантией 5 лет. Прием 11 января в 10, в кинотеатре «Заря».

Принимает врач // Сельская жизнь. 1999. № 1. 6 января. С. 3.

Знакомства

Есть дети, внуки, муж, но одиноко и холодно. Хочется встретить одинокого душой мужчину, желательно с транспортом, для нечастых праздников.

Мужчина, 36 лет, без вредных привычек, трудолюбивый, хочет познакомиться с женщиной не старше 40 лет, можно с 1 ребенком. Жилье есть, но согласен на переезд.

Знакомства // Сельская жизнь. 2001. № 1. 4 января. С. 3.

Украинизация 1920-х –1930-х годов в памяти старожилов кубанских станиц

В 1920-х – начале 1930-х годов советской властью проводилась так называемая «коренизация». Под этим термином понималась политика, направленная на расширение прав и возможностей нерусских народов, привлечение их в советское строительство, создание национальных партийных кадров. Одним из проявлений коренизации была украинизация – проведение политики коренизации по отношению к украинцам. Последняя отличалась особым размахом: проводилась не только на территории Украины и затрагивала далеко не только украинцев. Она имела место и в ряде регионов РСФСР, особенно на Кубани. Украинизация здесь была массовой, активно проводившейся кампанией.

Поэтому украинизация и последовавшие за ней культурные и этносоциальные изменения отразились и в воспоминаниях старожилов кубанских станиц. Они были зафиксированы во время ежегодных фольклорно-этнографических экспедиций Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор» [1]. Их сравнительно немного. В исследованиях по теме украинизации, авторами которых являются Т. П. Хлынина, И. Г. Иванцов и другие, тема устной истории украинизации также получила широкое освещение.

Воспоминания о языке преподавания в школе, языке вывесок официальных учреждений сохранились в тени памяти о более значимых событиях: коллективизации, голоде 1933 года, репрессиях [2]. Старожилы делятся своими воспоминаниями, которые уже прошли через сито более поздних наслоений. Люди, с которыми мы беседовали, вспоминают часто не то, что когда-то в большой степени затронуло их, а то, что оказало длительное непосредственное воздействие на их жизнь [3]. А украинизация была резко свернута и оказала незначительное воздействие на последующую жизнь. Небольшие и в целом не окрашенные эмоционально в яркие тона сообщения информантов об украинизации в целом говорят о небольшой их значимости для респондентов [4].

Свою роль сыграло и то, что украинизацию, прежде всего, запомнили школьники, обучавшиеся в конце 1920-х – начале 1930 годов. Более старшие или более молодые информаторы часто ничего не помнили об украинизации: «Нэ успила. Год проходила» [5].

Полноценное знание об украинизации могло сохраниться у тех, кто получал высшее или среднее специальное образование в указанный период, а также у тех, кто работал в учреждениях культуры и органах власти. Но эти люди уже очень пожилые, и чаще всего они не были охвачены работой Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции.

Зачастую это эпизоды, всплывшие в ходе беседы на другие темы. Особую ценность представляют рассказы старожилов, зафиксировавшие этнокультурную ситуацию, складывавшуюся в кубанских станицах в первой половине XX века, этническое самосознание кубанцев [6]. Что касается исследователей, занимавшихся сбором полевых материалов по устной истории, то нужно особо отметить О. В. Матвеева и др. Сохранились воспоминания о самой кампании украинизации: «Украинский язык был кругом на Кубани», – вспоминает А. Д. Петько [7].

Относительно разнообразные, хотя также немногочисленные сведения сохранились об украинизации в станицах, в которых украинофильство было относительно развито, например, в станице Каневской. Когда здесь организовали украинский кружок, то на его открытие пришло 278 человек [8]. В станице работали учителя – местные уроженцы. Одного из них, Филиппа Григорьевича Иваненко, старожилы продолжали помнить и в начале XXI века. В станице действовала капелла бандуристов [9].

Старожилы помнят специфику названий вывесок официальных учреждений, терминологию, названия должностей. Председателей советов стали именовать «головами», сами советы – «радами». «Голова станрады» – такая табличка, например, висела на дверях председателя стансовета станицы Гривенской [10]. Но, к примеру, в станице Старолеушковской украинских вывесок практически не было [11].

Наиболее многочисленные воспоминания – об украинском языке в школьном обучении, его введении и отмене. «В тридцать третьем в школу пошел. Украинский язык был кругом на Кубани. Занимались в школе на украинском языке. С полгода. А с полгода на русский перевели», – вспоминает житель станицы Бакинской А. Д. Петько [12]. «Украинский язык бул. Як раз в это время. Занятия по ем были. И уси занятия на ем взыся. А вывесок украинских нэ було. Були книжки на украинской мове. Читалы. В начальных классах. Ще помню учительница, Варвара Тарасовна», – вспоминала жительница станицы Старолеушковской Е. В. Ткач. В станице действовала только начальная четырехклассная украинская школа [13].

Украинская школа в станице Вышестеблиевской укрепилась только к 1931/1932 учебному году. К ее открытию и переводу на русский язык в 1933 году население отнеслось достаточно равнодушно. При этом бывшие ученики школы утверждают [14], что украинский язык отличался от «балачки» и был не вполне понятен.

Особое место занимают жалобы на украинизацию и последующую деукраинизацию школы. В результате ее ученики путались в правилах разных языков, им становилось труднее учиться. «В двадцать седьмом (была украинизация – И. В.). Двадцать восьмом. Тут дэ я кончал. И мне два года перепортили они. Руський я плохо знал. И я там начал сдавать. Пока сдал» [15].

«Мне десять лет было. В школе нас учили украинском у языку. В третьем классе уже по-украински нас учили. В четвертый класс пришли – все. В тридцать третьем. В тридцать четвертом – уже все. За тридцать второй не помню». «А как жаловаться? (на украинизацию – И. В.) Саму Кубань хотели по-украински переделать правители. На всей Кубани это было. Чтоб Украина была. Украинцы – казаки тут завоевали Кубань. Екатерина дала возможность украинцам занять эти земли. Тут же пустошь была. А потом все переделалось по-кубански. Стали кубанские казаки. Када дали туркам по шапки. Они еще вернуться, шапку потеряли здесь. Это турецкая земля. А украинцы заняли вот это. А то по-русски было. А то Никита или хто Крым отдал. А то Кубань хотели». – «А книги, газеты были украинские? Документы в совете?» – Это не знаю». – «А родители не жаловались, что их детей заставляют по-украински учиться?» – «Да хто там будет жаловаться? Не обращали внимания родители. Ходишь в школу, и ходи. – Конечно. Совсем по-другому (о резких отличиях от говора станицы Платнировской – И. В.). Украинска мова назывался. А всем было все равно. Затюканные были. Что хотели, то и делали с народом. В школу ходили после сентября только для того, чтоб мамалыгу дали. А я долго путал. Букву «и». Показывали букву «и» – палочку и точку сверху. Это по-украински. А буква «ы» наша и». – «По-украински (говрили в школе – И.В.). Даже запрещали по-русски-то. А дома как хочешь. Я и дома приучал своих стариков. Смеялись!» Таков наиболее развернутый рассказ об украинизации, записанный от старожилы станицы Платнировской Г. П. Мизина [16]:

«Два года учили нас. И получалось не руське, не украинське. Потом решили: «Давайте перейдем на русский». Ну че, два урока на украиньском, а те руське. И попробуй, чи вотэ запомни, чи вотэ. В одном классе. Два урока такэ, два урока такэ. Тада ж балакали.

А сейчас не так. Тридцать второй, тридцать третий был годы – украинский язык. А в тридцать четвертом уже русский», – рассказ другой платнировец С. П. Гришко [17].

Воспоминания старожилов дают сведения о языковой и культурной ситуации на Кубани, предшествовавшей украинизации, тех условиях, которые предопределили ее свертывание. В этом плане воспоминания старожилов информативнее, чем по теме самой украинизации.

Жителям ряда населенных пунктов со смешанной культурой и населением было попросту безразлично, на каком языке говорить [18]. «Язык отменили украинский, стали русски», – вспоминает старожил станицы Челбасской Г. Ф. Шинкаренко [19].

«В огороде – бузина,/ Редька молодая./ Надоела нам свобода./ Дайте Николая!» – пелось в популярной кубанской частушке времен Гражданской войны [20]. Здесь можно найти косвенную оценку народом различных видов либеральной пропаганды, в том числе самостийнической и украинофильской. Народ был равнодушен к политическим прожектам и тяготел к твердой власти и порядку.

По рассказам старожилов станиц жители черноморских станиц часто называли себя «хохлами». Они определяли свою этничность как промежуточную между русской и украинской. «Мы усе хохлы. Не то русские, не то украинцы» [21]. Либо отделяли себя от украинцев. «Мы ж хохлы. Фактически мы не украинцы, мы хохлы. У нас наречие другэ» [22].

Так, в доме старожилки станицы Гривенской потомственной казачки М. И. Похитон висела картина «Казак Мамай», цитаты и украинских народных песен. При этом она говорила, что считает себя русской, а не украинкой [23]. Казаки-черноморцы переставали отделять Украину от России. «Там русские жили, славяне. Это окраина была рубежей», – говорил об Украине кубанский казак Г. Д. Слюсаренко [24]. Среди жителей черноморских станиц бытовало представление о неразрывной связи Запорожской Сечи с русским государством и народом. «Суворов, когда его Запорижску Сечь выселять послали, сказал: «Видит Бог, я не виноват, что меня заставили на своих идти». Не Украину выселили – Запорижску Сечь», – рассказывали в станице Вышестеблиевской [25].

Имело место и четкое отделение кубанской этноязыковой идентичности от украинской. «У меня мама была украинка, а папа – кубанец, казак», – рассказывала старожилка станицы Гривенской Н. В. Короткая [26]. «Балачка от украинского намного различается. Ее и сейчас много употребляет. Не много, а половина», – говорит житель станицы Бакинской А. Д. Петько [27].

В некоторой степени в народной памяти отразилось свертывание украинизации и связанная с нею партийная чистка, борьба с «буржуазным национализмом». Вот какое объяснение давалось голоду 1933 года: «Неправильное руководство было. Шеболдаев. В Ростове. Вроде хотели от России отделиться» [28].

В целом украинизация была воспринята информантами Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции фрагментарно и смазано. Виной тому их слишком юный возраст в период проведения украинизации, недостаточная ее значимость. Исключения составляют воспоминания некоторых старожилов о школьных годах, о проблеме грамотности.

Сопутствующая информация, особенно об этнической самоидентификации старожилов, представлена гораздо более полно. Но она также не слишком эмоционально окрашена. Отличия русских и украинцев на Кубани никогда не были особенно актуальными.

В этой связи встает вопрос о необходимости изучения пласта кубанской мемуаристики, который оставили люди, заставшие украинизацию на Кубани в зрелые годы. Однако мемуары очевидцев украинизации не смогут полноценно заменить устно-исторические сведения. В основном они созданы в той или иной степени политически ангажированными интеллигентами. И их точка зрения совершенно отлична от точки зрения простых сельчан.

Примечания

1. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 3089. Ст. Саратовская Горячеключевского р-на. Инф.: Хорльская В.Ю., 1914 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
2. ПМ КФЭЭ – 2001. Видеокассета 96/1. ст. Каневская Каневского р-на. Инф.: Святка Н. П. Иссл.: Матвеев О. В.
3. ПМ КФЭЭ – 2004. АК 3052. ст. Староджерелиевская Красноармейского р- на. Инф.: Задорожний П. В., 1938 г. р. Иссл.: Рыбко С. Н., Кузнецова И. А./; ПМ КФЭЭ – 1995. АК № 687. ст. Гривенская Калининского р-на. Инф.: Калугин С. И., 1907 г. р. Иссл.: Самовтор С. В.
4. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СП(б), 2003. С. 330–335.
5. Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. СП(б), 2003. С. 37, 39.
6. ПМ КФЭЭ – 1992. АК 238. Ст. Березанская Выселковского р-на. Инф.: Проскура А. Н., 1901 г. р. Иссл.: Горбань А. Е.; Зуб Е. В.
7. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 688. Ст. Гривенская Калининского р-на. Инф.: По- хитон М. И., 1927 г. р. Иссл.: Зуб Е. В.
8. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 3904. Ст. Бакинская Горячеключевского р-на. Инф.: Петько А. Д., 1924 г.р. Иссл.: Матвеев О. В.
9. ПМ КФЭЭ – 2001. Видеокассета 96/1. Ст. Каневская Каневского р-на. Инф.: Святка Н. П. Иссл.: Матвеев О. В.
10. Усатый Ф. И. Ст. Каневская // Красное знамя. 1928. № 99. С. 5
11. ПМ КФЭЭ – 1992. А/К 280. ст. Старолеушковская Павловского р-на. Инф.: Ткач Е. В., 1914 г. р. Иссл.: Горбань А. Е.; Чмырева И. Ю.
12. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 3904. Ст. Бакинская Горячеключевского р-на. Инф.: Петько А. Д., 1924 г.р. Иссл.: Матвеев О. В.
13. ПМ КФЭЭ – 1992. АК 280. Ст. Старолеушковская Павловского р-на. Инф.: Ткач Е. В., 1914 г. р. Иссл.: Горбань А. Е.; Чмырева И. Ю.
14. ПМ КФЭЭ – 2004. АК 3124. Ст. Вышестеблиевская Темрюкского р-на. Инф.: Черненко М. Я., 1923 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
15. ПМ КФЭЭ-1992. АК 222. Ст. Платнировская, х. Левченко Кореновского р-на. Примак П. Н., 1913 г. р.
16. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4216. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Мизин Г. П., 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
17. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4217. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Гришко С. П., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
18. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4217. ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Гришко С.П., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.

19. ПМ КФЭЭ – 2001. АК 2328. Ст. Челбасская Каневского р-на. Инф.: Кабан Н. Е., 1925 г. р., Кабан Т. Н., 1921 г. р., Шинкаренко Г. Ф., 1913 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
 20. ПМ КФЭЭ – 2001. А/К №2327. ст. Челбасская Каневского р-на. Инф.: Беда П. И. Иссл.: Матвеев О. В.
 21. ПМ КФЭЭ-1992. АК 221. Ст. Сергиевская Кореновского р-на. Инф.: Рой Н. М., 1918 г. р.
 22. ПМ КФЭЭ-1992. АК 244. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Куценко П. Г., 1906 г. р.; Боуман М. Ф., 1915 г. р. Иссл.: Горбань А. Е.
 23. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 688. Ст. Гривенская Калининского р-на. Инф.: Похитон М. И., 1927 г. р. Иссл.: Зуб Е. В.
 24. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 929. Хут. Новонекрасовский Приморско-Ахтарского р-на. Инф.: Слюсаренко Г. Д. Иссл.: Мануйлов А. Н., Сень Д. В.
 25. КФЭЭ – 2004. АК 3052. Ст. Староджерелиевская Красноармейского р-на. Инф.: Задорожний П. В., 1938 г. р. Иссл.: Рыбко С. Н., Кузнецова И. А.
 26. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 681. Ст. Гривенская Калининского р-на. Инф.: Короткая Н. В., 1908 г. р. Иссл.: Мануйлов А. Н.
 27. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 3904. Ст. Бакинская Горячеключевского р-на. Инф.: Петько А. Д., 1924 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
 28. ПМ КФЭЭ – 1997. АК 1244. Ст. Темиргоевская Курганинского р-на. Инф.: Кролев П. Е., 1904 г. р. Иссл.: Матвеев О. В., Мартынюк Л. С.
- 926 года по Северо-Кавказскому краю. Ростов- Н/д., 1929. С. 176–179.

Список использованных материалов.

Литература

1. Абалкин, Л. И. Логика экономического роста. /Л. И. Абалкин. – М.: РАН. Ин-т экономики, 2002. – 228 с.
2. Абалкин, Л. И., Иванов Е. А. Судьбы, противоречия и периодизация развития советской экономики / Л. И. Абалкин, Е. А. Иванов // Портал «Studfile»URL.: <https://studfiles.net/preview/5754354/> (дата обращения – 11.01.2017).
3. Абрегова, Ж. О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани: Конец XIX – первая треть XX вв. / Ж. О. Абрегова // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat . URL.: <http://www.dissercat.com/content/povsednevnyaya-zhizn-selskogo-naseleniya-kubani-konets-xix-pervaya-tret-xx-vv#ixzz5QP0fOCHx> (дата обращения– 07.09.2018).
4. Альперович, М. С., Слезкин, Л. Ю. История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX в.). [Учеб. пособие для вузов по спец. «История»]. М. С. Альперович, Л. Ю. Слезкин. – М.: Высшая школа, 1981. – 295 с.
5. Баранов, А. В. Демографическое эхо войн 1914–1922 годов: украинский фактор в социальном и политическом развитии Юга России первой трети XX в. / А. В. Баранов // Великая Отечественная война в контексте истории XX века: Материалы международной научно-практической конференции: г. Адлер, 27-31 мая 2005 г./ Краснодарская региональная организация Общества «Знание» России; КубГУ; Кубанское казачье войско. – Краснодар, 2005.
6. Он же. Особенности формирования украинской историографии нацистроительства и этнического самосознания в конце XX – начале XXI вв. / А. В. Баранов // Вопросы

национальной историографии и народных исторических представлений славян и их соседей: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 1150- летию славянской письменности (16 ноября 2013 г., г. Краснодар) / М-во образования и науки Российской Федерации, Кубанский гос. ун-т, Науч.-образовательный центр «Северокавказское славяноведение», Фак. истории, социологии и междунар. отношений Кубанского гос. ун-та. – Краснодар.: Традиция, 2013.

7. Безугольный, А. Ю. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. /А. Ю. Безугольный, Н. Ф. Бугай, Е. Ф. Кринко. – М.: Центрполиграф, 2012. – 256 с.

8. Бердинских, В. А. Речи немых: повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке / В. А. Бердинских. – М.: Ломоносовъ, 2011. – 321 с.

9. Бондарь, Н. И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества. Кубанский гос. ун-т, Науч.-исслед. центр традиционной культуры, ГБНТУ «Кубанский казачий хор», Кубанское казачье войско. – 2-е изд., испр. / Н. И. Бондарь. – Краснодар.: Традиция, 2011. – 373 с.

10. Он же. Код смерти (голод 1933) / Н. И. Бондарь // Историческая память населения Юга России о голоде 1932 – 1933 гг. Материалы научно- практической конференции. Материалы научно-практической конференции / Под редакцией Н. И. Бондаря, О. В. Матвеева. – Краснодар.: Типография «Плехановец», 2009. – С. 141–154.

11. Он же. Кубанское казачество (этносоциальный аспект) / Н. И. Бондарь // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. Институт Этнологии и Антропологии РАН. Центр народной культуры Кубани – М, 1995. С. 5–48.

12. Бугай, Н. Ф. Старо-Титаровская: курень, куренное поселение, станица (1792 год – нач. XXI в.) / Н. Ф. Бугай; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории РАН. – М.; Тула: Гриф и К, 2009. – 1024 с.

13. Васильев, И. Ю. Государство и общество в системе ценностей кубанского казачества: (конец XVIII – начало XX вв.) / И. Ю. Васильев // Электронная библиотека «Киберленинка». URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-obschestvo-v-sisteme-tsennostey-kubanskih-kazakov-konets-xviii-nachalo-xx-v> (дата обращения 24.02.2019).

14. Он же. Историческое знание «в цифре»: архивариус вместо письма? / И. Ю. Васильев // Информационно-аналитический портал «АПН». URL.: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=36821> (дата обращения – 13.11.2017).

15. Он же. «Книга памяти жертв политических репрессий» как источник по этнической истории Кубани / И. Ю. Васильев // Научное наследие Ф. А. Щербины: казачество и история Кавказа. Сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции Краснодар.: Изд-во ИМСИТ. 2017. С. 16–20.

16. Он же. Моноцентрический плюрализм – надметодологическая оболочка в исторической науке / Васильев И. Ю. // Информационно- аналитический портал «АПН». URL.: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=37001> (дата обращения – 20.01.2019).

17. Он же. Переходные состояния и идеальные типы в истории / Васильев И. Ю. // Портал «Народ на земле». URL.: [narodnazemle.ru»node/85](http://narodnazemle.ru/node/85) (дата обращения – 20.05.2017).

18. Он же. С. Р. Сотниченко – портрет украинофила на фоне убийства / И. Ю. Васильев // Научное наследие Федора Андреевича Щербины и современность. Краснодар: Изд-во ИМСИТ, 2014. С. 195–199.

19. Он же. Специфика восточнославянской этничности на примере украинцев Кубани / И. Ю. Васильев // Украинский кризис: истоки тенденции и уроки. Материалы круглого стола. Изд-во ЮНЦ РАН. Ростов- н/Д., 2015. С. 61–79.
20. Он же. Украинизация в памяти старожилов кубанских станиц / И. Ю. Васильев // Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве: Материалы научно-практической конференции в рамках VIII Международного фестиваля славянской культуры «Славянск – 2011». – Славянск-на-Кубани: ГБУ КК «Центр хозяйственного и технического обслуживания учреждений культуры искусства и кинематографии», 2012. С. 53–57.
21. Он же. Украинский национализм на Кубани в период гитлеровской оккупации: реальность и вымысел / И. Ю. Васильев // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – С. 413–417.
22. Он же, Зудин А. И. Голод на Кубани 1933 г. в воспоминаниях очевидцев: обзорный очерк / И. Ю. Васильев, А. И. Зудин // Васильев И. Ю. Памяти XX в. Устная история кубанских станиц. – М.: Традиция, 2016. – С. 62–76.
23. Он же, Карасев И. Аватары кубанского хутора / И. Ю. Васильев, И. В. Карасев // Животноводство Юга России. 2017. №2. С. 22–23.
24. Они же. Наши поля и огороды / И. Ю. Васильев, И. В. Карасев // Электронное издательство Ridero.URL.: https://ridero.ru/books/nashi_polya_i_ogorody/(дата обращения – 02.02.2019).
25. Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / Центр независимых социологических исслед.; [под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой]. – СПб.: Алетей, 2014. – 231 с.
26. Вахштайн, В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 / В. Вахштайн // Логос. – 2017. – №2. – С. 1. – 48.
27. Вереитинова Т. Ю. Праздник как феномен и концепт антропологии культуры / Т. Ю. Вереитинова // Электронная библиотека «Киберленинка» URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-kak-istoriko-antropologicheskii-fenomen> (дата обращения – 05.04.2017).
28. Вереитинова, Т. Ю. Праздник как историко-антропологический феномен / Т. Ю. Вереитинова, А. Ю. Галиченко, Л. И. Азарова // Электронная библиотека «Киберленинка». URL.:<https://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-kak-istoriko-antropologicheskii-fenomen> (дата обращения – 05.04.2017).
29. Волошин, В. А., Кучеров Н. А. Есаул Козлов / В. А. Волошин, Н. А. Кучеров // Официальный сайт Отрядненского отделения Российского общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца. URL.:http://roia.otradnaya.com/files/VoloshinVA_KucheroVNA_Esaul_Kozlov.pdf (дата обращения – 16.02.2018).
30. Гетманская, С. Н. Православное духовенство Кубани (1918–1920 гг.) / С. Н. Гетманская // Антропология конфликта и мира: революции и перевороты XX в. в исторической и культурной памяти народов Юга России: Материалы IV Всероссийской

научно-практической конференции (г. Краснодар, 24 ноября 2017 г.) / Науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. – Краснодар, 2017. – С. 55–56.

31. Гирц, К. Интерпретация культур / Пер. с англ. / К. Гирц. – М.:

«Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с.

32. Глебкин, В. В. Ритуал в советской культуре / В. В. Глебкин. – М.: Янус-К, 1998. – 167 с. // Электронная библиотека «lib100». URL.:

lib100.com/philosophy/ritual_v_sovetskoj_kulture/pdf/ (дата обращения – 02.02.2019).

33. Гриценко, Е. В. Городские агломерации: в поисках оптимальной модели территориальной организации (сравнительно-правовой анализ) / Е. В. Гриценко // Портал «Отрасли права» <http://отрасли-права.рф/article/1430> (дата обращения – 08.05.2017).

34. Демин, И. В. Философия истории Генриха Риккерта: между метафизикой и постметафизикой / И. В. Демин // Электронный портал издательства «Notabene» URL.: http://e-notabene.ru/pr/article_22766.html (дата обращения – 19.12.2017).

35. Ермачков, И. А. Город-курорт Сочи в период перестройки, 1985–1991 гг. : социально-экономический аспект : автореферат дис. кандидата исторических наук: 07.00.02 / Ермачков Иван Анатольевич; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. – Краснодар, 2016. – 29 с.

36. Ерохина, Т.И. Поведение как сфера актуализации «Повседневности» и «быта» / Т. И. Ерохина // Ярославский педагогический вестник. – 200. – № 3. – С. 157–160.

37. Жинкин, А., Паламарчук, О. Кубань: история, культура, курорты и туризм: Учебное пособие / А. Жинкин, О. Паламарчук. – 2-е издание, доп. – Краснодар: Периодика Кубани, 2003. – 347 с.

38. Засухин, Р.В. Отражение фольклорных традиций кубанского казачества в песнях периода Гражданской войны на Северном Кавказе (1918–1920 гг.) / Р. В. Засухин // Отрадненские историко-краеведческие чтения / Отрадненское районное об-во историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца; отв. ред. С.Н. Малахов; сост. С. Г. Немченко. – Армавир: Шурыгин В. Е.; ст-ца Отрадная, Краснодарский край: [б. и.] Вып. I. – Армавир – Отрадная. 2013. – С. 53–55.

39. Захарова, И. Ю., Меликьян К. В. Сельское хозяйство Кубани в довоенный период 1937–1940 гг.: Показатели и проблемы развития / И. Ю. Захарова, К. В. Меликьян // Электронный ресурс библиотеки им. В. И. Ленина. URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/selskoe-hozyaystvo-kubani-v-dovoennyy-period-1937-1940-gg-pokazateli-i-problemy-razvitiya> (дата обращения – 19.03.2018).

40. Земнухова, Л. В., Сивков Д. Ю. Работать (в)месте: локализация технонауки в офисах IT-индустрии / Л. В. Земнухова, Д. Ю. Сивков // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 6. – С. 44–58.

41. Зырянов, Ф. П. Станицы меняют облик. О путях преодоления различий между городом и деревней. / Ф. П. Зырянов. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во. 1974. 240 с.

42. Ипполитов, В. А., Слезин А. А. Восприятие в комсомоле статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» / В. А. Ипполитов, А. А. Слезин // Вопросы истории. – 2018. – №8. – С. 52 – 60.

43. Ипполитов, Г. М, Репницкий А. И. История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки / Г. М. Ипполитов, А. И. Репницкий //

Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – № 3. – С. 154–161.

44. Каган, М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). / М. С. Каган. М.: Политиздат, 1974. – 328 с.

45. Казанков, В. И. «Привет из Ломжи». История одной старой открытки / В. И. Казанков // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Армавир – Отрадная, 2017. / Отрадн. район. об- во ист.-арх. во имя св. прп. Нестора Летописца; отв. ред. С. Н. Малахов; сост. С. Г. Немченко. – Армавир – Отрадная, [б.и.] 2017. – Вып. V. – С. 123–125.

46. Капкан, М. В. Культура повседневности: [учеб. пособие] / М. В. Капкан; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.

47. Карасева, А. Разомкнутая модерность: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа / А. Карасева // Антропологический форум. – 2018. – № 38. – С. 122–146.

48. Клейн, Л. С. История антропологических учений. / Л. С. Клейн. – СПб.: Изд-во СПбГУ 2014. – 744 с.

49. Он же. История археологической мысли. / Л. С. Клейн. – СПб.: Изд-во СПбГУ. 2011. – 688 с.

50. Ковалев, Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. / Б. Н. Ковалев – М.: Молодая гвардия, 2011. – 656 с.

51. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования. / И. Д. Ковальченко. – М. Наука, 1987. – 440 с.

52. Комоедов, В. И. Сельская молодежь Дона, Кубани и Ставрополья в борьбе за хлеб // Из истории трудового подвига народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Из истории трудового подвига народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны : Сб. науч. тр. / Кубан. гос. ун-т; [Редкол.: Г. П. Иванов (отв. ред.) и др.]. – Краснодар.: Изд-во Кубанского государственного университета, 1985. – 176 с.

53. Костов, С. В. Современное состояние отечественной социальной истории / С. В. Костов // Сайт С.В. Костова. URL.: <http://www.kostov.ru/Works%20on%20History%20in%20Russian/Contemporary%20State%20of%20Russian%20Social%20History.htm> (дата обращения – 20.06.2017).

54. Кром, М. М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) / М. М. Кром // История повседневности: сборник научных работ / Отв. ред. М. М. Кром. – СПб.: Алетейя, изд-во Европейского ун-та в СПб. 2003. – 208 с.

55. Кринко, Е. Ф. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. The Daily world of the soviet man of 1920-1940s: the life in the conditions of social transformations : [монография]. Российская акад. наук, Южный науч. центр, Ин-т социально-экономических и гуманитарных исслед. / Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажиудинова, Т. П. Хлынина. – Ростов-на-Дону.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 359 с.

56. Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; [Отв. ред. К. В. Чистов]. – Москва.: Наука, 1967. – 356 с.

57. Кузнецов, А. Г. К антропологии «близкого» в городе: места, неместа, мобильности / А. Г. Кузнецов // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 6. – С. 5–13.
58. Культура в СССР в 1920– 1930-е гг. // Портал МегаОбучалка. URL.: <https://megaobuchalka.ru/4/36251.html> (дата обращения – 07.07.2017).
59. Ле Гофф, Ж. В поддержку Долгого Средневековья / Ж. Ле Гофф // Портал «Dejavu. Энциклопедия культур» URL.: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Goff_Middle.html (дата обращения – 19.04.2017).
60. Лебина, Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. / Н. Б. Лебина. – М.: Новое лит. обозрение, 2015. – 482 с.
61. Лекция Олега Николаева в музее-заповеднике «Старая Сарепта» // Официальный сайт благотворительного фонда Владимира Потанина. URL.: <http://museum.fondpotanin.ru/novosti/competition/2013-09-17/648363> (дата обращения – 05.12.2015).
62. Лефевр, А. Повседневное и повседневность / А. Лефевр // Социологическое обозрение. – Том 6. – № 3. – 2007. – С 33–26.
63. Лохова, Т. В. Сельское хозяйство Краснодарского края в 1941–1945 гг. (к вопросу об историографии проблемы) / Т. В. Лохова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2014. № 4. С. 50–54.
64. Лубский, А. В. Альтернативные модели исторических исследований / А. В. Лубский // Портал Textarchive.ru URL.: <http://textarchive.ru/c-2656511.html> (дата обращения – 20.06.2017).
65. Лях, В. И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы / В. И. Лях. – Краснодар: Советская Кубань, 1997. – 445 с.
66. Матвеев, О. В. Герои и войны в исторической памяти кубанского казачества. Науч.-исслед. центр традиц. культуры Гос. науч.-творч. об-ния «Кубан. казачий хор»./ О. В. Матвеев. – Краснодар: Изд-во Кубанькино, 2003. – 198 с.
67. Он же. Историческая картина мира кубанского казачества. Особенности военно-сословных представлений (конец XVIII – начало XX в.). Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2009.
68. Он же. Партизаны Кубани в 1942–1943 гг.: героические символы и реальные люди (по материалам устной истории) / О. В. Матвеев // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2010. № 1–2. С. 101–113.
69. Он же. Станичный атаман на оккупированной Кубани (по материалам Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / О. В. Матвеев // XVII Адлерские чтения. Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности: материалы Международной научно-практической конференции, 21–25 мая 2010 г. : к 65-летию победы в Великой Отечественной войне / Администрация Краснодарского края, Краснодарская региональная орг. о-ва «Знание» России, Кубанский гос. ун-т, Фил. Санкт-Петербургского ин-та внешнеэкономических связей и права в г. Краснодаре. – Краснодар.: Традиция, 2010. – С. 306–307.
70. Медик, Х. Микроистория / Х. Медик // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. М., 1994. Т. II. № 4. С. 192–197.
71. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2-х т.–3-е изд., испр., доп./ Б. Н. Миронов. – СПб.: «Дмитрий Буланин». – XL, – 548–583 с.

72. Митрошников, А. О. Философия: учебник Структура, виды, формы и уровни деятельности / А. О. Митрошников // Электронная библиотека «Полка букиниста» URL.: http://society.polbu.ru/mitroshenkov_philosophy/ch95_all.html (дата обращения – 24.04.2017).
73. Михайлин, В. Ю. Тропа звериных слов: пространственно ориентир. культур. коды в индоевроп. традиции / В. Ю. Михайлин. – М.: Новое лит. обозрение, 2005. – 539 с.
74. Морозова, Е. В. Локальная идентичность и проблемы ее конструирования (кейс Краснодарского края) / Е. В. Морозова // Портал «Lib.sale» URL.: <https://lib.sale/sotsiologiya-politiki-knigi/morozova-kubanskiy-gosudarstvennyiy-37705.html> (дата обращения – 30.03.2016).
75. Нежигай, Э. Н. Советские праздники как социокультурное явление / Э. Н. Нежигай // Нэповская Кубань: сознание и культура населения. Краснодар, 1999. С. 23–54.
76. Неклюдов, С. Ю. Фольклор и современность: итоги XX в. / С. Ю. Неклюдов // От конгресса к конгрессу: навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов: сборник материалов / М-во культуры Российской Федерации, Гос. республиканский центр русского фольклора; [сост. В. Е. Добровольская, А. С. Каргин]. – Москва: Изд-во Гос. республиканского центра русского фольклора, 2010. – С. 30–42.
77. Никитин, А. В. Развитие сельскохозяйственных предприятий России в 1990-е – 2000-е гг. / А. В. Никитин // Вестник ТГТУ. – 2006. – Том 12. – № 3Б. – С. 818–832.
78. Орлов, И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов; Гос. ун-т Высш. шк. экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. – 316 с.
79. Острожинский, В. Е. Обрядность в нашей жизни / В.Е. Острожинский. – М.: Политиздат, 1980. – 55 с.
80. Остром, Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. Э. Остром. – М.: Мысль, изд-во ИРИСЭН, 2011. – 447 с.
81. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / [В. Н. Ратушняк, А. М. Ждановский, И. И. Марченко и др.]; Под общ. ред. В. Н. Ратушняка. – Краснодар: Совет. Кубань, 1996. – 654 с.
82. Планировочная структура и функциональная организация территории города // Электронная библиотека технического портала «Технарь». URL.: <http://tehlib.com/arhitektura/planirovochnaya-struktura-i-funktsiona/> (дата обращения – 24.04.2017).
83. Подымова, К. А. Особенности повседневной жизни населения Кубани в 1960–1980-е годы / К. А. Подымова // Педагогическое сообщество «Урок.рф». URL.: https://xn--jlahfl.xn--plai/library/%C2%ABosobennosti_povsednevnoj_zhizni_naseleniya_kubani_163228.html (дата обращения – 07.09.2018).
84. Померанцева, Э. В. Фольклорный репертуар одного села за сто лет / Э. В. Померанцева // Русский фольклор: Историческая жизнь народной поэзии / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. А. А. Горелов – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. – С. 236–250.
85. Портелли, А. Особенности устной истории / А. Портелли // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. – СПб: Изд-во ЕУСПб, 2003. – С. 32–51.
86. Приходько, Е. И. История создания и развития районной газеты

- «Красный табаковод» (Горячключевской район, Краснодарский край) / Е. И. Приходько // Электронная библиотека «Киберленинка». URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sozdaniya-i-razvitiya-rayonnoy-gazety-krasnyu-tabakovod-goryacheklyuchevskoy-rayon-krasnodarskiy-kray> (дата обращения – 02.02.2019).
87. Пушкарева, Н. Повседневная жизнь в России: междисциплинарный подход 13–15 мая 2010 г., Блумингтон (Штат Индиана), США / Пушкарева Н. Л. // Антропологический форум. – № 14online. – С. 457–470.
88. Развитие образования и культуры в 1920–1930-е гг. // Портал «Кубань – ты наша Родина». URL.: <http://kuban.hut4.ru/culture2.htm> (дата обращения – 07.07.2017).
89. Раков, А. А. Кто такой «кулак»? (Опыт регионального исследования по материалам архивов Южного Урала) / А. А. Раков // Российская история. – 2009. – № 5. – С. 94–100.
90. Ратушняк, В. Н. История Кубани в датах, событиях, фактах. История Кубани в датах, событиях, фактах / В. Н. Ратушняк. – Краснодар.: Экоинвест, 2003. – 299 с.
91. Резниченко С. Индейцы, коммунисты и либералы: опыт тоталитарного мышления / С. Резниченко // Информационно-аналитический портал АПН. URL.: apn.ru/index.php?newsid=35517 (дата обращения – 02 05.2017).
92. Он же. Кубанцы. Какие они? / С. Резниченко // Информационно– аналитический портал «АПН». URL.: apn.ru/publications/article33150.htm (дата обращения – 01.07.2017).
93. Он же. Наш ответ марксистам / С. Резниченко // Блог семена Резниченко. URL.: <http://semrez.ru/наш-ответ-марксистам> (дата обращения – 12. 02. 2017).
94. Он же. Россия и славянство / С. Резниченко // Блог Семена Резниченко. URL.: semrez.ru/семен-резниченко-россия-и-славянство/ (дата обращения – 02 05.2017).
95. Он же. Русские коллективы выживания. / С. Резниченко. М.: Традиция. 2014. 256 с.
96. Он же. Функциональность в обществе и ее ограничения / С. Резниченко // Информационно-аналитический портал «АПН». URL.: <http://www.apn.ru/index.php?newsid=36685> (дата обращения – 27 09.2017).
97. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. Репина. –: Кругъ, 2011.. 168– 169.
98. Рожков, А. Ю. «Вместо сияющего будущего – участь рабыни»: репрезентация переживаний в период оккупации в нарративах краснодарских школьников / А. Ю. Рожков // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». Сборник научных статей / Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, Российский гуманитарный науч. фонд; [под ред. А. Ю. Рожкова]. – Краснодар.: Экоинвест, 2010. – С. 299–300.
99. Розенталь, Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью / Г. Розенталь // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред М. В. Лоскутовой. – СПб: Изд-во ЕУСПб, 2003. – С 322– 355.
100. Руткевич, М. Н. Методологические проблемы изучения социальной структуры советского общества. Изд-во УрГУ. / М.Н. Руткевич. – Свердловск, 1972. С. 11–12.
101. Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее / Н. А. Серогодский, В. Н. Ратушняк, А. С. Демченко, Е. А. Чайка, Д. С. Завгородний. – Краснодар: Традиция, 2017.
102. Семенцов, М. В. Историко-экологические аспекты освоения Кубани казачеством в XIX – начале XX вв. / М. В. Семенцов // Итоги фольклорно- этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 год. Дикаревские чтения: материалы Северо-Кавказской научной конф.

– Краснодар, 16–18 нояб. 2007 г. – Краснодар.: РИЦ «Мир Кубани», 2007. Вып. 13. – С.76–164.

103. Сенявская, Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества Российская акад. наук, Ин-т российской истории / Е. С. Сенявская. – М.: РОССПЭН, 2006. – 287 с.

104. Сенявский, С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества 1938–1970 / Ин-т истории СССР АН СССР / С. Л. Сенявский. – Москва: Мысль, 1973. – 446 с.

105. Смирнов, П. И. Русская сельская община: происхождение, основные функции и ценности / П. И. Смирнов // Сайт журнала Credo New. URL.: [http:// credonew.ru/archives/277](http://credonew.ru/archives/277) (дата обращения – 16.03.2019).

106. Смирнов, П. И. Функционирование русской сельской общины: важнейшие следствия / П.И. Смирнов // Портал «Интелрос». URL.: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr4-2014/25723-funkcionirovanie-russkoj-selskoj-obschiny-vazhneyshie-sledstviya.html (дата обращения – 16.03.2019).

107. Соколов, А. К. Социальная история Новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения / А. К. Соколова // Портал «История повседневности» URL.: <http://www.el-history.ru/node/436> (дата обращения – 10.06.2018).

108. Степанов, А. О месте. Этнофеноменологический очерк / А. В. Степанов // Антропологический форум. – 2016. – № 28. – С. 199–220.

109. Степанов, А. В. Сайфиев А. Ф. Леший – черт, отдай мою животину (Исследование демонологии Сямженского района Вологодской области) / А. В. Степанов, А. Ф. Сайфиев // Портал «Русский фольклор в современном мире». URL.: folk.ru/research/stepanov_leshij.php (дата обращения – 19.04.2017).

110. Стрекалова, Е. Н. Лакуны исторической памяти: детство военного времени 1941–1945 годов по устным воспоминаниям / Е. Н. Стрекалова // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: Сборник научных статей / Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, Российский гуманитарный науч. фонд; [под ред. А. Ю. Рожкова]. – Краснодар.: Экоинвест, 2010. С. 339–363.

111. Тишков, В. А. О слабости традиционного подхода / В. А. Тишков // Авторский блог В. А. Тишкова. URL.: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n41_slabost.html (дата обращения – 01.07.2011).

112. Тульцева, Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР / Л. А. Тульцева. М.: Наука, 1985. – 191 с.

113. Тюрин, Г. В. Как возродить российскую деревню: уроки и перспективы / Г. В. Тюрин. / Г. В. Тюрин. – М.: Московский Политех, 2016. – 176 с.

114. Тюрин, Г. Опыт возрождения русских деревень / Г. В. Тюрин // Электронная библиотека «Profilib» URL.: <https://profilib.net/chtenie/104038/gleb-tyurin-opyt-vozhrozhdeniya-russkikh-dereven-22.php> (дата обращения – 19.04.2017).

115. Урсу, Д. П. Методологические проблемы устной истории / Д. П. Урсу // Источниковедение отечественной истории: сборник статей, 1989 / Академия наук СССР, Институт истории СССР; глав. ред. Кучкин В. А. М.: Наука, 1989. С. 3–32.

116. Филиппова, И. А. Репрезентация русской ментальности в фольклоре оренбургских казаков: автореферат дис... кандидата филологических наук:

- 10.01.09 / Филиппова Ирина Александровна; [Место защиты: Челяб. гос. ун-т]. – Челябинск, 2007. – 22 с.
117. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
118. Хагуров, А. А. Земельная реформа на Кубани: региональный срез / А. А. Хагуров // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 92–99.
119. Хлынина, Т. П. Поймут ли славяне славян: о некоторых проблемах изучения украинской диаспоры Кубани и Ростовской области / Т. П. Хлынина // Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С. В. Павловского: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2010. С. 139–145.
120. Она же. Политика украинизации Кубани (1920-е – 1930-е годы) /Т. П. Хлынина // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год. Дикаревские чтения (4): материалы науч.- практической конф., Белореченск, 23 мая 1998 г. – Белореченск: ООО РКА «Пресс-Имидж», 1998. – С. 30–32.
121. Она же. Украинизация Северокавказского края: замыслы и воплощение (по материалам Национального архива Республики Адыгея) /Т. П. Хлынина // Кубань – Украина: Вопросы историко-культурного взаимодействия. – Краснодар: Картика, 2006. Вып. 1. – С. 38–45.
122. Хлынина, Т. П., Курбат, Т. Г. «В этой истории я чуть имею, как говорят, корни»: практики институционализации украинской диаспоры Ростовской области и ее особенности /Т. П. Хлынина, Т. Г. Курбат // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально- экономического развития: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 142–148.
123. Черников С. Н. Изменения в материальном обеспечении на селе в Краснодарском крае в 1965–1980 гг. / С. Н. Черников // Портал журнала «История: факты и символы». URL.: <http://historic-journal.ru/2017/materialnoe-obespechenie-na-sele-v-krasnodarskom-krae-v-1965-1980/> (дата обращения – 14.03.2018).
124. Шанин, Т. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Т. Шанин. – М.: Изд-во МВШСЭ, РОССПЭН. 2002. – 592 с.
125. Шаповалов, С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. / С. Н. Шаповалов. – Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 2012. – 125 с.
126. Шаповалов, С. Н. «Осовечивание» религиозных праздников в 1920-е гг. / С. Н. Шаповалов // Электронная библиотека «Киберленинка». URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/osovechivanie-religioznyh-prazdnikov-v-1920-e-gg-1> (дата обращения – 05.04.2017).
127. Шевчук, Д. А. История экономики: учебное пособие / Д.А.Шевчук // Онлайн-библиотека.plam.ru. URL.: http://www.plam.ru/nauchlit/istorija_yekonomiki_uchebnoe_posobie/index.php (дата обращения – 11.01.2017).
128. Шишкина, Д. Ю. Экологический опыт традиционного природопользования донского казачества / Д. Ю. Шишкина // Итоги фольклорно-этнографических исследований

этнических культур Северного Кавказа за 2007 г. Дикаревские чтения (14). Материалы Северокавказской научной конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2009. С 33–42.

129. Шумков, Е. А. Экономика Краснодарского края во времена СССР (1960-е гг.) / Е. А. Шумков // Научные труды КубГТУ. – 2016. – № 13. – С. 225–236.

130. Шутова, О. М. Тенденции антропологизации в современной историографии: история повседневности, устная и гендерная истории / О. М. Шутова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэдактар) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2002. С. 106–121.

131. Щербина Ф. А. История самоуправления у кубанских казаков / Ф. А. Щербина // Кубанский сборник / Кубанский обл. стат. ком. – Екатеринодар: [б. и.], 1883. Т. 1. С. 88–123.

132. Он же. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм / [Соч.] Ф. Щербины. – Одесса: С. Ф. Шаповалов, 1881. – VIII, 380, V–VI с.

133. Эпплби, Ян (Appleby Ian). Незванные гости в коммунальной квартире: процессы нациестроительства непризнанных советских народов / Ян Эпплби // Портал «Informaworld». URL.: www.informaworld.com (дата обращения – 01.07.2011).

Материалы прессы

1. «Бессмертный полк» объединил 8 миллионов человек по всей России // Информационный портал «Спутник». URL.: <https://news.sputnik.ru/obschestvo/2d11d035334eef22ad3016ff6d767e9375abcb35> (дата обращения – 24.05.2017).

2. Богданов, В. Вдохнуть новую жизнь в лиманы Азова / В. Богданов // Кубань сегодня. – 2016. – 16 декабря. – С. 6.

3. Бурмагин, А. Кубанский казачий клуб / А. Бурмагин // Родная Кубань. – 2009. – № 4. – С. 143. – С. 134–144.

4. Буденновцы // Сельская новь. 1964. №1 33. 7 ноября. С. 3–4.

5. В Крыму вывалили мусор у домов игнорирующих свалки чиновников // Официальный сайт газеты «Газета ru». URL.: https://www.gazeta.ru/social/news/2017/04/29/n_9987425.shtml (дата обращения – 28.04.2017).

6. Васильев, И. Природное и антропогенное: слияние / И. Васильев // Информационно-аналитический портал «АПН». URL.: apn.ru/index.php?newsid=35205 (дата обращения – 14.05.2017).

7. Великая, Г. Вандализм по-фонталовски / Г. Великая // Тамань. – 1993. – №1. – 6 января. – С. 1.

8. В. К. Как я стал вором // Тамань. – 1993. – №2. – 11 января. – С. 1.

9. Вкусный туризм // Кубанские новости. 2016. – № 60. – 20 апреля. – С. 19.

10. Главный аграрный вуз Кубани отметил юбилей / Официальный сайт ГТРК «Кубань». URL: <http://old.kubantv.ru/pr-news/glavnyj-agrarnyj-vuz-kubani-otmetil-yubilej> (дата обращения – 24.05.2017).

11. Горячий Ключ. День города выдался на славу! // Портал органов исполнительной власти Краснодарского края URL.: <https://krasnodar.ru/content/3/show/18590/> (дата обращения – 06.05.2015).

12. Гришаков, И. Коллектив работает отлично / И. Гришаков // Сельская новь. – 1968. – № 7. – 16 января. – С. 1.

13. Грачев, М. Второе занятие университета / М. Грачев // Сельская жизнь. – 1967. – № 2. – 3 января. – С. 1.

14. Дарьина, В. Жилье, зерно и 2 тыс. рублей / В. Дарьина // Сельская новь. – 2002. – № 77. – 6 июля. – С. 1.
15. Деревцов, П. Все работы – на машины / П. Деревцов // – Сельская новь. – 4 января. – 1968.
16. Джулаев, Г. Горячий год Горячего Ключа / Г. Джулаев // Жемчужина Кубани. – 2006. – № 153. – 7 октября. – С. 11.
17. Дневник животновода // Сельская жизнь. – 1989. – № 132. – 2 ноября. – С. 1.
18. Добрые вести // Таманец. – 1966. – № 2. – 4 января. – С. 1.
19. Дроботов, А. Махачкалинцы в отместку за смерть 9-летней девочки начали массовый отстрел бродячих собак / А. Дроботов // Официальный сайт ставропольского филиала газеты «Комсомольская правда». URL.: <https://www.stav.kp.ru/daily/26646/3666309/> (дата обращения – 24.04.2017).
20. Ермак, В. Потехе – не только час! / В. Ермак // Сельская новь. – 1997. – № 1. – 3 января. – С. 4.
21. Ершов, А. На Кубани в строй «Бессмертного полка» встали более 500 тысяч человек / А. Ершов // Официальный сайт газеты «Российская газета». URL.: <https://rg.ru/2017/05/09/reg-ufo/kubni-v-stroj-bessmertnogo-polka-vstali-500-tys.html> (дата обращения – 24.05.2017).
22. Золотов, В. Вернуть былую мощь / В. Золотов // Сельская новь. – 1997. – № 20. – 20 февраля. – С. 1.
23. Знакомства // Сельская жизнь. – 2001. – №1. – 4 января. – С. 3.
24. Зубарева, В. Больше внимания орошению / В. Зубарева // Таманец. – 1979. – № 82. – 16 июля. – С. 3.
25. Иванова, В. Фальшивые купюры / В. Иванова // Сельская новь. – 1993. – № 1. – 5 января. – С. 1.
26. История селекции пшеницы на Кубани // Портал yfermer.ru. URL.: <http://www.yfermer.ru/selskoehozyaistvo/250827.html#.Wq4BfmWWSUk> (дата обращения – 18.09.2018).
27. Итоги года минувшего // Сельская жизнь. – 1975. – № 4. – 9 января. – С. 1.
28. Какие праздники отмечают краснодарцы? // Официальный сайт ГТРК «Кубань». URL.: <http://old.kubantv.ru/kuban/kakie-prazdniki-otmechayut-krasnodarczy/> (дата обращения – 24.05.2017).
29. Камаев, И. Меняя облик станицы / И. Камаев // Советская Кубань. – 1962. – № 209. – 5 сентября. – С. 3.
30. Карандашов, В. В лагере «Кавказ» / Карандашов В. // Сельская жизнь. – 1968. – № 82. – С. 4.
31. Карасев, И. Гонки на страусах и охота на африканских сомов / И. В. Карасев // Портал «Российский туризм». URL.: http://russiantourism.ru/main/main_10840.html (дата обращения – 08.01.2018).
32. Касаков, А. Отрадненскому гуманитарному институту – 9 лет / А. Касаков // Сельская жизнь. – 2001. – № 1. – 4 января. – С. 2.
33. Комиссар военного отдела Волик. Праздник социалистической Красной армии // Проблеск. – 1918. – № 10. – 6 апреля. – С. 1.
34. Коновалова, Г. Дорогие товарищи! / Г. Коновалова // Сельская новь. – 2002. – № 50. – 30 апреля. – С. 1.

35. Кошик, А. Под присмотром западного фермера (интервью с Василием Ивановичем Комлацким) / А. Кошик // Портал «Русская планета – Краснодар». URL.: http://krasnodar.rusplt.ru/index/chto_proishodit_s_selskim_hozyaistvom_krasnodarskogo_kraya-8359.html (дата обращения – 19.03.2018).
36. Кривомаз, К. Недаром дрались мы / К. Кривомаз // Таманец. – 1967. – № 25. – 25 февраля. – С. 3.
37. Лазарев, И. Украсим родную станицу / И. Лазарев // Сельская новь. – 1972. – № 44. – 11 апреля. – С. 1.
38. Лахно, А. В Спокойной готовятся к юбилею / А. Лахно // Сельская жизнь. – 2003. – № 32. – 18 марта. – С. 2.
39. Ляшко, Н. Напряженные будни колхоза «Путь Ильича» / Н. Ляшко // Сельская жизнь. – 2003. – № 26. – 1 марта. – С. 3.
40. Максимов В. Октябрины в «России» / В. Максимов // Сельская новь. – 1971. – № 134. – 6 ноября. – С. 4.
41. «Мама, а почему ты пьешь?..» // Сельская новь. – 1997. – № 2. – 7 января. – С. 4.
42. Маякам посвящается // Сельская новь. 1964. № 133. 7 ноября. С. 3.
43. На Кубани окунуться на Крещение можно в более чем в 10 местах, оборудованных для купания // Портал bw4u. URL.: <http://bw4u.ru/news/19/13631/> (дата обращения – 24.05.2017).
44. Наше интервью // Сельская жизнь. – 1968. – № 1. – С. 4.
45. Не ешьте мяса диких кабанов // Сельская новь. – 1993. – № 1. – 5 января. – С. 1.
46. Пащенко, Ф. Вода пошла / Ф. Пащенко // Сельская жизнь. – 2001. – № 5. – 16 января. – С. 1.
47. Периков, М. Ячмень убрали организованно / М. Периков // Сельская новь. – 2002. – № 77. – 6 июня. – С. 1.
48. Подымов, Е. ПСХ «Суворовское» – техника к весне готова / Е. Подымов // Сельская новь. – 1997. – № 17. – 13 февраля. – С. 1.
49. Порядок шествия. Празднование 1 мая 1918 г. // Проблеск. – 1918. – № 29. – 1 мая. – С. 1.
50. Плосков, Ф. Свой сахар / Ф. Плосков // Сельская новь. – 1968. – №3. – 6 января. – С. 3.
51. Пономарев, Ф. Мусор не по правилам. Почему на Кубани растет число нелегальных свалок / Ф. Пономарев // Сайт газеты «Аргументы и факты». URL.: http://www.kuban.aif.ru/society/details/musor_ne_po_pravilam_pochemu_na_kubani_rastet_chislo_nelegalnyh_svalok (дата обращения – 25.04.2017).
52. Предновогодние «гости» // Сельская новь. – 1993. – № 1. – 5 января. – С. 2.
53. Принимает врач // Сельская жизнь. – 1999. – № 1. – 6 января. – С. 3.
54. Проходняк, М. Вступают в строй механизмы // Сельская новь. – 1968. – 4 января.
55. Пукиш, В. Кубанцев стало больше, а россиян – меньше. В зеркале последней переписи / В. Пукиш // Официальный сайт Кубанского филиала газеты «Аргументы и факты» URL.: <http://www.kuban.aif.ru/society/details/100676> (дата обращения – 30.03.2016).
56. Рапортуем Первомаю; Весенние радости // Сельская новь. – 1971. – № 54. – 1 мая. – С. 2–3.
57. Родионов, А. Бригадиру бригады № 2 колхоза «Восток» А. Л. Петросяну – 70 лет / А. Родионов // Сельская новь. – 2002. – № 9. – 24 января.

- С. 1.
58. Он же. Дорогие земляки // Сельская новь. – 2002. – № 50. – 30 апреля. – С. 1.
59. Рождественское поздравление жителям Усть-Лабинского района // Сельская новь. – 2002. – № 2. – 5 января. – С. 1.
60. Рукотворная сила гектара // Сельская новь. – 1971. – № 1. – С. 2.
61. Рыжкова, Е. Горячие дни Горячего Ключа / Е. Рыжкова // В Законодательном собрании края. – 2005. – № 8. – С. 4.
62. С первых дней Нового года – высокие темпы // Сельская новь. – 1963. – № 2. – 3 января. – С. 1.
63. «Сельской нови» отвечают // Сельская новь. – 1975. – № 92. – 19 июля. – С. 1.
64. Семенов, Г. Я помню первые маевки / Г. Семенов // Сельская новь. – № 55. – 1 мая. – 1963. – С. 3.
65. Семья Юрьевых. Где электроэнергия? / Семья Юрьевых // Сельская новь. 1975. № 87. 6 июня. С. 2.
66. Соколова, К. В честь 100-летия Краснодарского почтамта выпустили 1 млн памятных конвертов / К. Соколова // Официальный сайт ГТРК «Кубань». URL.: <http://kuban24.tv/item/krasnodarskiy-pochtamt-v-chest-100-letiya-vyipustil-1-mln-pamyatnyih-konvertov-136504> (дата обращения – 24.05.2017).
67. Станица Каневская Краснодарского края превращается в большую свалку // Информационный портал 5-tv.ru. URL.: <http://www.5-tv.ru/news/103518/> (дата обращения – 25.04.2017).
68. Турашова, О. Всем миром, всем хутором / О. Турашова // Официальный сайт газеты «Сельская жизнь». URL.: <http://www.v-life.ru/index.php?area=news&id=4660> (дата обращения – 25.11.2018).
69. Турчанинова, В. Атмосфера большого праздника / В. Турчанинова // Сельская новь. – 1971. – № 134. – 6 ноября. – С. 4.
70. Ударным трудом отметим Первомай! // Сельская новь. – 1963. – № 55. – 1 мая. – С. 1.
71. Христос воскрес! // Проблеск. – 1918. – № 31. – 5 мая. – С. 1.
72. Цифры и факты // Таманец. – 1979. – № 10. – 23 января. – С. 3.
73. Чазова, С. Под всевидящим оком камер / Чазова С. // Официальный сайт газеты «Сельская жизнь». URL.: <http://www.v-life.ru/index.php?area=news&id=4587> (дата обращения – 31.11.2018).
74. Она же. Сход граждан: проблемы общие, решения совместные / С. Чазова // Официальный сайт газеты «Сельская жизнь». URL.: <http://www.v-life.ru/index.php?area=news&id=4638> (дата обращения – 25.11.2018).
75. Червякова, А. Николай Бондарь / А Червякова // Информационный портал «Юга». URL.: <http://people.yuga.ru> (дата обращения – 30.03.2016).
76. Черных, Л. Рождественское послание / Л. Черных // Сельская новь. – 1997. – № 2. – 7 января. – С. 1.
77. Чурикова, Н. Трудности преодолены / Н. Чурикова // Сельская жизнь. – 2007. – № 25. – 1 марта. – С. 1.
78. Шварцман, Н. «Я знаю, городу весть!» / Н. Шварцман // Кубанские новости. – 2004. – № 130. – 13 августа. – С. 15.
79. Шведова, Н. У ТОСов дел невпроворот / Н. Шведова // Сельская жизнь.

– 2007. – № 43. – 12 апреля. – С. 1.

80. Она же, Шагинян О. Прабабушкино платье / О. Шагинян // Сельская жизнь. – 2007. – № 42. – 10 апреля. – С. 2.

81. Яковенко, И. Подарок / И. Яковенко // Таманец. – 1966. – № 2. – 4 января. – С. 1.

Полевые материалы Кубанской Фольклорно-этнографической экспедиции

1. ПМ КФЭЭ – 1989. АК 108. Инф.: Трегуб В. Т., 1908 г. р., Трегуб О. И. 1911 г.р. Иссл. Ермоленко И. Н., Широнин С. В.

2. ПМ КФЭЭ – 1991. АК 148. Ст. Махосhevская Мостовского р-на. Инф.: Журавлева Н. Г., 1912 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.

3. ПМ КФЭЭ – 1991. АК 148. ст. Баговская Мостовского р-на. Инф.: Попов К. С., 1907 г. р. Иссл.: Мануйлов А. Н.

4. ПМ КФЭЭ – 1991. АК 172, ст. Баракаевская Мостовского р-на. Инф.: Брынза З. С., 1906 г. р. Иссл.: Сук А. В.

5. ПМ КФЭЭ – 1991. АК173. Ст. Баракаевская Мостовского р-на. Инф.: Рабалко В. В., 1910 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.

6. ПМ КФЭЭ – 1992. АК 211. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Кирьянова Д. Г., 1906 г. р. Иссл.: Горбань А. Е.

7. ПМ КФЭЭ-1992. АК 217. Х. Левченко. Инф.: Самохвалова Ф. Ф. Иссл.: Чмырева И. Ю.

8. ПМ КФЭЭ – 1992. АК 230. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Лысак Ф. К., 1907. Иссл.: Шептун С. В.

9. ПМ КФЭЭ – 1992. АК 231. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Садиловская Е. М., 1909 г. р. Иссл.: Шептун С. В.

10. ПМ КФЭЭ – 1992. АК 244, ст. Платнировская Кореновского р-на. Березанская. Инф.: Куценко П. Г., 1906 г. р.; Шевченко И. И. 1910 г. р. Иссл.: Горбань А. Е.

11. ПМ КФЭЭ – 1992. АК 238. Ст. Березанская. Инф.: Проскура А. Н., 1901 г. р. Иссл.: Горбань А. Е., Зуб Е. В.

12. ПМ КФЭЭ-1992. АК 244. Ст. Платнировская Кореновского р-на, ст. Березанская. Инф.: Боуман М. Ф., 1915 г. р.; Бондаренко М. С., 1915 г. р.; Фисенко И. С., 1910 г. р. Иссл.: Горбань А. Е., Зуб Е. В.

13. ПМ КФЭЭ – 1992. АК 280. ст. Старолеушковская. Инф.: Ткач Е. В., 1914 г. р. Иссл.: Горбань А. Е.; Чмырева И. Ю.

14. ПМ КФЭЭ-1992. АК 312. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Карпенко М. Т. Иссл.: Раевская.

15. ПМ КФЭЭ-1992. АК 316. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Сидоренко М. Г., 1906 г. р. Иссл.: Митина.

16. ПМ КФЭЭ-1992. АК 343. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Ткаченко К. Е., 1921 г. р. Иссл.: Чмырева И. Ю.

17. ПМ КФЭЭ-1992. АК 355, ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Инф.: Шاپовал Л. Н.

18. ПМ КФЭЭ-1992. АК 356. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Инф.: Ищенко К. Д., 1900 г. р.

19. ПМ КФЭЭ – 1993. АК 461. Ст. Севастопольская Майкопского р-на Респ. Адыгея. Инф.: Зайко В. В. 1925 г. р.; Синко В. Н., 1927 г. р.; Головкина Т. Н., 1931 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.

20. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 673. Ст. Гривенская Калининского р-на. Инф.: Плаксий Е. Я., 1932 г. р.; Плаксий З. А., 1991 г. р. Иссл.: Румянцева Г. В.; Бахмет Ю. Н.
21. ПМ КФЭЭ – 1994. А/К № 686. Ст. Гривенская Калининского р-на. Инф.: Чернявская К. Н., 1905 г. р. Иссл.: Мануйлов А. Н.
22. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 687. Ст. Гривенская Калининского района. Инф.: Калугин С. И., 1907 г.р. Иссл.: Самовтор С. В.
23. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 688. Ст. Гривенская. Инф.: Похитон М. И., 1927 г. р. Иссл.: Зуб Е. В.
24. ПМ КФЭЭ – 1995. АК № 699. Х. Лебеди Калининского р-на. Инф.: Головченко Б. С., 1928 г. р. Иссл.: В. Д. Фролков.
25. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 759. Ст. Черноерковская Славянского р-на. Инф.: Шапарь П. Ф., 1912 г. р. Иссл.: Самовтор С. В.
26. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 764. Ст. Петровская Славянского р-на. Инф.: Заяц А. К. Иссл.: М. Кочетов.
27. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 681. Ст. Гривенская, Инф.: Короткая Н. В., 1908 г. р. Иссл.: Мануйлов А. Н.
28. ПМ КФЭЭ – 1995. АК № 784. Ст. Новодмитриевская Северского р-на. Инф.: Бессонный А. С., 1907 г. р. Иссл.: Самовтор С. В.
29. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 687. Ст. Гривенская. Инф.: Калугин С. И., 1907 г. р. Иссл.: Самовтор С. В.
30. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 789. Ст. Новодмитриевская Северского р-на. Инф.: Оленникова И. Е. Иссл.: Сытенко Д.
31. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 812. Ст. Калужская Северского р-на. Инф.: Павленко И. С., 1907 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
32. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 813. Ст. Калужская Северского р-на. Инф.: Колесник Н. Ф., 1908 г. р. Иссл.: Самовтор С. В.
33. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 872. Пос. Ильский Северского р-на. Инф.: Кадухина А. С., 1932 г. р. Иссл.: Пьянкова Н. А., Бахмет Ю. Н.
34. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 885. Пос. Львовский Северского р-на. Инф.: Кадухина А. С., 1932 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
35. ПМ КФЭЭ – 1995. АК 929. Хут. Новонекрасовский Приморско- Ахтарского рна. Инф.: Слюсаренко Г. Д. Иссл.: Мануйлов А. Н., Сень Д. В.
36. ПМ КФЭЭ – 1996. АК 937. Ст. Новорождественская Тихорецкого р-на. Инф.: Сивцов И. С., 1903 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
37. ПМ КФЭЭ – 1996. АК 985. Ст. Фастовецкая Тихорецкого р-на. Инф.: Базгин И. И., 1923 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
38. ПМ КФЭЭ – 1996. АК 1044. Ст. Архангельская Тихорецкого р-на. Инф.: Мешков Г. А., Пелипенко В. Ф. Иссл.: Матвеев О. В.
39. ПМ КФЭЭ – 1996. АК 1045. Ст. Архангельская Тихорецкого р-на. Инф.: Пелипенко В. Ф. Иссл.: Матвеев О. В.
40. ПМ КФЭЭ – 1996. АК № 1045. Ст. Архангельская. Инф.: Курский П. М., 1903 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
41. ПМ КФЭЭ-1996. А\К 1071 (1). Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: В. М. Гордеенко, 1913 г. р., 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
42. ПМ КФЭЭ-1996. А\К 1071 (2). Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: С. В. Гряда, 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.

43. ПМ КФЭЭ-1996. А\К 1072. Ст. Удобная. Отрадненского р-на. Инф.: С. В. Гряда, 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
44. ПМ КФЭЭ-1996. А\К 1073. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: Онищенко Г. Т., 1909 г. р.. Иссл.: Матвеев О. В.
45. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1073. Ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: Стасенко С.А., 1916 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.
46. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1075. ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: Портянка К.Е., 1921 г.р. Иссл.: Богатырь Н.В.
47. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1075. ст. Удобная Отрадненского р-на. Инф.: Сулавко Ф.А., 1907 г. р. Иссл.: Богатырь Н. В., Чубова Е. И.
48. ПМ КФЭЭ-1996. А\К 1080. Ст. Удобная. Инф.: А. С. Федоренко, 1913 г. р. Иссл.: Богатырь Н. В., Чубова Е. И.
49. ПМ КФЭЭ-1996. АК 1094. Ст. Удобная. 1910 г.р, Кущенко А.Г., 1908 г.р.. Иссл.: Капышкина С. Ю., Самарская А.
50. ПМ КФЭЭ – 1996. А\К № 1158. Х. Кисловодский Отрадненского р-на. Инф.: Колесников П. Г., 1924 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
51. ПМ КФЭЭ – 1996. А\К №1184, ст. Надежная Отрадненского р-на. Инф.: Петренко В. П., 1918 г. р. Иссл.: Воронин В. В.; Богатырь Н. В.
52. ПМ КФЭЭ – 1996. А\К № 1202. Ст. Передовая Отрадненского р-на. Инф.: Красиков И. Г. 1910 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
53. ПМ КФЭЭ – 1997. А\К № 1244. Ст. Темиргоевская Курганинского р-на. Инф.: Кролев П. Е., 1904 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
54. ПМ КФЭЭ – 1997. А\К № 1292. Ст. Константиновская Курганинского р-на. Инф.: Мушников И. И., 1907 г. р.; Мушникова Р. Г., 1900 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
55. ПМ КФЭЭ – 1998. А\К №1601. Ст. Сторожевая Зеленчукского р-на КЧР. Инф.: Бережной В. В. Иссл.: Матвеев О. В.
56. ПМ КФЭЭ – 98. А\К №1662. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-на. Инф.: Могильный М. Я., 1898 г. р.. Иссл.: Матвеев О. В.
57. ПМ КФЭЭ – 1998. А\К № 1663. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-на КЧР (Карачаево-Черкесской Республики). Инф.: Могильный М. Я., 1898 г. р., Иссл.: Матвеев О. В.
58. ПМ КФЭЭ – 1998. А\К №1664. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-на. Инф.: Могильный М. Я, 1898 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
59. ПМ КФЭЭ – 1998. А\К №1665. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-на. Инф.: Плотникова М. Я., 1907 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
60. ПМ КФЭЭ – 1998. А\К № 1666. ст. Кардоникская Зеленчукского р-на. Инф.: Бутов И. И., 1928 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
61. ПМ КФЭЭ – 1999. АК 1830. Ст. Расшеватская Новоалександровского р- на Ставропольского края. Инф.: Маковкин И. И., 1913 г. р.; Павлов П. И., 1909 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
62. ПМ КФЭЭ – 2001. АК 2327. Ст. Челбасская. Инф.: Беда П. И. Иссл.: Матвеев О. В.
63. ПМ КФЭЭ – 2001. АК 2328. Ст. Челбасская Каневского р-на. Инф.: Шинкаренко Г. Ф., 1913 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
64. ПМ КФЭЭ – 2004. АК 3052. Ст. Староджерелиевская Каневского р-на. Инф.: Задорожний П. В. 1938 г. р. Иссл.: Рыбко С. Н., Кузнецова И. А.

65. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 3089. Ст. Саратовская Горячеключевского р-на. Инф.: Хорольская В.Ю., 1914 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
66. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3092. Ст. Бакинская Горячеключевского р-на. Инф.: Згура Н. Н., 1926 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
67. ПМ КФЭЭ-2004. АК 3107. Ст. Вышестеблиевская Темрюкского р-на, Инф.: Филипенко Н. В., 1929 г. р.
68. ПМ КФЭЭ-2004. АК 3123. Ст. Вышестеблиевская Темрюкского р-на, Инф.: Кривонос Я. А., 1922 г.р., Якименко А. С., 1916 г. р., Якименко Я. С., 1923 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
69. ПМ КФЭЭ-2004. АК 3123. Ст. Вышестеблиевская Темрюкского р-на, Инф.: Якименко Ф. С., 1923 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
70. ПМ КФЭЭ – 2004. АК 3124. Ст. Вышестеблиевская. Инф.: Черненко М. Я., 1923 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
71. ПМ КФЭЭ – 2004. АК 3135. Ст. Запорожская Темрюкского р-на. Инф.: Харченко А. А., 1928 г.р. Иссл.: Матвеев О. В.
72. ПМ КФЭЭ-2004. АК 3138. Ст. Ахтанизовская Темрюкского р-на. Инф.: Чуб С. И., 1928 г. р.
73. ПМ КФЭЭ– 2004. АК 3174. Ст. Запорожская Темрюкского р-на. Инф- т.: А. А. Харченко,1928 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев.
74. ПМ КФЭЭ– 2004. АК 3174. Ст. Запорожская Темрюкского р-на. Инф- т.: Г. С. Харченко (1928 г. р.). Иссл.: Г. В. Холстинина.
75. ПМ КФЭЭ – 2005. АК 3215. Ст. Новоивановская Новопокровского р- на. Инф.: Когадий И. П., 1914 г. р., Иссл.: Матвеев О. В.
76. ПМ КФЭЭ – 2006. АК 3633. Ст. Губская Мостовского р-на. Инф.: Двойникова Е. Д., 1921 г. р. Иссл.: Зудин А. И.
77. ПМ КФЭЭ – 2006. АК 3677. Ст. Саратовская Горячеключевского р-на. Инф.: Василенко М. П., 1916. г. р. Иссл.: Зудин А. И.
78. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3693. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Гасан В. Л.,1928 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
79. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3695. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф – Лютый В. Н., 1938 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
80. ПМ КФЭЭ-2007. АК № 3695. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Лютая З. Д. 1938 г.р. Иссл.: Бондарь Н. И..
81. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3700. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Кукоба Л. В., 1926 г. р. Иссл.: Воронин В. В.
82. ПМ КФЭЭ-2007-1. АК № 3708. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Логвин М. Г., 1929 г. р.; Логвин М. Е., 1928 г. р. Иссл.: А. И. Зудин.
83. ПМ КФЭЭ-2007-1. АК № 3708. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.:Логвин М. Г., 1929 г. р. Иссл.: А. И. Зудин.
84. ПМ КФЭЭ – 2007. АК№ 3715. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Дубинина Т. Н., 1919 г. р.; Заколюжный И. И., 1941 г. р. Иссл.: Кузнецова И. А.
85. ПМ КФЭЭ-2007. АК № 3722. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Лысенко Т. С., 1927 г. р. Иссл.: Дианова Н. Ф..
86. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3724. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Минцова Е. П., 1918 г. р. Иссл.: Дианова Н. Ф.

87. ПМ КФЭЭ-2001. АК 3754. Ст. Раздольная Кореновского р-на. Инф.: Левченко Н. Я., 1927 г. р. Иссл.: Н. Ф. Дианова.
88. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3774. Х. Казачий Малеванный. Инф.: Диденко Г. А., 1918 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
89. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 3901. Ст. Бакинская Горячеключевского р-на. Инф.: История Бакинской школы и станицы (чтение рукописи). Иссл.: Матвеев О. В.
90. ПМ КФЭЭ – 2008. АК №3904. Ст. Бакинская. Инф.: Петько А. Д., 1924 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
91. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 3912. Ст. Бакинская Горячеключевского р-на. Инф.: Китюх Г. И., 1927 г. р. Иссл.: Зудин А. И.
92. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3923. Ст. Бакинская Горячеключевского р-на. Инф.: Василенко И. А., 1930 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
93. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3923. Ст. Бакинская Горячеключевского р-на. Инф.: Калько М. И., 1929 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
94. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3940. Ст. Бакинская Горячеключевского р-на. Инф.: Лазаренко В. Н., 1939 г. р. Иссл.: Жиганова С. А.
95. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3950. Ст. Суздальская Горячеключевского р-на. Инф.: Сандальчиди Н. М., 1940 г. р. Иссл.: Зудин А. И.
96. ПМ КФЭЭ-2008. АК №3959. Ст. Суздальская Горячеключевского р-на. Инф.: Белобородова В. П., 1933 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
97. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 3961. Ст. Суздальская Горячеключевского р-на. Инф.: Ждан Н. Е., 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
98. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3962. Ст. Суздальская Горячеключевского р-на. Инф.: Бабинян М. Б., 1928 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
99. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3962. Ст. Суздальская Горячеключевского р-на. Инф.: Семенова А. И., 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
100. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3976. Ст. Саратовская Горячеключевского р-на. Инф.: Вереса Е. К., 1918 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
101. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3980. Ст. Саратовская Горячеключевского р-на. Инф.: Кислова М. А. 1927 г. р. Иссл.: Воронин В. В.
102. ПМ КФЭЭЭ – 2008. АК 3987. Ст. Саратовская Горячеключевского р-на. Инф.: Андриянова А. Я., 1935 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
103. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 3994. Ст. Саратовская Горячеключевского р-на. Инф.: Касаева Л. П., 1926 г. р. Иссл.: Кузнецова И. А.
104. ПМ. КФЭЭ – 2008. АК 4026. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Руденко М. Т. 1923 г. р., Иссл.: Васильев И. Ю.
105. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4027 (1). Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Беднов В. А., 1936 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
106. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4027 (2). Ст. Тенгинская. Инф.: Руденко А. Т, 1924 г.р. Иссл.: Васильев И. Ю.
107. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 4028. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Беднов В.А., 1936 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
108. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4030. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Фетисов В. Д., 1935 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
109. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4031. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Радченко Г. Г., 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

110. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 4055. Ст. Новолабинская. Инф.: Самородова Р. Д., 1922 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
111. ПМ КФЭЭ– 2088. АК 4057. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на, Инф.: Сопелкина М. П., Иссл.: Васильев И. Ю.
112. ПМ КФЭЭ– 2008. АК 4059. Ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Кравченко М. А., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И. Ю.
113. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4059. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на, Инф.: Протасова Р.С., 1936 г. р. И. Ю. Васильев.
114. ПМ КФЭЭ – 2008. АК. 4072. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. ИнФ.: И. И. Бунин, 1928 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев.
115. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4073. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на Краснодарского края, Инф-т.: Кузнецов А. Н, атаман станичного казачьего общества. Иссл: Матвеев О. В.
116. ПМ КФЭЭ– 2008. АК. 4089. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на Краснодарско края. Инф.: Протасова Р. С., 1936 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
117. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4090 (1). Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на, Инф.: Бондарев Н. П, 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
118. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4090 (2). Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на, Инф.: Бондарева Д. А., 1929 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
119. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 4091, ст. Некрасовская. Инф.: Бондарев Н.П. 1924 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
120. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 4093. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Калугин В. А., 1914 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
121. ПМ КФЭЭ-2009. АК 4109. Ст. Чамлыкская Лабинского р-на. Ленцов В. И., 1926 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
122. ПМ КФЭЭ-2009. АК 4109. Ст. Чамлыкская Лабинского р-на. Писаренко Р. И., 1940 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
123. ПМ КФЭЭ – 2010 АК 4165. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Ткаченко Н. Г., 1936 г. р.
124. ПМ КФЭЭ 2009. АК 4168. Ст. Владимирская Лабинского р-на. Инф.: Гречко И. С., 1927 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
125. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4177. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Фоменко А. П., 1930 г. р. Иссл.: Зудин А. И.
126. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4182. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Проценко Н. Г., 1936 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
127. ПМ КФЭЭ-2010-1. АК 4182. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Проценко Н. Г., 1936 г. р.; Проценко Н. В., 1939 г. р.
128. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4183. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Шестуха Л. Г., 1942 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
129. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4201. Ст. Сергиевская Кореновского р-на. Инф.: Фурса А. М, 1937 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
130. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4208. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Бенедюк С. С., 1920 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев.
131. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4209. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Гришко С. П., 1927 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
132. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4216. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Мизин Г. П., 1923 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.

133. ПМ КФЭЭ – 2010. АК № 4217. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Гришко С. П., 1927 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
134. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4219. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Прима Н. А., 1927 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
135. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4222. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Мажневская В. Г., 1937 г. р. Иссл.: Бондарь Н. И.
136. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4226. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Жолтик А. Н., 1935 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
137. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4229. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Носатов М. Г., 1946 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
138. ПМ КФЭЭ-2010-2, АК 4236. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Мошнагорский В. А., 1940 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
139. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4237. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Радченко И. М., 1938 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
140. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4238. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Горбачев И. А., 1927 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
141. ПМ КФЭЭ-2010-2. АК 4239; Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Кацеба Е. Г., 1926 г. р. Иссл.-ль: Васильев И. Ю.
142. ПМ КФЭЭ – 2008. АК 4243. Ст. Имеретинская Горячеключевского р- на. Инф.: Терентьев Н. Г., 1928 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
143. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4249. Ст. Имертинская Горячеключевского р-на. Инф.: Ектова П.С., 1927 г. р. Иссл.: Воронин В. В.
144. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4252. Ст. Имеретинская. Инф.: Ткачев П. М., 1913 г. р. Шеремет А. П., 1947 г. р.; Иссл.: Матвеев О. В.
145. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4253. Ст. Имеретинская Горячеключевского р- на. Инф.: Терентьев Н. Г., 1928 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
146. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4257. Ст. Имеретинская Горячеключевского р- на. Инф.: Андреева В. Н., 1921 г. р. Иссл.: Рыбко С. Н.
147. ПМ КФЭЭ – 2010. АК 4263. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на Инф.: Гапченко И. К., 1926 г. р. Иссл.: Васильев И. Ю.
148. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4264. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Инф.: Твердохлебова А. Ф., 1935 г. р. Иссл.: И. Ю. Васильев.
149. ПМ КФЭЭ – 2001. Видеокассета № 96/1. Ст. Каневская. Инф.: Святка Н. П. Иссл.: Матвеев О. В.
150. ПМ КФЭЭ-2017. Аудиотрек (далее – АТ) Гол2. Ст. Голубицкая Темрюкского р-на. Инф.-т.: В. Ф. Штеба, 1933 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев.
151. ПМ КФЭЭ – 2016. АТ Жел1. Х. Железный Усть-Лабинского р-на. Инф.: Еременко Т. Д. 1934 г. р. Иссл.: Зудин А. И.
152. ПМ КФЭЭ – 2016. АТ Кирп13. Ст. Кирпильская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Кравченко И. Н., 1941 г. р., Иссл.: Матвеев О. В., Зудин А. И.
153. ПМ КФЭЭ-2017. АТ Курч4. Ст. Курчанская Темрюкского р-на. Инф.-т.: В. Л. Петренко, 1937 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.
154. ПМ КФЭЭ – 2017. АТ. Курч15. Ст. Курчанская Темрюкского р-на. Инф.: А. В. Жигайло, 1938 г. р. Иссл.: О. В. Матвеев.
155. ПМ КФЭЭ-2017. АТ Стар9. Ст. Старотитаровская Темрюкского р-на Краснодарского к-я. Инф.: Арищенко С. Ф., 1925 г. р., Иссл.: Матвеев О. В.

156. ПМ КФЭЭ-2017. АТ Стар20-21. Ст. Старотитаровская Темрюкского р- на. Инф.: Н. В. Варнавская, (1950 г. р.). Иссл.: О. В. Матвеев.

157. ПМ КФЭЭ –2015. АТ Черн16. Ст. Черноморская Горячеключевского р- на. Инф.: Варавва Н. А., 1933 г. р. Иссл.: Матвеев О. В.

Архивные материалы

1. Государственный архив Краснодарского края (далее –ГАКК). Ф. Р – 101. Оп. 2. Д. 3. Л. 5, 6, 23.
2. ГАКК. Ф. Р – 101. Оп. 2. Д. 5. Л. 3, 6.
3. ГАКК. Ф. Р – 102. Оп. 1. Д. 406. Л. 2.
4. ГАКК. Ф.Р – 382. Оп. 1. Д. 112. Л. 112.
5. ГАКК. Ф. Р – 411. Оп. 2. Д. 206 Л. 30.
6. ГАКК. Ф. Р – 586. Оп. 1. Д. 290. Л. 5– 16.
7. ГАКК. Ф. Р – 586. Оп. 1. Д. 654. Л. 15.
8. ГАКК. Ф. Р – 586. Оп. 1. Д. 657. Л. 3, 6.
9. ГАКК. Ф. Р – 611. Оп. 1. Д. 4. Л. 45.
10. ГАКК. Ф. Р – 611. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 – 5.
11. ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 34. Л. 28, 32.
12. ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 68. Л. 1 – 2.
13. ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 4. Д. 128. Л. 32.
14. ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 1. Д. 932. Л. 593 – 595.
15. ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1091. Л. 3об – 4.
16. ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1092. Л. 2.
17. ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 1819. Л. 405, 81 об.
18. ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1221. Л. 2 –3.
19. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 1330 а. Л. 337 – 347.
20. ГАКК. Ф. Р – 897. Оп. 1. Д. 11.
21. ГАКК. Ф. Р – 1176. Оп. 1. Д.1. Л. 136, 142, 143.
22. ГАКК. Ф. Р – 1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
23. ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 4. Д. 128. Л. 32.
24. ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 4. Д. 220. Л. 45-46.
25. ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 4. Д. 282. Л. 102-105.
26. ГАКК. Ф. Р– 1622. Оп.1. Д. 313. Л. 5.
27. ГАКК. Ф. Р – 1622. Оп. 1. Д. 318. Л. 1, 6.
28. ГАКК. Ф. Р – 1626. Оп. 3. Д. 404. Л. 4 а, 5 об. 8 об, 33, 40.
29. ГАКК. Ф. Р. – 1519. Оп. 2. Д. 241. Л. 86.
30. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д. 242. Л.5.
31. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д.285. Л. 20.
32. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д.285. Л. 92.
33. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д. 242. Л. 92 – 92 об.
34. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д. 242. Л. 91.
35. ГАКК. Ф. Р. – 1519. Оп. 2. Д. 241. Л. 2 – 2об.
36. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д. 312. Л. 192 – 193.
37. ГАКК. Ф. Р – 1519. Оп. 2. Д. 242. Л. 91.
38. Центр документации новейшей истории Краснодарского края далее – ЦДНИКК). Ф. 1369. Оп. 1. Д. 117. Л. 1 –2.

39. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д. 245. Л. 1а.
40. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д. 293. Л. 1 – 3.
41. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д. 381. Л. 2об.
42. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д. 479. Л. 1.;
43. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д. 536. Л. 2, 9 об.
44. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 2. Д. 22. Л. 10.
45. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 2. Д. 24. Л. 15.
46. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 3. Д. 20. Л. 1.
47. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 4. Д. 14. Л. 3.
48. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 5. Д. 44. Л. 5, 8, 10.
49. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 7. Д. 9. Л. 18.
50. ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 7. Д. 34. Л. 12.
51. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 110. Л. 3.
52. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 134. Л. 3.
53. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 138. Л. 21, 25, 26.
54. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 141. Л. 1.
55. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 155. Л. 1, 2.
56. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 161. Л. 3.
57. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 184. Л. 1, 2, 6, 8.
58. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 200. Л. 1, 1 об, 2.
59. ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 251. Л. 6
60. Архив Научно–исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУ КК «Кубанский казачий хор» (рукописный фонд). Оп. 12. Д. 1 – 56.

Материалы личного архива И. Ю. Васильева

Результаты анкетирования «Знание о памятниках, посвященных Великой Отечественной войне, на Северном Кавказе», 2015 год, анкеты №1 – 44, исследователь Баранов А. В.
 Результаты анкетирования «Знание о памятниках, посвященных Великой Отечественной войне, на Северном Кавказе», 2015 год, анкеты №1 – 46, исследователи Майгур Н. В., Купавская А. А., Лободырева Н. Ф.

Краеведческие публикации

1. Алексеева, Н. М. Марьянская: история, события, судьбы / Н. М. Алексеева. – Краснодар: ЭДВИ, 2012. – 112 с.
2. Бойко, И. К. Родная Плоская – России уголок /И. К. Бойко. – Краснодар: Книга, 2016 – 192 с.
3. Бойко И. К. Этапы большого пути: к 90-летию Новопокровского района / И. К. Бойко. – Краснодар: Книга, 2015. 170 с.
4. Громов, В. Страницы истории хутора Свободного и его православной общины / В. Громов // Родная Кубань. – 2013. – № 4. – С. 3–13.
5. Забазнов, А. Н. Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794–2000 гг. / А. Н. Забазнов. – Усть-Лабинск: Кириллица, 2010. – 131 с.
6. Забазнов, А. Н., Савенко, С. М. Усть-Лабинск. Историко-краеведческие очерки 1794–2014 гг. 220 лет / [авт.-сост.: Забазнов А. Н., Савенко С. М., Карасева Т. В.]. – Краснодар: Традиция, 2015. – 295 с.

7. Кияшко, Н. История Свято-Никольского храма пос. Ильского / Н. Кияшко // Родная Кубань. – 2015. – № 1. – С. 4–15.
8. Котенко, Е. Наша Нонна / Е. Котенко // Родная Кубань. – 2016. – № 2. – С. 104 – 130.
9. Кочериди, Ю. Д. Греки в истории Кубани [Текст] / [Ю. Д. Кочериди]. – Краснодар: Книга, 2011. – 545 с.
10. Салошенко, В. Н. Председатели и губернаторы: Взаимосвязь времен, или Судьбы, жизнь и деятельность пред. Краснодар. крайисполкома, гл. адм. (губернаторов) Кубани за 65 лет – с 1937 по 2002-й. / В. Н. Салошенко. – Краснодар.: Северный Кавказ, 2002. – 878 с.
11. Спустя годы Станица Ленинградская (Уманская) // Родная Кубань. – 2013. – № 4. – С. 98 – 99.
12. Сылко, С. В. История станицы Воронежской Усть-Лабинского района Краснодарского края: Хронология. Факты. События. Комментарии, 1804– 2004: [200 лет] / [авт.-сост.: Сылко С. В.]. – Майкоп.: Качество, 2004.– 182 с.
13. Тер, В. Подвиг выживания / В. Тер // Родная Кубань. – 2013. – № 4. – С. 56 – 97.
14. Тимченко, М. О лихом герое, об Андрее Рое... / М. Тимченко // Родная Кубань. – 2006. – № 1. – С. 82–90.
15. Ткаченко, П. И. Встретимся на том свете или возвращение Рябокonia / П. И. Ткаченко // Солёная подкова. Авторский литературно- публицистический альманах Петра Ткаченко. – М.: Алекс, 2007. Вып. 2. – С. 59–250.
16. Он же. Этот таинственный Рябокonia / П. И. Ткаченко // Солёная подкова. Авторский литературно-публицистический альманах Петра Ткаченко. – М.: ООСТ, 2006. Вып. 1. С. 241.

Мемуары

17. Бекхофер, К. Э. В деникинской России и на Кавказе / К. Э. Бекхофер // Родная Кубань. – 2017. – № 4. – С. 96 – 99.
18. Воляняк, П. Кубань – земля казачья / П. Воляняк // Воляная Кубань.– 2002. – № 3. – С. 76–94.
19. Коржевская, В. И. Вместе с веком / В. И. Коржевская // Родная Кубань.– 2005. – № 2. – С. 112–138.
20. Самусь, Т. История одной жизни (военный дневник Маргариты Стребейко) / Т. Самусь // Родная Кубань. – 2005. – № 1. – С. 25– 44.
21. Смирнов, С. П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отраденцах 1920-х – 1930-х гг. / С. П. Смирнов. – М., Изд. Надыршин С. Г. 2018. 144 с.

Методическая литература по регулированию советской обрядности

1. Алексеев, Л. Я. Современные праздники и обряды в деревне / Л. Я. Алексеев. – М. : Профиздат, 1968. – 64 с.
2. В добрый путь, молодой хлебороб! (рекомендации по проведению праздника «посвящение в хлеборобы»). Краснодар, 1980.
3. Материалы Комиссии по советским традициям, праздникам и обрядам. Краснодар, 1980.
4. Методические указания по проведению праздника выпускников школ. Краснодар, 1980.
5. Приглашаем на праздник. Барнаул, 1974.

2. Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю / Сев.-Кавказ. краев. стат. упр-ние. Отд. переписи. – Ростов н/Д: гостип. им. Коминтерна Севкавполиграфтреста, 1929.
3. Сидоренко, А. Ф. Национальный состав населения Краснодарского края по данным Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. Госкомстат РСФСР. Краснодарское краевое управление статистики. / А. Ф. Сидоренко. – Краснодар.: ООП КУС. 1990. 118 с.
4. Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до окт. 1917 г. / Администрация Краснодар. края; Трехбратов Б. А. – Краснодар: «Эдви», 1997. – 557 с.